

СОВЕТСКИЙ И АБРИГАЦИОННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

В 1960

5904
R
K

12 № №. Цѣна 1 рубль.

Редакторъ-издатель Алексѣй АЛЬМЕДИНГЕНЬ.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

16242/44.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Умственное и нравственное воспитание.

	столб.
1. День изъ жизни Мордочки. Очеркъ <i>Отто Эрнста</i>	1
2. Нарушеніе дѣтскаго покоя. <i>Я. Напера</i>	28
3. Семья и воспитаніе въ Норвегіи. Д-ра <i>А. Виреніуса</i>	45, 96
4. О возможности совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Статья м-ра <i>Бэдлей</i>	65, 136
5. Рознь между родителями и дѣтьми. <i>Н. Лухмановой</i>	129
6. Мѣсто ребенка въ жизни. <i>Н. Лухмановой</i>	161
7. Дѣтскія развлеченія. <i>Н. Кошкиной</i>	175
8. Полгода жизни маленькаго человѣка. <i>Л. Леонидовой</i>	180, 228
9. Задачи развитія дѣтской рѣчи. Д-ра <i>А. Виреніуса</i>	191
10. Дѣтская чувствительность. <i>Я. Н-ра</i>	192
11. Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати. <i>В. Измайлова</i>	241 283, 382, 420, 453.
12. Что лучше въ цѣляхъ воспитанія: свѣтлая надежды родителей на дѣтей или родительская безнадежность? <i>Я. Н.</i>	253
13. Здоровыя условія умственного труда и вліяніе на него спиртныхъ напитковъ	260
14. О назначеніи женщинъ. Лекція д-ра <i>Шульце</i> . Пер. съ нѣм. 273,	316
15. Мои впечатлѣнія въ Вязьмѣ. <i>М. Безобразовой</i>	296
16. Два типа. <i>В. Поворинской</i>	305, 337
17. Неисправимыя дѣти. <i>Я. Екатеринославцева</i>	369
18. Роль географическаго атласа въ семейномъ воспитаніи. <i>Ф. Шубина</i>	376
19. Картинки изъ дѣтской жизни. <i>Н. Кошкиной</i>	401, 441
20. Дѣтская внушаемость. <i>Н.</i>	413
21. Школа и благотворительность. <i>Грига</i>	433
22. Самовнушеніе и притворство у дѣтей Д-ра <i>Р. Каца</i>	450

II. Физическое воспитание.

1. Врожденная слепота на слова, какъ причина неуспѣшности въ чтеніи. Д-ра <i>P. Каца</i>	209
2. Опасные для здоровья карандаши	262
3. Ослабленіе работоспособности послѣ заразныхъ болѣзней. А. В. .	262
4. Искривленія спины у дѣтей. Д-ра <i>A. Виренуса</i>	293
5. Опасные для глазъ карандаши. Д-ра <i>P. Каца</i>	329
6. Вредъ употребленія дѣтьми спиртныхъ напитковъ. Д-ра <i>A. Виренуса</i>	357
7. Одна изъ мѣръ борьбы съ дѣтской смертностью во Франціи Д-ра <i>A. Виренуса</i>	390

III. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи.

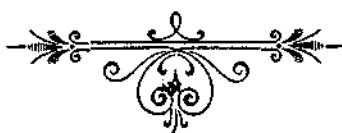
1. Библіографія 58, 117, 156, 206, 299, 332, 365, 394, 428, 466	
2. Почитать бы. Эльть	81
3. Поэзія Тютчева въ книгахъ Ушинскаго. А. Налимова	171
4. Произведенія Ан. П. Чехова, какъ дѣтское чтеніе. А. Налимова. .	222
5. Что брать у Лѣскова для хрестоматій? А. Налимова	349

IV. Протоколы засѣданій Родительского кружка.

111, 194, 238, 264

V. Изъ жизни.

1. Выставка „Дѣтскій Миръ“. В. Поворинской	36, 88, 150
2. Вопросы и отвѣты	203
3. Письмо изъ провинціи. А. Суперанская	233
4. Крыловская щука или „самъ себя высѣкъ“. Н. Познякова	359

Содер жаніе № 1.

1. День изъ жизни Мордочки. Оч. Отто Эрнста, перев. А. В.	1
2. Нарушеніе дѣтскаго покоя. Я. Напера	28
3. Выставка „Дѣтскій міръ“ В. Повошинской	36
4. Семья и воспитаніе въ Норвегіи. Д-рамед. А. Виренуса	45
5. Что читать детямъ?	58

День изъ жизни Мордочки.

Очеркъ Отто Эрнста.

Собственно говоря, ее зовутъ Росвитой, я же говорю всегда „Мордочка“. Дѣло въ томъ, что слово „Мордочка“ обозначаетъ не только ротикъ и носикъ, но цѣлое такое маленькое лицо, которое можно совершенно покрыть одною рукой. Нужно признаться: ей хорошо живется, этой маленькой барышнѣ! Уже съ самаго ранняго утра братя и сестры обступаютъ босикомъ ея кроватку — раньше, чѣмъ уйти въ школу, и любуются на ея сладкій сонъ, на полноту ея ручекъ и ножекъ, на свѣтлорусые волосики, на искусство даже во снѣ сосать большой пальчикъ. Когда она открываетъ глаза, она встрѣчаетъ взглядъ, полный любви и восхищенія; участъ, недоступная иногда высочайшимъ государственнымъ министрамъ и сановникамъ.

— Что такое? — Мордочка сонъ видѣла! — Мордочка сонъ видѣла? Ура, Мордочка видѣла сонъ! Такъ разскажи же, Мордочка, что ты такое видѣла!

Мордочка: — Я хотѣла въ Гамбургъ, и тамъ я хотѣла конфетъ купить! И

тогда я заблудилась, и наконецъ я пришла домой!

Ура, Мордочка наконецъ пришла домой! „Наконецъ“! Какое впечатлѣніе иногда производить такое маленькое слово! Цѣлое радостное утро. Въ особенности, если знать, что Гамбургъ — сособѣдная улица, гдѣ живетъ торговецъ леденцами.

Мордочекъ стоять только открыть ротъ — и вся ея аудиторія въ восторгѣ. Каждое оригинальное спряженіе производить такой эффектъ, котораго бы иной писатель тщетно добивался самыми изысканными оборотами рѣчи.

Нельзя сказать, что жизнь Мордочки не имѣла бы и темныхъ сторонъ. Каждое утро и въ эту жизнь вступаетъ стозубый долгъ, въ столь характерномъ для долга видѣ — гребенки! Пусть не смѣются надъ гребенкою, какъ надъ чѣмъ-то пустяшнымъ! Вы должны здесь считаться съ пропорціями и знать, что для ребенка гребенка то же самое, что для настъ — непріятный начальникъ съ обломанными и кривыми зубами! Маленька страданія для маленькихъ дѣтей то же самое, что большія страданія для настъ, большихъ дѣтей.

Какъ-то разъ Мордочка сидѣла на колѣняхъ матери и жмурила глазки подъ ея ласками, точно котенокъ на солнце.

— Милочка ты моя! сказала мать.

— Да-а, отвѣтила Мордочка съ убѣжденіемъ и прибавила съ довѣрчивымъ взглядомъ: — и ты меня не пошлешь по почтѣ? нѣтъ?

Жена моя сначала не поняла. Только потомъ она вспомнила, что за вѣсколько дней до этого, я изъ другого города написалъ ей: „Высыпай же мнѣ Мордочку по почтѣ!“ Моя жена прочитала дѣтския отрывки изъ письма, и Мордочка въ продолженіе этихъ дней боялась, чтобъ ее не послали по почтѣ.

Послѣ одѣванія и причесыванія Мордочка попадаетъ сегодня въ мои руки. Въ этой стадіи она мнѣ нравится меньше всего. Только что причесанный и приглажденный ребенокъ выглядѣть, какъ произведеніе искусства, улучшенное и передѣланное критикою. Но спустя полчаса, старательно приглажденные волосики начинаютъ оживляться и встаютъ тихо и осторожно, и какъ только они замѣтятъ, что гребенка ужъ больше не работаетъ — начинаютъ свой тихій, веселый и лукавый разговоръ съ вѣтеркомъ и солнышкомъ, и строгія складки высокаго искусства причесыванія исчезаютъ подъ естественными линіями волнистыхъ прядей. Все точь въ точь, какъ въ произведеніи искусства. Чѣмъ я, однако, не желаю отрицать права на существованіе критики... и частой гребенки.

Мой сегодняшній день принадлежитъ моей дочери Мордочки.

Вотъ какъ это случилось.

Какъ-то разъ Мордочка подошла къ моему письменному столу и сказала:

— Паппа, знаешь что? Будемъ вмѣстѣ играть въ мамму и дочку. Ты будешь дочка, а я буду мамма. И тогда ты будешь капризничать, и тогда ты получишь розги, но только въ шутку. Ну, да, пожалуйста!

— Но я теперь не могу съ тобою играть!

— Зачѣмъ нѣтъ?

— Потому что я долженъ работать.

— Почему ты долженъ работать?

Не надѣясь объяснить ей стремленіе души поэта къ творчеству, я воспользовался случаемъ для экономического объясненія и сказалъ:

— Мнѣ нужно заработать деньги.

— Для чего тебѣ нужно деньги заработать?

— Для того, чтобы купить вамъ чтоѣсть.

— У маммы есть чтоѣсть, кричить она:—въ чуланѣ! Много-много!

Это одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, противъ которыхъ нельзя спорить. Трехлѣтнимъ такъ легко быть всегда въ правѣ. Мучишься безпрестанно, чтобы добыть семью „насущный хлѣбъ“, а слава питателя остается за „маммой“.

Послѣ очень опасной паузы Мордочка снова начинаетъ разговоръ:

— Паппа, когда тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ совсѣмъ не нужно работать?

— Да этого я, право, не знаю. А тебѣ-то что, если мнѣ не нужно работать?

— Тогда я хочу весь день съ тобою играть!

Радостный блескъ ея глазокъ такъ подкупилъ меня, что я обѣщался посвятить ей скоро весь день. Само собою разумѣется, что на слѣдующее утро, въ 5 часовъ, меня разбудили дерганіе за бороду и за носъ. Мордочка стояла у кровати и спрашивала:

— Ты сегодня будешь играть со мною?

— Сегодня еще пѣть.

— Когда же?

— Скоро.

— Завтра?

— Посмотримъ. Можетъ-быть, завтра!

— Мамма, паппа хочетъ, можетъ-быть, завтра со мной играть!! Такимъ образомъ разбудили и „мамму“.

День изъ жизни Мордочки.

Мордочка отлично пріучала держать свое слово. Конечно, я во всякомъ случаѣ исполнить бы свое обѣщаніе. Я всегда держу слово, въ особенности дѣтамъ, и это потому, что какъ-то разъ одна милая и хорошая дама рассказала мнѣ маленьку исторію. Въ то время, когда эта милая и хорошая дама была еще маленькой, тоненькой дѣвочкой, въ скромный домъ ея родителей пріѣхалъ очень знаменитый и богатый дядя. Какой это былъ человѣкъ, и какой это былъ праздникъ! Такъ мило отнесся онъ ко всѣмъ, а вѣдь былъ такимъ знаменитымъ. Маленькую дѣвочку онъ взялъ къ себѣ на руки и сказаль ей: „Когда я опять къ вамъ пріѣду, ты получишь такую куклу, какую ты еще и не видывала!“ Потомъ этотъ дядя скрылся, какъ комета, и оставилъ за собою хвостъ блестящихъ воспоминаній, длиною въ семь недель.

Однако, прошло много больше времени, пока вернулась комета, и можно себѣ представить, какъ измѣнялась и росла въ этотъ промежутокъ кукла. Руки и ноги сдѣлались подвижными, она становилась все больше и больше, могла закрывать глаза совсѣмъ, какъ спящая, и въ одинъ прекрасный день она начала даже кричать, и если прислушаться, она ясно выговаривала: „мама, мама“. И черезъ годъ она могла уже ходить, и говорить, и есть, и не любила молочного супа и ничѣмъ больше не отличалась отъ обыкновенного человѣка; вѣдь это же была такая кукла, которую никто никогда еще не видалъ! И какія у нея были платья — прямо удивительно! Рубашки и панталончики съ кружевами! Нижняя шелковая юбка съ настоящимъ фру-фру. И платье по новѣйшей модѣ, съ узкой талией, съ

широкими рукавами и воланами. — И вотъ появился дядя. „Здравствуйте!“ — же могла выговорить маленькая дѣвочка. У нея какъ-будто что-то въ горлѣ засѣло, и только сияющіе глаза привѣтствовали дядю. Богатый и знаменитый дядя на этотъ разъ былъ опять очень миль ко всѣмъ, но и очень торопился; маленькая дѣвочка все время думала: гдѣ жъ у него можетъ быть кукла; для кармана она была слишкомъ велика! Но она была слишкомъ хорошо воспитана, что бѣ самой спросить про нее. Тутъ дядя подошелъ къ ней („вотъ теперь!“ — подумала маленькая дѣвочка), слегка похлопалъ ее по щекамъ, какъ-будто она никогда у него на рукахъ не сидѣла, сказаль „прощайте“ и ушелъ. Маленькой дѣвочкѣ показалось, что дядя ей прямо въ сердце ударилъ, такъ что оно не могло ужъ больше биться. Да, но какъ можетъ такая маленькая дѣвочка думать, что такому большому дядѣ не о чемъ другомъ заботиться, какъ только о куклахъ? У него въ головѣ кредитные акціи, и золотые пріиски, и итальянскіе посланники, — но куклы? И милая, хорошая дама, какъ ни мила и хороша она была, никогда уже больше не забыла этой куклы. И я ей уже тогда сразу сказаль и повторяю это и сегодня: если этотъ богатый и знаменитый дядя попадется мнѣ когда-нибудь въ руки — плохо ему будетъ!

Зима. На дворѣ ослѣпляющій блескъ снѣга, какъ-будто стѣною окружающей одинокій міръ. Послѣдній уголокъ квартирь освѣщается этимъ мирнымъ, сребристо-голубымъ свѣтомъ. Мы начинаемъ дивертисментъ игрою въ куклы, въ мать и ребенка, — альбою и омегою дѣтской игры дѣвочки. У Росвиты сегодня трое дѣтей: Урсула, Гедвига

и я. Мои сестры Урсула и Гедвига—куклы; но я не безъ основанія питаю ревнившую мысль, что онѣ сердцу Розиты по крайней мѣрѣ столь же близки, какъ и я! Въ особенности Урсула. Кукла возбуждаетъ мою зависть,—совершенно износившійся ребенокъ, теряющій при каждомъ движениі опилки, и со щеками, какъ старая бегемотовая кожа; ее предпочитаютъ мнѣ, обѣ этомъ я готовъ спорить; конечно, она чаще меня играла со своею мамою,—это, можетъ-быть, и причина тому! И теперь поставьте-ка какого-нибудь профессора передъ Мордочкой, и пусть онъ ей скажетъ: „кукла только изображеніе человѣка, но совсѣмъ не настоящій человѣкъ!“ Какъ, думаете вы, отвѣтила бы Мордочка, если бы она его вообще поняла? Она засмѣялась бы и отвѣтила бы: „Урсула совсѣмъ такой же человѣкъ, какъ ты!“

Когда нашему мальчику было всего 2—3 года, у него была кукла, носящая удобное для несложнаго механизма дѣтскаго языка название „Дадда“, и у этой куклы въ одинъ прекрасный день почему-то не было больше затылка. Моя жена хотѣла совсѣмъ удалить голову, но оказалось, что она крѣпко сидѣтъ на туловищѣ. Поэтому она ударила молоткомъ по головѣ, разбила ее, чтобы удалить ее кусками. Однако, она не замѣтила, что нашъ мальчикъ за нею наблюдалъ и, какъ только молотокъ опустился на голову Дадда, онъ испустилъ такой пронзительный крикъ, что мы смертельно испугались. Какъ изъ устъ взрослого прозвучалъ этотъ крикъ. Бѣдная жена, не подозрѣвая того, убила одушевленное существо. У Дадда была душа, теперь мы это поняли, которая не могла уйти черезъ большую дыру въ

затылкѣ, но которая пропала съ разбитіемъ головы.

Странно то, что первое дѣйствіе, которое Мордочка совершаешь надъ своими дѣтьми, состоять въ томъ, что она ихъ причесываетъ; да и вообще—это великая мысль уравновѣщающей справедливости, что самая непріятная процедура обращаются въ удовольствіе, коль скоро ихъ совершаешь надъ другими. И какъ возмущается эта маленькая мама, если „такія большія дѣвочки“, какъ Уреула и Гедвига, съ крикомъ сопротивляются совершенію туалета. Еще страннѣе то, что когда дѣло доходитъ до меня и я думаю примѣрнымъ поведеніемъ возбудить одобреніе строгой мамы, она становится серіозно-недовольной. „Нѣтъ, папочка, фу, ты тоже долженъ кричать!“ говоритъ она, разочарованная и возмущенная.

Я начинаю выть, какъ миѳоска, и замѣчаю, что даже такой благонравный ребенокъ, какъ Мордочка, находитъ гораздо болѣе интересною невоспитанность, чѣмъ благовоспитанность. Это можно наблюдать, когда дѣти играютъ въ школу. Сначала все идетъ въ самыхъ корректныхъ формахъ; потомъ какой-нибудь подвижной умъ становится непочтительнымъ, и классъ начинаетъ бунтовать; учительница пишетъ замѣчаніе за замѣчаніемъ; учитель колотитъ учениковъ, какъ молотилка, и педагогика становится интересною.

Мордочка испытываетъ желаніе пойти въ гости; поэтому я долженъ представить необходимую для этой цѣли тетю.

— Ну, да, папочка, хорошо? Ты долженъ въ шутку быть тетей!

Въ шутку—это противоположность дѣйствительности. Весь міръ распа-

День изъ жизни Мордочки.

дается для нея въ міръ дѣйствительности и въ міръ „въ шутку“.

— Ну, и здѣсь будеть въ шутку твой домъ, да? Она ведеть меня въ уголъ, въ которомъ я долженъ усѣсться между шкафомъ и печкою. Уложивъ своего ребенка въ коляску, предварительно всбивъ подушки такъ искусно, какъ — будто она всю жизнь этимъ только и занималась, и надѣвъ затѣмъ на голову красную тряпку, представляющую „въ шутку“ шляпу, она отправляется со своими дѣтьми къ тетѣ.

— Динь-динь-динь, говоритъ она, приближаясь ко мнѣ. Это звонокъ у входныхъ дверей.

— А, здравствуйте, говорю я, но меня тутъ же прерываютъ:

— Нѣтъ, ты долженъ сначала сказать: „щелкъ“! Слово „щелкъ“ означаетъ открываніе двери. Я говорю „щелкъ“, и она входить.

— Здравствуй!

— А, это вы! Здравствуйте, госпожа Мордочка!

— Ахъ, нѣтъ, я вѣдь госпожа Шмидтъ!

— Ахъ, да, вѣрно, госпожа Шмидтъ, какъ это мило, что вы пришли!

— Да.

— И это ваши дѣтки? Какія онѣ хорошенъкія!

— Да.—И я еще одну получу, когда будеть мое рожденіе!

— Развѣ!—Но присядьте, пожалуйста, госпожа Шмидтъ!

— Да. Она садится на стулъ съ выражениемъ дамы, приготавлиющейся выкушать по крайней мѣрѣ восемь чашекъ кофе. Тутъ, однако, „ангель“ пролетаетъ черезъ комнату. Маленькая госпожа Шмидтъ еще не настолько развита, чтобы начать разговоръ съ погоды. Наконецъ она придумала:

— Что у васъ сегодня на обѣдъ? спрашиваетъ она.

— Щи съ кашей!

— Это я не люблю. У меня сегодня пудингъ.

— Да?

— Да. — Теперь мнѣ нужно домой. Госпожа Шмидтъ, alias Ровита, alias Мордочка отправляется домой и начинаетъ заниматься по хозяйству. Кому же представлять прислугу? Конечно, мнѣ, grande utilit  этого театра.

— Аманда, возьмите корзинку; вы должны принести что-нибудь на обѣдъ!

— Слушаюсь, госпожа Мордочка.

— Я вѣдь не Мордочка, я госпожа Шмидтъ!

— Ахъ, да, вѣрно. Что жъ мнѣ принести, госпожа Шмидтъ?

— Сахару.

— На сколько?

— На двадцать марокъ.

— Не много ли будетъ?

— Ну, да, на 50 пфенниговъ!

— А не мало ли это?

— Папочка, скажи, сколько?

— Я вѣдь не папочка, я — Аманда!

— Ахъ, па-поч-ка-а-а!

— Ну, хорошо, такъ на 50 пфенниговъ.

— Да.

— И что еще?

— Конфетъ.

— Сколько?

— На тысячу билліоновъ марокъ!

У госпожи Шмидтъ всего четыре понятія о числахъ. Одинъ, два, три и тысяча билліоновъ. Она употребляетъ хотя и еще другія числа, но при нихъ она ничего себѣ не представляетъ. Желая назвать большое количество, она говоритъ „тысяча билліоновъ“. Это вѣчная, чудная сказка про „блаженное дѣтство“ или: „тремя шагами

въ безконечности".—Госпожа Шмидтъ разрѣшаетъ торговаться съ собою.

— На тысячу билліоновъ марокъ конфетъ—это слишкомъ много, госпожа Шмидтъ. Животикъ заболитъ!

— На сколько же?

— На пятачокъ!

— Ну, хорошо!

— А еще что?

— Больше ничего!

Сегодняшній обѣдъ состоитъ изъ сахара и конфетъ. Пріятная перспектива!

Въ этотъ моментъ игра въ хозяйку разлетается въ ничто, потому что большой полированный предметъ поглощаетъ интересы матери и хозяйки. Это — рояль. Мордочка желаетъ заняться музыкой. Я кладу тетралогію Нibelungовъ на стуль и сажаю Мордочку на нее. Она пѣсколько разъ ударяетъ по одной и той же клавишѣ и утверждаетъ, что это „O Tannenbaum“. Потомъ она объявляетъ, что будетъ играть пѣснь о „Häaschen klein“,—мелодія не мѣняется. Я обращаю ея вниманіе на то, что и черные клавиши издаютъ музыку. Она начинаетъ играть очень хроматическія льесы. Понемногу она догадывается, что гораздо веселѣе, если всю руку, даже больше, если обѣ руки употребить въ дѣйствіе. Но она чувствуетъ, что чего-то еще не хватаетъ для полнаго удовольствія и наконецъ вспоминаетъ:—ноты.

— Паппа, теперь мнѣ тоже нужно читать, да?

— Вѣро! вѣдь это самое главное! Я приношу третій томъ сонатъ Бетховена и открываю его: op. 106 Sonate für Hammerklavier. Ну, съ Богомъ!

Въ чтеніи нотъ она превосходитъ любого піаниста: послѣ каждыхъ трехъ ударовъ по клавишамъ она перелистываетъ.

— Паппа, теперь ты долженъ пѣть!

Если прибавить, что въ продолженіе десяти минутъ очаровательной игрѣ Мордочки яростно аккомпанируетъ канарейка, то легко понять, что тутъ отеческая любовь дошла до крайнихъ предѣловъ. Но я знаю средство отвлечь ее.

— Мордочка, будемъ картинки смотрѣть?—Не успѣть я договорить, какъ она вмѣстѣ съ тетралогіею уже сползла со стула и устроилась на полу.

Картинками нужно наслаждаться, лежа на животѣ на полу и упираясь обѣими щеками въ кулачки. Это требуетъ Мордочки и отъ меня. Большой океанскій пароходъ возбуждаетъ сначала ея интересъ.

— О, паппа, смотри, какой большой пароходъ! Онъѣдетъ далеко, далеко, до Берлина, да?

— Даже еще дальше!

— Охъ, я тоже хочуѣхать на пароходѣ!

— Вѣро, Мордочка!

— Помнишь, папочка, мы тожеѣхали на пароходѣ, помнишь?

— Ну, конечно, какъ не помнить!

— Это было тогда совсѣмъ, совсѣмъ большая Эльба!

Она подразумѣваетъ Балтійское море. Моря, реки, ручьи и лужи она объединяетъ словомъ „Эльба“.

— Смотри, электрическая конка! восклицаетъ она при видѣ новой картины. Картина изображаетъ античный театръ въ Сегестѣ. У ея брата есть игрушечный поѣздъ на кругломъ рельсовомъ пути, и концентрические ряды амфитеатра она принимаетъ за такие рельсы. Еще неожиданнѣе восклицаетъ она при видѣ изображенія Парѳенона въ Афинахъ.

— Папочка, совсѣмъ какъ въ зоологическомъ саду!

День изъ жизни Мордочки.

— Въ зоологическомъ саду? Почему?
— Да, у клѣтки льва, помнишь?
Святой Пареенонъ! Твои чудныя колонны она принимаетъ за желѣзныя брусья львиной клѣтки! Для классическаго искусства она еще не доросла.

Перейдемъ къ другому. Вотъ листъ съ разрисованными красками земляничкою, малиною, крыжовникомъ.

— Паппа, это вѣдь не всамдѣлешнія ягоды? Вѣдь только въ шутку?

— Да, въ шутку!

— Ахъ, если бъ это были всамдѣлешнія!

Это изображеніе, какъ видно, иначе на нее дѣйствуетъ! То же самое съ изображеніемъ звѣрей.

— А-а... левъ, обезьяна, медвѣдъ, паппа, а это что?

— Это бегемотъ. Я хочу доставить себѣ особенное удовольствіе и спрашиваю:

— Какъ зовутъ этого звѣря?

— Мебеготъ.

— Совершенно вѣрно.

Развѣ это не наслажденіе? Ея непроницаемое ухо запомнило только риѳмъ, запомнило, что бегемотъ—анатестическій звѣрь, осталъное—она сама сочиняетъ, какъ и подобаетъ дочери поэта.

— О, нехорошій волкъ! говорить она вдругъ,—что, онъ все еще хочетъ съѣсть бабушку?

— Не знаю. Должно-быть!

— Нехорошій волкъ! говорить она и ударяетъ ручкою по картинкѣ,—не смѣешь съѣсть красную шапочку!

При изображеніи германскихъ имперскихъ драгоцѣнностей она пальчикомъ показываетъ на корону и спрашиваетъ:

— Что это?

— Это корона, государь ее носить на головѣ.

— Мм...

— Смотри, въ ней много-много драгоцѣнныхъ камней.

— Мм... ихъ получать дѣти, да?

— Дѣти?

— Да, ты вѣдь знаешь: отецъ имъ долженъ принести драгоцѣнныхъ камней!

— Отецъ? Какой отецъ?

— Оте-ецъ!—Дѣти вѣдь хотятъ драгоцѣнныхъ камней, но Золушка проситъ только принести вѣтку отъ могилы своей матери!

— А-а-а — Золушка! Конечно! Простите, принцесса Мордочка, я совсѣмъ забылъ, что вы живете въ царствѣ сказокъ!

Всѣхъ людей Мордочка съ чуткимъ инстинктомъ раздѣляетъ на „людей“ и „дѣтей“. „Люди“ опять распадаются на „дамъ“ и „дядей“.

— Кто этотъ дядя?

— Это дядя Бетговенъ!

— А этотъ?

— Дядя Вальдеразе.

— А этотъ?

— Дядя... Да, развѣ можно этого господина назвать дядей..? Ну, ужъ такъ и быть! Пусть солнце дѣтской комнаты освѣщаетъ и праведныхъ и не-праведныхъ,—дядя Каракалла!

Спросивъ при видѣ бюста бельведерскаго Аполлона:—„какъ зовутъ эту даму?“, она заинтересовывается воронью, съ громкимъ крикомъ пролетающей мимо окна.

— Ворона воронить! восклицаетъ она съ серіознымъ взглядомъ.

Такимъ образомъ я услыхалъ изъ ея ротика привѣтъ изъ отдаленныхъ, дѣтскихъ временъ человѣчества, изъ временъ, когда началъ создаваться языкъ, и съ благоговѣніемъ чувствую я безшумное дыханіе вѣковъ.

Она все еще смотрить въ окно и говоритъ:

— На Петровской улицѣ было гораздо красивѣе!

На Петровской улицѣ мы жили раньше.

— Почему?

— Тамъ была такая красивая рѣшетка! Итакъ, красивая рѣшетка дѣлала ее тогда счастливою и никто этого не предполагалъ! Вдоль этой рѣшетки вились незнакомыя фантазіи, ранніе, ранніе цветочки дѣтской души, подымавшіе свои головки до позолоченныхъ остріевъ и смотрѣвшіе черезъ нихъ. За этой рѣшеткой, можетъ-быть, находился рай, котораго она ужъ больше не найдеть, вернувшись на старое мѣсто, и который она будетъ искать, какъ и мы все..

— Теперь вѣдь зима, да?

— Да, теперь зима!

— А послѣ зими будеть весна! объявляетъ она съ мудрымъ выраженіемъ лица.

— Паппа, когда будеть весна?

— Скоро!

— Завтра?

— Завтра еще нѣтъ.

— А когда же?

— Черезъ семь недѣль.

— Это теперъ семь недѣль?

— Нѣтъ, сначала должно быть воскресенье, и потомъ еще воскресенье, и потомъ еще, и еще, и еще, и еще, и еще, и потомъ будетъ весна.

— Ахъ, да! Она радуется, какъ-будто весна у нея въ рукахъ. Лежа на полу, улыбаясь щечками въ кулачки, она начинаетъ пѣть пѣснь, составленную изъ воспоминаній и собственной поэзіи:

Придеть хорошая весна,

И будеть свѣтить солнышко,

И будуть пѣть птички;
Тогда мы будемъ играть въ
саду,
И тогда Рудя мнѣ дастъ
лопатку,
И тогда мы будемъ играть
съ песочкомъ...

Это—дѣтская пѣснь подъ бесконечную мелодію, которая, однако, внезапно прерывается сенсаціоннымъ извѣстіемъ, что обѣдъ поданъ.

— Аа!—Милостивая государыня, прошу васъ сдѣлать мнѣ честь... Я подаю ей руку, она береть ее и, подпрыгивая, идетъ рядомъ со мною къ столу, какъ заяцъ къ капустѣ.

Какъ только подали супъ, она воскликаетъ съ сияющими глазами:

— А, бульонъ,—это я люблю! Къ счастью, она объявляетъ это почти при каждомъ блюдѣ. Только рѣдко при видѣ какого-нибудь блюда она говорить: „У меня животикъ такъ болитъ!“ Если моя жена отираеть у нея тарелку и говорить: „Въ такомъ случаѣ, ты сегодня не можешь получить ягоды!“—она утверждаетъ съ сияющимъ лицомъ: „Для ягодъ у меня животикъ не болитъ!“

И дѣти, какъ нѣкоторые взрослые, забавляются наѣсть тѣмъ, что наивно воображаютъ, будто мы не замѣчаемъ ихъ маленькаго обмана.

Подаютъ рыбу. Она возбуждено просить, чтобы ей дали рыбу вмѣстѣ съ костями; также она всегда просить и вишни и сливы вмѣстѣ съ косточками. Моя жена оставляетъ на ея тарелкѣ нѣсколько огромныхъ костей, которыхъ Мордочка послѣ обѣда съ гордостью всѣмъ показываетъ. Это чувство я вполнѣ понимаю. Въ три года не желаешь уже больше быть подъ опекою, какъ совѣтъ маленькая. Въ

какой моментъ начать самостоятельность—это вполнѣ безразлично. Начать же — нужно когда-нибудь, это ужъ лежитъ въ самомъ понятіи о самостоятельности.

Между тѣмъ кое-гдѣ растаѣтъ на окнѣ снѣгъ. Случайно я смотрю въ окно и вижу раннюю бабочку, тихо и какъ-будто что-то ожидая сидящую на подоконнике. Я ничего не говорю, беру Мордочку на руки, подношу ее къ окну и показываю ей это чудо. Въ слѣдующій моментъ я ее чуть не уронилъ, не будучи въ состояніи удержать трепещущаго, какъ рыбка на сушѣ, ребенка.

— Бабочка, бабочка! Мамма, мамма, бабочка! Трудя, Расмусь, Герта, бабочка, бабочка!

Вся семья собирается у окна.

— Это вѣдь всамдѣлешная, да, паппа?

— Да, это настоящая, живая бабочка.

— Да, живая бабочка! Ирена, живая бабочка! Я напрягаю всѣ силы, чтобы ее удержать. Все ея тѣльце дрожитъ отъ удовольствія.

Это—первая радость предметамъ. Мордочка и въ изображеніи и въ природѣ уже видѣла бабочекъ; но всѣ они стушевались и поблекли, какъ тысяча другихъ бабочекъ первой весны этой дѣтской души. Сегодня въ первый разъ состоится сознательное знакомство между Мордочкою и бабочкою. Это радость, это—чистая радость предметамъ, не испрашивавшая, къ чему намъ они, и что мы для нихъ,—видящая въ каждомъ цветкѣ новооткрытую страну и въ каждомъ пестромъ камушкѣ—личный подарокъ.

— Пожалуйста, паппа милый, пускай бабочка придетъ въ комнату! просить Мордочка.

зни Мордочки.

Paternité oblige. Я съ большими предосторожностями стараюсь доставить „весну“ въ комнату, не касаясь ея крыльшечъ,—наконецъ мнѣ это удается. Теперь она сидитъ на столѣ, и семь паръ глазокъ смотрятъ на нее.

— Герта, не говори такъ громко, шепчеть Мордочка,—она это не любить!

Каждое движение щупальцевъ и крыльевъ привѣтствуется сдержаннѣмъ ликованіемъ. Но вдругъ происходитъ нѣчто великое, нѣчто неслыханно, великое. Бабочка подымается и садится на руку Мордочки.

Мордочка сидитъ, какъ застывшая радость. Она не шевельнеть мускуломъ, только широко открытые глаза переходятъ осторожно отъ одного къ другому. Ея счастье не ограничивается ея лицомъ, а распространяется дальше, какъ сияніе.

— Она не боится меня! говорить она съ блаженію гордостью. . . .

Бабочка покинула—по примѣру всѣхъ „бабочекъ“—свою даму и далеко улетѣла, до самаго карниза занавѣса. Она не выказываетъ желанія спуститься оттуда, и такимъ образомъ мало-помалу охлаждаются и чувства Мордочки.

Такъ какъ изъ привычки происходитъ право, то Мордочка пріобрѣла себѣ право укладывать меня спать послѣ обѣда. Она нерѣдко при этомъ получаетъ кусочекъ шоколада, находящагося въ сверткѣ на моемъ письменномъ столѣ. Укладываніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: я долженъ встать передъ кушеткою; Мордочка даетъ мнѣ толчокъ, и я долженъ упасть на кушетку и въ продолженіе минуты страшно брыкаться ногами. Сегодня

это брыканіе, должно-быть, удалось на славу, потому что Мордочка разражается нескончаемымъ хохотомъ. И опять я замѣчаю, что такой смѣхъ исходитъ непосредственно изъ сердца.

Между тѣмъ мы находимся уже у второго номера нашей программы: Мордочка сѣла на лошадь. Лошадь—это я. Задача состоять въ томъ, чтобы проскакать подъ аккомпанементъ всѣхъ наѣздническихъ пѣсень,—работа, которую только тотъ сумѣеть вполнѣ оцѣнить, кто знаетъ, что такое *embon-point*.

Вдругъ она останавливается, дѣлаетъ серіозное лицо и спрашивается:

— Паппа, какая это пѣснь про ласточекъ?—Она раньше не даетъ мнѣ покоя, пока я ей не пересказалъ все стихотвореніе Chamisso. И въ то время, когда я говорю, мнѣ невольно приходить на умъ:—если бъ можно было описать взглядъ дѣтскихъ глазокъ, эти спокойно сіяющіе цвѣточки, безстрашно двѣтущіе подъ навислою скалою жизни.

Тотъ же взглядъ я видѣлъ разъ, проходя въ дымурный пасхальный день по печальнымъ улицамъ предмѣстья. Маленький мальчикъ схватилъ меня за полу сюртука и сказалъ:

— Посмотри-ка, у меня новая шапка!—Ему необходимо было высказать свое счастье, и онъ довѣрилъ его мнѣ, совершенно чужому человѣку. На грязномъ лицикѣ свѣтились двѣ звѣздочки счастья. И праздникъ сдѣлался свѣтымъ и прекраснымъ.

Если бы можно было хоть разъ написать такъ, чтобы строки смотрѣли на читателя такими глазами... Тогда можно было бы спокойно лечь и умереть...

Дослушавъ до конца стихотвореніе

про ласточекъ, она глубоко вздыхаетъ и говоритъ:

— Это очень, очень хорошо! Это я выучу, и тогда надѣну пальто и пойду въ школу.—Извѣстно, что у дѣтей этого возраста непреодолимое влеченіе къ школѣ,—такъ сказать, математическое доказательство наивности этихъ маленькихъ созданій. При этомъ, очевидно, существуетъ представленіе, что въ школу идутъ для того, чтобы сбыть тамъ выученное дома.

Мысли Мордочки во время этого разговора нужно себѣ представить перемѣщанными съ мыслью о шоколадѣ. Выпрашивать она, конечно, не смѣеть; но отъ времени до времени тихій шоколадный взглядъ пробѣгаєтъ по письменному столу. Потомъ она смотрѣть на меня съ выражениемъ въ глазахъ, которое говоритъ: онъ все еще ничего не замѣчаетъ!

Такъ какъ мы говорили о школѣ, она нападаетъ на мысль изложить предо мною свою научную познанія.

— Хочешь, я буду считать?

— Хорошо, считай!

Она считаетъ; но видя, что я не слишкомъ удивляюсь ея искусству, она объявляетъ съ видомъ избалованной примадонны: „Я не хочу больше считать!“

— Почему ты не хочешь?

— Это такъ скучно!

Слѣдуетъ длинная пауза съ длиннымъ взглядомъ на письменный столъ.

Было тихо: я жадно ждалъ, что скажетъ теперь Мордочка.

— Паппа, гдѣ растетъ шоколадъ?

— Шоколадъ не растетъ, его дѣлаютъ.

— Мм...

— Его дѣлаютъ изъ маленькихъ черныхъ бобовъ, которые растутъ надеревѣ.

День изъ жизни Мордочки.

— Мм... Въ Гамбургѣ, да?

— Нѣтъ, далеко отсюда, въ стра-
нахъ гораздо теплѣе, чѣмъ у нась.

— Мм...

Опять молчаніе. Но—мое мужествен-
ное сердце смягчается, и я спрашиваю:

— Ты любишь шоколадъ?

Это было освобождающее слово.

— Конечно! восклицаетъ она, глазки
ея блестятъ, а на сияющемъ лбѣ какъ-
бы написано: наконецъ!

— Ну, такъ слѣзай съ коня и при-
неси свертокъ!

Это было сдѣлано почти скорѣе,
чѣмъ сказано. Большую часть этого
шоколада мѣй при случатъ подарила
сама Мордочка. Часто она входитъ ко
мнѣ, когда я работаю, и приноситъ
мнѣ въ подарокъ кусочекъ шоколада, или
картиночку, или куклу, или цвѣточекъ,
уже давно завязнувшій въ ея теплой
ручкѣ; и все это я безпрекословно
долженъ принять. По закону всемир-
ного круговращенія и шоколадъ воз-
вращается къ мѣсту исхода.

— Я его сберегу до воскресенья!
восклицаетъ Мордочка. До этого вос-
кресенья я неизрѣдѣно надѣюсь до-
житъ. Оно начнется черезъ пять, на-
половину пройдетъ черезъ восемь, и
совсѣмъ—черезъ десять минутъ.

Получивъ свой шоколадъ, она на-
скоро цѣлуетъ меня, говорить: „спи спо-
койно“ и убѣгаеть, — что — я всегда
наблюдалъ—отличаетъ дѣтей отъ взрос-
лыхъ. Когда тѣ получили свой шоко-
ладъ, они все еще остаются сидѣть и
разговариваютъ о Рихардѣ Вагнерѣ и
Афганистанѣ.

Здѣсь слѣдуетъ послѣбѣденный сонъ
отца, который уважаемый читатель,
надѣюсь, признаетъ заслуженнымъ.

* * *

Во снѣ я вижу: мягкая, чудная
вишня мнѣ падаетъ прямо на губы.
Открываю глаза: это ротикъ Мордочки,
будащей меня.

— Паппа, вставай,—кофе пить!

— Ахъ, пѣть, отѣщаю я,—мнѣ еще
такъ спать хочется!

— Нѣтъ, мой милый, пора вста-
вать, да? Ты вѣдь мой ангельчикъ!

Она говоритъ это съ такою мате-
ринскою нѣжностью, что я чувствую
себя совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ.

— Я не могу самъ подняться; по-
моги мнѣ!

Она беретъ меня за руки и тянеть
изо всѣхъ силъ, а когда я наконецъ
встаю на ноги, она твердо убѣждена,
что это она помогла. Ужъ послѣ пер-
выхъ глотковъ кофе Мордочка напоми-
наетъ мнѣ съ серозною миною,
что намъ нужно теперь „работать“.
Я имѣю привычку при работѣ ходить
по комнатѣ, руки за спину; поэтому
и она кладетъ руки за спину и ходить
взадъ и впередъ съ наклоненною го-
ловою и съ лицомъ, какъ-будто она
рѣшаеть вопросъ о „достаточной при-
чинѣ“. Конечно, и я долженъ дѣлать
то же самое; при этомъ наши взгляды
встрѣчаются; должно-быть, я въ это
время помимо воли улыбнулся.

— Ахъ, па-поч-каа! говорить она
обиженнѣмъ тономъ.

— Простите, простите, господинъ
Шопенгаузеръ! Мы продолжаемъ рабо-
тать.

— Теперь я должна писать, паппа!

— Конечно, почему тебѣ и не пи-
сать?

Я придвигну了我的 стулъ къ письмен-
ному столу, сажаю ее на него и даю
ей карандашъ и бумагу. Сначала она
дѣлаетъ длинный рядъ изъ буквы „и“;
потомъ она вспоминаетъ, что есть и

длинныя буквы, которые идутъ вверхъ и внизъ. Поэтому она дѣлаеть нѣсколько смѣлыхъ отклоненій книзу и кверху.

— Паппа, читай, что я написала!

— Не могу, это слишкомъ трудно для меня.

— Я написала: „мамма милая дѣвочка“.

— Вѣрно, теперь и я вижу.

— А что мнѣ еще написать?

— Напиши: „Мордочка тоже милая дѣвочка!“

— О, да!

Съ тою же легкостью она пишетъ и это предложеніе. Потомъ она рисуетъ какія-то змѣевидныя изображенія и утверждаетъ не стѣсняясь, что это—печка, это—лошадь, а это—я. Загѣмъ ей хочется читать.

— Но въ словарѣ! требуетъ она.

Я приношу томъ Мейерскаго словаря и открываю статью: Ангидритъ азотной кислоты. Всѣмъ корпусомъ она наваливается на книгу и, поводя своимъ до смѣшного маленькимъ пальчикомъ по строкамъ, она читаетъ: „Быть вечеръ, сверкали звѣзды, трещалъ морозъ; по улицѣ шелъ малютка, посинѣль и весь дрожалъ. Боже, говорилъ малютка, кто накормить, согрѣть сироту?“

Такимъ образомъ она вычитываетъ изъ Мейера еще много вещей, которыхъ ни одинъ человѣкъ еще въ немъ не находилъ.

Между тѣмъ дѣвочки кончили свои уроки, только мальчикъ долженъ еще переводить, что начальникъ римской кавалеріи Квинтъ Фабій сражался съ Самиитянами, несмотря на то, что Панирій Куразоръ запретилъ сраженіе,—что мой мальчикъ, въ интересахъ своего образованія, и дѣластъ съ удоволь-

ствіемъ. Тутъ наступаетъ и вечеръ—время сказокъ и разсказовъ: всѣ собираются вокругъ стола, и моя жена разсказываетъ въ шеститысячный разъ все съ тѣмъ же успѣхомъ „Красную шапочку“. Всѣ дѣти, даже большие изъ нихъ, навострили уши. Мордочка же слушаетъ не только ушами, но и глазами, ротикомъ и носикомъ,—да что я говорю, она слушаетъ всѣмъ тѣломъ и душою. Моя жена разсказываетъ:

— .. Бабушка подарила ей красную шапочку, и такъ какъ эта шапочка ей очень шла, ее и прозвали Красною Шапочкою. Какъ-то разъ мать ей сказала: „Слушай, Красная Шапочка, вотъ тебѣ пирогъ и вино“.

— Ахъ, да, вырывается у Мордочки.

— „Отнеси это бабушкѣ, она больна и слаба, пусть она подкрѣпится. Но будь пай дѣвочкой“.

— Даа, увѣряеть Мордочка.

— „Не сходи съ дороги“.

— Нѣтъ! обѣщаетъ послушно Мордочка.

Она до всѣхъ подробностей вникаетъ въ разсказъ, и когда жена на вопросъ волка, гдѣ живеть бабушка, отвѣчаетъ: „подъ тремя большими деревьями“, Мордочка прерываетъ ее:

— Это совсѣмъ не такъ. Нужно сказать: подъ тремя большими дубами!

Когда сказка кончилась, фантазія Мордочки такъ разыгралась, что она объявляется:

— Теперь я тоже хочу разсказать сказку!

— Ура! Мордочка хочетъ сказку разсказать! Расскажи, мы слушаемъ!

Дѣлается такъ тихо, что можно было бы услышать дыханіе нашей зимней мухи, если бы и она тоже не затаила его. Я случайно смотрю на канарейку;

День изъ жизни Мордочки.

она накинула ухо и твердо устремила свой глазъ на Мордочку. И Мордочка рассказывает:

— Охотникъ пошелъ въ лѣсъ. И тогда онъ потерялъ свое ружье. И всѣ звѣри были рады, что охотникъ не можетъ ихъ застрѣлить!

Вотъ, это история о потерянномъ ружье Ровиты младшей. Она всѣмъ слушателямъ согрѣла сердце и вызвала большой восторгъ; но я считаю возможнымъ, что она можетъ дать и критикъ случай къ глубокомысленнымъ упражненіямъ.

Странно наблюдать, что нѣмецъ или нѣмка уже въ три года начинаютъ заниматься поэзіею. Производительность Мордочки выказывается въ томъ, какъ она передаетъ разъ слышанные разсказы. По всеобщей просьбѣ Мордочки разсказываетъ сказку про Ваню и Машу.

— Жилъ былъ бѣдный дровосѣкъ—папа и его жена—мамма. У нихъ было двое дѣтей, Ваня и Маша. И когда былъ вечеръ, мамма сказала: „Мы пошлемъ Ваню и Машу въ лѣсъ“. И они это сдѣлали. И они пришли къ дому вѣдьмы, полному сахара, шоколада, пряниковъ, и печенья, и конфетъ, и еще много. И они отломили кусочекъ, и вѣдьма закричала: „Кто есть мой домикъ?“ И она вышла и сказала: „Войдите, дѣтки, я вамъ дамъ рисъ съ сахаромъ и корицей“. И потомъ она хотѣла посадить Ваню и Машу въ печку, но они этого не хотѣли и посадили вѣдьму въ печку. Но вѣдьма тоже не хотѣла быть въ печкѣ и закричала, и очень кричала: „Не буду больше, не буду больше“. И они ее тогда выпустили. И они пошли опять домой. И тогда, они пошли всѣ въ лѣсъ и сѣли вѣсъ домикъ!

При этой творческой репродукціи замѣчательно слѣдующее:

1) чисто эпическая подробность при описаніи домика вѣдьмы;

2) гуманное отвращеніе передъ сожженiemъ вѣдьмы, совершенно несовременная черта;

3) въ крайней противоположности къ этому нравственному идеализму крайне материалистическое употребленіе домика.

Здоровое чувство поэтессы правильно говорить; почему этотъ вкусный домикъ долженъ стоять въ лѣсу не съѣденнымъ? Всѣ прежніе авторы этой сказки не обратили вниманія на это важное обстоятельство, и такимъ образомъ было предоставлено Мордочки вполнѣ исчерпать материаль.

Понемногу мать взяла Мордочку на колѣни, развязала ей тесемочки, разстегнула пуговки. Умный читатель ожидаетъ теперь обыкновенное, богатое слезами сопротивленіе противъ укладыванія спать. Умный читатель ошибается. Во-первыхъ, Мордочка отлично знаетъ, что подобная старанія ни къ чему не приводятъ. Во-вторыхъ, ея міросозерцаніе основывается на мысли, что „завтра будетъ такъ же хорошо, и такъ мы живемъ каждый день!“ И въ-третьихъ, она какъ-то разъ поздно вечеромъ проснулась и позвала старшую сестрицу, исполняющую должность вице-матери. Стоя въ кроваткѣ, съ широко раскрытыми глазами, Мордочка спросила сестру:

— Посмотри, есть у меня еще уши? Сестра пощупала и нашла, что оба уха на мѣстѣ. И Мордочка, удовлетворенная, бросилась въ подушки, сунула въ ротъ большой пальчикъ и немедленно заснула.

Ея жизнь — это сонъ, ея сонъ —

жизнь: почему же такому маленькому созданию, парящему между небомъ и землею и касающемуся дѣйствительности только еще краемъ своего пластица, почему ему раздѣлять міръ на сонъ и дѣйствительность?

Во время раздѣванія ея глазки принимаютъ выраженіе того другого, молчаливаго міра сновъ...

Глаза—это какъ-будто отдельныя отъ человѣка существа, живущія собственою жизнью, одушевленныя, сознающія. Многое они могли бы рассказать о глубокомъ днѣ души, если бы Богъ не создалъ ихъ безсловесными. И развѣ не чувствуется часто, что дѣтскіе глазки такъ и хотѣли бы заговорить словами? Наши глаза устаютъ съ годами, и наконецъ у нихъ пропадаетъ желаніе говорить.

— Мамма, вдругъ говорить Мордочка,—воры вѣдь совсѣмъ темные, да?

— Почему ты такъ думаешь?

— Я думаю—они совсѣмъ темные, да?

— Нѣтъ, воры совсѣмъ такие же люди, какъ и всѣ!

Воры играютъ роль въ фантазіи Мордочки съ тѣхъ поръ, какъ разъ ночью такой темный джентельменъ укралъ ея кролика. Ей такъ хотѣлось живого звѣря; сначала она хотѣла играть съ настоящею лошадкою, потомъ съ барашкомъ, и такимъ образомъ лошадка все уменьшалась, пока не сдѣлалась изъ нея чудный бѣленѣкій кроликъ. Мордочка прижимала и цѣловала его съ такою любовью, которой хватило бы на цѣлую лошадь, и такъ ласкала его, что даже и кролику это сдѣлалось невыносимо: съ неожиданною рѣшимостью онъ выскочилъ изъ ея объятій; Мордочка упала въ траву, и кроликъ перескочилъ черезъ ея но-

Овученіе 1904 г.

сикъ. Въ продолженіе двухъ минутъ Мордочка сердилась на него; потомъ она ему простила, и они цѣлыхъ два дня вмѣстѣ прыгали по солнцу. На третью же утро клѣтка оказалась пустою и Мордочка узнала, что ея кролика унесъ воръ. Подозрительно подергивался ротикъ Мордочки, но вдругъ она въ пескѣ увидѣла лейку.

— Смотри, мамма, милый воръ оставилъ мою лейку!

Въ нагорной проповѣди Христа не сказано одного: „Блаженны тѣ, у которыхъ благодарное сердце. Ужъ между людьми они будутъ счастливыми“.

Перев. А. В.

Нарушенія дѣтскаго покоя.

Не о нарушеніяхъ физического дѣтскаго покоя мы намѣрены говорить въ послѣдующихъ строкахъ, а о противорѣчащихъ нравственной природѣ дѣтей словахъ и дѣйствіяхъ со стороны родителей или воспитателей. Нравственные нарушенія часто отзываются гораздо хуже на существованіи воспитываемаго маленькаго человѣка, чѣмъ физическая всякая рода противодѣйствія покою. Неохраненіе естественнаго умственнаго и нравственнаго роста дитяти и искусственное коверканіе его заключаетъ въ себѣ величайшія погрѣшности воспитанія въ современной семье. Нужно, чтобы ребенокъ самъ мало-по-малу ориентировался въ окружающемъ его мірѣ, который почти всегда кажется ему безконечно ирекраснымъ, а старшіе люди должны бы обставить для него этотъ міръ условіями, при которыхъ этотъ

НАРУШЕНИЯ ДІТСКАГО ПОКОЯ.

юный участник въ жизни, зорко слѣдящій за происходящимъ и безсознательно, но усердно все изучающій, находилъ бы легчайшую возможность освоиться въ немъ. „О чёмъ ты думаешь?“ часто обращаются къ ребенку, погруженному въ свои мысли. Такъ какъ онъ при всемъ желаніи не умѣеть выразить во всѣхъ чертахъ, что, собственно, занимаетъ его и почему занимаетъ, то ему подсовываютъ собственные мысли, его поправляютъ, направляютъ, а иногда упрекаютъ и даже запрещаютъ „такъ думать“. Да не лучше ли будетъ оставить ребенка въ покоѣ съ его думами? Ваши мысли, которыя вы ему рекомендуете, и прекрасны, можетъ-быть, основательны, справедливы и проч., но они ребенку мало понятны и, главное, совершенно чужды его собственному умственно-нравственному процессу.

Почему вы полагаете, кромѣ того, что ребенокъ въ своей безсознательной душевной дѣятельности не придетъ къ заключеніямъ, имѣющимъ такую же, если не большую цѣнность, чѣмъ называемыя ему мысли? Припомните, что безсознательное мышленіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ самое правильное, самое надежное. Такъ не лучше ли будетъ, хоть ради вѣроятности большей правильности умственной дѣятельности, оставить задумавшагося ребенка съ его мыслями и не нарушать ихъ вопросомъ: „о чёмъ ты думаешь?“, особенно же, не указывать ему, какъ слѣдуетъ ему думать.

Родители и воспитатели совершенно забываютъ часто, что природа сама вовсе не предназначаетъ дѣтей для того или другого воспитанія, а отдаетъ ихъ со всѣми заключающимися въ ихъ организмахъ способностями, качествами

и недостатками формированію окружающей жизни, одной только жизни. По остроумному замѣчанію Руссо, „всѣ недостатки воспитанія происходятъ оттого, что природа не создала родителей воспитателями, а дѣтей, чтобы быть воспитываемыми“. Та трудность, съ которой дается пониманіе одному человѣческому существу всѣхъ душевныхъ свойствъ другого, хотя бы и самаго близкаго, проявляется больше всего на отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. Большинство родителей не хотятъ знать того, что, несмотря на всю подвижность ребенка, потребность его въ нравственномъ равновѣсіи болѣе сильна, чѣмъ во всѣ послѣдующіе годы. Дитя живетъ въ своемъ особомъ мірѣ, который то дѣятельно занимаетъ, то развлекаетъ его, и который, если ребенку не ставить препятствій, если его не понукаютъ и не направляютъ, самъ по себѣ совершенно достаточно для того, чтобы дѣтскія силы нашли въ немъ примѣненіе, нужное и для соответственного питанія дѣтскихъ способностей. Между тѣмъ, согласно практикѣ воспитанія, ребенокъ обязанъ дѣлать то, чего ему не хочется, и бросать то, чѣмъ ему желательно играть или заниматься. Ребенку почти всегда указываютъ на тѣ предметы или тѣ игры и занятія, которые его въ данную минуту не удовлетворяютъ. Извѣстно, какъ настойчивы въ этомъ отношеніи нянѣки, а иногда и матери или гувернантки, и если, по поговоркѣ, у семи нянекъ ребенку быть безъ глазу, то и у одной настойчивой нянѣки отъ вѣчныхъ пререканій и приказаний голова у ребенка начинаетъ кругомъ ходить: „того не дѣлай, тутъ не ступи, туда не гляди, я папѣ скажу, я мамѣ скажу“, и наконецъ: „а вотъ я тебя!“

Настоящее отступление дитяти бываетъ слѣдствіемъ такой неустанной дрессировки, постоянного принужденія и ежеминутнаго противорѣчія дѣтскимъ желаніямъ. „Ты скверный мальчикъ“ или „ты нехорошая девочка“, говоритьъ малышамъ, а они продолжаютъ свое. Дѣло въ томъ, что по дѣтскимъ воззрѣніямъ можно иногда быть „сквернымъ“ или „нехорошой“ и въ то же время дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, не нарушать своими дѣйствіями правило дѣтской доброкачественности. Слѣдя же за этими упреками и оцѣнивая ихъ въ связи съ поступками дѣтей, невольно приходишь иногда къ мысли, что дѣтское міровоззрѣніе, безсознательно вырабатываемое, куда разумиѣ бываетъ приказовъ и муштровки старшихъ.

Въ каждомъ дѣтскомъ шагѣ, въ каждомъ поступкѣ, какъ и во всемъ поведеніи дитяти, старшіе хотѣли бы видѣть полную разумность, великія способности, совершенную умѣлость и чуть не всѣ вмѣстѣ человѣческія добродѣтели, и едва только ребенокъ не удовлетворяетъ чѣмъ - нибудь этимъ высокимъ требованіямъ, какъ на него посыплются, какъ изъ рога изобилія, мѣры исправленія, упреки, обвиненія, указанія или самыя наказанія. Отъ трехлѣтняго или десятилѣтняго дитяти многіе родители одинаково требуютъ, напримѣръ, поведенія, соотвѣтствующаго мѣstu, въ которомъ дитя находится, пониманія, что можно сдѣлать съ данной вещью и чего нельзя съ нею сдѣлать, какъ нужно поступить въ томъ или другомъ случаѣ, гдѣ граница дозволенного и недозволенного, словомъ, ко всему, съ чѣмъ ребенокъвольно или невольно сталкивается, ему вмѣняется въ обязанность выра-

зить лучшія человѣческія качества, какъ они понимаются старшими относительно дѣтской дѣятельности или дѣтской мысли. Добавляя сейчасъ къ словамъ „ко всему, съ чѣмъ ребенокъ сталкивается“ слова „вольно или невольно“, мы уже этимъ указали, что въ большомъ числѣ случаевъ, т.-е. когда ребенокъ дѣлаетъ то или другое невольно, его поведеніе отнюдь не можетъ соотвѣтствовать его дѣтскому разуму, какъ чуждое и навязанное ему дѣло, никогда не можетъ служить материомъ дѣйствительныхъ качествъ дитяти и всегда является, напротивъ, лишь нарушениемъ дѣтского покоя. Правда, любовь къ дитяти, самыя нѣжныя заботы о немъ диктуютъ туть нарушеніе покоя, но отъ этого дѣло не измѣняется: ребенокъ является страдальческимъ лицомъ, не имѣющимъ права осуществить что-либо такое, что желательно, а долженъ осуществлять только то, что ему навязываются, приказываютъ или о чѣмъ просить старшіе.

Могутъ возразить, что нельзя же, однако, предоставить дѣтямъ безграничную свободу, что это было бы вполнѣ отрицаніемъ всякаго воспитанія. Да, конечно, нельзя, чтобы дѣти вырастали, какъ растетъ трава въ полѣ, но можно же не лишать ихъ, какъ очень часто теперь, всякаго проявленія ихъ самостоятельности, въ чѣмъ бы она ни заключалась. Воспитатели должны быть на самомъ дѣлѣ только довольны такими проявленіями, поддерживать ихъ и даже культивировать, а не устраивать и подавлять ихъ всевозможными способами, какъ это практикуется нынѣ въ лонѣ каждого семейства. Въ попыткахъ дитяти къ самостоятельности выступаетъ, большою частью, какая-нибудь особенность въ его душевномъ

НАРУШЕНИЯ ДЕТСКОГО ПОКОЯ.

складѣ, или то, что называютъ обыкновенно индивидуальной чертой характера и способностей. Всегда же такія попытки свидѣтельствуютъ о склонности дитяти не подражать только, не подчиняться чужой волѣ, а дѣлать то или другое по-своему, такъ, какъ это ему нужно для удовлетворенія свойственныхъ ему силъ и качествъ ума. Несомнѣнно, что природа награждаетъ каждое дитя общечеловѣческими чертами и нѣкоторой долею чертъ, свойственныхъ его родителямъ, но столько же несомнѣнно и то, что она слабжаетъ его и такими уклоненіями, которыя въ большей или меньшей степени, въ томъ или другомъ направленіи свойственны ему одному. Какъ ни мало они соотвѣтствовали бы нашимъ обычнымъ возврѣніямъ на природу дитяти, точноѣ, какъ ни мало они были бы намъ понятны, эти уклоненія всегда должны представлять для насъ нѣчто цѣнное, нѣчто такое, что должно такъ или иначе охранять и поддерживать, а не насилино угашать. Могутъ быть и уклоненія, которыя по своимъ качествамъ превосходить всю сумму представлений каждого изъ насъ о томъ, что достойно и прекрасно въ природѣ дитяти, а потому и взрослаго человѣка. Если каждое поколѣніе воспроизводить всю сумму добродѣтелей и недостатковъ предшествовавшихъ поколѣній, то нѣть основанія для убѣжденія, что въ уклоненіяхъ дѣтского характера не содержится болѣе значительныхъ добродѣтелей и менѣе крупныхъ недостатковъ. Могутъ рождаться вѣдь иногда и съ высшими качествами, чѣмъ тѣ, которыми мы сами обладаемъ.—

Поэтому и должно быть очень цѣннымъ для насъ чувство самостоятель-

ности дѣтей, и каждое проявленіе этого чувства не только не должно бы смущать насть и вызывать, какъ обыкновенно, немедленное: „не будешь по-твоему, упрямецъ“, а обязывать насть, напротивъ, къ ненарушенію дѣтской воли и къ внимательному отношенію къ послѣдней. Нужно не обрывать ребенка на каждомъ его самостоятельномъ шагу, а предоставить ему долю свободы, при которой онъ самъ вырабатывалъ бы себѣ сознаніе о томъ, что должно и чего не должно, что въ его силахъ и для чего у него силь не хватаетъ. Пусть дѣти не принуждаются точно къ мысли, что старшіе существуютъ только для того, чтобы давать приказы, которымъ нужно повиноваться, и что сами дѣти за каждый свой самостоятельный шагъ должны расплачиваться окрикомъ или новымъ приказаниемъ: „а когда такъ, то“...

Для всѣхъ тѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ вырастаютъ дѣти, у насъ имѣются готовыя правила, какъ дѣтская воля должна при нихъ осуществляться, и даже готовыя привычки на этотъ счетъ. Мы рѣшительно отказываемся признавать, что вступающее въ жизнь дитя совершенно чуждо этимъ правиламъ и особенно привыкамъ, и, несмотря на это, неустанно гнемъ его подъ нихъ со всѣми его внесеннымыи съ собою качествами, не оставляя въ покой ни на одну минуту и при какомъ угодно его проявленіи физической или умственной дѣятельности. Воспитаніе осуществляется въ безконечномъ ряду противорѣчий всѣмъ желаніямъ, подсказываемымъ натурою дѣтей, въ вѣчныхъ предостереженіяхъ и запрещеніяхъ и, въ результатѣ, въ полномъ подчиненіи индивидуальныхъ свойствъ дитяти нашимъ общимъ пра-

вишамъ, нашимъ готовымъ привычкамъ. Если бъ всѣ родители вполнѣ сознавали, какую массу Божьихъ даровъ дѣтямъ они губятъ съ самого начала ихъ проявленія системой подавленія дѣтской самостоятельности, какая масса природныхъ качествъ, которыхъ ви-
слѣдствіи могли бы оказывать великія услуги на жизненномъ пути, уничтожается этой системой и нерѣдко при посредствѣ мѣръ, которыхъ вызываютъ у дѣтей слезы, вспышки гнѣва, даже недомоганія! Безпрерывная борьба между дѣтьми и старшими, борьба, которой характеризуются нынѣ всѣ ежедневныя отношенія между ними, отнюдь не входитъ, во всякомъ случаѣ, въ планы природного роста дѣтей и умственно-нравственного дѣтского раз-
витія, а следовательно, не должна бы входитъ и въ средства воспитанія. Въ цѣляхъ неизбѣжного выраженія въ будущемъ взросломъ человѣкѣ его лич-
ныхъ чертъ, выступающихъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ, жизнь дитяти не должна бы вѣчно отягчаться приказа-
ніями, а воспитатели, имѣя въ виду хоть эту неизбѣжность, лучше сдѣ-
лали бы, если бъ предоставили дѣтямъ возможно большее свободы.

Въ покойной дѣтской дѣятельности, въ игрѣ ребенка, не нарушающей постоянными поправками и руководствомъ старшихъ, и во всѣхъ его поступкахъ, въ которыхъ не участвуютъ приказа-
занія воспитателей, выступаютъ инди-
видуальный дѣтскій качества, склонныя къ дальнѣйшему укрѣпленію и разви-
тию; во всѣхъ принудительныхъ нару-
шеніяхъ дѣтской дѣятельности проявля-
ются, напротивъ, личные стремленія воспитателей, всегда способныя иско-
веркать дѣтскія черты и только очень рѣдко способныя привить дѣтямъ ка-

чества, желанныя воспитателямъ. Боль-
шею частью, въ результатѣ вѣчныхъ
принудительныхъ поправокъ со стороны
старшихъ и невольного дѣтского под-
чиненія является духовно вынужденная
личность сперва дитяти, а потомъ и
взрослого человѣка. Съ постоянными
нарушеніями дѣтского покоя можно, во
всякомъ случаѣ, многому повредить, но
очень немногому пользу принести. Въ
уменьшениі борбы между слабой дѣт-
ской личностью въ ея желаніяхъ и
поступкахъ и старшими людьми въ
ихъ настойчивыхъ приказахъ едва ли
не заключается, согласно логикѣ вещей,
величайшая задача рационального вос-
питанія дѣтей, и ее-то нужно бы въ
каждой семье разрѣшать по мѣрѣ силъ
и возможности.

Я. Наперъ.

„Дѣтскій міръ“.

(Бесѣды по поводу международной выставки въ Таврическомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ).

I.

Общія впечатлѣнія.

Дѣтскій міръ! Какъ малъ и какъ безгранично велика онъ—милый, гра-
циозный, таинственный міръ. Эта крошка въ розовомъ чепчикѣ, среди кружевъ и блондъ безпечно смыкающаяся блестя-
щей погремушкой,—много ли ей надо? Нужны ли ей эти кружева и блонды, слоновья кольца, патентованная мука, Нестле, огнестой, заводные куклы, танцующія кекъ-уокъ, разныя машины (чуть не сказала—орудія пытки) для того, чтобы научить дитя говорить, есть, ходить?

Первое впечатлѣніе отъ выставки: слишкомъ, слишкомъ много! Невольно думается, что въ погонѣ за всеми

этими усовершенствованиями потеряешь прямой путь.

Представьте себѣ молодую мать, оставившую дома своего первенца и пришедшую сюда поучиться, какъ бы правильно обставить дѣтскую, гигієнически одѣть ребенка, дать ему забавныя игрушки, правильно вскормить его тѣло и, наконецъ, дать хорошее умственное развитіе. Какой несчастной она должна себя почувствовать!

— Господи, сколько нужно ребенку, какъ все это дорого, глаза разбѣгаются, не знаешь, на чёмъ остановиться, и въ результатѣ — эти кривыя спины учениковъ.

Дѣло воспитанія представляется такимъ невѣроятно сложнымъ, голова кружится отъ этихъ блестящихъ витринъ, руки опускаются отъ чувства бессилія дать ребенку все, что требуетъ современная гигіена, и молодая мать съ испугомъ спрашиваетъ старушку-бабушку: „Да неужели все это нужно для Коли, неужели обо всемъ этомъ надо подумать, изъ всего этого надо выбратьъ, что пріобрѣсть для крошки?“

Тихо покачаетъ головой старушка:

— Нѣтъ, родная, много тутъ лишняго, ненужнаго. Я такъ полагаю, оттого-то наши внуки и такие первые, что слишкомъ обѣ нихъ заботятся да придумываютъ, что бы такое съ ними еще продѣлать, и зачастую въ погонѣ за мелочами проглядываютъ главное.

Она права, моя бабушка. Зачѣмъ дѣтямъ, напр., такое многообиліе впечатлѣній. Вотъ приведутъ ихъ на выставку, мало того, что у нихъ глаза разбѣгаются отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ куколъ, нѣтъ, для нихъ еще устроенъ дѣтскій театръ, петрушка, чревовѣщатель, танцы дѣтей на сценѣ

и т. п. Какія впечатлѣнія получаютъ дѣти, глядя на этого длинноногаго юношу въ купомъ фракѣ, старающагося закинуть ноги выше головы? Дѣти-исполнители не имѣютъ той законченной граціи движений, какъ настоящіе балетные танцовщики, такъ что даже не даютъ той красоты позъ и движений, которыми еще можно съ настяжкой оправдать посѣщеніе дѣтьми балета. А между тѣмъ, падкая до зре-лищ публика тѣснится около сцены, потомъ кое-какъ бѣгаетъ отъ витрины къ витринѣ, и черезъ два-три часа дѣти приходятъ домой совершенно измученные.

Выставка меня поразила нѣкоторыми витринами, ужъ очень какъ-то странно приближенными къ дѣлу воспитанія: роскошные краснаго и палисандрowego дерева рояли неужели нужны для развитія музыкальнаго чувства въ ребенкѣ? неужели нашимъ дѣтямъ приходится такъ много писать, что имъ нужна пишущая машина „Ундервудъ“? зачѣмъ выставленъ экипажъ? И наряду съ этимъ, напрасно ищешь витринъ воспитательныхъ домовъ: почему такой громадный жизненный матеріаль отсутствуетъ?

Мнѣ было боло смотрѣть на эти чудеса роскоши дѣтской мебели, игрушекъ, одеждъ. Сначала я даже подумала, не завидую ли я тѣмъ матерямъ, которые могутъ все это дать своимъ дѣтямъ, и что поэтому все эти блестящія, полированныя, шуршащія, безумно дорогія вещи заставляютъ меня морщиться отъ какого-то непріятнаго чувства. Но чѣмъ больше я въ нихъ вовматривалась, чѣмъ больше вдумывалась, какое значеніе они могутъ оказать на жизнь пользующихся ими дѣтей, тѣмъ яснѣе понимала, что есть

граница, очень неуловимая, легко переступаемая, но которую однако же нельзя переступать, обставляя дѣтей.

Конечно, каждой матери хочется уютно обставить жизнь ребенка, но мыѣ кажется, что тутъ всегда и вѣчно надо помнить руководящее начало: *простота*, а ни въ коемъ случаѣ *роскошь*. Старая истина: счастьедается не самимъ впечатлѣніемъ, а ощущеніями человѣка, не тѣмъ, что онъ видитъ, но какъ онъ относится къ видѣнному. Потому, что можетъ быть страшнѣе пресыщенаго ребенка, которому не остается ничего желать, у которого нѣтъ мечты въ видѣ какихъ-нибудь блестящихъ коньковъ; и наоборотъ, какъ отрадно весело смотрѣть на дѣвочку, играющую со старой куклой, съ деревянными обрублочками, замѣняющими мебель отъ Тонета, съ глиняными черепочкиами, вместо фарфора отъ Кузнецова. А затѣмъ, къ чему, къ какой жизни въ будущемъ готовятся эти дѣти: что если родители не смогутъ вмѣстѣ съ этими заводными игрушками оставить имъ миллионного наследства? Каково будетъ имъ, привученнымъ съ дѣтства къ батисту, круженеву, плюшу, довольствоваться холстомъ и простой шерстью?

Но если не желательна ненужная, излишняя роскошь дѣтской обстановки, нельзя, однако, не признаться, что „дѣтскій вопросъ“ очень важный и серьезный вопросъ, надъ которымъ не напрасно люди ломаютъ голову вотъ который уже вѣкъ.

„Дѣти—будущее человѣчество“—хорошій девизъ одного изъ ярыхъ защитниковъ дѣтей И. М. Радецкаго ярко выдѣляется на витринѣ, призывающей къ дѣлу любви и заботливости о бѣдныхъ и заброшеныхъ дѣ-

тяхъ. Вотъ міръ, гдѣ ничего не мало, гдѣ все недостаточно, куда бы итти работать тѣмъ, кто скучаетъ безъ дѣла.

Когда проходишь витрины, посвященные разнымъ слабоумнымъ, калѣкамъ, эпилептикамъ или просто дѣтямъ толпы, невольно преклоняешься передъ энергией и благородной настойчивостью людей, посвятившихъ свою силы на сбереженіе, оздоровленіе, изрощеніе самыхъ слабыхъ, обездоленныхъ существъ. Впрочемъ, обѣ этомъ надо говорить подробнѣе, при болѣе детальномъ обзорѣ. А пока еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Вотъ переходите вы изъ одного отдельа въ другой: что если бы въ одинъ прекрасный день аншлаги Deutschland, France, Oesterreich слетѣли прочь,—замѣтили ли бы вы разницу между отдѣлами? О, и какъ еще. Тутъ первое место по своеобразности надо отдать маленькому голландскому домику, гдѣ все дышеть сѣдой стариной, патріархальностью, своимъ голландскимъ оттенкомъ. Тутъ даже мало торговыхъ фирмъ участвуетъ, а все больше вещи, пожертвованные разными учрежденіями и частными лицами. То и дѣло въ каталогѣ читаешь: отъ г-жи Янесен Гrottъ, отъ г-жи Хонигъ, отъ г-жи Нейландъ и т. д., и все это вещи старинные. Какое чувство умиленія испытываешь передъ крохотной качелью съ куколкой, которую играла пра-прабабка г-жи Пинкгофъ-Родригецъ-Кунеесъ (язь Гааги)—современница Петра I. Тамъ свято чтутся завѣты семьи, тамъ вѣками сохраняется крестильная ложечка съ надписью: „будетъ ли это мальчикъ или дѣвочка, это будетъ имъ подаркомъ“. Вообще послѣ всего шума и блеска современной жизни, изображеній на остальной выставкѣ, миромъ,

тишиной семейнаго очага вѣтъ отъ этихъ тяжелыхъ, солидныхъ кроватокъ, столовъ и стульевъ,—устойчивость и тутъ видна. „По обѣимъ сторонамъ камина дѣвъ фигуры: матери и дочери, какъ символъ домоводства“,—послѣднія слова каталога совершенно вѣрно характеризуютъ весь отдѣль. Да, въ Голландіи есть семья, съ ея любовью, устоями, своеобразиствомъ; яснымъ и понятнымъ дѣлается для насъ появление такихъ характеровъ, какъ Крюгеръ. вскормленныхъ въ такой обстановкѣ.

А рядомъ бокъ-о-бокъ фиглярничаютъ какие-то уродливые паяцы, отвратительно запрокидывается кукла, танцующая кекъ-уокъ, стоять группы амуровъ, лошадки, и тѣ изукрашены бантами, дѣтскіе шляпы изъ аршинныхъ перьевъ,—какой отдѣль, читатель? ахъ, французскій. По правдѣ сказать, что-то сконфузились наши друзья на этотъ разъ. Во первыхъ, отдѣль самый бѣдный по количеству экспонатовъ, во-вторыхъ, предметы все какие-то не очень нужные, несущественные, а то и совсѣмъ излишніе въ дѣтской, напр. духи, пудры и т. д.; въ третьихъ, все почти исключительно бѣть на изящество: ленточки, завитушки. Французская кукла до сихъ поръ считалась лучшою въ мірѣ, но послѣ этой выставки нельзя ее и сравнивать съ австрійскою и нѣмецкою. Куклы все на одно лицо, никакого выраженія—то ли дѣло „Гіѣзду Аиста“ изъ Паноптикума Костана (Берлинъ).

Какая это прелесть!

Аистъ важно стоять на одной ногѣ около висящихъ въ конвертикахъ ребятишекъ: на ихъ совершенію младенческихъ рожицахъ уже отражается характеръ будущихъ дѣятелей. Особенно хороши: лейтенантъ, такъ гладко при-

чесанный, тупой и самодовольный, съ презрѣніемъ глядящій въ монокль на всѣхъ и все, откормленный розовый буршъ въ шапочкѣ корпоранта, весело взирающій на сосѣдку—невѣсту съ миллионнымъ приданымъ, которая уже и теперь съ озабоченнымъ видомъ домовитой нѣмки-хозяйки заботливо держитъ ридикюль.

Но что эти куклы значать въ нѣмецкомъ отдѣль! Тамъ надо изумляться массѣ учебныхъ пособій. Какъ тамъ поставлена школа! Да, очевидно для нѣмцевъ школа—это храмъ науки. Во всемъ здѣсь поражаешься солидностью, аккуратностью, удивительной добросовѣстностью, „Да, это работали нѣмцы, сейчасъ видно“, часто слышишь замѣчанія среди публики.

Австрійскій отдѣль—главный гвоздь, по мнѣнію многихъ, выставки отличается, кромѣ богатства и обилія экспонатовъ, тѣмъ, что онъ болѣе всѣхъ отдѣловъ въ стилѣ „модернъ“. И надо сознаться—красивъ! Красивы комбинаціи линій, то строго прямыхъ, то причудливо изогнутыхъ, прелестны сочетанія оттенковъ, удивительно гармонируеть со всѣмъ освѣщеніе, то такое теплое, свѣтлое, радостное въ комнатѣ молодой дѣвушки, то задумчиво-серіозное въ сиро-сине-зеленыхъ фонаряхъ научной комнаты. Куклы въ этомъ отдѣль удивительны: вотъ одна чудная витрина, я по правдѣ сказать не разобрала, выставлена ли тамъ дѣтская одежда или это просто куклы. Въ этой витринѣ группа дѣтей собралась смотрѣть на вѣзду какого-то военнаго: какъ разнообразны лица, позы, сколько движенія въ ребенкѣ, бѣгущемъ впередъ, какъ кокетливо держится дѣвочка, подростокъ, какъ мило возится на полу крошка съ игрушкой медвѣжонкомъ.

Воспитание и Обучение 1904 г.

Волосы на головѣ лежать совсѣмъ какъ природные, слегка волнистыми прядями. А въ трехъ шагахъ выставилъ подобную же группу фабриканть изъ Калища: дѣти играютъ въ крокетъ. Охъ, тѣ да не тѣ; грубоюто, аляповато; одни парики чего стоять—какъ палки торчатъ изъ-подъ форменной фуражки, выраженія на лицахъ никакого, движенія въ фигурахъ тоже нѣтъ.

Русскій отдѣль не малъ, въ частностяхъ есть очень много хорошаго, интереснаго, общее же впечатлѣніе—отсутствіе оригинальности, а главное по-рядка. Вещи, касающіяся одного и того же, разбросаны въ разныхъ комнатахъ, ужасно трудно сравнивать, а сльдовательно и оцѣнивать, что лучше.

Удивительно хороши этнографическія группы, эти не уступаютъ кукламъ иѣмецкихъ мастеровъ. Напр., старуха финка разсказываетъ дѣтямъ сказку: добродушное старческое лицо оживлено такой любовью къ этимъ крошкамъ, такъ и пожирающимъ разсказчицу глазами, бабушка разсказываетъ что-то страшное, одинъ мальчикъ поднялъ руку: „ахъ, бабушка, не надо“, кажется, хочетъ сказать онъ, а девочка даже зажала уши руками, точно боясь услышать что-то ужасное, но бабушка улыбается, очевидно, сейчасъ придется добрый богатырь, все окончится благополучно... Свѣтлый, чудный міръ таинственной сказки, неужели ученые педагоги осудятъ тебя, неужели отѣснить тебя вся эта громада—библиотека дѣтскихъ книгъ въ раззолоченныхъ переплетахъ.

Страшно за дѣтскій мозгъ становится: столько, столько книгъ.

Помню я свое дѣтство—какая бѣдность дѣтскихъ книгъ, только одна библиотека для чтенія Чистякова да

сказка Одоевского, но зато по скольку разъ читалась каждая книжка, какъ смаковалась каждая подробность, какъ глубоко на всю жизнь запали въ душу завѣты этихъ добрыхъ нашихъ стариковъ. По совѣсти могу сказать, что это чтеніе было самыемъ важнымъ для меня, впослѣдствіи только Лермонтовъ, Толстой, Тургеневъ и Достоевскій произвели такое же сильное впечатлѣніе, вотъ каково значеніе дѣтской литературы. Также ли читаютъ наше наши маленькие читатели? Не теряются ли они въ слишкомъ большомъ изобилии книгъ, не пріучаются ли скользить по все новымъ и новымъ книгамъ?—Но это уже отступленіе, пора закончить сегодняшній бѣглый осмотръ выставки.

Сколько бы ни было въ ней недочетовъ—большая заслуга со стороны лицъ задумавшихъ и выполнившихъ эту первую, въ такихъ широкихъ размѣрахъ, выставку, посвященную дѣтскому дѣлу.

Такая выставка наглядно покажетъ, что въ обществѣ—и у насъ, и заграницей—поняли, что дѣло воспитанія не такъ легко, какъ кажется съ первого взгляда, что оно требуетъ серьезной подготовки, вдумчиваго отношенія къ себѣ, что роль воспитателя тяжелая, трудная, отвѣтственная роль.

Дайте же какъ можно больше средствъ естественному воспитателю—матери для борьбы со всѣмъ современнымъ зломъ, а для того—какъ можно больше знанія, какъ можно больше всякихъ курсовъ для дѣвушекъ. И именно для того, чтобы они могли разобраться во всемъ этомъ обилии материала, которое предлагается современная педагогика и индустрия, чтобы молодая мать умѣла отличить важное отъ мелочного.

B. Поворинская.

Семья и воспитание въ Норвегии.

Недавно появившаяся въ печати книга „Семья и ея задачи“ г. Арстала¹⁾ представляетъ изданіе 70 норвежскихъ дѣятелей, поставившихъ себѣ задачею пособствовать родителямъ и воспитателямъ въ решеніи всѣхъ основныхъ вопросовъ, связанныхъ „съ воспитаниемъ дѣтей, съ истиннымъ благомъ послѣднихъ“. Въ числѣ принимавшихъ участіе въ составленіи книги мы находимъ 5 священниковъ, 13 женщинъ-матерей, 24 педагога, 11 врачей, 5 военныхъ, 3 юристовъ, 2 литераторовъ и нѣсколько художниковъ, архитекторовъ и т. д. „При составленіи книги, говоритъ ея редакторъ г. А. Арсталь,—преслѣдовались не литературныя, не научныя задачи, а чисто практическія. Въ ней и выступаютъ не литераторы, не ученые, а матери, отцы, женщины и мужчины, высоко интеллигентные, глубоко свѣдущіе въ томъ предметѣ, о которомъ говорятъ, и искренно проникнутые значеніемъ дѣла воспитанія, какъ для счастья семьи, такъ и для блага общества. И говорятъ они такъ просто, непритязательно, какъ бы въ кругу друзей, обмѣнивающихся мнѣніями по данному вопросу“. Цѣль труда заключается въ томъ, „чтобъ освѣтить вопросы, которые семья и воспитаніе дѣтей ставятъ всѣмъ серіознымъ, разумнымъ родителямъ и воспитателямъ; помочь родителямъ и другимъ окруж-

жающимъ ребенка взрослымъ усвоить себѣ необходимое пониманіе природы и потребностей ребенка, а также умѣніе направить, какъ должно, физическое, умственное и нравственное развитіе ребенка; помочь родителямъ развить въ своихъ дѣтяхъ способность съ усердіемъ бороться съ предстоящими имъ въ жизни затрудненіями“.

Скандинавская пресса отнеслась съ полнымъ уваженіемъ къ данному труду и признала въ немъ высокое, истинно-национальное значеніе. Для русскихъ читателей, для русскихъ родителей и воспитателей книга важна не только какъ рациональное руководство къ уходу за дѣтьми и къ ихъ воспитанію, но и какъ средство къ ознакомленію съ дѣломъ воспитанія въ Норвегіи, въ странѣ, въ которой въ послѣднія десятилѣтія воспитаніе юного поколѣнія устанавливается, пожалуй, цѣлесообразнѣе, разумнѣе и практичнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы. Вообще, на книгу надо смотрѣть, какъ на произведеніе норвежскаго ума, норвежскаго духа, специально норвежской системы воспитанія: она по преимуществу имѣть мѣстный характеръ, мѣстное значеніе; благодаря ей можно ознакомиться именно съ норвежскимъ взглядомъ на дѣтскую гигиену и педагогію, а попутно, косвеннымъ путемъ и съ принципами современнаго европейскаго воспитанія. Переводчики замѣчаютъ въ предисловіи, что книга является въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такъ какъ имъ, во-первыхъ, пришлось считаться съ русской литературой по различнымъ трактуемымъ въ книгѣ вопросамъ, а, во-вторыхъ, съ воззрѣніями и потребностями русскихъ читателей, вслѣдствіе чего и предприняты были ими нѣкоторыя со-

1) Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей подъ редакціей Акселя Арстала. Разработанный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ норвежского подлинника А. и П. Ганзенъ. СПБ. Изд. Маркса. 1903. 461 стр. in 80. Цѣна 2 руб.

кращенія, дополненія и измѣненія, при сохраненіи, однако, въ полной непри-
косновенности характера и тона нор-
вежского труда. Къ этому, должно при-
знаться, нельзя отнести съ одобре-
ніемъ: русскому читателю гораздо
приятнѣе, да и полезнѣе было бы най-
ти въ переводѣ полное воспроизведеніе
свѣжаго, оригинальнаго труда,
чисто норвежскаго, нежели въ смѣси
съ неуловимыми вставками, дополне-
ніями и измѣненіями переводчиковъ.
Намъ кажется даже, что ссылки по-
слѣднихъ на русскую литературу не
имѣютъ особенно серіознаго значенія,
такъ какъ далеко не исчерпываютъ
эту литературу, а кстати оставляютъ
безъ вниманія весьма многія цѣнныя
статьи нашихъ педагоговъ и школьн-
ыхъ врачей, имѣющіяся въ такихъ
журналахъ, какъ Русская Школа,
Вѣстникъ Воспитанія, Педагогіческій
Сборникъ, Образованіе и др. Словомъ,
книга любопытна и поучительна какъ
произведеніе норвежскаго ума, нор-
вежской культуры, норвежской жизни
и дорога русскому читателю въ своеемъ
неприкосновенномъ, оригиналномъ
виде.

Книга состоитъ изъ 25 главъ, охва-
тывающихъ ребенка во всѣхъ его от-
ношеніяхъ къ здоровью и воспитанію,
къ родителямъ, къ семье, обществу и
государству. Нѣть детали, которая не
удостоилась бы серіознаго вниманія
со стороны почтенныхъ сотрудниковъ
изданія и которая не была бы обра-
ботана со всею тщательностью и до-
бройѣтностью. Правда, нѣкоторыя
детали изложены сравнительно кратко
и менѣе серіозно, но такое, съ пер-
ваго взгляда, поверхностное отношеніе
объясняется чисто норвежскимъ ха-
рактеромъ изданія, не нуждающимся

въ этихъ деталяхъ для читателей-нор-
вежцевъ.

Вопросамъ воспитанія отведено въ
книгѣ наиболѣе мѣста (208 стр. изъ
461 стр.); почти столько же (170 стр.)
относится къ гигіенѣ и тѣлесному вос-
питанію; остальное (81 стр.) касается
отношений дѣтей и молодыхъ людей
къ семье и обществу, къ ихъ правамъ
и обязанностямъ въ государствѣ и пр.

Начнемъ съ гигіенѣ и тѣлесного
воспитанія.

Глава III объ уходѣ за грудными
дѣтьми—и глава IX о ненормальномъ
ребенкѣ—проф. Йоганнесена содержать
существенные свѣдѣнія по питанію ре-
бенка, по содержанію его въ чистотѣ
и опрятности, по одержимости наибо-
лѣе часто встрѣчаемой въ младенче-
скомъ возрастѣ болѣзнями и по части
примѣненія мѣръ борьбы съ болѣзне-
нностью. Статья о слабоумії Липпестада
написана сердечно и съ достаточнымъ
зnanіемъ дѣла, хотя и уступаетъ об-
разцовому сочиненію на ту же тему
Сегена. Статья о болѣзняхъ душевныхъ
состояніяхъ проф. Лоофа не-
важна, статья же о залущенныхъ дѣ-
тяхъ (о дурныхъ наклонностяхъ дѣтей)
Флетена составлена хорошо и весьма
поучительна. Хотя причины порочности
дѣтей значительной долею зависятъ
отъ прирожденныхъ или пріобрѣтен-
ныхъ путемъ тяжелыхъ болѣзней ме-
ханическихъ поврежденій черепа, отъ
отравленія алкоголемъ или нервно-
психическихъ аномалій, однако виной
ея нерѣдко бываютъ и родители
этихъ дѣтей. „Какая масса родителей,
говорить авторъ, — при ближайшемъ
разслѣдованіи дѣла, оказывается ли-
шней надлежащаго пониманія обя-
занностей родителей и семьи вообще,
и возлагающей всѣ упованія и требо-

Семья и воспитание в Норвегии.

ванія на профессиональныхъ педагоговъ, на реформированную школу. Но одна школа сама по себѣ недостаточно сильна; какимъ бы благимъ реформамъ она ни подвергалась, результаты будутъ ниже ожиданий, пока въ самихъ родителяхъ не будетъ пробуждено и развито чувство отвѣтственности. А чѣмъ больше, въ силу принятыхъ реформъ, школа будетъ снимать обязанностей съ плечъ семьи, тѣмъ слабѣе будетъ становиться это чувство. Поэтому и надо желать для школы еще такихъ реформъ, которые способствовали бы тому, чтобы родители побольше занимались своими дѣтьми. Школѣ слѣдуетъ войти въ болѣе близкую связь съ семьей, привлечь родителей къ совмѣстному обсужденію съ педагогами вопросовъ воспитанія, выработкѣ программъ и взаимодѣйствію въ достижениіи намѣченныхъ цѣлей".

Статья о переходномъ возрастѣ мальчика (д-ра Булля) и дѣвочки (г-жи Нильсенъ) полны интереса. Д-ръ Булль превосходно разъясняетъ значение переходного периода мальчика. По его мнѣнію, относительно этого возраста существуетъ ходячее мнѣніе, будто самую существенную роль въ этомъ переломѣ играютъ отличающія переходный возрастъ—энергичное развитіе, созрѣваніе половыхъ органовъ и связанное съ этимъ пробужденіе полового инстинкта. Такое возврѣніе на переходный возрастъ грѣшилъ односторонностью и вредно въ томъ отношеніи, что легко можетъ внушить родителямъ или воспитателямъ преувеличеннное представление о значеніи половой сферы въ развитіи подростковъ и заставить забыть или болѣе или менѣе игнорировать другія стороны ихъ жизни, заслуживающія не меньшаго вниманія.

Огнью не отрицая значенія половой сферы въ переходномъ возрастѣ, слѣдуетъ замѣтить, что одно пробужденіе полового инстинкта не даетъ еще ключа къ уразумѣнію описываемаго возраста и не одно оно служитъ основой всѣхъ характеризующихъ этотъ возрастъ явлений. Въ переходномъ возрастѣ на ряду съ явленіями половой жизни играютъ не менѣшую, если не большую роль явленія жизни растительной (питаніе, ростъ и развитіе организма) и психической. Прежде всего бросается въ глаза типичная черта субъектовъ этого возраста, это—недостатокъ гармоніи. Относительно мальчиковъ современного культурнаго общества приходится сказать, что развитіе ихъ идетъ крайне неровно. Рядомъ съ быстрымъ ростомъ и развитіемъ какой-нибудь одной стороны ихъ психической или физической жизни наблюдалась застой или замедленное развитіе другой. Въ виду такой неуравновѣщенности отъ родителей и воспитателей требуется особенная снисходительность и осторожность. „Дикіе побѣги, царства, говорить авторъ,—слѣдуетъ удалять, но такъ, чтобы не повредить самому росту". Вопросъ половой жизни, по его мнѣнію, лучше безъ нужды не касаться въ бесѣдахъ съ отроками, чтобы не ускорить пробужденія полового инстинкта. Другое дѣло, если есть основанія подозрѣвать, что послѣдній уже пробудился и готовъ проявиться или проявляется въ нежелательныхъ формахъ,—тогда вмѣшательство является прямой обязанностью родителей или воспитателей, причемъ лучше всего прибѣгнуть еще къ содѣйствію врача.

По отношенію къ переходному возрасту дѣвочки мы встрѣчаемъ въ раз-

бираемой книгѣ не менѣе цѣнныя замѣчанія г-жи Нильсенъ. Если есть въ жизни женщины, говоритъ она, періодъ, въ теченіе котораго ей особенно не годится слишкомъ углубляться въ свое физическое состояніе, прислушиваться къ болѣзнямъ и непріятнымъ ощущеніямъ, такъ это именно — переходный возрастъ. Внушите дѣвочкѣ необходимость извѣстныхъ мѣръ предосторожности, научите вообще беречь свое здоровье, а затѣмъ пусть мысли ея займутся другими предметами, а не вращаются все только кругомъ да около ея собственной драгоценной особы. Если бы родителямъ и воспитателямъ совмѣстно со школою удалось облагородить въ дѣвочкѣ уномианутыя наклонности, превратить страсть къ нарядамъ въ пониманіе прекраснаго, тщеславіе въ благородное честолюбіе, желаніе нравиться въ желаніе радовать и осчастливливать окружающихъ, которое столь свойственно всѣмъ хорошимъ женщинамъ, то эти природныя наклонности пошли бы на благо, а не на пагубу будущей женщинѣ.

Жизнь молодой женщины очерчиваетъ въ характерныхъ краскахъ г-жа Рэдеръ. По ея словамъ, отдельная женская личность переживаетъ вновь исторію человѣчества; переходный возрастъ соответствуетъ среднимъ вѣкамъ,—то же преобладаніе жизни чувствъ, тотъ же романтизмъ, склонность къ самозабвенію, экстазу. Но широко развернувшись для полета въ высь крылья ударяются о прутья клѣтки — дѣйствительности, и становятся ясно, что пока нѣть никакой надобности въ великой борьбѣ, нѣть мѣста великимъ жертвамъ. Мало-по-малу взволнованныя чувства умиротворяются и, наконецъ, взору ясно представляются задачи жизни.

Не менѣе интересно описание жизни юноши, т.-е. молодого человѣка 16—21 г. (статья священ. Іенсена). Этотъ періодъ отдѣляетъ конецъ отрочества отъ того времени, когда будетъ готовъ молодой человѣкъ съ болѣе твердымъ характеромъ и міровоззрѣніемъ. Едва ли въ жизни человѣка найдется болѣе знаменательный періодъ. Это та пора, когда обыкновенно пробуждается самосознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ складывается и міровоззрѣніе. Въ это время впервые съ должной силой чувствуется, что человѣкъ не созданъ вѣчно находиться подъ опекой, что надо жить собственной самостоятельной жизнью, самому избрать себѣ путь. Вообще пробуждающемся самосознанію свойственно направляться по двумъ главнымъ русламъ. Одно — это критическое отношеніе къ старому, къ воспринятыму изъ рукъ родителей, школы. Второе — пристрастіе ко всему новому, не испытанному, ко всему, что принадлежитъ будущему. Есть и еще третье русло — подъ двумя первыми. Одновременно въ организмѣ начинается сильное броженіе жизненныхъ силъ, вырабатываемыхъ въ немъ способность къ продолженію рода. Съ этимъ связано возникновеніе новыхъ чувствъ, искушений и чаръ, которымъ или стыдливо сопротивляются, пряча влеченіе къ нимъ въ самую глубину души, или поддаются, и они находять исходъ въ юношеской влюбленности и мечтательности. Но все это ведеть къ тому же: юноша просыпается къ самостоятельной жизни. Въ юношахъ вообще есть что-то особенно привлекательное. Немножко угловатыя, „неотесанныя“ фигуры, но сколько свѣжести и силы молодости, если и не всегда прелести ея! Души ихъ открыты для всѣхъ

идеальныхъ воззрѣній и требованій, особенно для тѣхъ, что вновь отчеканены; они готовы слѣдовать первому великодушному порыву, но стыдятся выказывать всякое болѣе глубокое чувство, необычайно чувствительны къ малѣйшему посягательству на свободу и отличаются естественною брезгливостью ко всему низкому, грубому.

Въ главѣ XIV, трактующей о здравье семьи, описываются д-ромъ Гольстомъ подробности общей гигієни. Подробности эти носятъ типично норвежскій характеръ. Такъ, предлагаемыя нормы пищи значительно отличаются къ лучшему противу обычныхъ нормъ германского и русского пищевого довольствія: на суточную пищу подростка намѣщается 79—100 грам. бѣлковъ, 48—50 грам. жировъ и 270—400 грам. углеводовъ. Оригинальг҃е еще взглядъ на спиртныя вещества. Авторъ советуетъ не держаться привычки постояннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, тѣмъ не менѣе нейтральными напитками, по его мнѣнію, могутъ считаться: „или обыкновенный стаканъ стаканчики не крѣпкаго краснаго или бѣлаго вина, скопенная рюмка водки или —не болѣе двухъ разъ въ день. порціи, прибавлять онъ, если принесутъ прямого вреда здоровью же могутъ слегка одурманивать чувство нѣкоторой тяжеловесности, или, наоборотъ, блаженности, а этого лучше избѣгать; онъ впрочемъ не допускаетъ спиртныхъ напитковъ, введеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требуетъ врачъ. Даѣте, идеть съ ужиномъ, о снѣ, о соблюдениіи гигієни (о ваннахъ), о мѣрахъ заключающихъ уходѣ за зрѣніемъ и по-

лостью рта (за зубами). Советы и указанія автора, правда, не новы, но здравы, толковы и поучительны.

Въ слѣдующей статьѣ проф. Ветлесена „о нервахъ и чувствахъ“ болѣе обращается вниманія на психологическія, нежели на физіологическія детали воспитанія. „Семья, по мнѣнію автора,—больше воспитываетъ, вѣдь, примѣрами и воспоминаніями, остающимися въ душѣ ребенка отъ непосредственныхъ впечатлѣній, чѣмъ словесными увѣщаніями и внушеніями“. Мнѣніе это показывается въ авторѣ толковаго наблюдателя не въ примѣрѣ ординарнымъ педагогамъ, видящимъ въ однихъ внушеніяхъ основной принципъ нравственнаго воспитанія. Авторъ возстаетъ противъ запугиваній ребенка. „Страхъ въ сущности не свойственъ природѣ ребенка. Чувство это весьма часто прививаютъ ребенку неразумные окружающіе, намѣренно вызывая у него жуткія ощущенія, населяя его фантазію пугающими образами и представлениями, страшная его наказаніями съ цѣлью добиться повиновенія“. Добро, радостное душевное настроение имѣетъ великое значение въ жизни ребенка, да и взрослыхъ; оно вѣрнѣе всего содѣйствуетъ здоровью, гармоническому росту и развитию тѣла. „Нашъ прямой долгъ, говорить авторъ,—быть радостными“. Откройте радости доступъ въ свои сердца, въ свою семью! Радость столь же необходима, какъ солнечный сѣрѣть, какъ свѣжій воздухъ. Недавно одинъ американскій журналъ поднялъ вопросъ: „Почему въ наше время такъ мало цѣнятъ ту радость, источникъ которой въ дѣтской комнатѣ? Не напрасно ли ею пренебрегаютъ? Вѣдь иначе не можетъ явиться лучшимъ противовѣсомъ современной нерв-

ности и ипохондрии, какъ радость щебечущей толпы ребятишекъ". Да, проф. Ветлесенъ весьма кстати коснулся высокой роли жизнерадостности въ семье и въ дѣтяхъ, на которую искоса, если не враждебно смотрятъ ординарные педагоги, чиновники отъ проевѣщенія.

Глава XIV касается одного изъ серіозныхъ вопросовъ: вопроса о половой дѣятельности. Въ главѣ этой развитіе полового чувства осторожно и умѣло описано директоромъ Грэве. По мнѣнію автора, къ концу периода отрочества, къ 14 годамъ, ознакомление съ условіями половой жизни оказывается наиболѣе своевременнымъ и умѣстнымъ, и взять его на себя ближе всего родителямъ, особенно матери. Однако, для успешного выполненія задачи необходимо, чтобы дѣти заранѣе привыкли относиться къ родителямъ съ особою довѣрчивостью. Родители должны, такъ сказать, заблаговременно подготовить почву для этого важнаго момента, пріучивъ дѣтей откровенно дѣлиться съ ними всѣмъ, что есть у нихъ на душѣ; пріучить же дѣтей къ этому можно только, никогда не откланиваясь отъ себя ихъ вопросительныхъ взоровъ по нетерпѣнію или незнанію, что отвѣтить. Для успешного воздействиія на дѣтей необходимо обладать ихъ полнымъ довѣріемъ, и вотъ изъ-за этого-то обладанія родителямъ и слѣдуетъ вступить въ состязаніе со школой въ лицѣ товарищей и подругъ своихъ дѣтей. Переводчики книги совѣтуютъ родителямъ пользоваться въ этомъ случаѣ сочиненіями Шепердъ, между тѣмъ какъ сочиненія, "Половая гигиена" Риббинга и "Гигиена цѣломудрія" Корнига могутъ быть причислены къ наилучшимъ въ этомъ родѣ. Статья о знакомствѣ съ происхожде-

ніемъ жизни г-жи Сельмеръ служить дополненіемъ предыдущей. Авторъ стоитъ за откровенную бесѣду родителей съ дѣтьми по указанному вопросу и полагаетъ, что причиною трудностей и недоразумѣній со стороны родителей и воспитателей въ этомъ отношеніи надо считать или недостатокъ взаимнаго довѣрія между родителями и дѣтьми, или унаследованная отъ старины привычка скрывать покровомъ тайны процесса размноженія. "Чистое, естественное, наивное пониманіе дѣтьми процесса размноженія—краеугольный камень нравственнаго воспитанія взрошенія чистаго духомъ, здороваго тѣломъ и стойкаго нового поколѣнія": таково мнѣніе автора. Авторъ настаиваетъ на полной возможности основательнаго выясненія вопроса о происхожденіи жизни. При серіозномъ отношеніи къ вопросу, по его мнѣнію, нечего опасаться очутиться въ неловкомъ положеніи, чѣмъ страшатъ противники всякихъ такихъ разъясненій дѣтямъ. Ребенокъ самъ по себѣ слишкомъ деликатенъ и цѣломудренъ отъ природы. Его интересуетъ только то, откуда взялась у него новая сестрица или братецъ. Дальше онъ не идетъ вначалѣ. Когда же мышленіе у него настолько разовьется, что онъ задастъ себѣ вопросъ о самомъ происхожденіи, зарожденіи жизни, то и самъ онъ будетъ находиться въ такомъ возрастѣ, когда можно дать ему соответствующія разъясненія, и когда онъ въ состояніи будетъ понять, не требуя лишнихъ словъ, что люди подчинены тому же закону, который сказывается во всей природѣ, и что родители и дѣти являются звеньями великой неразрывной цѣпи бытія. Все сказанное, надо помнить, разсчитано на норвеж-

скаго читателя, а не на русскаго или француза, не привыкшаго относиться серозно къ описываему вопросу.

XV глава посвящена гимнастикѣ, играмъ и тѣлеснымъ упражненіямъ. До четырнадцати лицъ доставили по статьѣ для этой главы. Изложеніе статей кратко; въ статьѣ о гимнастикѣ говорится больше объ ея обстановкѣ и ея гигиенѣ, нежели о ней самой и ея системахъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что тѣлесныя упражненія, необходимость ихъ вошли въ убѣжденіе, въ плоть и кровь норвежцевъ, составляютъ азбуку, о которой имъ какъ-то странно было бы и говорить. Капитанъ Ангелль говоритъ: „Общее мнѣніе, что городская норвежская молодежь стала здоровѣе, крѣпче въ послѣднее время. Особенно сказывается это при приемѣ новобранцевъ. Причину ищутъ въ общемъ увлечениіи спортомъ. Да и въ чемъ искать ее иначе?“ Врачъ Элертсенъ считаетъ разумный спортъ пригоднымъ для всѣхъ возрастовъ. По его мнѣнію 5-ти лѣтнаго ребенка можно уже пустить побѣгать на лыжахъ по ровному пути, 6-ти лѣтнему надѣните коньки; 8—9-ти лѣтній школьникъ пусть упражняется въ настоящей гимнастикѣ, въ игрѣ въ мячъ, съ 12—14 лѣтъ отправляется въ длинныя экскурсіи пѣшкомъ, на лыжахъ, а въ 16—18 берется за весла. До 20—21 года юноша можетъ еще увлекаться всякими физическими упражненіями, всякимъ спортомъ въ волю, а затѣмъ спорту приходится уже все больше и больше отступать на второй планъ передъ настоящимъ трудомъ взрослого человѣка.

Д-ръ А. Виренусъ.

(До слѣд. №).

Что читать детьмъ.

- Молодые побѣги.** Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Для дѣтей младш. возр.
- Онъ же: Русскіе поэты.** Для дѣтей и юношества. Изд. т-ва П. Д. Сытина. Москва. 1902 г.

„Молодые побѣги“— „сборникъ разсказовъ и сказокъ“. Въ большинствѣ изъ нихъ, однако, почти вовсе нѣть никакой фабулы. „Вотъ и зима“: дѣти отправляются кататься на конькахъ въ „первый зимній день“. „Нютанія“: дѣвочка играетъ съ котятами. „Она поняла“: Маша было поссорилась съ братомъ: онъ ушибъ ее. Но своей легкой „раной“ она не хочетъ оторвать уставшаго отца: она сообразила скрыть свою болѣду и давно помирилась съ мальчикомъ и т. д. и т. д. Не украшаетъ авторъ своихъ очерковъ и припароженными описаніями, не обогащаетъ и попутными „познавательными“ сообщеніями. Все „внушеніе“ „Молодыхъ побѣговъ“ въ томъ, что кроткому душой, покойному автору ихъ, видимо, не надоѣдалъ дѣтскій мірокъ со всѣми его немудреными мелочишками. „Русскіе поэты“—своего рода элементарные очерки по истории литературы — съ очень простенькимъ вѣнчаниемъ изложеніемъ, съ любящимъ тоною въ передачѣ темы. Тутъ и самый подборъ поэтовъ—довольно оригиналѣнъ: правда, включены въ книжку Пушкинъ и Лермонтовъ; но вѣдь безъ нихъ и не обойдешься. Говорится въ сборникеъ объ Алекс. О. Мерзляковѣ (1778—1830 гг.), сынѣ назначительного купца, который изъ городка „холодной, глухой“ Пермской губ. попадаетъ въ Москву ординарнымъ профессоромъ университета, и о Баратынскомъ: поэтъ называлъ свой голосъ, „негроменъ“, однако, и до сегодня онъ слышится читателямъ. Останавливается гуманистъ Соловьевъ и на холѣ Шевченкѣ—пострадавшемъ: „мое дѣтское сердце

было оскорблением миллионы разъ", заявлялъ этотъ украинецъ. Помимо биографійки, въ сборникѣ приведено много стиховъ Алекс. Толстого, столь незнакомаго еще большой публикѣ. Представленные здесь и Ал. М. Жемчужниковъ и Ив. Суриковъ—не крушные, но симпатичные художники. Живеть духъ Соловьевъ-Несмѣлова въ этой чистенькой книжечкѣ, и она найдеть себѣ доброе примѣненіе.

A. H.

3. Литературный вечеръ. Сборникъ поэтическихъ произведеній для чтенія на литературныхъ вечерахъ въ семье и школѣ. *Ф. В. Виноградовъ.* Казань. 1902 г. Складъ изд. у *Л. П. Антипова* въ Казани и у автора—г. Курмышъ, Симб. губ.

Составитель этой книги поясняетъ въ предисловіи:—„Устраивая въ продолженіе многихъ лѣтъ школьніе литер. вечера въ мужск. и женскихъ учебн. завед., мы личнымъ опытомъ убѣдились въ трудности подысканія матеріаловъ для чтенія, вслѣдствіе отсутствія въ педагогической литературѣ такого спеціально составленнаго сборника, который могъ бы служить ихъ, источникомъ. И вотъ, говорить далѣе г. Виноградовъ, — „желая пополнить такой пробѣлъ въ педагогической литературѣ, мы рѣшились составить настольную книгу, какъ сборникъ поэтическихъ произведеній вполнѣ пригодныхъ для выразительного чтенія на школьніхъ литературныхъ вечерахъ“. Сборникъ раздѣленъ на 2 части: теоретическую и собственно хрестоматію. Гч. заключаетъ 3 главы: 1) о воспитательномъ значеніи поэтическихъ произведеній; 2) краткая тѣорія выразительного чтенія съ примѣненіемъ ея къ художественному разбору поэтическихъ произведеній и 3) практическіе софты и указанія къ устройству литературныхъ вечеровъ въ школѣ. Всѣ свои „теоретическая“ толкованія и обосновки г. Виноградовъ почерпаетъ главнымъ образомъ изъ того же Эккпорта, изъ извѣ-

стной книжки Легуве, изъ трудовъ покойныхъ Коровякова и В. П. Острогорскаго, но, въ общемъ, даже одни уже эти наши указанія на содержаніе сборника свидѣтельствуютъ о полезности „литературныхъ вечеровъ“,—въ мѣру хотя бы сообщаемыхъ имъ справочныхъ и чисто практическихъ свѣдѣній. Поблагодарятъ, конечно, составителя и за соединеніе разрозненнаго, во противу подбора статей въ хрестоматія ихъ распределенія—есть что возразить. Надр., для предполагаемыхъ исполнителей — учениковъ младшихъ классовъ гимназій и уѣзденыхъ начальныхъ училищъ, не все тутъ посильно. Едва ли идетъ къ нимъ декламированіе пессимистическихъ взываній г. Случевскаго: „только бы что-нибудь поярче, что-нибудь новеселѣй“. Трудно справляются подростки съ Лермонтовскимъ „психологизмомъ“ въ „Русалкѣ“ или „Балладѣ“ или т. п. пьесами „Грѣшница“ А. Толстого или его же мѣстами столь тонко ироническій и элегическій „Курганъ“ доступнѣе болѣе взрослымъ чтецамъ. Не мало въ сборникѣ и вовсе безвкуснаго матеріала. Систематизація образцовъ приведена г. Виноградовымъ также не безъ путаницы. Намъ, признаемся, не нравится и дѣление на „стихотворенія патріотического содержанія“. Будто только въ этой рубрикѣ чтецъ признается за любовь къ отечеству, а не расположень къ нему постоянно? Или — почему моральное разсужденіе „Скупость и расточительность“ попало въ „повѣсти и рассказы“? Въ этомъ же отдѣлѣ находимъ и сценку Горбунова—„На почтовой станції“. Въ „драматическихъ произведеніяхъ“ помѣщены: „Лѣсь. Сцена изъ народнаго быта“ Горбунова же и отрывокъ изъ „Бѣжина луга“ Тургенева. Ничего, въ сущности, драматически-подвижнаго вѣтъ въ этихъ діалогахъ Тургенева, а для передачи вещи Горбунова здѣсь нужна чутъ ли не мимика по преимуществу.

A. H.

4. Ангелъ любви. Рассказъ для детей
Т. Т. Мидъ. Перев. съ англійскаго
Н. Кургановой. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.
Издание А. Девріена.

Съ удовольствіемъ и интересомъ прочтутъ дети прекрасный рассказъ о жизни трехъ девочекъ большого лондонского дома въ Ормеродъ-Скверѣ. Живы и рельефны фигуры детей. Старшая, Эдитъ, 8-ми лѣтъ, серіозная, вдумчивая девочка, въ свои 8 лѣтъ она чувствуетъ себя совсѣмъ большой и ответственной за своихъ младшихъ сестеръ и малютку брата, особенно во время отсутствія своей больной матери. Шестилѣтняя Роза—рѣзвый, своеобразный ребенокъ. Ея дѣтскія проказы, шалости и неожиданные выходки такъ естественны, искренни и свойственны дѣтскому возрасту, что маленькая рѣзвая, непослушная девочка кажется самымъ малымъ существомъ изъ трехъ описываемыхъ детей. Четырехлѣтняя крошка Бэбъ—корткая девочка, во всемъ уступающая и подражающая своей сестрѣ Розѣ. Не менѣе хорошо описана солидная, чопорная няня м-съ Барретъ, въ накрахмаленномъ чепцѣ и бѣлонѣжномъ передникѣ, мечтающая о томъ, чтобы маленькие барышни были примѣрными лѣди. Различные эпизоды дѣтскаго быта, шалости детей, проступки, вся эта маленькая жизнь описана очень живо и такъ близка и понятна маленькому читателю.

Но что дѣлаетъ этотъ рассказъ совершенно туманнымъ и непонятнымъ для детей, это проповѣдь въ аллегорической формѣ объ ангелѣ любви, живущемъ въ сердцахъ детей. М-съ Шэнтрей, мать описываемыхъ детей, говоритъ своей четырехлѣтней Бэбъ, что сердечко ея „похоже на домикъ, въ которомъ живеть ангелъ. Въ этомъ домикѣ есть дверь, и твоё дѣло“, говоритъ м-съ Шэнтрей, „стараться держать ее крѣпко запертої, потому что враги постоянно подходятъ и стучатся въ нее. Враги эти ненавидятъ маленькаго ангела любви и желали бы убить его и они никогда не входятъ въ твоё сердце, Бэбъ, не поваливъ раньше ангела и не обидѣвъ его очень“. Даѣе мать разсказываетъ о двухъ маленькихъ девочкахъ, которыхъ

были счастливы, но врагъ любви, себялюбіе, „маленький человѣчекъ съ небольшими, непріятными глазами и съ сморщенными хитрыми лицомъ“ ворвался въ двери сердца одной изъ девочекъ, и онѣ не играли больше такъ хорошо вмѣстѣ, какъ раньше.

Въ такой же отвлеченнѣй, туманной и непонятной формѣ мать говоритъ объ ангелѣ любви другой дочери, Розѣ, называя враговъ его Нетерпѣніемъ и Злобою. Старшей она говоритъ: „Домикъ—твое сердце, Эди, которое ты должна наполнить прекрасными гостями и не впускатъ въ него враговъ, Тщеславіе и Суетность. Маленький ангелъ Любви долженъ всегда виднѣться въ твоихъ глазахъ, а его маленький другъ, котораго я могу назвать Смиреніе, долженъ поддерживать твое сердце чистымъ. Тогда только, Эди, красивое лицо и чистое сердце принесутъ благословеніе всюду. Понимаешь меня, милочка?“—„Немного, мама“.

Восьмилѣтняя Эдитъ, по ея собственному признанію, не много поняла изъ словъ матери, что же могла понять четырехлѣтняя крошка Бэбъ изъ этой туманной проповѣди морали?

Такія отступленія въ область морали тѣсно переплетаются съ рассказомъ, затемняютъ его и дѣлаютъ совершенно недоступнымъ для дѣтскаго пониманія. Живой рассказъ потерялъ почти всю свою красоту и жизненность изъ-за желанія автора дать детямъ отвлеченное понятіе о добродѣтеляхъ и порокахъ. Дѣтямъ непонятно отвлеченное, они учатся нравственности на живыхъ, конкретныхъ примѣрахъ дѣйствительности, а не на отвлеченныхъ разсужденіяхъ.

5. Подруги. Повѣсть для юношества
В. П. Желиховской. Съ 6-ю рисунк.
Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. 1 р.
75 к. Изд. А. Девріена.

Героиня повѣсти—молоденькая 16-лѣтняя Надежда Николаевна Молохова, дочь генерала Молохова, одного изъ видныхъ представителей города. Наденька—единственная дочь генерала отъ первого брака. Вторая жена его, Софья Никаноровна, не живеть въ ладу со своей падчерицей

(авторъ въ одномъ мѣстѣ называетъ Наденьку, вмѣсто падчерицы, прѣмной дочерью Софы Никаноровны, что, кстати сказать, вовсе не синонимы). Мачеха старается сдѣлать свою падчерицу свѣтской дѣвушкой, стремится наряжать ее, вывозить, а ту тянуть въ другую сторону, къ книгамъ, занятіямъ.

Авторъ не пожалѣть свѣтлыхъ красокъ для того, чтобы обрисовать Наденьку, ни темныхъ для ея мачехи и остальныхъ дѣтей. Окружающая обстановка служить какъ бы темнымъ фономъ, на которомъ рельефище выдѣляется свѣтлый образъ добродѣтельной Надежды Николаевны. Всѣ события не кажутся естественно вытекающими изъ самого хода вещей, а совершаются по заранѣе намѣченному плану автора для цѣлей морали, нисколько не скрытыхъ отъ самого наивнаго читателя. Такая искусственность въ построеніи лишаетъ повѣсть жизненности и правдивости. Самые заурядные факты при такомъ тенденціозномъ освѣщеніи кажутся фальшивыми, подтасованными. Авторъ, очевидно, иной разъ и самъ чувствуетъ, что добродѣтели Наденькѣ, что называется, перепущено, и пробуетъ увѣрять читателя, что „Наденька, конечно, не совершенство“, но это увѣреніе не гармонируетъ съ общимъ содержаніемъ повѣсти, гдѣ авторъ пользуется каждымъ фактъмъ, чтобы еще разъ убѣдить читателя, какая это была прекрасная дѣвушка, достойная подражанія. Слашавый тонъ повѣсти обнаруживаетъ намѣреніе автора дать юношеству навидательныя наставленія въ картинахъ и лицахъ. Цѣль нисколько не достигается, такъ какъ добродѣтельно-поучительный жанръ дѣтской и юношеской литературы давно уже не имѣеть успѣха среди этой читающей публики.

6. **Одна-одинешенька.** Повѣсть для юношества Шарлотты Шабрье-Ридеръ. Перев. съ франц. О. М. Мижевской. Съ 63 рисунк. Цѣна 2 руб. 25 коп. Изд. А. Ф. Девріена.

Правдивая, искренняя повѣсть объ энергичной, самоотверженной молодой дѣвушкѣ. Шарлотта Жербье, такъ звали ее, рано лишилась отца и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гаспаромъ осталась на попеченіи своей молодой, легкомысленной матери, которая вскорѣ опять вышла замужъ, сына помѣстила въ лицей, а дочь въ пансионъ, гдѣ даже ни разу не навѣстила ихъ. Черезъ нѣсколько времени она уѣхала съ мужемъ въ Америку и совсѣмъ оставила своихъ дѣтей. По окончаніи пансиона Шарлотта была совершенно предоставлена самой себѣ, и тутъ началась ея тяжелая, суровая жизнь. Вдругъ получилось извѣстіе, что мать ея и вотчимъ умерли отъ желтой лихорадки, оставивъ послѣ себя троихъ дѣтей. Дѣти были привезены въ Европу, и Шарлотта съ братомъ взяли ихъ на свое попеченіе и поселились въ Парижѣ. Шарлотта бодро и даже весело несла на себѣ всѣ заботы, рѣшившись посвятить свою жизнь дѣтямъ, такъ какъ у нихъ кромѣ ея никого не было.

Какъ бы въ награду за свою самоотверженную жизнь, Шарлотта встрѣтила прекраснаго молодого человѣка, который полюбилъ ее, она вышла за него замужъ, перестала быть одинокой и нашла свое счастіе, не переставъ заботиться о дорогихъ ей дѣтихъ.

Таково содержаніе повѣсти. Слегка идеализированная фигура добродѣтельной, энергичной Шарлотты обрисована мягкими, правдивыми чертами. Полное сочувствіе возбуждаетъ эта одинокая, покинутая матерью дѣвушка. Пансионъ м-съ Ватсонъ, въ которомъ такъ эксплоатировали трудъ Шарлотты, не покажется каррикатурнымъ русскому читателю. Всѣ затрудненія Шарлотты съ квартирой, прислугою, поиски заработка описаны яркими, живыми красками и знакомятъ съ трудностями жизни большого города. Нѣкоторыя сцены съ прислугой, поиски дачи описаны съ тонкимъ, изящнымъ юморомъ и полны комизма.

Пет.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Февраль — № 2.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 2.

1. О возможности совместного воспитания мальчиковъ и девочекъ. Статья м-ра Бэдлай. Перев. съ англ. Н. Жариновой.	65
2. "Почитать бы." Эльть.	81
3. "Дѣтскій міръ". 2 бесѣда по поводу выставки. В. Поворинской.	88
4. Семья и воспитание въ Норвегіи. Д-ра мед. А. Виренуса.	96
5. Протоколъ засѣданія Родит. кружка 8 ноября 1903 г.	111
6. Что читать дѣтямъ?	117

О ВОЗМОЖНОСТИ СОВМѢСТНОГО ВОСПИТАНИЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕКЪ.

Статья основателя Бидэльской школы
Дж. Г. Бэдлай.

Очень многимъ покажется нелѣпостью даже самое возникновеніе подобного вопроса, и большинство тѣхъ людей, которые заняты у насъ дѣломъ воспитанія, сочтутъ разсужденія на эту тему по меньшей мѣрѣ излишними. Совместное обученіе, хотя и не безызвѣстное въ Англіи, пока еще не признано; его продолжаютъ причислять къ категоріи педагогическихъ фантазій, недостойныхъ того, чтобы ихъ обсуждали на ряду съ практическими, серіозными дѣлами. Въ моей школѣ, где въ продолженіе десяти лѣтъ теорія тѣсно сплеталась съ практикой — на основаніи того убѣженія, что только практикой можно оценить достоинства новыхъ методовъ и новыхъ идеаловъ, — мы сдѣлали опытъ совместного воспитанія мальчиковъ и девочекъ. Поэтому то, что здѣсь слѣдуетъ, написано не съ точки зрѣнія кабинетного ученаго, который выводить умозаключенія, не покидая своего кресла передъ письменнымъ столомъ, — но съ точки зрѣнія людей, приступившихъ къ дѣлу съ

искренними убѣжденіями, проведшихъ эти убѣжденія въ жизнь при необходимыхъ условіяхъ и достигшихъ такихъ или иныхъ результатовъ. Объ этихъ-то убѣжденіяхъ, условіяхъ дѣла и результатахъ — будетъ итти въ дальнѣйшемъ рѣчь.

I.

Вполнѣ естественно, что совместное воспитаніе еще не вездѣ испытано: оно возникло само собою, въ силу необходимости, только тамъ, где этого требовали условія жизни. Воспитаніе — есть прежде всего тренировка работоспособности; и вполнѣ понятно, что мальчику, предназначенному для болѣе дѣятельной жизни, выпадала всегда львиная доля вниманія. Охота, употребленіе оружія, общественные дѣла и наука — все казалось его прерогативой; и мальчика посыпали изучать законы, теологію и естественные науки (а затѣмъ и спортъ, и литературу, какъ равноправные имъ въ вынѣшнее время), — тогда какъ девочка оставалась дома, обучаться шитью и хозяйству, чтобы сдѣлаться служой и сидѣлькою своего господина. Но ка строй жизни основывался на физической борьбѣ, это являлось неизбѣжнымъ; двѣ различныя сферы жизни, соприкасавшіяся только въ раннемъ дѣствѣ, въ періодъ ухаживанья и въ старости, вызывали сами собой два различные способа воспитанія и образованія; и эта разница, въ большинствѣ случаевъ, дожила до нашихъ дней, хотя условія жизни совершиенно перемѣнились, и сила физическая, какъ основаніе успѣха, усту-

шила мѣсто—даже въ высшихъ слояхъ общества — силѣ трудовой. Работоспособность двухъ половъ значительно сравнялась, и—желанное ли это явленіе, или нѣтъ, по фактѣ остается фактомъ,—это поле дѣятельности для женщины съ каждымъ годомъ расширяется; имъ уже вполнѣ доступны занятія и профессіи, еще недавно представлявшія для нихъ замкнутый міръ. И это естественно требуетъ одинаковой съ мужчинами подготовки. Даже помимо занятій и профессій, теперь уже признано, что мозгъ женщины не ниже мужскаго, и поэтому она имѣеть одинаковое съ нимъ право на умственные интересы и осмысленную, содержательную жизнь; а это тоже требуетъ развитія столько же для дѣвушекъ, сколько и для юношей. За высшее образованіе женщинъ теперь уже много неоспоримыхъ доводовъ; этотъ пунктъ не требуетъ обсужденій. „Но почему же“, спросятъ многіе, — „воспитаніе женщины должно быть одинаково съ мужскимъ? И, главнымъ образомъ, зачѣмъ намъ усиливать совмѣстный воспитаніемъ риски и затрудненія для обоихъ половъ, когда въ школьнномъ возрастѣ они и безъ того велики, даже при воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ порознь?“

Существуетъ известная и очевидная разница (въ складѣ ума и тѣла) между двумя полами, и ее, конечно, игнорировать нельзя ни при какой системѣ воспитанія. Вопросъ лежитъ только въ томъ, насколько и когда эта разница требуетъ раздѣленія мальчиковъ отъ дѣвочекъ при совмѣстной жизни: „Не въ дѣтской, конечно!“ — отвѣчали опытные воспитатели всѣхъ вѣковъ. „И не въ Kindergarten“, — прибавляютъ современные. Но когда дѣло до-

ходитъ до решенія вопроса: какой же возрастъ требуетъ съкущей линіи, раздѣляющей дѣтскій міръ на два отдельныхъ, — тутъ начинается разногласіе во мнѣніяхъ. Обычный отвѣтъ: „Лишь только мальчикъ отправляется въ школу“, — т.-е. лѣтъ около девяти; когда же спросишь, какія основанія могутъ быть для раздѣленія дѣтей въ этомъ возрастѣ, то родители и учителя ссылаются на развивающуюся физическую силу мальчиковъ, дающую имъ возможность верховодить и помыкать дѣвочками. Если заставишь ихъ признать, что въ наше время даже школьная жизнь (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) не основывается болѣе на правѣ сильнаго, — тогда они прибѣгаютъ къ защитѣ физіологии: „женщины — не мужчины; и дѣвочки не мальчики! Они не могутъ дѣлать одного и того же, такъ зачѣмъ же насиливать ихъ природу?“ Настолько же бездоказательнъ и тотъ отвѣтъ, что въ раннемъ дѣтствѣ возможно воспитывать мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ благодаря лишь мало выражющейся тогда разницѣ половъ; но если общій результатъ долженъ неизбѣжно получиться различный, то тогда ужъ и воспитывать слѣдовало бы совершенно различно, начиная съ первыхъ лѣтъ жизни!

Между тѣмъ, если взглянуть на цѣли воспитанія даже съ узкой точки зреенія, какъ на подготовку къ практической дѣятельности, то и тогда становится яснымъ, что въ наши дни сфера дѣятельности настолько свободна для обоихъ половъ въ равной степени, что и воспитаніе въ большинствѣ своихъ развѣтвленій должно быть одинаково. Если же взглянуть на него шире — какъ на подготовку къ жизни во-

О возможности совместного воспитания мальчиковъ и девочекъ.

обще,—то нужно признать, что школа должна вырабатывать не отдельный какой-нибудь типъ, будь то мужской или женскій, а всесторонне-законченное человѣческое существо,—не бесполое, безформенное созданіе, не женоподобнаго мужчину и не женщину подобную мужчинѣ, а разумное существо, всѣ природные дары котораго должны быть равномѣрно развиты, какъ они того заслуживаютъ. И разъ школа задается такой цѣлью, она должна включить въ свой режимъ и свою программу учения все, чего требуетъ природа мальчика и природа девочки; въ этомъ есть нѣкоторое разнообразіе, но у мальчика нѣть такихъ качествъ, которыхъ абсолютно отсутствовали бы у девочки—и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ между двумя нормальными дѣтьми разнаго пола существуетъ большая разница, чѣмъ между двумя различными типами (тоже нормальными) одного и того же пола? Мы не можемъ искусственно подвести всѣхъ мальчиковъ подъ одинъ типъ мужчины; и въ обстановкѣ, которая можетъ развить разнообразные типы одного пола и какая должна быть въ школѣ, всегда окажется достаточно простора и для роста девочекъ. Во многихъ случаяхъ намъ еще неизвѣстны основные различія работоспособности обоихъ половъ; опытовъ одинакового „высшаго образования“ пока недостаточно, и мы можемъ судить лишь *a priori*, въ чёмъ именно должна выражаться разница въ воспитаніи. Какъ и во всѣхъ разработленіяхъ жизни, единственнымъ правильнымъ способомъ для вывода правильнаго сужденія можетъ быть только опытъ: надо поставить оба пола въ одинаковыя условія воспитанія, чтобы высказались

природныя различія,—а не судить по тѣмъ различіямъ, которыя явились слѣдствіемъ различной постановки воспитанія.

Но если даже и будетъ признано, что девочка должна получать одинаковое съ мальчикомъ воспитаніе, то это еще далеко отъ признания факта, что оно должно быть *совмѣстнымъ*. Теперь основано уже не мало отличныхъ школъ для девочекъ, устроенныхъ по образцу среднихъ и приготовительныхъ школъ для мальчиковъ — и во многихъ отношеніяхъ стоящихъ даже выше ихъ. Насъ спросятъ: „Ну, и что же: развѣ этого недостаточно? Развѣ для мальчиковъ не было бы лишениемъ смягченіе въ какой бы то ни было формѣ ихъ школьнаго быта ради присутствія девочекъ? И развѣ не опасно вводить сознательно тотъ элементъ, котораго игнорировать невозможно?“

Если бы дѣло заключалось только въ экономичности или удобствахъ, — то на эти темы еще можно было бы побесѣдоватъ; но весь вопросъ концентрируется именно въ томъ, что каждому полу въ отдельности правильнаго и полнаго воспитанія дать невозможно. Упущенія при этомъ въ физическомъ воспитаніи — это еще полбѣды; но въ отношеніи умственнаго развитія потеря очень значительна, потому что въ дѣлѣ расширенія и гуманизированія умственного кругозора огромную пользу приносить взаимодѣйствіе различныхъ точекъ зрѣнія двухъ половъ. Что же касается выработки характера — высшей цѣли воспитанія, — то раздѣльная школа можетъ въ лучшемъ случаѣ принести только частичные результаты. Оторванные одни отъ другихъ почти всенѣло на десять съ лишнимъ лѣтъ сознатель-

ной жизни,— на тѣ годы, когда выливаются въ форму идеалы и привычки,— молодые люди не выносятъ къ концу этого періода жизни ничего общаго: не только общихъ интересовъ и воспоминаній, но даже взаимныхъ симпатій и пониманія. И въ то время, когда мы дѣлаемъ все, чтобы развить у каждого пола въ отдельности одинъ рядъ добродѣтелей, одну сторону природы,— не замѣчая вытекающихъ изъ этого недочетовъ,— мы совершенно игнорируемъ другую ея сторону, вслѣдствіе чего мальчики и дѣвочки остаются совершенно неподготовленными къ встрѣчѣ (или, вѣрнѣе, слишкомъ пагубно подготовленными), — и тяготѣніе къ другому полу проявляется въ формѣ всепокоряющаго животнаго инстинкта. Поэтому, ради блага обоихъ половъ, чрезвычайно важно, чтобы годы школьнай жизни проходили у мальчиковъ и дѣвочекъ въ общемъ трудѣ, общихъ играхъ, общемъ образѣ жизни; и это во всякомъ случаѣ стоить испытать, чтобы убѣдиться, действительно ли существенны, врожденны и непреодолимы тѣ трудности, которыхъ обыкновенно предполагаются обѣихъ сторонъ.

Эти предполагаемыя трудности сводятся въ общемъ къ тремъ пунктамъ (онуская устарѣвшее мнѣніе, будто бы дѣвочки не могутъ изучать латинскаго языка и алгебры и способны лишь къ шитью и рисованью):

- 1) Дѣвочки не могутъ играть въ футъ-болль¹⁾;
- 2) дѣвочки должны быть далеки отъ всякой грубости;
- 3) школы достаточно низко стоять

въ нравственномъ отношеніи, чтобы вводить еще такой пагубный элементъ.

Первое возраженіе представляеть полу-правду, съ помощью которой обыкновенно решаютъ вопросъ голо-словно; между тѣмъ, если даже дѣвочки и не должны играть въ футъ-болль, то онѣ могутъ и должны играть въ другія игры вмѣстѣ съ мальчиками. И отсюда не значитъ, что футъ-болль надо упразднить: для болѣе сильныхъ необходимы игры, требующія сильныхъ движений, и въ общемъ должно быть разнообразіе въ игрѣ, какъ и въ работѣ; есть даже мальчики, для которыхъ постоянный футъ-болль былъ бы вреденъ. У насъ въ число зимнихъ игрѣ, кромѣ футъ-болла, входять хоккей и лакроссъ, замѣняемые лѣтомъ теннисомъ и крикетомъ; почти всѣ эти игры считались еще недавно исключительно мужскими, но у насъ въ школѣ дѣвочки охотно принимаютъ въ нихъ участіе, хотя и играютъ иногда партіями—противъ мальчиковъ. О воспитательномъ значеніи такихъ игрѣ можно посовѣтовать всѣмъ сомнѣвающимся прочесть статью миссъ Лоуренсъ въ „Educational Reports“ (т. II, стр. 149 — 150). Въ данную минуту у меня нѣтъ намѣренія специально защищать совмѣстныя игры; я хочу только выразить свое общее впечатлѣніе, что онѣ не мало содѣйствуютъ важному дѣлу товарищества въ совмѣстной школѣ. И я вовсе не нахожу обязательнымъ, чтобы во всѣхъ играхъ безусловно участвовали и дѣвочки и мальчики; по-моему, главное вниманіе должно быть обращено на распределеніе играющихъ соотвѣтственно ихъ силамъ,— и часто бываетъ, что партія мальчиковъ нисколько не дѣлается слабѣе отъ участія дѣвочекъ.

1) Ножной мячъ, игра, требующая рѣзкихъ и сильныхъ движений.

„Но—продолжаютъ намъ возражать—дѣвочки не должны попадать въ атмосферу обычной школьнай грубости; кто же найдетъ полезнымъ для нихъ „забучки“ и приставанье товарищ? И что мы сдѣлаемъ, если онъ начнуть хвастаться, дразнить, браниться, если для нихъ станетъ нипочемъ „стибрить“ что-нибудь у товарища, если для нихъ станутъ естественными всѣ традиціонные обычай мужскихъ учебныхъ заведеній?“

При этой картинѣ дѣйствительно можно прійти въ ужасъ; но вмѣсто того, чтобы убѣгать отъ нея, закрывъ глаза, не лучше ли спросить: „А разъ все это необходимо и неизбѣжно для мальчиковъ?“ На это отцы, сами прошедшіе школу грубости, обыкновенно отвѣчаютъ: „О, да; съ течениемъ времени все это приноситъ пользу“. И все-таки, неужели волненія и боязнь матерей основаны только на невѣжествѣ и слабыхъ нервахъ?—Мальчики, конечно, должны пройти черезъ извѣстную долю грубости: они должны научиться отдавать и получать, стоять на собственныхъ ногахъ и держаться съ достоинствомъ при всякихъ условіяхъ; а дѣвочки: разѣ имъ это не необходимо? Ни для кого изъ дѣтей это не легкое дѣло; но отсюда слѣдуетъ ли, что они должны быть жестокими и ожесточенными? Правда, въ наши дни уже исчезли тѣ формы жестокости, которыя продвѣтали въ „школьные годы Тома Брауна“; но все еще многое осталось, что нужно смягчить. И здѣсь присутствіе дѣвочекъ принесетъ много пользы. Школьная атмосфера не разжигается и не размокнеть—этого я не боюсь: въ ней всегда останется что-то укрѣпляющее, стирающее острые углы и просѣиваю-

щее наносный слой глупостей, послѣ чего разумная дѣйствительность сама собой выдвигается на поверхность. Пройти черезъ этотъ процессъ, повторяю, не легко ни для мальчика, ни для дѣвочки; но онъ во всякомъ случаѣ не станетъ труднѣе ни отъ того, что исчезнетъ элементъ „грубости ради грубости“, ни отъ того, что оба пола пройдутъ черезъ „шлифовку“ вмѣстѣ. Въ нашихъ школахъ, въ особенности приготовительныхъ, уже многое сдѣлано для смягченія обычаяевъ, и не думаю, чтобы кто-нибудь нашелъ ихъ поестественному ухудшившимся. Когда же это будетъ достигнуто не только наблюдениемъ со стороны старшихъ, но развитіемъ хорошихъ убѣжденийъ, рыцарства и сердечности въ средѣ самихъ подростковъ,—тогда, по-моему, прежде всего уменьшится рискъ нравственнаго разложенія, рискъ отчужденности отъ истиннаго мужества и истинной женственности. „Но вѣдь вы въ то же время открываете дверь флирту?“ продолжаются упорныя возраженія.—Вѣдь постояннымъ общеніемъ мальчиковъ съ дѣвочками вы вызываете преждевременно половые инстинкты?“ А я думаю, что именно для того, чтобы этого не было, необходимо возможно большее общеніе половъ. Открытый ежедневный разговоръ и сообщество въ играхъ и работѣ представляютъ единственное основаніе для здравыхъ общихъ интересовъ и сочувствія, которыми пора замѣнить существующее взаимное презрѣніе, прикрытое слоемъ сентиментальныхъ глупостей; а мы имъ удовлетворены! мы, кажется, считаемъ такое положеніе вещей нормальнымъ! И эти нелѣпые отношенія между мальчиками и дѣвочками еще подкрѣпляются неестественными условіями школьн-

ной жизни, интернатами, въ которыхъ каждый полъ насильственно выдѣляется изъ нормальной обстановки и попадаетъ въ другую, какъ-будто бы здоровую для сдержанія половаго чувства, но въ сущности только направляющую его въ болѣзненныя, гибельныя колеи! Если бы мы нарочно хотѣли возбуждать въ нашей молодежи скверныя, вредныя чувства, то не могли бы достигнуть большаго результата. Но хотя это признаютъ всѣ, кому хорошо знакома школьная жизнь въ существовавшей до сихъ поръ формѣ,—то всѣ чувствуютъ и то (и вполнѣ справедливо), что вводить совмѣстное воспитаніе туда, гдѣ дѣти уже вступили на печальнную колею,—было бы безумiemъ. Наша обязанность предотвращать подобное явленіе; отдалить, а не ускорять неестественнымъ давленіемъ пробужденіе сознательныхъ половыхъ инстинктовъ; установить естественно-идущей общей жизнью дѣтей то правильное основаніе, при которомъ является нормальное знакомство съ другимъ поломъ и исчезаетъ безсмыслица сентиментальность, возможная только при отчужденности; наконецъ, тѣмъ руководствомъ, какое доступно почти исключительно школьнymъ воспитателямъ, постепенно развить въ молодежи контроль надъ собственными чувствами и инстинктами, которые при отсутствіи разумныхъ полечений могутъ привести къ гибельнымъ глупостямъ, вместо того, чтобы вылиться въ форму здоровыхъ и полезныхъ импульсовъ.

Вотъ причины, уже убѣдившія въ-которыхъ опытныхъ воспитателей, что лучшая часть нашего дѣла лишь на половину можетъ быть достигнута при отсутствіи сообщества мальчиковъ и девочекъ, необходимаго не только въ

дѣтской и вообще дома, но тѣмъ болѣе въ школьніе годы, въ средней и высшей школѣ, когда складывается умъ и характеръ, вырабатывается человѣкъ. Для того, чтобы избѣгнуть недоразумѣній, возникающихъ обыкновенно съ изумительной быстротой, позволяю себѣ еще разъ указать на то, что совмѣстное воспитаніе вовсе не требуетъ безусловнаго единства во всѣхъ работахъ и играхъ, котораго нельзѧ преступить ни подъ какимъ видомъ: школьній міръ зачастую бываетъ слишкомъ узокъ—и если онъ расширяется ради интересовъ того или другого пола, то это всегда будетъ полезнымъ для общаго дѣла.

II.

Прежде, чѣмъ приступить къ начертанію такой школьній программы и обстановки, которая отвѣчала бы требованиямъ обоихъ половъ, не мѣшаетъ разсмотреть, при какихъ условіяхъ совмѣстное воспитаніе было уже испробовано на дѣлѣ; потому что, изслѣдуя вопросъ, насколько оно примѣнимо къ тому или другому типу школы, не слѣдуетъ забывать важнаго факта: что какіе бы блестящіе результаты ни дала какая-нибудь воспитательная система при извѣстной комбинаціи условій, отъ нея ни въ какомъ случаѣ нельзѧ требовать непремѣнно такихъ же результатовъ при другой комбинації условій, въ другой обстановкѣ.

Легко согласиться, что самая простая форма школы для успѣшнаго совмѣстного преподаванія—это школа для приходящихъ на весь день дѣтей, „day school“, какія устроены въ городахъ Америки, Скандинавіи, и въ деревняхъ всѣхъ странъ, за исключеніемъ тѣхъ,

О возможності совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ.

куда проникло современное „просвѣщеніе“ съ требованіемъ раздѣленія половъ. Въ Америкѣ совмѣстное обученіе не ограничилось сферой приготовительныхъ школъ. О мнѣніи американскихъ воспитателей по этому дѣлу можно судить изъ письма ко мнѣ мистера Ганфорда, директора Brookline High School, самой извѣстной средней школы въ Бостонѣ, гдѣ среди 339 школьнниковъ почти поровну мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 14 до 19 зѣть.

„У насть дѣвочки и мальчики поступаютъ сначала въ Kindergarten, лѣтъ пяти, и занимаются вмѣстѣ, переходя изъ класса въ классъ, до тринацдати лѣтъ. Они свободно приходятъ въ школу и расходятся по домамъ смѣшанными группами, сидятъ въ классахъ вмѣстѣ, играютъ вмѣстѣ. Такое обще-
ніе приноситъ для всѣхъ самые луч-
шіе результаты. Не встрѣчается никакихъ затрудненій въ смыслѣ излиш-
ней близости; пустячное ухаживанье почти не существуетъ. Мальчики без-
сознательно заимствуютъ у дѣвочекъ иѣкоторую мягкость и изящество ма-
ниеръ, а тѣ въ свою очередь и такъ же
бесознательно проникаются иѣкото-
рыми хорошими чертами мужскаго ха-
рактера; но никакъ нельзя сказать,
тѣмъ не менѣе, чтобы мальчики „оба-
бились“, а дѣвочки „омужчинились“. Для дѣвочекъ очень полезно, во всѣхъ
отношеніяхъ, учиться въ одномъ клас-
сѣ съ мальчиками: онѣ начинаютъ
пользоваться довѣріемъ послѣднихъ,
и ни одинъ юноша, посѣщавшій со-
вмѣстную школу, не станетъ потомъ
толковать о „превосходствѣ мужскаго
ума“. Въ самомъ дѣлѣ, я бы даже на-
звалъ это однимъ изъ главнѣйшихъ
результатовъ - то возрастающее ува-

женіе, съ какимъ мальчики начинаютъ смотрѣть на дѣвочекъ.

Правильно поставленное со-
вмѣстное воспитаніе приноситъ то това-
рищество безъ сентиментальности, ко-
торое дѣлаетъ возможнымъ въ буду-
щемъ общую дѣятельность мужчинъ и
женщинъ, столь нужную въ нашемъ
мірѣ.

Въ отношеніи игръ у насъ нѣсколько
меньше общаго, чѣмъ вы полагаете
нужнымъ. Въ первые школьные годы
дѣти, конечно, играютъ всегда вмѣстѣ;
но затѣмъ, съ переходомъ въ „сред-
ніе“ классы, лоунъ-теннисъ остается
почти единственной общей игрой; бол-
льше грубый „ножной мячъ“ привле-
каетъ мальчиковъ, тогда какъ дѣвочки
увлекаются „плетенымъ мячомъ“. Ве-
лосипедныя прогулки, коньки и экскур-
сіи, конечно, собираютъ всѣхъ. Часто
бываетъ, что дѣти не находятся подъ
нашимъ непосредственнымъ наблюде-
ніемъ; но американские родители го-
раздо болѣе признаютъ за своими
дѣтьми право свободы, чѣмъ европей-
скіе, и я скажу по совѣсти, что это
приносить только пользу“.

Такіе выводы, приведенные компе-
тентнымъ человѣкомъ, заслужившимъ
полный авторитетъ въ своей спеціаль-
ности, говорятъ много въ защиту со-
вмѣстного обученія и были единогласно
подтверждены всѣми представителями
воспитательного дѣла въ Америкѣ и
Скандинавіи на Международномъ Кон-
грессѣ Женщинъ въ Лондонѣ. И голоса
въ пользу дѣла, подтверждаемые фак-
тами, раздаются не только отъ чужихъ
странъ. Во многихъ мѣстахъ Англіи со-
вмѣстное обученіе и воспитаніе под-
вергается уже опыту въ школахъ са-
мого разнообразнаго типа. Такъ, въ
Bakewell, въ средней филологической

школъ, основанной двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Lady Manners, практика дала блестящіе результаты¹⁾.

Педагогическое общество „King Alfred School Society“ основалось семь лѣтъ тому назадъ со специальной цѣлью введенія совмѣстныхъ школъ. Первая изъ нихъ была учреждена въ Гампстедѣ, въ маѣ 1898 года, и теперь насчитываетъ до сорока дѣтей обоего пола, поровну числомъ, въ возрастѣ отъ восьми до четырнадцати лѣтъ. О результатѣ опыта мистеръ С. Е. Rice, начальникъ школы, пишетъ:

„Одновременное присутствіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ классѣ и на другихъ работахъ не вызвало никакихъ затрудненій—и менѣе всего тѣхъ, которыхъ боялись. Классныя темы возбуждаютъ не одинаковыя впечатлѣнія въ умѣ мальчика и умѣ дѣвочки; но это не недостатокъ, а скорѣе преимущество, придаваемое дѣлу, такъ какъ расширяетъ изслѣдованіе вопроса. Дѣвочка вносить, такъ сказать, точку зрѣнія болѣе одухотворенную и въ то же время интересуется подробностями; мальчикъ—вносить прямолинейность и свою независимую мысль. Характеры мальчиковъ постепенно становятся менѣе замкнутыми, они перестаютъ стѣсняться въ выраженіи чувства; тогда какъ дѣвочки теряютъ пассивную восприимчивость, подражательность, начинаютъ вырабатывать въ себѣ болѣе критический взглядъ на вещи и большую самостоятельность. Мальчики не теряютъ своихъ характерныхъ качествъ, но присутствіе дѣвочекъ словно направляетъ ихъ развитіе въ лучшую сторону; въ часто встрѣчаемую маль-

чишескую страсть къ „поглощенію“ книжекъ дѣвочки вносятъ элементъ жизненности, изобрѣтательности.

Въ играхъ дѣвочки часто держатся другъ друга, такъ какъ стараются выигрывать, поддерживая свой полъ; но пораженія встрѣчаются съ достоинствомъ, не выходя изъ себя. Они не играютъ только въ футболъ

Мальчики, съ трудомъ поддающіеся дисциплинѣ, постепенно становятся болѣе мягкимъ матеріаломъ въ рукахъ учителя, когда дѣвочки уже придали классу черту порядочности и акуратности, атмосфера общительности и веселой готовности ко всему тоже какъ-то ярче чувствуется отъ присутствія въ школѣ дѣвочекъ. Дѣти менѣе замкнуты и не стѣсняются выражать свою ласковость; вся жизнь дѣлается похожей на семейную, домашнюю, свободную“.

Немного ранѣе этой школы была основана другая, въ Keswick; она отличается отъ подобныхъ ей „дневныхъ“ школъ тѣмъ, что кромѣ приходящихъ шестидесяти человѣкъ обоего пола, нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, возрастомъ отъ восьми до восемнадцати лѣтъ, живутъ въ ней. Mr. Graut, директоръ школы, пишетъ мнѣ:

„Въ теченіе первого мѣсяца дѣвочки оказались на высотѣ ученья, хотя способнѣе и развитѣе всѣхъ два-три мальчика. Къ концу первой трети года мальчики стали мягче въ обхожденіи (многіе были очень грубы сначала), и эта перемѣна выразилась въ такой сильной степени, какой немыслимо было бы достигнуть въ тотъ же періодъ безъ присутствія дѣвочекъ. И очевидно, что они стремятся къ этому „дженртльменству“ искренно. Прежде они у насъ пользовались незавидной

¹⁾ „Review of Reviews“, январь 1898 г., стр. 66—68.

репутаціей, но со временем поступлений дѣвочечъ дисциplina стала легка; это нашли и учителя и учительницы. Явилось также больше старанія заслужить одобреніе преподавателей; но соревнованія между мальчиками и дѣвочками не больше, чѣмъ между дѣтьми одного и того же пола. Играли занимаются все вмѣстѣ; младшіе мальчики часто составляютъ партіи вмѣстѣ съ дѣвочками или избираютъ ихъ своими противниками. Дѣти имѣютъ веселый видъ, чувствуется дружелюбное настроеніе, и духъ общественности растетъ съ изумительной быстротой”.

(Оконч. въ с.мд. №).

Перев. Н. Жариновой.

„Почитать бы“...

Характерное „почитать бы...“ можно слышать во всѣхъ слояхъ общества, и полной сонливостью вѣть отъ этой фразы въ провинціи. Этой фразой, употребляемой нерѣдко отъ скучи, выражается желаніе позабавиться, убить время. Взглядъ на книгу, какъ на развлечениѳ отъ скучи, создается съ дѣтства у людей, которые видятъ книгу наравнѣ съ праздничнымъ отдыхомъ, обращаютъ на нее вниманіе отъ нечего дѣлать.

Есть подъ названиемъ „Почитать бы...“ азбука, названиемъ словами не-грамотного человѣка, который почитать бы хотѣлъ, да не умѣеть. Извѣстно, какъ мало развита еще у настѣ привычка къ чтенію вообще. Всякому дѣлу, развлечению, спорту, даже ничего-недѣланію удѣляется больше времени,

нежели чтенію. Большинство дѣтей въ теченіе учебнаго года очень мало читаютъ или ничего не читаютъ виѣ классныхъ занятій, а между тѣмъ, книжка имѣть большое значеніе въ развитіи и воспитаніи ребенка.

Вѣдь известно, какъ запоминаются на всю жизнь сказки и рассказы, слышанные въ дѣтствѣ, и все также знать, какъ легко забываются свѣдѣнія, почерпнутые изъ учебниковъ, тщательно и усердно учимыя. Первые сказки, слышанные въ дѣтствѣ, оставляютъ неизгладимый следъ въ душѣ ребенка, и чѣмъ больше слышалъ ребенокъ разсказовъ и сказокъ, тѣмъ развитѣе онъ и полное его внутренній міръ. Съ первымъ умѣніемъ читать приходитъ обыкновенно и интересъ къ книжкамъ, но не часто приходится ребенку читать съ началомъ ученья, да и бѣдность въ книгахъ въ большинствѣ случаевъ даетъ себя чувствовать. Нерѣдко можно слышать мнѣніе, что читать дѣтямъ въ теченіе недѣли не слѣдуетъ, что это мѣшаетъ ученью, и книжка выступаетъ въ роли праздничнаго развлечениѳ отъ скучи.

Мнѣніе, что самаго дурного ребенка отъ природы можно сдѣлать добрымъ и мягкимъ, вѣрно,—но для этого нужна система воздействиа посредствомъ книжекъ и окружающихъ примѣровъ. Чтеніе въ данномъ случаѣ болѣе доступный способъ, т. к. примѣры не всегда являются къ нашимъ услугамъ, какъ воспитывающее средство. Можно изъ маленькаго икса съ задатками злыхъ побужденій и опасныхъ инстинктовъ выработать если и не безусловно хорошую человѣческую личность, то, во всякомъ случаѣ, человѣка болѣе мыслящаго и способнаго обуздать врожденные инстинкты.

Раннее действие съ его играми, капризами и прихотями до некоторой степени определяетъ ребенка. Вотъ онъ, этотъ маленький шестилѣтній мальчикъ, весь погруженный въ созерцаніе цветка или насекомаго въ саду. Вотъ онъ обращаетъ вниманіе на птенчика, свалившагося съ дерева, и выраженіе глазъ его полно страданія. Вотъ и другой его же сверстникъ, вѣчно бѣгающій съ мячомъ, готовый ежеминутно разрушить попадающуюся на глаза кучку земли, работу крота. Этотъ мальчикъ не устаетъ ловить бабочекъ, а поймавъ и крѣпко сжавъ пальцами, наблюдать, какъ бьется бѣдное насекомое. Эти же два сверстника играютъ въ комнатѣ, одинъ изображаетъ лошадку, а другой кучера, бѣгаютъ — и одинъ съ наслажденіемъ бьется другого, воображаемую лошадку. Играютъ они и одинъ, уютно усѣвшись, старается разрисовывать книжку своими игрушечными красками, а другой, изображая разбойника, нападаетъ на него. Дѣло оканчивается тѣмъ, что у одного оказывается поцарапаннымъ лицо или разбитъ носъ, а другой въ это время, тяжело дыша, съ возбужденіемъ, любопытнымъ лицомъ, смотрѣть на плачущаго товарища, или съ сердитымъ лицомъ называетъ его плаксой, трусомъ и т. п.

Дѣти 6—7 лѣтъ проявляютъ уже тѣ или другія наклонности, которыя ясно выражаются въ ихъ играхъ, особенно ими же придуманныхъ и начатыхъ безъ указанія старшихъ.

Такія противоположности въ характерѣ дѣтей заставляютъ думать, что стремленія ихъ, обусловливаемыя ихъ природными качествами, ясно выражаясь въ играхъ, могутъ быть поощряемы или могутъ измѣняться подъ воздействи-

ствіемъ на ребенка со стороны окружающихъ, ихъ бесѣдами или книжками съ рассказами и сказками.

Рассказы и сказки не мало действуютъ на измѣненіе характера ребенка, оставляя на немъ впечатлѣнія отъ положеній и поступковъ героевъ. Ребенокъ, слушая или самъ читая, подмѣщаетъ всѣ особенности действующихъ лицъ и пытается прокинуть въ связь явленій, найти причину и объясненіе.

Если положительныя стороны характеровъ героевъ обращаютъ особенное вниманіе маленькаго читателя, то это можетъ служить иѣкоторымъ задаткомъ существованія хорошихъ основныхъ чертъ въ будущемъ человѣкѣ. Если отрицательныя стороны изображаемой жизни обращаютъ особое вниманіе ребенка, то необходимо, замѣтивъ это, стараться въ началѣ измѣнить вкусъ и направление вниманія ребенка. Аналогичные примѣры критики дѣйствий и поступковъ любимыхъ героевъ помогутъ въ данномъ случаѣ, и гибкость дѣтской души тому порукой, что ребенокъ измѣнится и будетъ приглядываться къ типамъ и явленіямъ, на которыхъ онъ раньше не обращалъ вниманія. Если допустить ребенка постоянно увлекаться и запечатлѣвать въ себѣ сцены, явленія и особенности героевъ отрицательного качества, то, дурные, природныя наклонности ребенка станутъ развиваться, отчасти и характеръ будетъ образовываться соответственно въ корѣ положеннымъ вкусамъ и наклонностямъ.

Ребенокъ, отъ природы добрый и кроткій, обращаетъ вниманіе на лучшее въ людяхъ и явленіяхъ, поскольку онъ ихъ уже понимаетъ, и это лучшее больше и больше укрѣпляется въ видѣ основы характера.

Шоха не перестануть смотрѣть на воспитаніе, какъ на знаніе известныхъ шаблоновъ на память и нѣкоторыхъ виѣшнихъ приличій, до тѣхъ поръ придется сѣтовать на массу людей невоспитанныхъ, хотя, можетъ-быть, и получившихъ дипломы.

Съ дѣтства нужно воспитывать душу человѣка, ея обликъ. Такое воспитаніе всего возможнѣе путемъ систематического чтенія виѣ класса, чтенія не какъ забавы, но какъ питанія лучшихъ сторонъ человѣческой души. Облагораживающее вліяніе литературы, ея послѣдовательное воспитательное значеніе можно смѣло поставить выше заучиванія различныхъ предметовъ школьнай программы.

Создавая посредствомъ чтенія человѣчные взгляды ребенку, мы тѣмъ самымъ открываемъ ему возможность видѣть въ учениш не прохожденіе школы изъ класса въ классъ, а цѣль учения настоящую и вѣрную, въ основѣ которой лежало бы принесеніе пользы обществу.

Закладывая фундаментъ прочного сознанія цѣли учения, мы можемъ разсчитывать на то, что ребенокъ стоитъ на вѣрномъ пути, а поощряемъ и дальнѣйшимъ средствомъ развитія должна явиться литература. Не легко, конечно, уберечь ребенка отъ вліянія грубаго, ложнаго основанія многихъ бѣдъ людскихъ, но и тутъ вліяніе литературы можетъ быть громадно.

Насколько учение уроковъ, отвѣты ихъ, волиенія въ школѣ и дома за эти уроки утомляютъ и нерѣдко измучиваютъ ребенка, настолько чтеніе заставляетъ его отдыхать, переносясь въ миръ сказочныхъ картинъ или реальной жизни, изображаемой авторомъ.

“Ребенокъ вялъ, апатиченъ, не умѣеть

разсуждать, не находчивъ”, слышится часто, и чаще всего причиною этому бываетъ полное отсутствіе чтенія виѣ класса.

Книжки у насъ, въ большинствѣ случаевъ, покупаютъ для дѣтей, наравнѣ съ конфетами, по праздникамъ для забавы, почему и предъявляются усиленныя требования на книжки съ картинками. Самый фактъ, что книжка является игрушкой, но не потребностью, ясно показываетъ, какъ чуждъ еще взглядъ о необходимости чтенія виѣ класса, развитія помимо школы.

Сознаніе пользы образованія проникло до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Сознаніе же въ надобности воспитанія въ дѣтяхъ облика человѣка рѣдко встрѣчается даже среди людей привеллигированныхъ сословій. Находя достаточною виѣшнюю шлифовку и форму въ ущербъ содержанію, мы сами себя казнимъ, т. к. отъ этихъ ложныхъ взглядовъ на воспитаніе страдаютъ въ равной степени воспитывающіе и воспитывающіеся.

На чистый листъ бумаги—душу ребенка ложатся тѣни темныя и свѣтлыя, и въ зависимости отъ окружающей среды, обстановки и ихъ вліянія начинаетъ складываться обликъ будущаго человѣка, кладутся очертанія сначала мѣняющейся, но въ основу ложатся впечатлѣнія хороша или дурная, развиваясь и укрѣпляясь виослѣдствіи.

Въ тѣхъ разсказахъ и сказкахъ, гдѣ все тянется и рвется къ лучшему, свѣтлому, это лучшее оставляетъ впечатлѣніе на ребенка, а фантазія его также пытается создать прекрасное, рвется къ свѣтлому. Сочиненія, въ которыхъ природа и ея воздействиѳ на душу человѣка рельефно подчеркиваются,

оставляют неизгладимый следъ въ душѣ ребенка.

До начала ученья ребенокъ пытается рассказами взрослыхъ. Ранній возрастъ дѣтей, когда они наиболѣе склонны перенимать и впитывать въ себѣ окружющее, нуждается въ разумномъ вліяніи книжекъ, т. е. окружающая среда нерѣдко не можетъ заложить хорошаго фундамента въ это новое строеніе начинающейся человѣческой жизни.

Дѣтская литература, въ видѣ сказокъ, миѳологіи съ ея таинственными картинками, полными классического величия и красоты, затѣмъ рассказы съ изображеніемъ природы—растеній, животныхъ, человѣка и ихъ взаимоотношенія, должна создавать внутренній міръ ребенка. Литература даетъ правильное понятіе о вещахъ, листая воображеніе, развиваетъ привычку разсуждать, критически относиться къ жизненнымъ явленіямъ. Ребенокъ только тогда будетъ сознательно учиться, когда у него развита способность разсуждать; онъ долженъ знать, зачѣмъ онъ учится, долженъ видѣть въ учениіи пользу отъ знанія для себя и другихъ. Такому критическому отношению къ учению можетъ пріучить чтеніе виѣ класса. Конечно, лучше всего задачу развитія дѣтей чтеніемъ могутъ выполнять дѣтские журналы, которые у насъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ семей отсутствуютъ. Чѣмъ замкнутѣй, грубѣе окружающее ребенка, тѣмъ сильнѣе тянется онъ къ свѣтлымъ образамъ людей, изображаемымъ въ книжкѣ. Если ребенокъ отъ природы грубъ и обладаетъ больше дурными инстинктами,—и тогда картины лучшей обстановки и лучшихъ людей, которыхъ онъ видитъ въ книжкѣ, оставляютъ на немъ впечатлѣніе, слаживаютъ его природные недостатки. Вос-

питанію облика души человѣка въ большой мѣрѣ содѣйствуетъ литература, выращая и укрѣпляя лучшія наклонности и стремленія.

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“... Это „добroe, вѣчное“ должно полагаться въ основу дѣтской души и выростать съ годами ребенка, и это „добroe, вѣчное“ можетъ быть всего легче достигнуто дѣтской литературой. Подъ ея вліяніемъ должны отступить на задній планъ лживыя обрядныя добродѣтели и ненавистнические взгляды, долженъ вырабатываться типъ человѣка прежде всего. Намъ скажутъ: жизнь создаетъ литературу, а не литература жизнь. Это вѣрно, а литература, будучи отраженіемъ жизни, яснѣе показываетъ намъ слабыя ея стороны, побуждая въ нашихъ же интересахъ исправлять ее.

Эльть.

„Дѣтскій міръ“.

(Бесѣды по поводу международной выставки въ Таврическомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ).

II.

Гигієнический отдѣль. Школы „новаго типа“. Курсы Бартошевича въ Мраморномъ Дворцѣ.

Самый важный и интересный отдѣль для насть, матерей, конечно, гигієнический: сколькому тамъ можно научиться! Къ сожалѣнію, онъ не соцредоточенъ весь въ одномъ мѣстѣ, напр., комната больницы д-ра Раухфуса совсѣмъ на противоположномъ концѣ выставки, витрины заведеній для отсталыхъ дѣтей тоже въ разныхъ мѣстахъ, такъ

что трудно сравнивать и выбирать. Кстати сказать, въ комнатѣ д-ра Раухфуса очень интересны временные стѣны изъ рамъ съ полотномъ для созданія временной изоляціи заболѣвшаго заразною болѣзнью ребенка.

Затѣмъ, недостаточно ясно и рельефно обставлены нѣкоторыя витрины, такъ что трудно получить настоящее представление о предметѣ. Привлеченная красивой витриной муки Нестле (кукла—мать, въ величину взрослого человѣка, наклоняется надъ кроваткой ребенка съ рожкомъ, наполненнымъ кашкой изъ муки Нестле), я заинтересовалась мѣніемъ врачей объ этомъ продуктѣ и пошла въ гигієническій отдѣль отыскивать муку. Нашла: на столикѣ разставлены мѣшечки съ русской овсянкой, американской овсянкой, Melling's food, мукой Нестле. Надъ столомъ висятъ снимки микроскопическихъ исследованій—какія-то синія, коричневыя пятнушки. Гдѣ же отвѣтъ на невольный вопросъ: хороши ли все эти суррогаты женского молока, можно ли ими вскармливать дѣтей, который лучше? Отвѣтъ есть только въ каталогѣ, нѣсколько строкъ, между прочимъ, о мукѣ Нестле сказано, что она переваривается довольно легко, но англійская Melling's food и русская овсянка гораздо лучше. Можетъ быть, я слишкомъ многаго требую отъ устраивавшихъ выставку, но вѣдь большинство матерей замѣтятъ красивую витрину, а не нѣсколько строкъ въ каталогѣ, и предпочтутъ для своихъ дѣтей не лучшее дешевое русское толокно, а изящную коробочку съ мукой Нестле.

Или вотъ, напр., лежать искривленные ножки ребенка съ надписью: „искривленіе ножекъ отъ неправильно-

надѣтыхъ подвязокъ“, а гдѣ же правильные подвязки? Правда, стоять рядомъ две куклы, сверхъ бѣлья надѣты подвязки, ножки прямые, но подвязки то совершенно такія, какъ и на кривыхъ ножкахъ. Слѣдующая витрина раздѣлена на двѣ половины, на лѣвой—надпись: „какъ не надо пеленать“, на правой: „какъ надо пеленать“. Налѣво все ясно: ребенокъ хоть и завернутъ въ конвертъ, но такъ стянуть, что хуже всякихъ свиальниковъ. Правая же сторона совершенно непонятна: нельзя же предположить, что новорожденного ребенка слѣдуетъ одѣвать только въ кофточку и сапожки и слегка прикрыть платочкомъ, какъ же слѣдуетъ обернуть его, какъ согрѣть, не затягивая?

Вотъ очень понятная витрина — исправленіе кривыхъ зубовъ въ зубоврачебной школѣ Вонгль-Свидерской. Представлены слѣпки криворастущихъ зубовъ, что впослѣдствіи вызываетъ преждевременную порчу ихъ, тутъ же выставлены машинки, которыя тянуть, если можно такъ выразиться, зубы на правильное мѣсто, и наконецъ, слѣпки исправленныхъ челюстей. Процедура, положимъ, очень долгая и тягостная для дѣтей, но тѣмъ не менѣе, важно то, что лѣченіе даетъ хорошие результаты.

Что страшно краснорѣчиво, что понятно до ужаса, это различныя таблицы, особенно диаграммы смертности дѣтей: на большой картѣ Россіи чернѣютъ кружочки съ роковыми цифрами 370, 435 и даже 527, это количество умершихъ на тысячу родившихся. При этомъ наблюдается повышеніе смертности въ лѣтніе мѣсяцы отъ кишечныхъ разстройствъ, когда предоставленные себѣ дѣти находятся безъ мѣры вся-

кими овощами, ягодами, фруктами. Картофограммы эти очевидно поразили публику болѣе всего. Въ печати появилось несолько статей, приглашающихъ публику устроить Союзъ для борьбы со смертью. Конечно, такому начинанію можно отъ всей души порадоваться и пожелать Союзу какъ можно болѣе увеличиваться и какъ можно плодотворнѣе вести свою дѣятельность. Удивительно только, что явились авторы, которые спорятъ о способахъ борьбы со смертью; не все ли это равно, каждая спасенная жизнь уже благо, громадное благо, и пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ, въ этомъ направленіи. Мы, петербургскія женщины, можемъ только позавидовать нашимъ провинціальнымъ сестрамъ, особенно тѣмъ, которыхъ живутъ въ деревняхъ: у нихъ такое широкое поле дѣятельности, они такъ много знаютъ сравнительно съ крестьянками, такъ многому могутъ ихъ научить. Вотъ въ этой залѣ выставки столько прекрасныхъ, полезныхъ указаний: чистая гуттаперчевая соска вместо соски изъ ржаного хлѣба, резиновая кольца для перевязки пуповины вместо легко загрязняемыхъ тесемокъ, и пр. и пр. Устройство яслей во время полевыхъ работъ, летучіе санитарные отряды, амбулаторные приемы, собственный трудъ или пожертвованіе деньгами,— все благо, и каждый да сдѣлаетъ, что можетъ.

Поразила меня еще одна діаграмма, это показаніе слабости и малокровія дѣтей различныхъ школъ: въ военныхъ школахъ 11%, въ городскихъ училищахъ 24%, а въ институтахъ благородныхъ дѣвницъ 42%! Т. - е. въ самыхъ лучшихъ условіяхъ худшіе результаты; „благородныхъ дѣвницъ“ содержать прямо въ царскихъ коромахъ, кормить

ихъ и мясомъ, и овощами, и сладкими блюдами, у нихъ строгій режимъ—и 42% малокровныхъ и слабыхъ! Не объясняется ли это тѣмъ, что „барышни“ совсѣмъ мало двигаются: нельзя же считать достаточнымъ движеніемъ часовую прогулку по саду и раза три въ недѣлю часовую же гимнастику. Отчего бы ихъ не заставлять хоть около себя немногого поработать, кровать свою что ли сдѣлать, а то онѣ прямо какъ-то закисаютъ въ своихъ по всѣмъ гигиеническимъ правиламъ устроенныхъ классахъ.

Мнѣ кажется, что эта мысль какъ разъ подтверждается витриной, выставленной въ той же комнатѣ, учебно-воспитательного заведенія д-ра Маляревскаго для умственно отсталыхъ и идиотовъ. Дѣти туда поступаютъ иногда въ высшей степени истощенные, слабыя отъ рожденія, и вотъ путемъ разумнаго ухода, при чемъ всякая физическая занятія, работы въ огородѣ, саду и полѣ занимаютъ большое мѣсто, удается многихъ привести въ нормальное состояніе. Полuidута, исключенного изъ многихъ заведеній, нѣспособнаго на сколько-нибудь продолжительное время сосредоточиться,— черезъ несолько лѣтъ доводятъ до того, что онъ сравнивается съ обыкновенными юношами и поступаетъ даже въ высшія учебныя заведенія. Что, если бы всѣ учебныя заведенія въ такой же прогрессіи улучшали, развивали своихъ воспитанниковъ. Право, рай земной насталъ бы!

А то поглядите въ этой же комнатѣ на кривыя спины учениковъ, взгляните на карту развивающейся близорукости: вотъ они, продукты нашей школы. И это только физическая, а сколько нравственныхъ уродствъ тамъ приобрѣтается.

Особенно поразительно то, что вътъ видиши, какъ заботятся современные педагоги о созданиі наилучшихъ условий школы, и вспомниши при этомъ прежнія школы съ полнымъ отсутствиемъ всего современного комфорта, физического и нравственнаго, и въ концѣ концовъ современные школьники хуже прежнихъ уже по тому одному, что всѣ теперешніе ненавидятъ школу, а прежніе кадеты, семинаристы даже съ любовью вспоминаютъ свои школьные годы.

Правда, за самое послѣднее время народился новый типъ школъ, по образцу французской школы Демулена. Таковы школы Левицкой, Анцевой, принца Ольденбургскаго въ Лугѣ и Гаграхъ, Collège de Normandie, Бидальская въ Англіи, кн. Тенишева. Всѣ эти школы, за исключеніемъ послѣдней, помѣщаются за городомъ, дѣти, кромѣ, конечно, наукъ, занимаются физическимъ трудомъ, искусствами, спортомъ, совершаютъ всякия экскурсіи; стараются по возможности обращать вниманіе на индивидуальность ребенка. За границею эти школы даютъ прекрасные результаты, изъ нихъ выходятъ люди живые, здоровые, прекрасные граждане, такъ какъ уже въ школѣ ихъ пріучаютъ къ общественной жизни, образовывая разные кружки любителей того или другого занятія, при чёмъ дѣтямъ зачастую приходится подчинять свои личныя желанія желанію большинства. Каковы будуть результаты русскихъ новыхъ школъ еще трудно судить, еще не было ни одного выпуска.

Замѣчательно интересно еще одно воспитательно - учебное учрежденіе: "Курсы учебно-воспитательныхъ занятій по сельскому хозяйству и приро-

довѣдѣнію", помѣщающіеся въ С.-Петербургѣ въ Мраморномъ Дворцѣ. Курсы имѣютъ цѣлью развитіе въ дѣтяхъ чувства любви къ природѣ и интереса среди нея, а также ознакомленіе ихъ съ технической обработкой продуктовъ сельскаго хозяйства и сообщенія имъ свѣдѣній по кустарной и художественной промышленности. Это удивительно оригинальное учрежденіе, созданное во-лею и любовью къ дѣтямъ одного человѣка, г-на Бартопевича. Въ настоящее время на курсахъ участвуетъ 4500 воспитанниковъ и около 400 чловѣкъ ихъ руководителей.

На первый взглядъ цѣль курсовъ: "развитіе въ дѣтяхъ любви къ природѣ"—кажется странною. Любовь къ природѣ развѣ надо развивать? Да какъ же можно не любить природы? не наслаждаться прекраснымъ въ природѣ? Но если мы вспомнимъ, что дѣло идетъ о городскихъ дѣтяхъ, почти не соприкасающихся съ природой, тогда дѣлается понятнымъ, что ихъ приходитъ раньше всего знакомить съ природой, научить ихъ понимать ея красоту. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ городскихъ учителницъ были предложены ученикамъ городскихъ училищъ слѣдующіе вопросы: видѣли ли они восходъ солнца, ни-ву, истокъ реки, болото и т. п. На многое ученики даже отвѣтить не могли, не имѣя рѣшительно никакого представленія о называемомъ предметѣ, другие знали о немъ только по картинкамъ; боюсь ошибиться, но кажется восходъ солнца видѣли только 5% учениковъ.

Смѣшно сказать, что далеко не всѣ петербургскіе школьнія видѣли Неву! Всю свою жизнь проводящіе въ грязныхъ подвалахъ, тѣсныхъ дворахъ,

шумныхъ улицахъ, дѣти эти совершенно не имѣютъ понятія о природѣ и, значитъ, не испытываютъ того громаднаго счастья, что даетъ общеніе съ природой. Итакъ, цѣль курсовъ вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ городскихъ дѣтей.

И что это такъ, видно изъ того, что дѣтишки, занятыя цѣлую недѣлю въ школѣ, съ превеликой охотой бѣгутъ въ воскресенье въ Мраморный Дворецъ, дома исполняютъ заданныя работы, и какъ тщательно исполняютъ! Просмотрите ихъ тетради: яувѣрена, что въ витринѣ выставлены вовсе не лучшія работы, на показъ, такъ сказать, потому что попадаются и грязноватыя тетрадки, но въ общемъ работы превосходны.

Особенно хороши всякия модели. Прямо поразительны декоративныя иллюстраціи на слѣд. темы: „Три пальмы“, „Зима... крестьянинъ торжествуя“, „Лебедь, щука и ракъ“. Эта послѣдняя прямо прелестна: на поль-аршинной доскѣ сдѣланъ возъ съ поклажей, къ одной оглоблѣ придѣланъ лебедь, удивительно хорошо рвущійся въ облака, отъ другой оглобли постромку тянетъ щука, уткнувшаяся въ стекло, изображающее воду. „А где же ракъ?“ слышу я вопросъ. А вотъ онъ, забрался подъ колоду и тянетъ обѣими клещами другую постромку. Интересно бы знать, насколько тутъ участвовала инициатива самихъ учениковъ, затѣмъ, сколько учениковъ были заняты этой работой. Самая большая панорама представляется „Исторію русскаго калача“, это громадная декорациѣ на саженной доскѣ: тутъ и нива, и мельница, и даже желѣзная дорога, увозящая муку... Насколько эти курсы интересны, видно изъ того, что на витринѣ лежатъ тет-

радки, куда просять записывать адреса желающихъ болѣе подробнѣ ознакомиться съ курсами, и въ нихъ (этихъ тетрадкахъ) масса, масса адресовъ, изъ разныхъ уголковъ нашей матушки—Россіи. Вѣроятно, хорошее дѣло г. Бартошевича вызоветъ много подражаній,—дай-то Богъ!

В. Поворинская.

Семья и воспитаніе въ Норвегіи.

(Окончаніе¹⁾).

Статьямъ по умственному и нравственному воспитанію удѣлено мѣста значительно болѣе, чѣмъ по гигієнѣ и тѣлесному воспитанію. Глава III „о пробужденіи сознанія“ касается болѣе анатомо-физиологическихъ, нежели психологическихъ подробностей природы ребенка. Гораздо любопытнѣе глава V по вопросу о томъ, что занимаетъ и развиваетъ ребенка? Тутъ слѣдуетъ описание дѣтскихъ игрушекъ, игръ, значенія пѣнія, рисованія, сказокъ, разсказовъ и пр. Правда, описание это не можетъ итти въ параллель съ изложеніемъ тѣхъ же вопросовъ Прейеромъ, Гросомъ, Колоцца, однако достоинство его высоко съ практической точки зрѣнія и чрезвычайно цѣнно для воспитателей. Въ особенности же хорошо и убѣдительно выясняется значеніе пѣнія въ семье, въ жизни ребенка и взрослого. „Каждый мужчина хоть разъ въ жизни становится поэтому,—въ пору любви, мечтая о ней: каждая женщина хоть разъ становится

1) См. „Восп. и Обуч.“ № 1, ст. 45.

иѣвицей,—въ пору материнства, сидя у колыбели ребенка". Родители, говорить педагогъ Корнелусенъ, учите своихъ дѣтей пѣть! Старайтесь пробудить и развить въ вашемъ ребенкѣ любовь къ пѣнію,—въ этомъ вы найдете лишене средство воздействиа на душу ребенка въ интересахъ воспитанія.

Прекрасно разъясняетъ г-жа Вульфъбергъ (глава VI) значеніе дѣтскаго труда въ семье. По мнѣнію автора, включение въ число предметовъ школьнаго обученія домоводства и слойда посодѣйствуетъ пробужденію интереса и уваженія къ физическому труду вообще и труду по дому и по хозяйству въ частности. Но для того, чтобы школьнное обученіе могло достигать желаемыхъ результатовъ, необходимо содѣйствіе семьи; ей слѣдуетъ утилизировать знанія и приемы, сообщаемые дѣтямъ въ школѣ, и такимъ путемъ укрѣплять самыя знанія и развивать трудовыя способности дѣтей. Практичные американцы подаютъ намъ въ этомъ поучительный примѣръ. Поручая дѣтямъ подходящія работы по дому и развивая въ нихъ чувство отвѣтственности, многія американскія семьи среднихъ классовъ добились возможности обходиться безъ, или почти безъ прислуги. Всѣ восхищаются самостоятельностью американцевъ, ихъ умѣньемъ обйтись безъ посторонней помощи, но немногіе даютъ себѣ трудъ поразмыслить о томъ откуда берется это качество. Оно зарождается и развивается съ первыхъ лѣтъ ребенка. Привлеченіе дѣтей къ участію въ трудахъ семьи является также лучшимъ средствомъ противодѣйствія прирожденному дѣтскому эгоизму, однимъ изъ самыхъ отталкивающихъ проявлений котораго

является требовательность по отношенію къ родителямъ и прислугѣ. Порадено для дѣтей участіе въ домашнемъ труде семьи еще и потому, что это развиваетъ въ дѣтяхъ практическую сметку, ловкость и подготовляетъ къ практической дѣятельности въ жизни. Участіе дѣтей въ домашнемъ труде семьи имѣть не только личное, гигіеническое, этическое, педагогическое и экономическое значеніе, но и общественное. Среди многихъ общественныхъ задачъ нашего времени стоитъ и задача—окончательно сгладить пропасть между различными классами общества. Какъ бы въ подкрайненіе высказываемаго авторомъ, переводчики книги привели и известное письмо гр. Л. Н. Толстого о воспитаніи, напечатанное въ „Atheneum“ и въ „Новомъ Времени“.

Статья о ручномъ труде написана директоромъ института для слабоумныхъ, Лишестадомъ. Это рѣчь, можно сказать „проповѣдь“ почтенного автора въ доказательство великаго значенія ручнаго труда въ воспитательномъ, нравственномъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Ручной трудъ долженъ быть обязательнымъ во всѣ возрасты. Онъ долженъ быть введенъ въ семью, и обществу надо взять на себя содѣйствіе, постараться ускорить это введеніе устройствомъ дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ и различного рода профессіональныхъ школъ. Ручной трудъ своею физической стороной представляетъ противовѣсь умственному переутомленію, доставляя отдыхъ, освѣженіе отъ труда, чисто умственного. Затѣмъ, пріобрѣтаемая упражненіемъ въ разныхъ отрасляхъ ручного труда физическая ловкость, аккуратность и практичность не могутъ оказаться лиш-

ними ни въ какомъ положеніи. Наконецъ, во многихъ положеніяхъ можетъ имѣть естественное значеніе и экономическая сторона ручного труда. Онъ можетъ облегчить и украсить жизнь, избавляя отъ лишнихъ расходовъ, позволяя во многомъ обходиться своими средствами и доставляя пріятное и полезное развлеченіе.

Въ главѣ VІІ идетъ рѣчь объ общемъ съ природой. Арсталь говорить: „ребенокъ стоитъ ближе къ первобытному сыну природы, чѣмъ взрослый“. И къ природѣ ребенокъ относится съ той же любовью, какъ первобытный сынъ природы. Вотъ почему для дѣтей такъ вредна комнатная жизнь, часто искаживающая ихъ въ конецъ. Вотъ почему они, когда ихъ выпускаютъ на волю, на просторъ, становятся хорошими отъ одного избытка счастья. Авторъ настаиваетъ на необходимости вызова въ ребенка сознательной любви къ природѣ, къ жизни въ деревнѣ, и охлажденія къ городу, особенно къ шумной столицѣ. Затѣмъ кратко, но увлекательно излагаются особенности и красоты царства растеній, животныхъ, минераловъ, атмосферы, звѣздного неба, доказываются важность и интересъ ознакомленія съ ними.

Прекрасна глава VІІІ: „Въ кругу сверстниковъ“ и „въ кругу взрослыхъ“ г-жи Исааксенъ, талантливой матери-педагога. Ею описываются достоинства и недостатки товарищества, взаимообученія и воспитанія сверстниковъ, отношенія къ дѣтямъ взрослыхъ, умѣющихъ вліять на нихъ и руководить ими.

Особенно хорошо и поучительны рядъ статей по умственному и нравственному воспитанию, семейному и школьному.

Въ главѣ XVII Арсталь проводитъ ту мысль, что благодарять не за жизнь, которая дана рождениемъ, а за ту, которая спасена воспитаніемъ. Воспитаніе, настоящее, неустранное, полное подвиговъ самопожертвованія, воспитаніе когда-нибудь да будетъ понятно и оцѣнено ребенкомъ, предстанетъ передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ—въ видѣ настоящаго подвига спасенія, совершенного родителями,—все равно, какъ если бы они вынесли его, ребенка, на своихъ плечахъ изъ пламени. Советы и указанія автора такъ хороши, что статью его съ начала до конца читаешь съ одинаковымъ удовольствиемъ. Возьмемъ два, три мѣста на выдержку. „Одна изъ главныхъ цѣлей воспитанія“, говоритъ авторъ, „научить юное поколѣніе прилагать высокую мѣрку какъ къ самому себѣ, такъ и къ другимъ людямъ, и къ различнымъ житейскимъ условіямъ, ко всей жизни. Но способность постоянно смотрѣть ввысь, воля и рѣшимость стремиться ввысь, и выдержка въ этомъ стремлѣніи—эти качества, придающія въ общей связи своей глубочайшее содержаніе жизни человѣческой, не создаются въ одно мгновеніе, но лишь тогда, когда были налицо совершенно особые задатки. Зародыши ихъ свойственны, пожалуй, большинству, но развивается ихъ въ настоящіе задатки или сама судьба, случай, или примѣръ, или мѣры воспитанія. Для этого же требуется, чтобы воспитатели сами были проникнуты преклоненіемъ передъ всѣмъ истинно высокимъ въ жизни, а все воспитаніе проникнуто непреклоннымъ стремлѣніемъ ввысь.“

Взрослые обыкновенно интересуются тѣмъ, усердны ли дѣти къ учению или работѣ, прилежны ли. Такого рода оцѣнка можетъ быть весьма ошибочна.

Дѣятельность ребенка или юноши, вообще начинающаго, даетъ право самое большое питать надежды. Только развѣ самые выдающіеся, изъ ряда вонъ выходящіе плоды такой дѣятельности могутъ вселять увѣренность, давать право предопредѣлять будущее ребенка или юноши. Не надо вѣдь забывать и того, что таланту часто предстоитъ полный опасности путь въ жизни, на которомъ его характеръ будетъ подвергаться сильнѣйшимъ испытаніямъ, радость будетъ смѣшана съ горечью и торжество съ жесткими тревогами—и для него и, пожалуй, еще въ большей степени для родителей его. Любовь къ труду и должна войти въ плоть и въ кровь ребенка, а не быть чѣмъ-то такимъ, что должно поддерживаться приказаніями, увѣщаніями, взысканіями. Въ дѣяхъ надо развивать активность, способность къ личной ініціативѣ, къ преслѣдованию и достижению извѣстныхъ цѣлей, хотя бы даже путемъ страданій и жертвъ. Разумѣется, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны развить въ нихъ и тяготѣніе именно къ хорошимъ, благороднымъ, высокимъ цѣлямъ, развить чувство отвѣтственности и чувство чести. Крайне важнымъ подспорьемъ при воспитаніи является собственное сознаніе ребенка, что его поведенію поставлены извѣстныя границы. Но Боже избави его отъ такого существованія, которое точно разлиновано по линейкѣ! Границы нужны, но ихъ не должно быть больше, чѣмъ необходимо; границы широкія, но твердые, какія могутъ и должны олицетворять собой отецъ и мать. Первымъ условиемъ истиннаго воспитанія является самое полное, постоянное общеніе родителей съ дѣтьми. Оно составляетъ непремѣнное условіе пониманія своихъ

дѣтей въ частности, такъ и людей вообще. „Не толкуйте много“, говорить авторъ, „о воспитаніи съ тѣми, кого воспитываете; пусть говорить за васъ ваши дѣйствія и поступки, хорошо обдуманные и взвѣшенные“. Ребенокъ нуждается не въ наказаніи, но въ руководительствѣ, приученіи къ тому-то и отученіи отъ того-то и того-то. Если вы способны къ кротко-серіозному отношенію къ дѣлу и въ то же время способны проявлять извѣстную твердость, решимость, не отступая, какъ убѣждается ребенокъ, и передъ примененiemъ наказанія, то и воздействиe ваше на ребенка можетъ стать настоящимъ руководительствомъ. Мягкость и строгость окажутся тогда смѣшанными въ надлежащей пропорціи. Чтобы изъ ребенка вышла самостоятельная личность, надо предоставлять ему быть самимъ собою. Воспитываютъ дѣтей ради нихъ самихъ. Важнѣйшее въ дѣлѣ воспитанія—поставить ребенка на вѣрный путь. Воспитателю не такъ важно обзавестись „принципами“, какъ уразумѣть тотъ человѣческий материалъ, съ которымъ ему предстоитъ имѣть дѣло. Воспитателю необходимо обладать здравымъ смысломъ, доброй волей и твердымъ характеромъ; это самыя первыя условія; безъ наличности ихъ нечего и браться за дѣло; хорошие же результаты обезпечиваетъ педагогическая гибкость воспитателя, умѣніе примѣняться къ индивидуальности ребенка, избѣгать шаблона. Въ общемъ воспитаніе должно быть больше развитіемъ природныхъ данныхъ, нежели привитiemъ новыхъ качествъ.

Глава XVIII о религіозномъ воспитаніи, священника Янсена, не представляетъ собственно ничего нового, но написана мягко, сердечно. Ищите

прежде всего Бога, обращается авторъ къ родителямъ. Живите въ Богѣ и подготовьте своего ребенка къ жизни въ Богѣ: таковы основоположенія автора.

Недурна глава XIX, составленная педагогомъ Эллефсеномъ, о духовномъ развитіи ребенка. Рекомендуется главнымъ образомъ осторожность, гуманность въ обращеніи съ ребенкомъ. Идеализмъ, свойственный дѣтскому возрасту, предъявляетъ, по автору, свои извѣстныя требованія къ дѣйствующимъ лицамъ, при чмъ отвлеченные разсужденія и нравоучительные проповѣди, какъ извѣстно, пропадаютъ задаромъ. И въ бесѣдахъ съ дѣтьми о прочитанныхъ книгахъ (такія бесѣды въ высшей степени полезны) надо быть поосторожнѣе по части нравоучений. Другое дѣло, если книга или разсказъ сами по себѣ могутъ и должны произвести на ребенка непосредственное сильное впечатлѣніе нравственного характера,—тогда можно подчеркнуть его, но только не размазывать мораль. Умственная жизнь нашего времени, полагаетъ авторъ, не находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ; напротивъ, ей приходится бороться со многими встрѣчными течениами, многое препятствуетъ ея развитию. Страсть къ развлечениямъ и наслажденіямъ чисто физического характера, со всѣми связанными съ этими излишествами, находить себѣ широкій просторъ и удовлетвореніе гораздо легче, чмъ въ старину. Кромѣ того, господство духа индустрии вызываетъ склонность къ поверхностной, показной культурѣ. Все новыя завоеванія въ области техники несомнѣнно облегчаютъ жизнь, а развитіе фабричного производства дѣлаетъ общедо-

ступнѣе чисто виѣшній комфортъ. И вотъ, это постоянно увеличивающееся разнообразіе виѣшней обстановки и заботы о ней и опасны тѣмъ, что не оставляютъ нашему уму нужнаго досуга для участія въ чисто духовной жизни, дѣлаютъ насъ суетливыми и поверхностными. Опасность эта особенно даетъ себя знать въ бѣдныхъ классахъ населенія, которымъ тоже хочется вкусить плодовъ общей культуры.

Глава XX объ искусствѣ написана знатоками дѣла: обѣ эстетическому чувству—художникомъ Вереншѣльдомъ, о музыкѣ—г-жею Ниссенъ и о фантазіи—извѣстнымъ писателемъ Бѣрнсономъ, но, къ сожалѣнію, статьи ихъ слишкомъ кратки, обрывисты и не производятъ особаго впечатлѣнія.

Статья г-жи Лекенъ (гл. XXI) „У семейного очага“ рисуетъ примѣры образцовыхъ семей, довольно впрочемъ ординарно и не безъ примѣсіи сентиментальности.

Глава XXII есть собственно сборникъ довольно разнообразныхъ статей. Статья „законодательство“, военнаго прокурора Смедаля, указываетъ на законоположенія норвежскаго правительства въ защиту дѣтей въ семье и въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Статья г-жи Лассенъ и педагога Далера о журналахъ для дѣтей и для юношества содержитъ основные принципы, какихъ должны держаться редакторы подобныхъ изданій, и указываетъ на крайнюю бѣдность этого рода литературы въ скандинавскихъ странахъ. Статья священника Стуба о ясляхъ, дѣтскихъ садахъ, воскресныхъ школахъ и пр. бросаетъ лишь об cant;ий взглядъ на это дѣло. Статья капитана Лунде любопытна тѣмъ, что знакомить

съ чудно-устроенной ареной для игръ¹⁾ въ гор. Бергенѣ, доступной для всѣхъ жителей начиная съ дѣтей 10 лѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ описание характерныхъ норвежскихъ учрежденій: христианского союза молодыхъ людей, союза норвежской молодежи и студенческихъ союзовъ.

XXIII глава посвящена вопросамъ школы. Статья „Задачи школы“ написана г. Бонни (бывшимъ управляющимъ департаментомъ вѣроисповѣданій и просвѣщенія). Задача школы, по мнѣнію автора, развить ребенка, сдѣлать изъ него дѣльного, честного и счастливаго человѣка. По отношенію къ истинному воспитанію авторъ полагаетъ, что пока школа имѣеть учениковъ на своеемъ попеченіи, она должна быть для нихъ самыми бдительными, прозорливыми воспитателемъ. Въ распоряженіи школы есть еще одно средство воспитанія, которымъ не обладаетъ семья. Сама себѣ являясь маленькимъ организованнымъ обществомъ, школа можетъ воспитывать учениковъ для жизни въ обществѣ. И на урокахъ и въ перемѣны они учатся, что отдельное лицо должно подчиняться порядкамъ, установленнымъ для общаго блага. Но надо помнить, что школа вообще, даже занимаясь прямымъ своимъ дѣломъ, не можетъ дать большаго, нежели положить основу. Школа имѣеть дѣтей на своеемъ попеченіи лишь въ переход-

номъ возрастѣ—отъ ребенка къ молодому человѣку (или молодой дѣвушкѣ). Если школа сдѣлала молодаго человѣка способнымъ хорошо начать свою самостоятельную жизнь, то она выполнила свою задачу.

Въ статьѣ: „Требованія, предъявляемые къ семье школою“, ректора Кнудсена, высказываются требованія довольно скромныя, не особенно назидательныя. Заключительные слова автора таковы: „Дѣти должны быть и чтедами, и рассказчиками, и пѣвцами семьи. Или наши родныи иѣнчи должны раздаваться лишь въ стѣнахъ школы? Все, чemu учить и обучаетъ школа, должна бы, по возможности, утилизировать семья!“ Статья г-жи Рандерсъ „Общая школа“ знакомить съ допущеніемъ въ Норвегіи къ совмѣстному обученію въ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Страннымъ, да, пожалуй, и сомнительнымъ кажется только мотивъ этого допущенія. Когда оказалось, говорить авторъ, что открытъ за послѣднее время среднія мужскія учебныя заведенія находятся въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, не сводить концы съ концами, то какъ-то само собой явилась мысль открыть въ эти заведенія доступъ и дѣвочкамъ, и такимъ образомъ, какъ говорится, однѣмъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Скоро идея общей школы и была проведена по всей линіи; явились и низшія, и среднія, и высшія общія школы. Впрочемъ, общая школа дѣйствуетъ сравнительно очень недавно, такъ что, по мнѣнію автора, нельзя еще съ уверенностью и судить о ея будущемъ развитіи и плодахъ ея.

Особенно интересны статьи: „Общія требования, предъявляемые къ школѣ“ г-жи Гамбро и „Требованія семьи къ

1) Переводчики въ примѣчаніи говорятъ, что въ Россіи извѣстна лишь одна попытка въ этомъ родѣ, въ гор. Ростовѣ-на-Дону, тогда какъ уже много лѣтъ дѣйствуетъ въ гор. Могилѣ чудное учрежденіе для игръ и тѣлесныхъ упражненій для пользованія городской молодежи, устроенное местнымъ врачомъ Рудинымъ и покойнымъ купцомъ Подосеновымъ.

школѣ" редактора Фогта. Наиболѣе характерными въ статьяхъ этихъ положеніями можно признать слѣдующія: Семья въ правѣ требовать, чтобы школа, сообщая знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ развивала и характеръ. Даже при условіи обогащенія ума ребенка наивысшими познаніями, характеръ его пострадаетъ, если школа не научить его работать, не пріучить самостоятельно мыслить, не разовьетъ въ немъ чувства долга, ответственности. Лучше сосредоточивать обученіе, особенно въ младшихъ классахъ, въ возможно меньшемъ числѣ педагогическихъ рукъ; самое лучшее—въ рукахъ одного учителя. Это облегчаетъ дѣтямъ переходъ отъ семейной обстановки къ школьнай съ ея дисциплиной, помогаетъ скорѣйшему установлению ровныхъ дружескихъ отношеній малышей къ школѣ, да и совмѣстная работа школы и семьи идетъ болѣе простымъ, естественнымъ ходомъ, если дѣти поручены одному лицу. Главной причиной того, что "предметное" обученіе такъ легко становится скучнымъ, сухимъ, является то, что современная школа разсчитана на господствующее большинство посредственостей. Если въ старой школѣ приходилось страдать менѣе способнымъ дѣтямъ, такъ какъ они лишены были надлежащаго духовнаго ухода, руководительства, то теперь страдаютъ наиболѣе способныя. Родители особенно радуются, когда дѣтямъ посчастливится въ числѣ множества патентованыхъ преподавателей натолкнуться хоть на одного, который является въ глазахъ дѣтей живою, опредѣленною личностью,—глядѣть на жизнь своими глазами, излагаетъ свои мнѣнія, основанныя на личномъ опыте, своими словами. Мы вѣдь скоро узнаемъ, что

такамъ личность можетъ развить въ дѣтяхъ куда болѣе живой интересъ къ предмету и усердіе усвоенію его, нежели всевозможные патентованные учебники съ ихъ схематическимъ знаніемъ. Главное наше родительское требование есть школа, говорить Фогтъ, чтобы она вдохнула въ юное поколѣніе жажду знанія, охоту къ труду, уваженіе къ духовнымъ силамъ жизни и особенно къ родной культурѣ. Семья не можетъ одобрить сказывающагося въ послѣднее время стремленія педагоговъ "облегчить дѣтямъ трудъ", которое заставляетъ первыхъ все болѣе и болѣе освобождать вторыхъ отъ всякаго самостоятельнаго умственнаго напряженія и искать все болѣе и болѣе усовершенствованныхъ методовъ и учениковъ. Подобный образъ дѣятельній отучаетъ молодежь отъ личаго изученія предмета и отнимаетъ у нихъ ту радость и поощреніе къ труду, которое ведетъ за собой преодолѣваніе затрудненій собственными силами. Наконецъ, въ числѣ самыхъ первыхъ и главныхъ требованій семьи къ школѣ должно быть требование, чтобы она внушила ученикамъ благоговѣніе къ родному языку, открыла имъ глаза на его красоты, сдѣлала дорогими ихъ сердцу сокровища родной литературы и внушила бы имъ, что всякое посвящательство на права родного языка или злоупотребленіе имъ, искаженіе его чистоты и красоты есть оскорблѣніе национальнаго сознанія въ одной изъ самыхъ его живыхъ и важныхъ формъ проявленія. Таковы требованія норвежскія, однако, какъ они близки уму и сердцу любого европейца, любо-го родителя!

Не входя въ обсужденіе главы XXIV, о чтеніи дѣтей, какъ слишкомъ спе-

ціальної и заслуживающей со стороны родителей внимательного прочтения, скажемъ только, что она доставляетъ превосходный матеріаъ для ознакомленія съ дѣломъ, а кстати, благодаря переводчикамъ книги, указываетъ на имѣющіяся дѣтскія книжки въ русской литературѣ, постепенно богатѣющей и совершенствующейся во всѣхъ отношеніяхъ.

Глава XXV касается вопроса о подготовлениі учѧщагося къ жизни и указываетъ, что ожидаетъ его въ ея круговоротѣ. Разъ время наше требуетъ хорошо вооруженныхъ борцовъ, настаиваетъ педагогъ Андерсенъ, то мы обязаны съ раннаго возраста закалять и пріучать къ дисциплинѣ нашихъ дѣтей: чтобы подготовить ихъ къ борьбѣ, мы должны стараться укрѣпить ихъ волю, выработать характеръ, гармонически развить ихъ духъ и тѣло. Весьма важно также пораньше начать ставить ихъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, помочь имъ установить естественную связь между міромъ воображенія и міромъ опыта, рано направить ихъ мысли къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Редакторъ книги считалъ необходимымъ ознакомить читателя съ некоторыми типичными дѣятелями практической жизни и потому предложилъ подходящимъ специалистамъ написать краткія характеристики такихъ дѣятелей, какъ: сельскій хозяинъ, морякъ, ремесленникъ, техникъ, коммерческий дѣятель, мать-воспитательница и хозяйка дома, учитель, журналистъ, женщина на аренѣ самостоятельного труда и научный дѣятель. Странно только, что въ этой группѣ основныхъ типовъ остались забытыми типы законоучителя, судьи, врача и некоторыхъ другихъ, играющихъ выдающуюся роль

въ жизни семьи, общества и государства. Игнорированіе подобное можно, пожалуй, по всей вѣроятности, объяснить норвежскимъ характеромъ книги, болѣе или менѣе чуждой тѣмъ специальностямъ, о которыхъ съ кислой миной упоминаль Фаустъ въ своемъ знаменитомъ монологѣ:

Habe nun, ach! Philosophie,
Juristerei und Medicin,
Und, leider!, auch Theologie
Durchaus studirt...
Da steh'ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug als wie zuvor¹⁾.

Съ наибольшимъ вниманіемъ, да и съ наибольшою сердечностью описаны мать-воспитательница, женщина на аренѣ общественного труда, учитель и научный дѣятель.

Въ заключеніе коснемся двухъ первыхъ главъ: „Чѣмъ крѣпка семья“ и „Гигиена брака“. Первая написана священникомъ Клавенсомъ, въ духѣ любви и смиренія, вторая же д-ромъ мед. Брандтомъ, представляющая довольно длинный рядъ гигіеническихъ советовъ и указаний по части половой зрѣлости, половой жизни, вообще тайнъ amoris et venneris.

Въ приложениі къ книгѣ имѣется небольшая статья доктора правъ Платена: „О правахъ и обязанностяхъ родителей и дѣтей“, касающаяся впрочемъ болѣе норвежскихъ, нежели русскихъ читателей.

Итакъ, несмотря на предпочтительно норвежскій характеръ, разобранная нами книга представляетъ значительный интересъ для любого образованнаго читателя и будетъ прочтена каждымъ съ великою пользою и удовольствиемъ.

Д-ръ мед. А. Виреніусъ.

1) Философію, юриспруденцію, медицину, да, къ сожалѣнію, и теологію изучить я досконально. И вотъ я, бѣдняга, стою передъ вами, ничуть не умнѣй, чѣмъ былъ и ранѣе.

Отчетъ о засѣданіи С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка
8-го Ноября 1903 г.¹⁾.

Ш. Ф. Каптеревыиъ былъ сдѣланъ докладъ о книгѣ: „Семья и ея задачи“. Книга для родителей и воспитателей, составленная подъ редакціей Акселя Арстала. Перев. съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ.²⁾ Прежде, чѣмъ приступить къ обсужденію самой книги, докладчикъ сказалъ нѣсколько словъ о постановкѣ школьнаго дѣла въ Норвегіи. Издавна была традиція въ дѣлѣ педагогіи обращаться къ нѣмцамъ. Но вотъ небольшая страна Норвегія съ небольшимъ населенiemъ выработала въ себѣ много интереснаго, съ чѣмъ стоитъ внимательно познакомиться. Школьное дѣло въ Норвегіи поставлено прекрасно. Народная школа обязательная, свѣтская. Это не есть простонародная, а всенародная школа для всѣхъ сословій, съ 7-лѣтнимъ курсомъ. Между нею и средней школой существуетъ органическая связь. При каждой элементарной и средней школѣ почетительный совѣтъ, членами которого являются и родители. И мальчики и девочки учатся вмѣстѣ. Особенностью университета является общій философскій курсъ, послѣ котораго уже начинается раздѣленіе по факультетамъ. Хорошая постановка школьнаго образования заставляетъ об-

ратить вниманіе на семейное воспитаніе.

Сдѣлавъ это вступленіе, докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію самой книги. Эту книгу можно рассматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ педагогической точки, какъ трактать, и шире, какъ выраженіе взглядовъ народа на главнѣшія стороны и учрежденія человѣческаго общежитія. Каждый народъ на извѣстной ступени своего развитія имѣть болѣе или менѣе опредѣленный семейный строй, но взглядъ на семью и ея задачи лежитъ въ особенностихъ характера народа и всего уклада народной жизни. Разматриваемая книга можетъ ознакомить насъ съ возврѣніями норвежцевъ на семью и ея задачи. Что она дѣйствительно отражаетъ національные взгляды, убѣждаетъ насъ во-первыхъ то, что это трудъ колективный, въ немъ участвовало 70 лицъ, профессора, доктора, военные, моряки, пасторы, просто отцы и матери; 17 статей написано женщинами; вторымъ доказательствомъ національности этой книги служитъ отношеніе къ ней скандинавской прессы, которая признаетъ за нею огромное истинно-національное значение.

Взглядъ на семью у норвежцевъ строго идеальный. Семья держится любовью. Но не всѣ имѣютъ ту любовь, которая нужна семье. Кто не способенъ къ любви, которая ничего не требуетъ, а только стремится давать, тотъ не долженъ быть бы составлять семьи. Семья, проникнутая взаимной любовью, создаетъ здоровую атмосферу ребенку. Кромѣ любви, семья должна обладать еще двумя свойствами: самоправленіемъ недостатковъ супруговъ и религиозностью.

¹⁾ На засѣданіи присутствовали: А. Альмендингень, И. Михайловъ, Карцовъ, А. Виреніусъ, Р. Кацъ, И. Радецкій, М. Грудзинская, Н. Кошкина, А. Селивановъ, Ю. Протопопова, О. Каптерева, П. Каптеревъ, В. Протейкинскій, А. Петрова, П. Литвинскій и человѣкъ 25 гостей. Предсѣдательствовалъ П. А. Литвинскій.

²⁾ Подробный разборъ этой книги сдѣланъ дѣрьмъ мед. А. С. Виреніусомъ въ № 1 и 2 „Восп. и Обуч.“ Поэтому изъ доклада Ш. Ф. Каптерева мы беремъ только наиболѣе общія мѣста.

Отчетъ о засѣданіи „Родительскаго Кружка“.

Въ какой мѣрѣ этотъ идеаль семья выполняется въ Норвегіи сказать трудно, но можно утверждать, что для многихъ она слишкомъ высокъ, и что въ немъ пропущены весьма простые, реальные и распространенные элементы брака: личное удовольствіе и счастье и совместный трудъ супруговъ. Что касается взаимного исправленія недостатковъ супруговъ, то бракъ врядъ ли есть вступленіе въ новую школу или въ высшій педагогической классъ старой. Если съ одной стороны поставленный идеалъ семьи окажется слишкомъ высокимъ, то съ другой стороны его можно счесть слишкомъ узкимъ. Сущностью семьи ставится любовь. Но любовь эта обнимаетъ тѣсный кружокъ близкихъ, ничего не говорится о связи семьи съ обществомъ; любовь къ своимъ дѣтямъ, къ своей семье по качеству мало отличается отъ любви холостяка къ самому себѣ, это толь же эгоизмъ въ нѣсколько расширенномъ видѣ, т.-е. обнимающей не одно лицо, а семью—тѣсный кружокъ лицъ. Грубый семейный эгоизмъ даже счастливыхъ семействъ—свойство весьма распространенное и известное. Поэтому въ разсужденіи о хорошей, а тѣмъ болѣе, идеальной семье необходимо выдвигать общественный элементъ семейной жизни, ту мысль, что никакая семья не можетъ быть идеальной и даже просто хорошей, замкнувшись въ себѣ и не входя живымъ элементомъ въ болѣе великое общественное цѣлое. Изъ того, что взаимная любовь считается сущностью любви, можно было заключить о равноправности обоихъ членовъ отца и матери въ бракѣ, между тѣмъ въ книгѣ говорится, что мужъ долженъ быть нумеромъ первымъ, что жена должна оберегать мужа отъ

всякихъ мелкихъ семейныхъ заботъ и непрѣятностей, чтобы жена встрѣчала мужа съ привѣтливымъ лицомъ, раздѣляла его досугъ и интересы, а отъ ковомъ же отношеніи мужа къ женѣ ничего не говорится.

Разсматривая книгу съ педагогической точки зрѣнія, какъ трактать, нужно отмѣтить, прежде всего разнообразіе вопросовъ въ ней затронутыхъ и поставленныхъ. Формулировка цѣлей труда не отличается большою ясностью и опредѣленностью. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, озаглавленномъ „Положеніе въ жизни“, есть указанія на то, что норвежская семья оказываетъ давленіе на выборъ профессіи молодежью, чего у насъ не наблюдается. Опредѣленіе профессіи представляется свободному выбору сообразно развившимся склонностямъ, способностямъ и симпатіямъ.

Относительно выполненія поставленныхъ труду задачъ можно сказать, что теоретический научный анализъ затрагиваемыхъ вопросовъ и явлений почти совершенно отсутствуетъ—книга строго практическая. Полноты и обстоятельности разработки вопросовъ также въ книгѣ нѣть. Говоря, напримѣръ, о физическомъ воспитаніи и активныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, ничего не упоминаютъ о закаливаніи; вопросъ о развитіи фантазіи затронутъ слегка, вообще, духовному развитию ребенка удѣлено сравнительно немного вниманія. Но книга написана съ любовью и одушевленіемъ и не столько даетъ знаній, сколько возбуждаетъ умъ и волю родителей и воспитателей къ приобрѣтенію этихъ знаній и къ осуществленію ихъ въ жизни. Нельзя согласиться съ переводчикомъ, который утверждаетъ, что до сихъ поръ ни въ одной лите-

щилъ, что, по его личнымъ наблюдениямъ, онъ нашелъ, что чувство солидарности и общественности очень сильно развито въ Норвегии, что о немъ такъ мало говорится въ трактуемой книгѣ потому, что этотъ вопросъ какъ бы самъ собою разумѣется, что общественность является тамъ какъ нѣчто законное, обыденное, къ чему все привыкли, а не какъ что-то страстно желаемое, какъ въ странахъ, где ея нѣть или она слабо развита. То, что тамъ всюду въ школахъ совмѣстное обучение обоихъ половъ, что дѣти съ самого ранняго возраста проводятъ время вмѣстѣ, способствуетъ въ нихъ развитію чувства общественности. Церковь, семья, школа и государство ведутъ совмѣстную работу.

На этомъ закончились обсужденія книги „Семья и ея задачи“, вызвавшей общій интересъ и оживленный обмѣнъ мнѣній.

А. Петрова.

Что читать детямъ?

7. Жизнь животныхъ. А. Э. Брэма. Въ трехъ томахъ. Обработано для юношества по послѣднему нѣмецкому изданію подъ редакціей доктора зоологии А. М. Никольскаго. Изд. П. П. Сойкина, С.-Петербургъ. Цѣна 6 руб., въ переплетахъ 8 руб.

Настоящее сокращенное и переработанное изданіе имѣть своей цѣлью повсемѣстное распространеніе такой важной въ семье и школѣ книги, какъ сочиненіе Брэма. Два условия необходимы

для выполненія этой задачи: общедоступная цѣна при хорошей вѣшности и удовлетворительное переложеніе нѣмецкаго подлинника. И то и другое условіе имѣются здѣсь на лицо. Три тома сокращенного сочиненія Брэма изданы весьма хорошо, снабжены массой (около 1900) рисунковъ и въ красивыхъ цветныхъ переплетахъ производить очень выгодное впечатлѣніе. Къ этому надо прибавить, что цѣна 6 руб. (безъ переплета) за 1300 съ лишнимъ страницъ при массѣ рисунковъ далеко не высокая. Относительно обработки материала, исполненной подъ редакціей опытнаго зоолога профессора А. М. Никольскаго, можно смѣло сказать, что она лучше многихъ русскихъ изданій этого сочиненія, такъ какъ въ ней проявлено болѣе самостоятельности, чѣмъ въ обыкновенномъ переводе. Книга, понятно, не можетъ претендовать на полноту въ виду своего сравнительно небольшого объема, но въ ней имѣется все существенно важное относительно каждого животнаго, изложенное въ скатой формѣ. Въ этомъ именно, а не въ уменьшеніи числа описанныхъ животныхъ, и состоитъ сокращеніе подлинника. Материалъ распределенъ въ строго научномъ порядкѣ, при чёмъ каждому типу и классу предпосланъ довольно полный общій обзоръ. Особенно интересенъ и полезенъ „Общий очеркъ царства животныхъ“, составленный А. Зеленинымъ и представляющій основныя понятія изъ общей зоологии. Онъ содержитъ семь главъ слѣдующаго содержанія: I Природа какъ театръ жизни животныхъ; II Основныя формы животныхъ; III Основныя свойства животныхъ; IV Приспособляемость животныхъ (очень интересная глава); V Размноженіе животныхъ; VI Географическое распределеніе животныхъ; VII Система животнаго міра.—Весь материалъ распределенъ такъ: въ первомъ томѣ, содержащемъ 559 стр., излагаются млекопитающія, во второмъ—(327 стр.) птицы, въ третьемъ—(459 стр.) пресмыкающіяся, земноводныя, рыбы и беспозвоночныя. Кроме обыкновенныхъ черныхъ рисунковъ, въ книгѣ имѣются еще 6

большихъ (двойныхъ) крашеныхъ таблицъ, представляющихъ фауну извѣстной области: австралійская фауна, эвіопская, неотропическая, восточная, арктическая и фауна океана. Объ одномъ только можно пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ алфавитнаго указателя, а одинъ только систематический. Это затрудняетъ отысканіе животнаго тому, кто не знаетъ, къ какому классу, отряду и семейству оно принадлежитъ. Но эта ошибка издателя, конечно, легко поправима при слѣдующемъ изданіи. Во всякомъ случаѣ, книгѣ можно пожелать полнѣшаго успѣха и въ школѣ и въ семье.

К. Я.

8. Руководство къ составленію естественно - научныхъ коллекцій. I. M. Гинтервальднера. Переводъ подъ ред. проф. Э. Ю. Петри съ приложениемъ его статьи: **Антропологическая коллекція и наблюденія.** Издание А. С. Суворина 1903 г. С.-Петербургъ.

Цѣль настоящей книги—облегчить любителю природы наблюденіе, собираеніе и сохраненіе животныхъ, растеній и минераловъ. Согласно сказанному, въ ней имѣется масса главъ, повѣствующихъ о томъ, какъ сохранять млекопитающихъ, птицъ, гадовъ, рыбъ, пауковъ, насѣкомыхъ, червей, мягкотѣлыхъ и пр.; какъ устраивать акваріумы съ животными и растеніями, терраріумы, зоологическіе сады, вольеры — помѣщенія для птицъ; какъ собирать растенія и минералы, какъ сохранять животныхъ влажнымъ путемъ и въ сухомъ видѣ, какъ сохранять шкурки животныхъ, растенія, минералы; какъ набивать чучела позвоночныхъ животныхъ, препарировать ихъ (анатомировать), дѣлать скелеты, дѣлать препараты изъ отдѣльныхъ органовъ и системъ; какъ засушивать и сохраниять растенія, приготовлять микроскопическая препараторы изъ животныхъ и растеній; какъ покупать и обмѣнивать объекты. Приложеніемъ служатъ короткія главы о ядовитыхъ змѣяхъ, водящихся въ Россіи, изслѣдованіе почвъ, о музейныхъ этикеткахъ и способѣ сохраненія растеній по Швейфурту. Наконецъ,

переводчикомъ, профессоромъ Э. Ю. Петри, приложена краткая программа для антропологич. коллекцій и наблюденій.

Перечисленныя мною заглавія далеко не исчерпываютъ всего содержанія книги, занимающаго 384 страницы убористой печати со 125 рисунками. Эта книга, по богатству и полнотѣ материала единственная на русскомъ языке, можетъ служить незамѣнимымъ подспорьемъ какъ для любителя, такъ и для специалиста; особенно, какъ мнѣ кажется, она полезна при составленіи школьнаго коллекцій и музеевъ. Широкому распространенію ея едва ли помѣшаетъ довольно высокая цѣна — 2 руб. Однако, принимая во вниманіе большой объемъ книги, нужно согласиться, что, сравнительно, книга не дорога.

К. Я.

9. Народный университетъ. Подъ ред. В. В. Битнера. **Силы природы и пользованіе ими.** С.-Петербургъ. Изд. П. П. Сойкина. 130 стр., съ 102 рис. и 2 картами. Цѣна 1 р.

Народный университетъ взялъ на себя симпатичную задачу распространять истинныя знанія среди лицъ, не имѣющихъ возможность получать систематическое образованіе. Богатый научный материалъ и хорошая обработка его подъ редакціей Битнера (автора извѣстной книги „На рубежѣ столѣтій“), при популярномъ изложенії, дѣлаютъ книгу интересной даже и для лицъ съ систематическимъ образованіемъ, для семьи и школы. Въ сжатой формѣ редакція знакомить читателя съ важнѣшими пріобрѣтеніями въ области различныхъ наукъ. Настоящая книга, составленная по лучшимъ нѣмецкимъ руководствамъ, имѣть цѣлью дать самое общее понятіе о примѣненіи силъ природы въ жизни человѣка.

Такимъ образомъ она является попыткой популярного изложения механики, предмета очень важнаго и интереснаго, но сравнительно рѣдко входящаго въ кругъ самообразовательного чтенія. Богатство материала и удачное расположение его могутъ заинтересовать даже новичка въ этой области.

К. Я.

10. Искусства и ремесла у животныхъ. Г. Купэнъ. Переводъ - извлечениe съ французского К. М. Жихаревой подъ ред. Н. И. Комова, съ предисловиемъ проф. Н. А. Холодковскаго. 289 стр., 112 рис. С.-Петербургъ. Издание А. Ф. Деврена.

Знакомясь съ безконечно разнообразнымъ міромъ животныхъ, мы видимъ у многихъ изъ нихъ проявленіе художественныхъ и техническихъ способностей. Въ самомъ дѣлѣ, большинство нашихъ искусствъ и ремесль, которыми гордится современный „культурный“ человѣкъ, встрѣчаются и у животныхъ и при томъ стоять на поразительно высокой степени совершенства. Купену пришла прекрасная мысль собрать въ одно цѣлое все, что извѣстно о строительныхъ способностяхъ животныхъ. Въ результатѣ получилась весьма интересная и поучительная книга, рассматривавшая слѣдующія промышленныя отрасли у животныхъ: каменщики, гончары, ткачи, бумажные фабриканты, строители кургановъ, инженеры путей сообщенія, портные и обойщики, лѣпщики изъ воска, землекопы, корзинщики, фабриканты гамаковъ, фабриканты сигаръ, строители плотовъ, хижинъ и сферическихъ домовъ, прядильщики, плотники, строители плотинъ, навозники, собиратели запасовъ и изготовители консервовъ, могильщики и, на конецъ, лѣнтия. „Такимъ образомъ, говорить авторъ, мы какъ бы присутствуемъ на всемирной выставкѣ работъ животныхъ“. Читая эту книгу, мы видимъ интересную особенность описанныхъ здѣсь способностей животныхъ, а именно: онѣ не зависятъ отъ степени умственного и физического развитія животнаго, т. - е. у высшихъ животныхъ онѣ не всегда бываютъ въ высшей степени, а у низшихъ не всегда въ низшей. Напротивъ, насыкомыя, напримѣръ, проявляютъ гораздо больше художественныхъ талантовъ, чѣмъ млекопитающія, и пр.

Въ книгѣ помѣщено очень много читать изъ различныхъ авторовъ, наблюдавшихъ извѣстныя формы промышленности у животныхъ, такъ что читатель

имѣть возможность познакомиться съ подлинными словами наблюдателей, а не читать вырванныя для эффекта отрывочные фразы и извращенные мысли.

Языкъ книги, плавный и живой, вмѣстѣ съ прекрасной виѣшностью и большимъ количествомъ рисунковъ способствуетъ успѣху книги. Можно только пожалѣть, что настоящее русское изданіе представляеть изъ себя только „извлечениe“, а не полный переводъ этой интересной книги. Къ сожалѣнію, на книгѣ не выставлена цѣна.

Д-ръ К. Яцута.

11. Моя мама. Ив. Феоктистовъ. Картички изъ жизни маленькаго ребенка. Изд. 2. Спб. Издание П. П. Сойкина.

Какъ извѣстно, „Моя мама“ — это исторія дѣтства „кухаркина сына“, выраженія характернѣйшаго и памятнаго въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія. Мать это очень большая тема, часто привлекавшая и привлекающая художниковъ. Назовемъ того же Андерсена, какъ наиболѣе популярнаго въ дѣтской беллетристикѣ по всюду. Г. Феоктистовъ, конечно, не причисляетъ себя ни къ какимъ жрецамъ Аполлона. Въ своихъ „картинкахъ“ онъ боялся скорѣе поддѣльного сентиментализма, а не реализма. И въ исторіи дѣтской литературы это зачтется автору въ заслугу.

Но, съ другой стороны, нечего дѣлать въ беллетристикѣ и съ сухими протоколомъ и голой фотографіей; эта область существуетъ не отъ одного чистаго разума и логики. И г. Феоктистову пришла на помощь *Укрѣнность* эмоцій, очевидно, не сочиненныхъ въ „Моей мамѣ“ ради краснаго словца.

12. Справочная книжка по тенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. Составилъ М. В. Соболевъ. Спб. 1903 г.

Это довольно большого формата томъ, въ 500 почти страницъ, хорошо изданый и сравнительно не дорогой. Въ предисловіи указывается, что въ „справочной книгѣ“ родители и воспитатели найдутъ: „1) каталогъ русскихъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ первыми или по-

вторительными изданиями съ 1870 по 1902 гг. включительно и предназначеными авторами и издателями для дѣтей, а также признанныхъ педагогическою критикою пригодными для дѣтскаго чтенія, хотя бы книги не предназначались для этого круга читателей; 2) указаніе послѣдняго и первого (въ большинствѣ случаевъ) лѣтъ изданий книги, число ея страницъ, рисунковъ и цѣны; 3) краткое содержаніе книгъ, а въ сборникахъ — отдельныхъ статей; 4) перечень одобреній разныхъ учебныхъ вѣдомствъ и ученыхъ учрежденій; 5) перечень отзывовъ педагогической критики, съ выдѣленіемъ отзывовъ одобрительныхъ; 6) распределеніе книгъ по возрастамъ, начиная неграмотными дѣтьми и кончая юношами 18 лѣтъ". „При дѣлѣніи на „возрасты” принять за основаніе постепенный ходъ умственного развитія дѣтей; года указываются только приблизительныя границы, отъ которыхъ возможны уклоненія въ ту или другую сторону, благодаря природнымъ особенностямъ и жизненной обстановкѣ того или другого ребенка; отъ этихъ уклоненій въ выборѣ книгъ большой, бѣда не будетъ, важно только, чтобы воспитатели и родители ясно понимали душу своего питомца“. Въ „Спр. книжкѣ“ 3608 № — и дань „Алфавитъ именъ авторовъ, переводчиковъ, составителей и редакторовъ“. Читателю остается выразить г. Соболеву великую признательность за его крайне колотливую, тяжелую, столь *внѣшне* неблагодарную и весьма полезную работу.

13. Исторія одного ребенка. Альфонса Дадэ. Перев. съ фр. А. А. Семеновой. Спб. Издание Е. В. Лавровой и Н. А. Попова 1903 г. Приложение къ журн. „Дѣтскій Отдыхъ“.

Въ этой довольно обширной повѣсти очень много печального, временами только скрашиваемаго блестками извѣстнаго мягкаго юмора автора.

Малышъ неудачникъ даже по наружности: онъ слишкомъ незначительного роста. Уже на первые годы его дѣтства выпадаетъ разореніе отца, торговавшаго

фулярами. Мальчику приходится ити въ жизни отъ испытанія къ испытанію. Слишкомъ юнымъ еще, онъ очутился въ роли учителя и воспитателя въ школѣ съ самыми старинными традиціями. Застѣнчивый и самолюбивый, чрезмѣрно нѣжный и не „практичный“, онъ переносить и весьма грустныя столкновенія съ подростками, и оклеветанія со стороны взрослыхъ. Вообразивъ себя поэтомъ, при порядочномъ невѣжествѣ, Малышъ терпить горькія разочарованія и тутъ. Бросившись на театральное по-прище, онъ не пользуется никакими успѣхами — и только лишній разъ захвачивается.

У него слѣпнеть мать, умираетъ братъ, самоотверженно любившій Малыша, добрѣйший и простой, не знаяшій никакихъ претензій, не ставившій себѣ никакихъ цѣлей — для выдѣленія своей личности. И Малышъ перерождается. Онъ признается себѣ обыкновеннымъ работникомъ, созданнымъ для труда — сѣренѣкаго труда — на пользу близкихъ своихъ, „семейного очага“. Въ апофеозѣ — Малышъ вполнѣ счастливъ: „онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ честныхъ и искусныхъ парижскихъ торговцевъ, гордящихся своею профессіей“. О степени собственно идеянааго богатства этой „исторіи“ можно судить и по приведеннымъ строкамъ. Относительно же художественного выполненія основной канвы сочиненія (вѣдь это выполненіе, въ сущности, больше всего и говорить въ беллетристикѣ для читателя) — трудно оспаривать, что „Малышъ“ ни мало не лучшее произведеніе талантливаго французскаго романиста.

14. Война. Рассказъ дяди Жоржа. Пер. съ фр. Н. Н. Живаго. М. 1904 г. **Библиотека для дѣтей и для юношества** подъ редакціей Н. Горбунова-Посадова.

Взгляды и вкусы редактора вышеназванной „Библиотеки“ достаточно опредѣлились, и слишкомъ не трудно догадаться, въ какомъ родѣ подобрана тутъ книжка на тему о войнѣ. Сравнительно очень недавно изданія обозначенной

фирмы по наружности являлись такими съроватыми, темноватыми, аскетическими, что ли. Теперь они зачастую красочны, свѣты, эффектны даже. Такова вѣшность и „Войны“. Рассказъ дяди Жоржа ведется не безъ оживленности, хотя и чуждъ излишнихъ прикрасъ и не выдѣляется выпуклою, яркою образностью.

Повѣстушка начинается словами: „Это было въ тотъ годъ, когда объявили войну. Я былъ тогда еще ребенкомъ твоихъ лѣтъ, да и ростомъ съ тебя“. Родители героя вспоминаются. Старший братъ Поль собрался ити въ армию добровольцемъ. Ему не возражаютъ родные—и безъ конца волнуются. А мальчугану непонятны эти гореванья, онъ мечтаетъ о подвигахъ. „Въ уютной, теплой кроватѣ я долго не могъ заснуть, размышляя о всѣхъ грядущихъ удовольствияхъ, а когда, наконецъ, заснуль,— то увидѣлъ себя во снѣ великолѣпнымъ генераломъ, въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ чуднымъ пломажемъ. Я одерживалъ побѣду за побѣдой. Били въ барабаны, играли военные оркестры. Ахъ, что за дивный былъ это сонъ!“ Жизнь, конечно, открываетъ рядъ горькихъ пробужденій. Отецъ и мать мрачны. А затѣмъ толки о приближеніи непріятеля, о незадачахъ родныхъ солдатъ, рана брата Поля... Отецъ бѣжитъ въ госпиталь, и его чуть не разстрѣливаютъ враги, принявъ за шпиона. А затѣмъ и осада—и разореніе „домашняго очага“, смерть брата. Жоржъ разлюбилъ войну.

15. Индійскія сказки. Сборникъ сказокъ для дѣтей средняго возраста. Составленъ по разнымъ источникамъ О. М. Коржинской. Съ предисловіемъ академика С. Ф. Ольденбурга. Спб. Издание А. Ф. Деврена.

„Въ устахъ индійскаго мальчика, говорить въ предисловіи академикъ С. Ф. Ольденбургъ, слышишь тѣ же сказки, которая на суромъ сѣверѣ у пылающаго очага сѣдя старухи рассказываютъ дѣтямъ. Имена другія и краски ярче и рѣзче, но рассказы все болыше

тѣ же: тутъ и храбрый портняжка, который въ Индіи сталъ горшечникомъ. Кудесникъ по случайности, Харисарманъ, обошелъ сказки всѣхъ странъ подъ разными именами. Старые знакомые нашихъ дѣтскихъ сказокъ, волкъ и лиса, живутъ въ Индіи, какъ тигръ и шакаль“. Сравнительное чтеніе сказокъ, внося разнообразіе въ духовную пищу, освѣжаетъ ее, гонитъ отсюда лишній разъ скуку—всегда вредную, утомляющую. Помимо того — оно зароняетъ въ душу юнца иныя представленія и опущенія, которыя съ ростомъ сознанія сослужатъ свою службу, обрисовывая черты такъ называемаго народнаго творчества. А въ индійскихъ сказкахъ, подобраныхъ въ указанномъ сборнике,— прямо не мало и художественной зрености: очевидно — это плоды очень богатой расовой натуры. Недаромъ Киплингъ пользуется исторіями шакаловъ и аллигаторовъ. Но и въ книгѣ г-жи Коржинской (опять повторимъ мы свои постоянныя замѣчанія по поводу сказокъ) атмосфера подчасъ насыщена достаточно варварской этикой. Да и въ сюжетахъ повѣстованій слишкомъ преобладаютъ жениховскіе мотивы, толки и передряги насчетъ дѣторожденія и т. п. или довольно хитроумная въ житейскомъ смыслѣ опредѣленія даровъ опіума; куриль его: „плутовать, какъ мышь, лакомъ до молока, какъ кошка, задорливъ, какъ собака, дерзокъ, какъ обезьяна, безстрашенъ, какъ кабанъ, благороденъ, какъ слонъ, и гордъ, какъ царица“ и пр.

16. Кавказскія сказки и преданія. Для юношества составилъ Г. А. Дорofеевъ. Изд. 2. Спб. Изд. А. Ф. Деврена.

И кавказскія сказки и преданія, конечно, и въ содержаніи своеемъ и во вѣшнемъ его выраженіи имѣютъ общія черты съ другими такъ называемыми народными произведеніями. А съ другой стороны, онѣ обладаютъ и особымъ *историческимъ* колоритомъ — и въ обстановкѣ приключений, въ бытовыхъ подробностяхъ, въ темпераментѣ самого

Воспитание и Овчение 1904 г.

человѣка. Для юныхъ читателей — по-
звольте—это матеріалъ для чтенія и лег-
каго и вдумчиваго. Г. Дорофеевъ указы-
ваетъ, что онъ пользовался „напечатаннымъ въ выпускахъ „Сборни-
комъ матеріаловъ по описанію мѣстно-
стей и племенъ Кавказа“. Это изданіе
возникло по инициативѣ Попечителя
Кавк. окр. (нынѣ уже покойнаго) К. П.
Яновскаго“. Но г. Дорофеевъ, думается
намъ, задался слишкомъ большими и
многообразными планами. Онъ имѣть
въ виду своеї книжкой предложить
юношеству чтеніе широкаго воспита-
тельный значенія. Онъ береть на себя
чисто художественная и эстетическая
цѣли, онъ перерабатываетъ, вносить *лит-
тературные* описанія. Мало того, онъ
„устраняетъ подробности, затемняющія
идею сказокъ“, старается „выразить ее
ярче въ самомъ разсказѣ, которому
вездѣ придавался *большой драматизмъ* и
изложенія сравнительно съ оригиналомъ“. Но вѣдь это или настоящее поэтическое
творчество, требующее опредѣленныхъ
дарованій, или прямо искаженіе *народ-
ной* этики: намъ не приходится раскры-
вать *ея мысль* какои-то подражательной
беллетристикой. И *воспитательное зна-
ченіе* подобныхъ передѣлокъ и поддѣ-
локъ весьма проблематично. И вѣсъ сказ-
ки сборника—о честномъ и нечестномъ
купцѣ, о нѣмой царевнѣ, о пахарьѣ, китѣ
и барсѣ и пр., гдѣ составитель, видимо,
ближе держался народнаго текста, не
принаряживалъ его лишній разъ *лит-
тературными* росписями,—всѣ эти вещицы,
по нашему мнѣнію, и образуютъ собою
наиболѣе пригодную часть Сборника.
Правда, въ нихъ меньше того „идеализ-
ма“ о которомъ печется г. Дорофеевъ,—
но вѣдь для юношества „идеализмъ“
надо преподносить въ сильныхъ образахъ.

17. Миньона, дочь музыканта. Раз-
сказъ для дѣтей Софии Макаровой.
Изд. 3. Спб. Изд. Ф. А. Битепажа

Въ предисловій читаемъ: Находя раз-
сказъ г-жи Геденъ: „Das Musikantenkind,

вполнѣ подходящимъ для дѣтскаго чте-
нія, я заимствовала изъ него вѣсма
многое при составленіи предлагаемаго
разсказа „Дочь музыканта“. Книжка эта
типична въ высшей степени. Въ ней—
что называется—какъ по нотамъ разы-
граны обычные повѣствовательные эф-
фекты и приемы назиданія. Въ Петер-
бургѣ, въ семьѣ булочника Грота—
мужъ добродушень, жена бранчлива и
жестока. Сынъ ихъ, Бруно, презлой и
набалованный мальчикъ,—далѣе его и
постигаетъ наказаніе—несчастья. Фрицъ
же, наоборотъ, натура нравственная,—въ
эпилогѣ его ждетъ награда. Прислуга
Грота, Прасковья, сострадательная дѣ-
вушка,—и ей предстоитъ счастливый
бракъ и хорошая булочная. У Грота
занимаетъ квартиренку итальянецъ, бѣ-
дный и порядочный музыкантъ. У него
дочка Миньона — съ дѣства замѣтный
музыкальный талантъ. Она остается
круглою сиротою, опекается Прасковьей.
угнетается булочницей и Бруно, обод-
ряется Фрицомъ и самимъ булочникомъ.

Но послѣ разбитія ея милой скрипки,
Миньона бѣжитъ. Открывается нѣкото-
рый рядъ приключений съ героиней,
благодаря очень кстати появившейся
группѣ странствующихъ акробатовъ. Въ
самомъ концѣ концовъ — на сценѣ ка-
рета. Изъ нея выходитъ—богатая, обра-
зованная, привлекательная во всѣхъ от-
ношеніяхъ дама — спасительница. Ясное
дѣло, она устраиваетъ Миньону знаме-
нитой артисткой—въ заключеніе.

Въ такихъ разсказахъ обыкновенно
много *средняго*: не большой, а именно
средней вѣроятности бытовая описанія,
драматическая положенія, характеристи-
стики; *средний* интересъ книги и пр.
Къ сожалѣнію, преобладаніе *средней*
мѣры—признакъ и художественной и
этической *посредственности* сочиненія.
Повѣсть выходитъ 3 изданіемъ. Въ преж-
нее время она цѣнилась бы выше, раз-
сказъ не очень скученъ и чрезмѣрно
выпяченнаго дидактизма въ немъ нѣть.
А. Наличновъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедиингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Мартъ — № 3.

1904.

Содѣржаніе № 3.

1. Рознь между родителями и дѣтьми. Н. <i>Лухмановой.</i>	129
2. О возможности совмѣстного воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Статья м-ра <i>Бэдлей.</i> Перев. съ англ. <i>Н. Жариновой.</i> (Окончаніе)	136
3. „Дѣтскій міръ“. III Бесѣда по поводу выставки. <i>В. Поваринской.</i>	150
4. Что читать дѣтямъ?	156

Рознь между родителями и дѣтьми.

Не знаю, кто несчастнѣе, мы ли, родители, когда не встрѣчаемъ достаточной любви и уваженія въ своихъ дѣтяхъ, или наши дѣти, которыхъ вырастаютъ, не имѣя дѣтства. Вырастаютъ насилиственно скоро, какъ парниковыя растенія, поспѣваютъ несвоевременно рано и потому вслѣдствіи становятся безсильны, малокровны и безвольны передъ суровыми требованиями настоящей жизни.

Родители разошлись съ дѣтьми, а дѣти потеряли родителей.

Конечно, есть счастливыя исключенія,—но исключеніе только подтверждаетъ общее положеніе. А общее положеніе—рознь семьи.

Женщина-мать ушла изъ дѣтской. Ушла потому, что товарищъ ея, мужчина, не захотѣлъ раздѣлять съ нею тяжелое дѣло воспитанія семьи. Онъ отвѣль ей узкія рамки—кухни и дѣтской, а самъ взялъ себѣ полную свободу. И свободу общественной дѣятельности, и свободу товарищества, и даже

свободу виѣбрачной любви и другихъ развлечений.

Женщина, видя, что дѣти остаются на ея полномъ попеченіи, изъ любви къ нимъ, желая улучшить ихъ физическое и нравственное развитіе, начала учиться, но ученье было для нея тѣмъ самымъ яблокомъ отъ древа познанія добра и зла, которое вкусила Ева въ раю. Ученье открыло женщинѣ такие горизонты, которые не могли уже вмѣщаться въ стѣнахъ дѣтской и кухни, она захотѣла широкаго образования, затѣмъ полной равноправности съ мужчиной, свободы мысли и свободы жизни.

Лучшія изъ нихъ, не нарушивши ничѣмъ вѣрности долгу, и тѣ потребовали себѣ право имѣть свои интересы, свои кружки, свои дѣла. Женщинѣ стало легче дышаться, веселѣ жить уже по одному тому, что горизонтъ ея интересовъ расширился, вышелъ изъ маленькой сферы чисто „женскихъ интересовъ“ и перешелъ на общечеловѣческие.

Но дѣти?

Дѣтямъ была дана свобода.

Дѣтская эмансипирована.

Признано было, что у дѣтей есть свой дѣтскій міръ—своя воля и въ нихъ надо рано развивать самостоятельность.

Искренни ли были признанія, были ли они пропрѣены на дѣйствительныхъ, подтверждавшихся фактахъ благотворности такой системы?

Не была ли измыслена и проведена эта теория дѣтской свободы только ради того, что принципъ этотъ прикрывалъ собою ту личную свободу, къ которой стали стремиться женщины?

Здоровая педагогика говоритъ, что дѣтамъ не опасно давать полную свободу только тогда, когда родители или воспитатели зорко, неоступно слѣдятъ за проявленіями этой свободы, и съ теплотой, безъ явного и грубаго вмѣшательства, всегда готовы направить эту свободу дѣйствій ребенка на его благо, умѣть то уменьшать, то расширять его права до тѣхъ поръ, пока не научить его разумно пользоваться этой свободой. Отчего ребенку въ 12—14 лѣтъ не позволить дѣлать небольшія экскурсіи, имѣть свою лодку, посѣщать и принимать у себя товарищей, если этотъ ребенокъ уже силенъ, ловокъ, справедливъ а, главное, дисциплинированъ въ жизни, то-есть: умѣть уважать и свою и чужую личность, умѣть держать свое слово, знаеть цѣну времени и деньгамъ?

Если этихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ въ немъ не выработано,—если ребенокъ въ эти годы не находчивъ въ минуту опасности, безсиленъ передъ всякими препятствіями, задоренъ и совершенно неразсчетливъ, то свобода для него будетъ, если не гибелью, то рядомъ тяжелыхъ испытаній и нелѣпыхъ случайностей. Вырастить ребенка до 14 лѣтъ здоровымъ, выдержанымъ, добрымъ и честнымъ—это громадная задача, требующая громадной затраты времени и нравственныхъ силъ,—на это рѣдкіе родители способны.

Мы обездолили нашихъ дѣтей, во-первыхъ, тѣмъ, что изгнали изъ ихъ жизни поэзію. Дѣтскую поэзію, под-

готовляющую дѣтскую душу въ любви къ людямъ, животнымъ и природѣ.

Мы отняли у ребенка *руssкую* нянью.

Русская „нянька—крестьянка“, конечно, привязавшаяся къ ребенку, конечно, могла быть сокровищемъ любви и доброты при ребенкѣ только подъ условіемъ, чтобы она сама находилась всегда подъ надзоромъ и руководствомъ матери, иначе темные стороны ея невѣжества всегда могли взять перевѣсь надъ приносимой ею пользой: современные матери ради своей свободы замѣнили эту няньку съ ея пѣснями, сказками и лаской—чопорной англичанкой, знающей гигиену nursery, француженкой, умѣющей прелестно одѣвать, завивать и наряжать нашихъ бабушекъ, или нѣмкой съ ея сухой дисциплиной и пунктуальностью. Эти нянѣки тѣмъ удобны, что не только не требуютъ, но даже часто не переносятъ вмѣшательства матери въ дѣло въ спитанія вѣренныхъ имъ дѣтей. И теперь матери, принимая серіозный тонъ, говорятъ: для воспитанія дѣтей нуженъ посторонній и систематический человѣкъ,—большой строгости и справедливости...

Мы уничтожили въ дѣтской кють съ образомъ и лампаду, замѣнивъ ее англійскимъ ночникомъ. Это гигиеничный и свѣтлый. Да и къ чему лампада? Иностранка-бонна, конечно, это будетъ считать остатками варварства и смѣшной обрядности.

Рубиновый или сапфировый огонекъ граненой лампадки былъ хорошъ, когда няня называла его „Божіимъ глазомъ“, когда зажигала его, крестясь, съ земнымъ поклономъ, и когда передъ этимъ кютомъ утромъ и вечеромъ дитя молилось вмѣсть съ матерью. Кють и лампада были символами дѣтской, были

крылами ангела-хранителя, стоявшего на стороже детской души.

Сколько невольныхъ вопросовъ и мыслей возбуждалось въ душѣ ребенка о Богѣ и молитвѣ, сколько хорошихъ, поэтическихъ и чистыхъ отвѣтовъ слышалъ онъ.

Росла и крѣпла вѣра ребенка въ недосыпаемаго, благого и строгаго Судію,—знавшаго не только всѣ поступки наши; но и всѣ мысли и побужденія.

За послѣднее время вдругъ появилась теорія, что посыпать детей въ религию страны, учить ихъ молиться—есть насилие ихъ души, что надо оставлять ихъ безразличными, а вырастить, тогда они сами поймутъ и сами выберутъ свою религіозную дорогу.

Какіе абсурды! Это все равно, что не всиахивать, не заливать поля въ надеждѣ, что на немъ вырастутъ не плевелы, а прекрасная пшеница, только потому, что у поля всѣ даныя на то, что она могла бы на немъ уродиться.

Во имя гигиены, мы разлучили ребенка съ животными, найдя собаку, и кошку, и птицъ нечистоплотными. А между тѣмъ, это были друзья, которые не давали черствѣть сердцу ребенка. Они требовали отъ него заботливости, ласки и корму. Онъ учился дѣлиться съ ними, онъ чувствовалъ зависимость отъ него здоровья и счастья этихъ существъ и покровительствовали имъ. Собака своею преданностью, храбростью и беззавѣтной любовью давала много хорошихъ примѣровъ, кошка—домовитостью, чистоплотностью, птицы, вѣчно веселыя,—будили чувство изящнаго, легкаго, чего-то соединяющаго землю съ небомъ. Акваріумъ, терраріумъ—все это было детское царство, и сколько было опять-таки

вопросовъ и отвѣтовъ по поводу всѣхъ этихъ животныхъ, какъ часто они отвлекали мысль ребенка отъ слишкомъ эгоистичной реальной жизни.

Но опять-таки всѣ отношенія ребенка къ миру животныхъ, доступныхъ для совмѣстной съ нимъ жизни, требовали урегулированія и руководства родителей, а тѣмъ стало никогда „возиться“ со всѣмъ этимъ, и все это было или устраниено, или предоставлено собственному произволу ребенка, изъ чего выходила неряшливость, нерадѣніе и часто только развивалась безнаказанная жестокость.

Природу нашъ ребенокъ не можетъ любить, исключая тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые уѣзжаютъ хоть на часть года со своей семьей въ деревню; другія дети не знаютъ и не сознаютъ, что восходъ и закатъ солнца, игра облаковъ на небѣ, лунныя и звѣздныя ночи, каждый кустъ, каждая группа деревьевъ, всѣ тѣни, полутона, сумерки, день и ночь—это все природа, все величайшая тайна и красота. Его пріучили на все на это смотрѣть, какъ на какой-то механизмъ жизненного процесса, какъ на нечто побочное, аксессуарное...

Восхода солнца, конечно, никто изъ городскихъ детей не видѣтъ. Прелестъ утра проходить въ заботахъ объ утреннемъ чаѣ, полдень—это перерывъ занятій, значить, завтракъ, прогулка или школа, затѣмъ обѣдъ, зажигаютъ лампы, значить, сумерки, а вечеромъ, если везутъ его въ театръ или въ гости, то, конечно, ужъ никто не говоритъ ему о природѣ, никто не учитъ его, что каждое дерево, каждый листъ его есть перлъ созданія, что все это—природа, какъ въ своемъ частномъ, такъ и въ общемъ, собирательномъ

смыслѣ. Онъ вырастаетъ убѣжденный, что природа,—гдѣ-то за границей, гдѣ очень хорошо, а у насъ кругомъ—болота и гадость.

Если даже, живя на дачѣ, ребенка снабжаютъ гербаріемъ и ящикомъ для ловли насѣкомыхъ, то рѣдко гдѣ родители интересуются его добычей, рѣдко гдѣ умѣютъ направить дѣло такъ, чтобы оно не вышло пустой забавой и безсмысленнымъ убиваниемъ насѣкомыхъ. Ребенокъ растетъ, непонимая природы и не имѣя ничего съ ней общаго.

У нашихъ дѣтей нѣтъ дружбы между собой, нѣтъ настоящаго крѣпкаго товарищества, потому что такихъ отношеній, основанныхъ на преданности и уваженіи, онъ не видѣть и въ семье. Онъ знаетъ только, что есть гости, милые знакомые, съ которыми цѣлуются, угощаютъ ихъ, жмутъ руки, а за глаза перемываютъ имъ косточки.

Ребенокъ не уважаетъ никого, потому что отецъ и мать позволяютъ ему смеяться надъ его учителями, надъ пожилыми людьми, передразнивать ихъ, разсказывать обѣихъ анекдоты. Но хуже всего, что ребенокъ становится фразеръ почти съ самыkh ранихъ лѣтъ. Матери стало слишкомъ ужко и скучно въ дѣтской и потому она вывела своего ребенка въ гостиную. Онъ сдѣлался свидѣтелемъ всей жизни взрослыхъ, и, не имѣя ни опыта, ни силъ разобраться въ добрѣ и злѣ, онъ сталъ только фонографомъ чужихъ мнѣній, ходячихъ фразъ и недоброжелательнымъ критикомъ всего, что дѣлается вокругъ. Въ 10 лѣтъ—онъ уже фронтируетъ, а въ 14—считаетъ себя способнымъ передѣлать весь міръ.

Разамъ статьи не даетъ мнѣ возможности подробно остановиться на разборѣ жизни современнаго ребенка,

но изъ всего сказаннаго—ясно, что если отецъ и мать не вернутся въ дѣтскую и не создадутъ въ ней снова дѣтскаго міра съ присущей дѣтской душѣ атмосферой, то ребенокъ окончательно искалечится, примыкая къ непонятной ему и непосильной жизни взрослыхъ.

Вотъ въ чёмъ и тайна той розни, которая царить между родителями и дѣтьми. Родители *могутъ* снизойти до дѣтей, но не хотятъ, дѣти хотятъ подняться до взрослыхъ, но не *могутъ*, и когда, вырастая, они встречаются со своими родителями уже какъ равные люди,—между ними нѣтъ никакого пониманія, нѣтъ ни довѣрія, ни симпатіи.

Родители думаютъ, что они сдѣлали все, что *могли*, для дѣтей, дѣти же не считаютъ себя ничѣмъ обязанными передъ родителями, потому что не получили того, на что имѣли право отъ рождения—счастья.

Н. Лухманова.

О ВОЗМОЖНОСТИ СОВМѢСТНОГО ВОСПИТАНИЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕНЬ.

Статья основателя Бидэльской школы

Дж. Г. Бэдлей.

(*Окончание 1*).

III.

Изъ всего вышесказанного видно, что совмѣстное обученіе и воспитаніе въ среднихъ школахъ для приходящихъ дѣтей настолько же возможно у насъ, какъ и въ Америкѣ. Но какова бы ни была будущность этихъ „дневныхъ“ школъ, у насъ въ настоящее время

¹⁾ См. „Восп. и Об.“ № 2, стр. 65.

О возможності совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ.

гораздо больше boarding-school, т.-е. такихъ, устроенныхъ загородомъ, гдѣ всѣ дѣти живутъ на школьнай землѣ и въ школьнномъ домѣ. Хорошо это было или плохо при царившей до сихъ поръ „системѣ“—другой вопросъ; дѣтей отдавали въ эти школы-пансионы собственно изъ-за установившагося мнѣнія, что дѣти должны расти въ деревенской обстановкѣ, если представляется къ этому хоть малѣйшая возможность. Но въ данномъ вопросѣ, т.-е. для совмѣстнаго воспитанія, жизнь дѣтей въ самой школѣ имѣть громадное значеніе,—не столько въ смыслѣ чисто умственнаго развитія, сколько для физического и нравственнаго воспитанія; такая школа беретъ къ себѣ дѣтей на большую часть года, беретъ на себя всю заботу о ихъ физической и нравственной природѣ въ самый критическій періодъ жизни. За границы этой школьнай жизни рѣдко выходятъ даже помыслы воспитанника; ея правила и обычай руководятъ его поступками, ея общий нравственный строй придаетъ известную форму его природѣ, а слѣдовательно влияетъ и на предстоящую жизнь и дѣятельность—какъ рѣдко что можетъ влиять.

Но среди современныхъ воспитателей въ этихъ закрытыхъ школахъ до сихъ поръ видно не много сознанія всей важности окружающей дѣтей обстановки, иначе они отнеслись бы съ большими вниманіемъ къ вопросамъ пищи, одежды, свѣжаго воздуха, свободныхъ часовъ, ежедневныхъ обычаевъ и другихъ подробностей. Вездѣ мы видимъ поблизости школы лавочку со сладостями, вознаграждающую дѣтей за недочеты въ пищѣ; известную „Eaton“скую форму одежды — недостаточно теплую для зимы и невоз-

можную для физическихъ упражненій; душные классы и спальни; умственную работу до первой утренней Ѣды и позднимъ вечеромъ; и, въ концѣ концовъ, полное хладнокровіе учителей къ тому, какія привычки разовьются у ихъ воспитанниковъ въ школьнай обстановкѣ. Всѣ подробности послѣдней имѣютъ такое же рѣшающее вліяніе на дѣвочекъ, какъ и на мальчиковъ, и это, по крайней мѣрѣ, признаются въ некоторыхъ большихъ закрытыхъ школахъ для дѣвочекъ.

Но если съ одной стороны жизнь въ школѣ можетъ имѣть гораздо больше хорошаго вліянія на дѣтей, чѣмъ только дневное посѣщеніе ея, то, съ другой стороны, недочетомъ такой закрытой школы является недостатокъ семейной, домашней жизни съ ея тонкимъ вліяніемъ на чувство дѣтей. И поэтому тѣмъ болѣе необходимо заполнить пробѣль, выражающійся въ общеніи только одного пола; именно этотъ недостатокъ дѣлаетъ школу не похожей на семью, суживаетъ интересы дѣтей и приводить одновременно къ такимъ неестественнымъ проявленіямъ чувства, какъ поклоненіе чисто физической—зачастую грубой—сильѣ, и къ самому глупому сентиментализму по отношенію къ другому полу. Физическая сила болѣе грубыхъ мальчиковъ доходитъ даже до тиранія, вмѣсто употребленія ея на пользу, и вообще разговоры и интересы дѣтей, лишенныхъ общества сверстниковъ и взрослыхъ другого пола, ограничиваются крайне тѣсными рамками. И для мальчиковъ и для дѣвочекъ необходимо расширить кругозоръ, переступить традиціонный шаблонъ, войти въ интересы другъ друга, и тогда явится духъ здравомыслія и естественности, при которомъ дѣти сами выве-

дуть изъ употреблений—и смѣхомъ и критическимъ отношеніемъ — всякое преувеличение чувства, такъ же, какъ и его отсутствіе.

Я не отрицаю, что такой здравый духъ можетъ появиться въ школѣ, гдѣ живутъ только мальчики или только дѣвочки; но это скорѣе вопреки обычнымъ условіямъ, чѣмъ вслѣдствіе ихъ. Зная, насколько эти обычныя условія далеки отъ здоровой, хорошей семьи, многіе родители смотрятъ на закрытую школу лишь какъ на печальную необходимость, которой предстоитъ исчезнуть съ лица земли; другіе же, хотя и признаютъ, что жизнь въ средѣ школы имѣеть большія преимущества въ воспитательномъ смыслѣ сравнительно съ жизнью дома, но справедливо полагаютъ, что чѣмъ больше сходства между обѣими, тѣмъ лучше,—и къ этому въ послѣдніе годы начали стремиться уже многія школы.

Конечно, тутъ не можетъ не имѣть громаднаго значенія общая жизнь мальчиковъ и дѣвочекъ подъ руководствомъ учителей и учительницъ. Прежде участіе женскаго элемента въ школахъ для мальчиковъ сказывалось только въ госпиталѣ, въ комнатѣ „matron“, —завѣдующей ихъ одеждой, помогающей въ случаяхъ легкаго нездоровья и проч., —и въ частной квартирѣ директора, куда иногда приглашаются лучшіе ученики. Въ женскихъ же школахъ и этого нѣтъ: во многихъ изъ нихъ все, относящееся къ мужскому миру, упразднено, и все знакомство съ нимъ ограничивается швейцаромъ и чистильщикомъ сапогъ, которые допускаются, какъ неизбѣжныя исключенія.

Между тѣмъ, даже для самихъ преподавателей важно присутствіе въ своей средѣ лицъ обоего пола, такъ

какъ тогда получается большее разнообразіе наблюдений надъ дѣтьми, а обмѣнъ ихъ безусловно полезенъ для дѣла. И только тогда, при этомъ общемъ обмѣнѣ впечатлѣній и взглядовъ—между дѣтьми и взрослыми, въ игрѣ и въ работѣ,—мыслима въ школѣ замѣна неощущимаго, но важнаго семейно-домашняго вліянія.

Полагая, такимъ образомъ, совмѣстное школьнѣе воспитаніе возможнымъ, надо признать, что менѣе всего трудностей можно ожидать въ младшемъ возрастѣ, когда данныхыхъ для нихъ меньше, а наблюденіе возможно болѣе зоркое (но оно всегда должно быть тактично и далеко отъ того, что французы называютъ „surveillance“). И это наблюденіе не уничтожается присутствіемъ дѣвочекъ. Mr. Andrews, содержатель приготовительной школы въ Ackworth, сдѣлалъ недавно опытъ, начавъ принимать въ число воспитанниковъ и дѣвочекъ; и теперь находить, что затрудненія всѣ постепенно исчезаютъ съ установленвшимся нормальнымъ знакомствомъ между дѣтьми.

Но нельзя остановиться на этой легкой ступени совмѣстнаго воспитанія; дѣло не будетъ сдѣлано даже на половину, если его не провести черезъ весь періодъ школьнаго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно одобрять то, чтобы въ 13—15 лѣтъ, когда природа требуетъ наибольшаго вниманія и осторожной обработки, когда трудности въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ мірѣ дѣтей представляются наиболѣе сложными,—какъ же можно въ это время отрывать дѣтей отъ одной жизни и пересаживать въ другую, въ совершенно иной міръ? А между тѣмъ, наши приготовительныя школы доводятъ дѣтей именно до этого

критического возраста. Я вообще не поклонникъ той „системы“, при которой дѣти раздѣляются по возрасту— для чего бы это ни было. Какъ можно почти одинаково для всѣхъ опредѣлить возрастъ, при которомъ мальчикъ или дѣвочка-подростокъ могутъ быть смѣло предоставлены самостоятельности или собственной силѣ воли? И даже если въ будущемъ имъ суждено зависѣть только лично отъ себя, то разумно ли предоставлять ихъ самимъ себѣ тогда, когда характеръ ихъ представляетъ все еще мягкий матеріалъ, способный вылиться въ самыя разнообразныя формы?

А между тѣмъ, такъ дѣлается. Почти всегда дѣтей пересаживаютъ изъ младшей школы въ среднюю именно около этого возраста. Такая система, конечно, удобна для большинства „воспитателей“, снимающихъ съ себя отвѣтственность. Но они не помнятъ того, что въ трудностяхъ-то и лежитъ главный успѣхъ дѣла, если взяться за него какъ слѣдуетъ. Кромѣ того, переходъ изъ одной школы въ другую у насъ ведеть за собой обыкновенно рѣзкую разницу въ возрастѣ товарищѣй: въ первой школѣ были только небольшія дѣти,— во второй оказываются только большія. Ничего не значитъ, что мальчикъ самъ подрастаетъ: по-моему, одно изъ главныхъ преимуществъ разумной совмѣстной школы состоять въ томъ, чтобы ея воспитанники были различныхъ возрастовъ; сообщество малышей съ юношами и молоденькими дѣвушками имѣть громадное воспитательное значеніе для тѣхъ и другихъ. Какие воспитательные пріемы могутъ принести болѣе яркіе результаты, чѣмъ естественная привязанность младшихъ дѣтей къ старшимъ? И въ нормальной,

хорошѣй школѣ эти „старшие“ однимъ своимъ примѣромъ и участіемъ въ общай жизни приносить огромную помощь, тогда какъ въ раздѣльныхъ младшихъ и старшихъ школахъ этотъ полезный элементъ отсутствуетъ. Для ребенка всѣ преподаватели, какъ всѣ взрослые, принадлежать къ другому миру,—это надо признать; ихъ приказанія и желанія (пріятныя или непріятныя) существуютъ для того, чтобы ихъ исполнять или нарушать, но не понимать: это не обязательно; они всѣ исходятъ, по мнѣнію малыша, изъ какого-то высшаго мира. Истиннаго путеводителя онъ находитъ для себя въ комъ-нибудь изъ старшихъ братьевъ или ихъ товарищѣй,—въ комъ-нибудь, кто кажется ему всемогущимъ и все знающимъ, а между тѣмъ принадлежитъ все-таки къ его миру, дѣтскому, а не къ „большимъ“. И молодежь ведеть за собой мелкую дѣтвору, безсознательно давая указанія и вызывая къ дѣятельности инстинктивную подражательность, составляющую воспитательный методъ самой природы. Въ свою очередь, немаловажная польза вытекаетъ для старшихъ изъ ихъ отвѣтственнаго положенія передъ слабыми и младшими, требующаго умѣнья слѣдить за собой, чтобы выработать въ себѣ настоящее достоинство, не исключающее ласковости. Раздѣленіе же дѣтей на двѣ категории—однихъ моложе, а другихъ старше четырнадцати лѣтъ—уничтожаетъ эту двойную воспитательную пользу. Считается, что смѣшивать общество младшихъ мальчиковъ со старшими такъ же опасно, какъ смѣшивать общество мальчиковъ и дѣвочекъ; но въ обоихъ этихъ случаѣахъ, стараясь избѣгнуть возможности зарожденія зла, пропускаютъ условія,

изъ которыхъ вытекаетъ большая польза. Возможность зла не уничтожается раздѣлениемъ половъ и раздѣлениемъ младшихъ дѣтей отъ старшихъ; и поэтому, разъ закрытая школа при такихъ „тщательно оберегаемыхъ“ условіяхъ не можетъ смѣло встрѣтить опасность и поручиться за своихъ дѣтей,—то смысль ея существованія окончательно падаетъ.

Но мы можемъ встрѣтить эту опасность лицомъ къ лицу, если не станемъ прятаться отъ нея и держать дѣтей отдельно за крѣпкими засовами, подъ строжайшимъ приказомъ молчанія. Если бы эти мѣры даже и были дѣйствительны на время, то въ будущемъ онъ не даетъ дѣтямъ ничего: никакого руководства, никакихъ принциповъ. Отсутствіе опасности не есть воспитаніе,—какъ отсутствіе соблазновъ не есть доказательство нравственности. Этимъ, въ лучшемъ случаѣ, только отдѣляется ударъ,—но сила отразить его не дана. Механическаго опахала отъ опасностей недостаточно. Нужно выработать способъ встрѣтить ихъ лицомъ къ лицу. Многіе родители и учителя, считая излишнимъ затрудненіемъ сообщество половъ и возрастовъ, забываютъ, что оѣнкой всякаго дѣла служатъ его результаты. А при данныхъ условіяхъ результаты получаются грустные: превратныя понятія среди молодежи и зачастую совершенно искаженное на всю жизнь отношеніе къ другому полу. Поэтому нельзя воспитывать дѣтей въ ненормальныхъ условіяхъ; школа должна быть возможно больше похожа на разумную семью, и мы обязаны открыто встрѣтить всякое зло, честно и искренно учить дѣтей противостоять ему и внушать имъ заботу о такомъ же сознатель-

номъ направленіи младшихъ. Работа—требующая увлеченія, преданности, убѣжденія; такихъ работниковъ въ отдельности встрѣтишь много, но въ такой школѣ они должны дѣйствовать сообща, движимые однимъ духомъ; нужно много вниманія, нуженъ *такъ* въ руководствѣ — чтобы пропустить именно то, что нужно, и вмѣшаться именно тогда, когда нужно. Необходимы откровенные, честныя бесѣды съ дѣтьми о природныхъ свойствахъ обоихъ половъ, — не отвлеченные, непонятныя проповѣди, обходящія саму суть предмета, но разговоры, полныя серіозной простоты и взаимнаго довѣрія; степень ихъ подробности въ каждомъ отдельномъ случаѣ указывается самимъ мальчикомъ или дѣвочкой, въ зависимости отъ умственнаго развитія и возраста. И это серіозное взаимное довѣріе и уваженіе составляютъ одинъ изъ тѣхъ двигателей, которыми создаются достойныя привычки и честныя основныя убѣжденія для будущаго. При условіи такихъ искреннихъ и серіозныхъ отношеній между преподавателями и воспитанниками и преподавательницами и воспитанницами — трудности совместнаго воспитанія уменяются вдесятеро, и, проведенное черезъ весь школьній періодъ жизни, оно не можетъ не принести свѣтлыхъ результатовъ.

Есть въ Англіи еще одна такая совмѣстная школа, отъ основателя которой у меня есть письма по этому вопросу. Тамъ, въ Craigmore College, воспитывается дѣтство, отрочество и — можно сказать — юность обоихъ половъ, такъ какъ многіе кончаютъ школу около 18—19 лѣтъ. „Дѣвочки спятъ отдельно и имѣютъ свою отдельную комнату для разговоровъ и занятій въ

О возможности совместного воспитания мальчиков и девочек.

свободное время; но вся школа, съ учителями и учительницами, встречается на классныхъ занятіяхъ, за ъдой, во время экскурсій, на молитвѣ, на дебатахъ, на домашнихъ, т.-е. школьныхъ концертахъ и вечеринкахъ; общія физическая игры—крикѣтъ и теннисъ.

Если и встречаются затрудненія отъ сообщества двухъ половъ, то только тогда, когда чувствуется еще влияніе неудачнаго дошкольного воспитанія; но эти затрудненія скоро таютъ и подчиняются общей атмосферѣ порядочности и здраваго смысла. Результатами въ высшей степени довольны и родители и сознательно относящіеся къ вопросу старшіе воспитанники".

IV.

Въ заключеніе позволю себѣ прибавить: несколько строкъ о результатахъ нашего опыта — Бидзельской школы. Первый нѣсколько девочекъ поступили къ намъ тогда, когда было уже около шестидесяти мальчиковъ разнаго возраста, отъ девяти до восемнадцати лѣтъ; школа существовала уже шесть лѣтъ, такъ что ея правила и обычай можно было считать установленными,— и эти правила и обычай съ самаго своего основанія отличались отъ общепринятыхъ школьніхъ законовъ; поэтому, когда поступили первыя девочки, не произошло никакихъ измѣненій въ строѣ нашей жизни. Спать они, конечно, въ отдѣльномъ помѣщеніи и нѣсколько часовъ въ недѣлю проводятъ у себя—по хозяйству своего дома и уборкѣ одежды; но двѣнадцать часовъ въ сутки они непремѣнно проводятъ въ главномъ зданіи школы, среди мальчиковъ, учителей и учительницъ,— начиная съ утреннихъ уроковъ и кончая

музыкой, лекціями, танцами, чтеніемъ и проч., которыми заканчивается день. День у насъ раздѣляется на три главные части: съ утра и до часу, т.-е. до обѣда,—умственная занятія; уроки одинаковы и обязательны для всѣхъ, мальчиковъ и девочекъ, включая латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ; разница въ программѣ обучения появляется только для старшихъ дѣтей, лѣтъ около шестнадцати, когда ихъ явно выраживаются способности или избранная высшая школа требуютъ определенного направленія по тому или другому пути науки. Послѣ обѣда—ручной трудъ (столярный, садовый, полевой), художественная занятія (рисование, музыка), прогулки и игры. Вечеромъ, т.-е. послѣ „ужина“ въ 6 часовъ,—классныя занятія, представляющія легко возбуждаемый интерес: исторія и литература; затѣмъ—общее пѣніе, послѣ которого старшіе воспитанники идутъ самостоятельно заниматься, а остальные принимаются за рѣзьбу по дереву, переплеты, шитье и т. д., если нѣтъ общаго концерта, танцевъ, лекцій и т. п.

Во всемъ этомъ девочки принимаютъ совершенно такое же участіе, какъ и мальчики, — исключая игры въ футболь и грубыхъ работъ на фермѣ и въ полѣ. Вместо футболь они играютъ въ гоккей, вмѣстѣ съ младшими мальчиками; въ далекихъ воскресныхъ прогулкахъ, экспедиціяхъ, катаньѣ на велосипедѣ и праздничныхъ пикникахъ все принимаютъ участіе на равныхъ основаніяхъ,—т.-е., напр., девочки не садятся отдѣльно за ъдой или въ классѣ, и къ нимъ никто не относится иначе, чѣмъ къ остальнымъ,—хотя вѣжливость мальчиковъ развивается какъ-то сама собой.

Таково общее очертаніе того школьнаго строя, который мы считаемъ одинаково нужнымъ и одинаково подходящимъ для мальчика и для дѣвочки,— вплоть до того возраста, когда подготовленный къ жизни человѣкъ долженъ приниматься уже за специальность.

Теперь остается сказать о выяснившихся трудностяхъ дѣла.

Меньше всего было именно того, чего такъ боялись наши строгіе критики: глупостей въ отношеніяхъ половъ и грубости мальчиковъ на основаніи ихъ „испорченной“ школьнай жизни. Была, конечно, доля предубѣжденія со стороны послѣднихъ; но когда они увидѣли, что школьнай свобода и веселость нисколько не пострадали отъ появленія въ ихъ средѣ дѣвочекъ, и когда миновало первое чувство непривычки,—все пришло въ нормальную колею, и съ тѣхъ поръ присутствіе дѣвочекъ считается совершенно естественнымъ. Сентиментальныхъ глупостей было немного, и то только въ теченіе первой трети года; побороться съ ними пришлось, главнымъ образомъ, среди малышей: между ними появлялись желающіе сидѣть за столомъ или въ классѣ рядомъ именно съ той или другой дѣвочкой, „потому что она самая хорошенъкая“; въ свою очередь, некоторые дѣвочки стремились къ обществу того или другого мальчика, „потому что онъ ангелъ!“ Но мрачныя предсказанія критиковъ все-таки не сбылись: эти мелочи были встрѣчены дружнымъ веселымъ смѣхомъ большинства, оказавшимся самыми простыми и естественными средствомъ борьбы. Когда же излишняя услужливость или любезное подразніванье замѣчалось между старшими мальчиками,—то это скоро таяло въ здоровой

атмосфѣрѣ общественности, уже выработанной школой.

Трудности представились, такимъ образомъ, не на этой почвѣ. Теперь у насъ двадцать одна дѣвочка и восемьдесят три мальчика,—значить, первыхъ вчетверо меньше, чѣмъ вторыхъ: но когда вначалѣ было пять дѣвочекъ на шестьдесят мальчиковъ, тогда вліяніе послѣднихъ естественно брало верхъ, и намъ приходилось внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣвочки не перенимали чисто-внѣшнихъ мальчишескихъ привычекъ. Правда, каждая здоровая дѣвочка проходитъ черезъ стадію особенной шаловливости,—но тѣмъ болѣе важно, чтобы въ этотъ періодъ она не переняла того, что въ мальчикѣ естественно, а въ ней превратится въ „разухабистость“. Съ каждымъ годомъ эта опасность у ~~част~~ уменьшалась, хотя до сихъ поръ ~~при~~ ходится иногда внимательно слѣдить за особенно бойкими дѣвочками. Съ увеличеніемъ ихъ числа, тѣмъ не менѣе, общее взаимодѣйствіе на характеры выразилось ярко. Часто какой-нибудь небольшой мальчикѣ, не отдающій себѣ отчета въ впечатлѣніяхъ и раньше признававшій, главнымъ образомъ, авторитетъ товарищей лишь соотвѣтственно ихъ физической силѣ,—теперь первѣко по собственной иниціативѣ уступаетъ „честь и мѣсто“ дѣвочекъ, хотя объяснить этого не умѣтъ иначе, какъ словами: „Да вѣдь ее не вздуешь!“

И вотъ именно это внутреннее соизианіе того, что сила есть не все въ жизни, что есть еще что-то, что нужно признавать и уважать,—представляеть одинъ изъ главнейшихъ результатовъ совмѣстнаго воспитанія. Правильная, разумная отношенія между полами—это задача, которую постепенно разрѣ-

шать сами дѣти, но для этого имъ необходимо здоровая и естественная обстановка, иначе трудность задачи останется непреодолимой. Гдѣ эта обстановка достигнута, тамъ и результатъ уже достигнутъ больше чѣмъ на половину. Наше дѣло дать дѣтямъ действительную школу: и въ этой школѣ они сами помогутъ намъ выработать тѣ обычай и тѣ законы, которыхъ намъ не хватаетъ и которыми пора замѣнить нездоровую рутину.

Результатовъ на этомъ новомъ пути выразить рядомъ цифръ невозможно; но некоторые изъ нихъ уже обозначились совершенно ясно: духъ здравомыслія и порядочности безусловно возможенъ; въ умственномъ развитіи дѣвочки нисколько не отстаютъ отъ мальчиковъ и даже имѣютъ хорошее вліяніе на послѣднихъ, хотя и безсознательное, своей готовностью, аккуратностью и даже азартомъ въ ученьи; что касается крупной физической работы и игры въ крикетъ, то здѣсь онѣ, конечно, уступаютъ мальчикамъ.

Но это еще не все: попадая въ такую школу, дѣвочки, говоря образно, видятъ передъ собой широкое поле — ту свободу и самоуправление, которымъ свойственны обществу мальчиковъ; и разъ въ этомъ обществѣ уже выработаны принципы чести, умѣнье справляться съ трудомъ, и звучить общій веселый аккордъ — онѣ инстинктивно примыкаютъ къ этой общественности. На долю мальчиковъ выпадаютъ болѣе узкія впечатлѣнія: инстинктивная необходимость сдерживать крайности школьнаго жаргона и держаться мягче, вѣжливѣе въ манерахъ. Но трудно сказать, что важнѣе: и то и другое необходимо въ отношеніяхъ нашихъ подрастающихъ дѣтей; и то,

что всѣ эти впечатлѣнія ложатся почти безсознательно, инстинктивно, — приносить еще больше пользы. Совмѣстное воспитаніе и должно вести къ такимъ отношеніямъ, когда мальчики и дѣвочки смотрять другъ на друга безъ постоянной сознательной мысли о разницѣ половъ. И эта цѣль таѣь значительна, что ради нея стоитъ встрѣтиться съ трудностями, которыхъ, къ тому же, становятся тѣмъ менѣе опасными, чѣмъ смѣлѣе встрѣчать ихъ. Я убѣженъ, что въ дѣлѣ совмѣстнаго воспитанія, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, неудача можетъ произойти лишь отъ недостатка сердечности и идеиности самихъ воспитателей. Мы должны сблизиться съ нашими дѣтьми, узнать ихъ, искренно довѣриться имъ и пріобрѣсти въ отвѣтъ ихъ собственное довѣріе. Добра не достигнешь подозрительностью, тайнымъ наблюденіемъ, раздѣленіемъ половъ и насилиственнымъ игнорированіемъ половыхъ вопросовъ и инстинктовъ; необходима атмосфера искренности и здравомыслія — и, въ случаѣ необходимости, удаленіе тѣхъ дѣтей, которыхъ попали въ нее слишкомъ поздно. Но, къ счастью, такихъ экземпляровъ среди нашихъ дѣтей очень мало.

Перев. Н. Жаринцовой.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“.

(Бесѣды по поводу международной выставки въ Таврическомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ).

III.

Иностранные отдѣлы. Благотворительныя общества. Листокъ выставки.

Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ болѣе всего поражаетъ система: благодаря этому

постановка учебного дела въ Германии ясно обрисована всего въ одной комнатѣ, между тѣмъ какъ въ русскомъ отдѣлѣ ходишь, ходишь отъ одной витрины къ другой и все-таки не можешь дать себѣ полнаго отчета, хорошо или дурно идетъ у насть дѣло образования. Именно потому, что въ системѣ расположены образцы всѣхъ занятій учениковъ, вы не теряетесь въ массѣ, вы видите, что идетъ за чѣмъ, на вашихъ глазахъ, такъ сказать, ученики прогрессируютъ въ своихъ работахъ. Напр. витрина Берлинского Фребелевского общества: тамъ выставлены образцы рѣшительно всѣхъ занятій дѣтей, при чемъ надъ каждымъ занятіемъ написано изреченіе, вѣроятно, Фребеля, въ родѣ слѣдующаго: „дѣти знакомятся со окружающимъ міромъ, изучая краски и формы“, падъ различными складываніями изъ бумаги всевозможныхъ цвѣтовъ. На витринахъ же нашихъ фребелевскихъ садовъ лежать, висятъ всяческія работы дѣтей: одного занятія нѣсколько образцовъ, другого совсѣмъ нѣтъ, значить ли это, что оно признано вреднымъ, какъ напр., выкалываніе, или что просто у учительницъ не нашлось подъ руками хорошаго экземпляра. Если внимательно изучить витрину нѣмецкую, то это почти пройти курсъ фребелевскихъ занятій, кажется, послѣ этого можно самому взяться за занятія фребелевской садовницы, а пройдешь наши витрины, можно только въ восторгъ притти, какъ, моль, дѣтишки все это хорошо дѣлаютъ. Мы на это возражали: зато тутъ все шаблонно, мало разнообразія, все тѣ же формы, что при Фребель, а у насть, видите, оригиналность, каждая учительница, каждый ученикъ вноситъ свое. Но дѣло въ томъ, что нѣмецкіе

образцы представляютъ собою основы каждого занятія, а тамъ разнообразъ, какъ кому угодно. И нѣмецкія учительницы очевидно ушли далеко впередъ противъ своего великаго учителя: какъ, напримѣръ, мило устройство самими дѣтьми себѣ игрушекъ изъ самого незатѣливаго материала, напр., кукольная комната изъ открытыхъ писемъ, кукольная кроватка съ собственно ручно спицами и набитыми постельками, фруктовая лавка, гдѣ фрукты слѣплены изъ воска.

Но что особенно поразительно хорошо представлено, это обученіе рисованію въ городскихъ училищахъ. Можно думать, что это образцы специального рисовального училища. Выставлены рисунки отъ самого незатѣливаго контура стакана, палки, огурца до прелестно исполненныхъ эскизовъ масляными красками и карандашомъ, особенно хороши пѣтухи, прямо живой. Опять таки видишь, какъ педантично ведется дѣло, ясно наблюдаешь большую трудность рисунка, лучшее его исполненіе, а то вотъ у насть выставлены рисунки учениковъ Школы Попошренія Художниковъ, вы совершенно не знаете, какаго возраста ученики, сколько лѣтъ они учились, быть-можеть, это выдающіе таланты, а вѣдь въ нѣмецкой городской школѣ это, очевидно, ремесленное, а не художественное обученіе, т.-е. я хочу этимъ сказать, что въ Германии всякаго, безъ особеннаго таланта, научать рисовать, между тѣмъ, у насть, какъ известно, и хорошие-то художники страдаютъ именно неумѣніемъ рисовать, великолѣпныя живыя краски и плохой рисунокъ вы часто встрѣтите даже на картинахъ мастера. Нѣмцевъ учать восемь лѣтъ, но это обученіе на-

чиается съ 6—7 лѣтъ, значитъ, такой ученикъ въ 14 лѣтъ, если у него есть талантъ, можетъ уже прямо приступать къ художественному занятію живописью, не тратя времени, какъ у насъ ученики рисовальныя школы на бесполезное рисование геометрическихъ фи-
гуръ, масокъ, головъ.

Кстати, во всѣхъ курсахъ рисования разныхъ немецкихъ школъ, нигдѣ нѣть ни одного рисунка геометрическаго тѣла или классической маски, а все рисование съ натуры; шестилѣтній ребенокъ рисуетъ стаканъ, 13-ти-лѣтній школьникъ чучело совы, а не маску Аполлона. Какъ все это даетъ имъ привычку рисовать жизненные формы,ловить жизнь, а не мертвчину.

Поразительны коллекціи и препараты для изученія естественныхъ наукъ: птица, лягушка, ракъ такъ препарированы, особенно внутренніе ихъ органы, что бывшій со мной ученымъ анатомъ прямо удивлялся и говорилъ, что это препараты для университетовъ, а не для городскихъ школъ. И еще одинъ интересный фактъ: всѣ очень любовались коллекціей различныхъ насекомыхъ: шелкопрядовъ, жуковъ-грызуновъ и пр., и оказывается, что любопытнейшая коллекція въ количествѣ 33 экземпляровъ приготовлена молодой 18-ти-лѣтней девушки. Чтобы не возвращаться къ коллекціямъ вообще, надо упомянуть одно наше учрежденіе: это Лиговская читальня (Ульянка, станція Лигово Балтийской ж. д.). Отъ этой читальни выставлены неимовѣрно дешевыя коллекціи, такъ напр., размноженіе лягушекъ, семь башочекъ, обходится около 40 к. Въ этой Читальнѣ можно получить руководство, какъ самому дѣлать такія дешевые коллекціи. Конечно, онѣ не

только не такъ изящны, какъ иностранныя, но даже около нихъ слышится запахъ, что вѣроятно указываетъ на ихъ непрочность, но зато дешевизна и возможность самому приготовить, вотъ ихъ достоинство.

Иностранные отдѣлы были обильно снабжены учебниками и книгами для чтенія, но судить о нихъ, понятно, нельзя, такъ какъ для этого ихъ надо было бы хотя бѣгло прочитать, но по внѣшнему виду: бумагѣ, шрифту, картинкамъ они не оставляютъ ничего желать.

Очень хорошо въ иностранныхъ отдѣлахъ представлены благотворительные учрежденія. Но мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, если судить о нихъ по выставкѣ, и наши учрежденія отъ иностранныхъ не отстали. Вездѣ образцовая чистота, порядокъ, стараніе дать дѣтямъ въ будущемъ заработокъ. Только мнѣ представляется неправильнымъ, что въ некоторыхъ нашихъ пріютахъ, особенно женскихъ, обучаются такимъ тонкимъ, изящнымъ руководліямъ, что врядъ ли въ будущемъ ученицамъ удастся примѣнить въ жизни свои познанія и умѣнія. Дѣвочки дѣлаютъ удивительныя по рисунку и по выполнению вышивки по батисту. Работа слѣпитъ глаза, дѣлается медленно, кропотливо, значитъ, вышивка должна быть очень дорого оплачиваема, а между тѣмъ, теперь прекрасныя машинныя вышивки продаются очень дешево. Впрочемъ, наряду съ этими безполезными занятіями мы видимъ стремленіе обучить дѣтей не такимъ изящнымъ, но зато необходимымъ въ каждомъ быту руководліямъ, напр., починка, штопка старого бѣлля, вязаніе чулокъ, плетеніе ковровъ и проч.

Интересно наблюдать, что значитъ педагогический опытъ и умѣніе: это

нигдѣ такъ рельефно не доказывается, какъ въ заведеніяхъ для всякаго рода ненормальныхъ дѣтей, — эти слѣпые, калѣки, идиоты дѣлаютъ прямо красивыя вещи! Сколько умѣнія и терпѣнія надо имѣть, чтобы втолковать, объяснить, научить эти обездоленные существа правильно дѣйствовать иголкой, перомъ, карандашомъ. Право, совсѣмъ становится за насъ, матерей, не умѣющихъ пріучить къ добрымъ привычкамъ своихъ немногихъ и нормальныхъ дѣтей, когда видишь, какъ и почему чужие люди научаются этихъ несчастныхъ.

Въ одномъ заведеніи для отсталыхъ дѣтей умѣли такъ поднять ихъ нравственный уровень, что дѣти сами образовали общество для самоусовершенствованія. У нихъ есть свой Советъ, съ Предсѣдателемъ изъ дѣтей, свои судьи, гораздо болѣе строгіе, чѣмъ начальство заведенія, и если почему-либо ученика за дурной поступокъ начальство не накажетъ, дѣти наказываютъ товарища вдвое, и онъ безропотно и скромно подчиняется строгой карѣ, и это какой-нибудь клептоманъ, полуидиотъ. Замѣчательно, что въ этомъ заведеніи нѣть разныхъ понятій нравственности, какъ вообще въ гимназіяхъ, т.-е. признаваемое начальствомъ плохимъ, считается гимназистами только особенною доблестью, ловкостью, удальствомъ; нѣть, въ этой школѣ ученики смотрять на проступокъ товарищей глазами учителей, они понимаютъ, что они дурно поступаютъ, что надо, хотя это и трудно, бороться со своими недостатками, и вотъ образовываютъ общество самоусовершенствованія. Вотъ если бы и "нормальные" школьеры у нихъ переняли этотъ способъ дѣйствія...

Въ заключеніе нашего обзора выставки, давшей, какъ никакъ, очень

много интереснаго и поучительнаго, надо сказать нѣсколько словъ о „Дѣтскомъ Мирѣ“—Листкѣ, выходившемъ во время выставки.

Главное замѣчаніе то же, что и по отношенію всей выставки: жаль, что захотѣли соединить полезное съ приятнымъ. Если бы Листокъ занялся только подробнымъ описаніемъ выставки, сообщеніемъ свѣдѣній о различныхъ способахъ изготовленія экспонатовъ и распространенія ихъ, то это было бы великолѣпное руководство, сразу освѣтившее бы многое непонятное посѣтителямъ. Но издателямъ Листка зачѣмъ-то понадобилось прибавлять какіе-то жиденькіе разсказки для дѣтей. Охъ, бѣдныя мы матери! Все-то думаютъ, какъ бы насъ подкупить, предлагая нашимъ дѣтишкамъ дешевенькіе сюрпризы. Неужели въ самомъ дѣлѣ наша толпа такъ падка на эту даровщину? А если даже и такъ, то не слѣдуетъ, казалось бы, поощрять этого, надо бы наоборотъ воспитывать публику, развивать въ ней хотя бы и строгіе, но справедливые запросы.

B. Поворинская.

Что читать дѣтямъ?

18. Изъ Родной Природы. Д.м. Кайгородовъ. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семье. С.-Петербургъ 1903 г. Часть II. Издание А. С. Суворина. 176 стр. Ц. 1 р.

О первой части этой хрестоматіи мы уже имѣли случай говорить въ „Воспитаніи и Обученіи“ за 1903 г. Вторая часть, являясь продолженіемъ первой, представляетъ однако совершенно самостоятельную книгу. Хрестоматія

имѣть особенное значеніе въ дѣтскомъ возрастѣ. Мы всѣ учились по хрестоматіи и изъ нея черпали первыя понятія о человѣкѣ и природѣ. Хорошо составленная хрестоматія въ извѣстномъ возрастѣ можетъ замѣнить цѣлую библіотеку. Все это въ большей или меньшей степени примѣнimo къ книгѣ г. Кайгородова. Въ его хрестоматіи собрано не мало лучшихъ образцовъ какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ описаний природы. Къ первымъ относятся прекрасныя стихотворенія Пушкина, А. Толстого, Никитина, Полонскаго, К. Р., Майкова, Тютчева, Фета и др., а также поэтическая описанія Тургенева: „Лѣтній день“ и „Весеннее утро“, Гончарова „Лѣтняя гроза“, С. Аксакова „Бабочка“ и др. Къ прозаическимъ относятся популярные очерки по зоологии и ботаникѣ, составленные большою частью самимъ Д. Н. Кайгородовымъ, частью же другими авторами.

Книга начинается прекраснымъ стихотвореніемъ А. Толстого, изображающимъ весенне пробужденіе природы (Прологъ къ поэмѣ „Донъ-Жуанъ“). Далѣе слѣдуетъ очеркъ г. Кайгородова „Кукушка“. Въ немъ, слишкомъ рѣжетъ ухо народный языкъ, т. к. въ отдельномъ изданіи „Кукушка“ предназначалась для народа; пожалуй, ее не слѣдовало бы помѣщать въ хрестоматію, цѣль которой, помимо популяризациіи, должна заключаться также въ развитіи у маленькихъ читателей вкуса къ хорошему литературному языку. Въ противоположность „Кукушкѣ“ можно поставить два прекрасныхъ художественныхъ рассказа: „Отцовскій садъ“ и „Какъ вороны спасли садъ.“ Первый посвященъ описанію природы въ саду, второй— пользѣ воронъ. Очень мило написана также сказка „Красавица-елка.“ Изъ другихъ очерковъ укажемъ хотя бы на слѣдующіе: Береза, Сорока, Королекъ, Левкой, Снѣгирь, Журавль, Свиристель и др. Всѣ они написаны хорошоимъ языкомъ и вполнѣ понятно. Тоже самое можно сказать и про тѣ очерки, которые передѣланы г. Кайгородовымъ изъ статей другихъ авторовъ. Таковы: Ежъ

(по Мензбиру), Гадюка (по Никольскому), Насѣкомыя и растенія (по С. Порѣцкому) и др.

Украшеніемъ книги служатъ прекрасные рисунки и виньетки, большая часть которыхъ исполнена автотипіей и принадлежать художникамъ Шлехту, Кунерту и др. Но есть здѣсь и русскаго художника М. Михайлова, изъ которыхъ лучшимъ является береза. Большинство же его рисунковъ принадлежать къ категоріи виньетокъ и вѣтъ безъ исключенія очень художественны, перспективны и отличаются особенной нѣжностью тоновъ. Его карандашу принадлежитъ прекрасная виньетка, помѣщенная на обложкѣ книги.

Издание книги — печать и бумага — безуокризанны, и книга имѣть очень красивый, привлекательный видъ.

19. Географическое распределение животныхъ въ холодномъ и умеренномъ поясахъ сѣверного полушарія. Д-ръ *В. Кобельтъ*. Переводъ съ немецкаго *В. Л. Біанки*, съ 13-ю таблицами въ краскахъ и автотипіяхъ и со многими политипажами въ текстѣ. 643 стр. Издание *А. Ф. Девріена*. С.-Петербургъ 1903. Ц. 8 р. 50 к., въ переплетѣ 10 руб.

Среди немалочисленныхъ книгъ, посвященныхъ описанію жизни животныхъ, въ русской литературѣ до сихъ поръ весьма немного сочиненій, трактующихъ о географическомъ распределеніи животныхъ. Пробѣль этотъ весьма существенъ, такъ какъ тѣ немногочисленныя свѣдѣнія о распространеніи животныхъ, которыя имѣются въ учебникахъ географіи, далеко не полны и не всегда правильны. Настоящая книга Кобельта въ живой и увлекательной формѣ знакомить насъ съ основами науки, называемой зоогеографія, цѣль которой прослѣдить распространеніе отдельныхъ семействъ, родовъ и видовъ на землѣ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Книга содержитъ 29 главъ. Въ первой главѣ авторъ знакомить насъ съ границами шести главныхъ географическихъ областей, одной изъ которыхъ

Воспитание и Обучение 1904 г.

онъ и посвящаетъ эту книгу. Область эта, называемая палеарктическимъ царствомъ, охватываетъ умѣренный поясъ Старого Свѣта. Впрочемъ, авторъ посвящаетъ нѣсколько главъ и Новому Свѣту—Сѣверной Америкѣ. Во второй главѣ авторъ приступаетъ къ болѣе подробному раздѣленію этой избранной имъ области. Въ дальнѣйшемъ же описаніи онъ руководствуется не столько чисто-географическимъ дѣленіемъ, сколько дѣленіемъ, основанномъ на характерѣ странъ: климатѣ, почвѣ, растительности. Третья глава посвящена истории млекопитающихъ Старого свѣта. Она представляетъ краткія свѣдѣнія изъ палеонтологіи, т.-е. науки обѣ ископаемыхъ животныхъ. Четвертая глава посвящена животному миру арктической области: тундрѣ съ ея странной растительностью и интересными животными. Изъ послѣднихъ авторъ особенно останавливается на леммингѣ, песцѣ, сѣверномъ оленѣ, мускусномъ быкѣ, бѣломъ медвѣдѣ, моржѣ, нарвалѣ, нѣкоторыхъ птицахъ и насѣкомыхъ. Описанія, какъ и въ послѣдующихъ главахъ, очень занимательны, при чемъ много места отведено собственнымъ словамъ различныхъ путешественниковъ: Бесселя, Нансена и др. Пятая, шестая и седьмая глава содержатъ описание мира животныхъ лѣсной области, причемъ въ первой изъ этихъ главъ описывается лѣсъ равнинъ, во второй—Альпійскія горы, въ третьей населеніе садовъ и полей. Здѣсь мы найдемъ много интереснаго о благородномъ оленѣ, о лани, козулѣ, волкѣ, медвѣдѣ, зубрѣ о различныхъ породахъ кошечъ и о другихъ млекопитающихъ, а также и о птицахъ. Восьмая, девятая и десятая главы заняты животнымъ мромъ степей какъ низменныхъ, такъ и нагорныхъ. Здѣсь мы знакомимся съ газелью, шакаломъ, геной, дикой лошадью, якомъ, грызунами и массой птицъ. Одиннадцатая глава описываетъ животныхъ Средиземноморской

области; двѣнадцатая—животныхъ Сѣверокитайского подцарства, а тринадцатая животныхъ Японіи. Четырнадцатая глава посвящена жизни прѣсныхъ водъ. Пятнадцатая, шестнадцатая и семнадцатая главы знакомятъ насъ съ зоогеографическими областями Нового свѣта и съ ихъ подраздѣленіями. Восемнадцатая глава описываетъ млекопитающихъ Сѣверной Америки, среди которыхъ особенно интересны броненосецъ, енотъ, вонючка, пума и др.; девятнадцатая глава описываетъ птицъ и пресмыкающихся той же страны. Слѣдующая глава посвящена животнымъ Мексиканского подцарства. Весьма интересна двадцать первая глава, заключающая вымершихъ и вымирающихъ животныхъ, при чемъ авторъ касается здѣсь вопроса о происхожденіи домашняго быка и лошади. Слѣдующая глава посвящена не менѣе интересному вопросу о зимней спячкѣ у млекопитающихъ. Слѣдующія пять главь трактуютъ о переселеніи млекопитающихъ, о перелетѣ птицъ, саранчи и другихъ насѣкомыхъ и о переселеніи животныхъ прѣсныхъ водъ. Двадцать восьмая глава описываетъ ядовитыхъ животныхъ, а двадцать девятая весьма своеобразныхъ пещерныхъ животныхъ.

Изъ этого краткаго перечня содержанія видно, какой богатый и разнообразный материалъ заключается въ этой книгѣ. Какъ во всѣхъ изданіяхъ Девріена, вѣшность книги: бумага, печать, рисунки и крашеные таблицы безукоризнены и вполнѣ оправдываютъ цѣну этой книги. Рассматриваемое сочиненіе Кобельта предназначается, конечно, не для дѣтей, но оно должно служить постояннымъ справочнымъ руководствомъ для учителей естественной исторіи и географіи и настольной книгой семействъ, заботящихся о самообразованіи.

Д-ръ К. Яцута.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

другомъ видѣ всѣмъ странамъ, хотя не вездѣ еще определено констатированный. Только за три послѣднія десятилѣтія недавно прошедшаго XIX-го вѣка въ одной Пруссіи было свыше 1,700 случаевъ дѣтскихъ самоубійствъ, тогда какъ въ теченіе всего XVIII вѣка тамъ не было ни одного такого случая; слѣдовательно, то самое, что было лѣтъ сто назадъ чѣмъ-то неслыханнымъ, является въ этой странѣ высокой культуры довольно нерѣдкимъ явлѣніемъ. Въ Швеціи, Данії и, особенно, во Франціи цифры, относящіяся къ этому грозному факту, сравнительно не такъ высоки, но и тамъ ими отмѣчаются слабыя стороны современной культуры. Въ тѣхъ же странахъ, въ которыхъ такое безотрадное явленіе не успѣло еще выступить, точно, не было зарегистрировано, какъ въ Пруссіи,—оно, рано или поздно, должно будетъ обратить на себя вниманіе. Свойства культуры не подлежать случайностямъ, а являются, напротивъ, столько же постоянными, какъ дѣйствіе закона тяготѣнія.

Само собою разумѣется, что здѣсь, въ педагогической замѣткѣ, не можетъ быть рѣчи объ общихъ причинахъ, которыми вызывается возвышенная дѣтская чувствительность въ смѣнѣ поколѣній, а лишь о воспитательныхъ нормахъ, способныхъ умалить нравственные невыгоды этой чувствительности. Нѣть надобности также брать послѣднюю въ ея наиболѣе рѣзкомъ и страшномъ выраженіи, напоминающемъ приведенную выше статистическую цифру, а признавая ея несомнѣнность вообще въ различныхъ формахъ и степеняхъ,—анализировать ея проявленія и указать способы плодотворной воспитательной борьбы съ нею.

Чтобы уменьшить дѣтскую чувствительность, слѣдуетъ, по мнѣнію однихъ, тщательно предохранять ребенка отъ непріятно дѣйствующихъ впечатлѣній, и если они уже испытаны имъ, то нужно стараться по возможности заглушить вызванныя ощущенія. Согласно такому мнѣнію, предохраненіемъ отъ огорченій дѣтской возрастъ будетъ избавленъ отъ возвышенной чувствительности и пріобрѣтетъ нужное ему равновѣсіе. Но прежде всего тутъ не вѣрно положеніе, что высокая степень чувствительности образуется будто бы преимущественно непріятными впечатлѣніями; на самомъ же дѣлѣ, она возникаетъ одинаково и вслѣдствіе впечатлѣній, пріятныхъ ребенку, и первѣдо гораздо скорѣе и интенсивнѣе отъ этихъ послѣднихъ, чѣмъ отъ первыхъ. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ пріемахъ родителей и нянекъ по отношенію къ дѣтямъ, которые обозначаются выразительнымъ словомъ „баловство“, „баловать“. Эти пріемы въ выраженіи ласки и предоставленіи дѣтямъ нѣкоторой свободы въ дѣйствіяхъ должны существовать, какъ необходимое озареніе дѣтской жизни; ими проливается грѣющи свѣтъ на бытъ дитяти, и предоставленіемъ нѣкоторой свободы строится фундаментъ для будущей умственной и нравственной самостоятельности. Поэтому не о баловстве дѣтей въ обыкновенномъ его смыслѣ мы тутъ говоримъ, а о тѣхъ послѣдовательныхъ и постоянныхъ угожденіяхъ дѣтямъ со стороны старшихъ, которыми осуществляется теорія пріятныхъ дѣтскихъ впечатлѣній. Такимъ угожденіемъ какъ бы скрывается отъ дитяти жизнъ со всѣми ея требованіями въ каждую минуту, съ ея недостатками и терніями. При малѣйшемъ столкновеніи тогда

съ дѣйствительностью, касающеюся хотя бы только этого дитяти, привычнаго лишь къ пріятнымъ ощущеніямъ,— крайняя степень чувствительности является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Трудно также заглушать такія впечатлѣнія у дѣтей, непривычныхъ воспринимать какія-нибудь иные впечатлѣнія, кроме пріятыхъ. Всякое даже простое напоминаніе о нихъ влечетъ за собою раздраженіе и настоятельное требование дитяти устранить отъ него горькую чашу и попрежнему продолжить только угощенія по отношенію къ нему. Такимъ образомъ, послѣдовательное угощеніе и охраненіе дитяти отъ всякой непріятности влекутъ за собою не уменіе чувствительности, а увеличеніе ея, не душевное равновѣсіе, а нарушеніе его.

Другіе считаютъ противоположный образъ дѣйствія по отношенію къ дѣтямъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. По ихъ мнѣнію, нельзя предохранять ребенка отъ страданій, съ которыми, рано или поздно, ему придется встрѣтиться. Если ему въ дѣствіи—разсуждаютъ они—не придется испытать разочарованій и непріятностей всякаго рода отъ тѣхъ условій, въ которыхъ каждого изъ насъ жизнь ставить, то перенесеніе ихъ впослѣдствіи будетъ для него еще тяжелѣе, и встрѣча съ ними произведетъ на него то болѣе сильное, то болѣе вредное влияніе. Поэтому слѣдуетъ, будто бы, пріучать ребенка къ перенесенію страданій, даже нарочно вызывать у него послѣдня; слѣдуетъ не только не ослаблять необходимыхъ въ жизни золь, но, на-противъ, даже усиливать таковыя.

Это—школа воспитателей и родителей, проповѣдывающихъ закаливаніе дѣтской природы, и, какъ основанная

на коверканіи не только дѣтской, но и вообще человѣческой природы, содржитъ, по нашему мнѣнію, сплошную массу фантазій и только крупину жизненной истины. Закаливать въ страданіяхъ—это значить представить все, что касается ребенка, далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ самъ это видить. Дѣти смотрѣть на происходящее вокругъ нихъ сквозь розовое стекло, они несокрушимы при встрѣчѣ съ непріятностью въ надеждахъ, что скоро все перемѣнится для нихъ къ лучшему. Они живо забываютъ перенесенное недовольство, и что бы ни происходило вокругъ, живутъ въ своемъ собственномъ мірѣ радужныхъ мечтаний и ожиданій. Какъ же согласить эту природу дитяти съ закаливаніемъ въ страданіяхъ, если не предполагать, что закаливаніе должно содержать систематическое и послѣдовательное коверканіе дѣтской души. Чувствительность взрослого человѣка, который со временемъ выйдетъ изъ дитяти, уменьшится, по всемъ вѣроятіямъ, при такомъ способѣ воспитанія, но чувствительность такъ воспитываемаго неизбѣжно и въ высокой степени увеличится. Ломка человѣческой природы вообще не легко дается, а въ дѣтскомъ возрастѣ она еще тяжелѣе. Въ нравственномъ отношеніи система закаливанія можетъ вести только къ омраченію дѣтского существования, крайне рѣдко способна принести какую-нибудь пользу и, навѣрно, дастъ въ результатѣ массу вреда: крайне сомнительны выгоды отъ этой системы и явны, очевидны громадныя дурные послѣдствія отъ нея.

Мы не можемъ не повторить еще тутъ, что зловѣщая статистическая цифра относительно дѣтскихъ самоубийствъ относится къ той именно

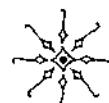
странѣ, въ которой строгое воспитаніе дѣтей, строгое до закаливанья въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, находить больше всего почитателей и послѣдователей. Цифры, свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ омраченіи дѣтского существованія въ значительномъ числѣ семействъ; только при постоянномъ устраеніи отъ дитяти всѣхъ тѣхъ радостей и всего того свѣта, которые внушаетъ ему сама природа его, дитя способно дойти до такого отчаянія: не увеличивайте нарочно тѣхъ непрѣятностей, которыя ребенокъ долженъ пережить, представьте его только своей природѣ, своей никогда не оставляющей его надеждѣ, дайте ему самому бороться съ своими страхами и опасеніями—и его никогда не покинетъ вѣра въ близко предстоящее ему лучшее существованіе, никогда не дойдетъ онъ до ужаса, внушающаго самоубійство.

Какъ ни строги были бы сами по себѣ мѣры семейнаго воспитанія, наличность въ нихъ разумной ласки, спокойствія и дѣйствительнаго доброжелательства по отношенію къ ребенку является спасительнымъ якоремъ въ воспитаніи. Не менѣе важно, чтобы воспитатели никогда не забывали о великой разницѣ между природой дитяти и взрослого человѣка. Тогда какъ ребенокъ долго, очень долго живеть преимущественно ощущеніями, взрослый человѣкъ, даже самый групой,—умомъ, и горе тѣмъ дѣтямъ, вокругъ которыхъ и взрослые люди поддаются только ощущеніямъ. Какъ ни быстро-прходящи желанія, намѣренія, дѣйствія и состояніе духа дѣтей, сама природа ихъ заботится объ ихъ душевномъ равновѣсіи; вѣдь за непрѣятностью, которая казалась имъ наиболѣе

тяжкой, они внезапно воодушевляются такими радостями, такими надеждами, что успокаиваются довольно скоро, вѣдь за преувеличенныемъ опасеніемъ идетъ едва поколебимая вѣра въ напраслину опасеній и то, что все пойдетъ у нихъ къ лучшему, къ наиболѣе желанному. Эти свойства дѣтской природы представляютъ собою удѣльне однихъ только маленькихъ, въ значительной степени они близки также дѣтямъ болѣе поздняго возраста.

Ростъ дѣтской чувствительности, отмѣчающїй собою смѣну поколѣній, особенно въ новѣйшее время, въ существѣ дѣла не содержитъ въ себѣ ничего такого, что должно возбудить опасенія. Онъ требуетъ только увеличенія вниманія къ дѣтской природѣ, побольше разума и привѣтливости въ отношеніяхъ къ дѣтямъ со стороны взрослыхъ людей. Особая, утонченная или увѣличенная чувствительность дѣтей сама по себѣ свидѣтельствуетъ только о послѣдовательномъ развитіи нервной системы поколѣній, и для того, чтобы гармонировать съ возрастающимъ нервнымъ развитіемъ, нужны только разсудительныя и внимательныя отношенія къ дѣтямъ. Съ явленіями, обусловленными самой природою человѣка, не спорять, имъ подчиняются; еще лучше соединять съ ними стремленіе къ увеличенію дѣтскихъ радостей, улучшенію дѣтского существованія.

Я. П—ръ.

Отчетъ о засѣданіи Родительскаго Кружка 13-го декабря 1903 года¹⁾.

А. Д. Селивановъ сдѣлалъ краткій докладъ объ указателяхъ дѣтской литературы. Потребность въ дѣтской литературѣ все увеличивается, книгъ накапливается; необходимо имѣть подъ руками толковые указатели, а до послѣдняго времени ихъ почти не было. Указатели книжныхъ магазиновъ не удовлетворяютъ этой цѣли, такъ какъ руководятся не учебно-воспитательными цѣлями, а коммерческими; рекомендуютъ главнымъ образомъ книжки дорогія и въ дорогихъ переплетахъ.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько такихъ указателей. Въ 1901 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ г. Лебедевымъ составленъ указатель 556 книгъ и брошюръ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Всѣ книги раздѣлены на 6 отдѣловъ, и въ каждомъ отдѣль можно найти соотвѣтствующія указанія. Въ Кіевѣ Кіевское общество грамотности выпустило указатель для 600 книгъ, гдѣ приводится содержаніе книгъ и указано, какія книги для какого возраста. При этомъ въ указателѣ приводятся не только одобренія книгъ, но указывается, какія книги считаются неподходящими для дѣтей и даже прямо вредными. Распредѣлены книги въ указателѣ не по возрастамъ, а по предметамъ. Кроме этихъ указателей, докладчикъ особенное вниманіе обратилъ на книгу г. Соловьева „Справочная книга по дѣтскому чтенію всѣхъ возрастовъ“. Въ этой книжѣ собраны указанія на 3608 книгъ. По обширности матеріала и систематичности его распредѣленія этотъ указатель пре-восходить всѣ остальные. Напомнивъ

еще о съездѣ въ Москвѣ дѣятелей по народному образованію, который издаѣтъ два тома своихъ трудовъ, гдѣ есть указанія книгъ по возрастамъ, докладчикъ закончилъ свое сообщеніе.

П. О. Каптеревъ замѣтилъ, что распредѣленіе книгъ по возрастамъ является задачей очень сложной. Истинно художественные произведения сдружаютъ всѣ возрасты. Интересно выяснить, что ставится въ основу распредѣленія книгъ по возрастамъ: руководятся ли при этомъ распредѣленіи какими-либо психологическими данными или же оно предоставляетъ произволу составителя. Было сдѣлано еще замѣченіе по поводу того, что докладчикъ обошелъ молчаніемъ такие указатели, какъ Горишко и Абрамова или „Что читать народу“ въ 2 т. Алчевской, появившейся гораздо раньше названныхъ докладчикомъ.

Затѣмъ былъ прочитанъ докладъ Ю. Н. Протопоповой „О значеніи игръ и тѣлесныхъ упражненій для дѣвочекъ“. Докладчица изложила мнѣнія о тѣлесномъ воспитаніи вообще и въ частности дѣвочекъ четырехъ ученыхъ: профессора Цандера, профессора Германа, Лагранжа и Демэни. Профессоръ Цандерь считаетъ необходимой физическую крѣпость для женщины. Крѣпкія, здоровыя мышцы имѣютъ огромное вліяніе на жизнь женщины. Вводя гимнастику для достиженія цѣлей физического развитія женщинъ, необходимо обращать вниманіе не столько на развитіе ловкости, гибкости и граціозности, сколько на упражненія, повышающія мышечную силу. Игры бѣговыя, въ мячъ развиваются въ женщинѣ легкія, грудь, воспитываютъ духъ.

Профессоръ Германъ придаетъ большое значеніе играмъ на воздухѣ. Для средняго возраста вводятся игры партіями и состязательныя игры.

Лагранжъ высказываетъ мнѣніе, что для дѣвочекъ нужно изыять всѣ упражненія, требующія развитія тѣлесной силы. Тѣлеснымъ упражненіямъ онъ придаетъ исключительно гигіеническое значеніе и слишкомъ ограничиваетъ область этихъ упражненій для дѣвочекъ.

1) На засѣданіи присутствовали: П. А. Литвинский, П. Ф. Каптеревъ, протоіер. Маляревский, д-ръ А. С. Виреніусъ, П. Н. Бокинъ, Г. Т. Синюховъ, Ел. Чулицкій, Н. Л. Кошкина, Д. Ф. Чепиковъ, В. В. Поворинская, И. М. Радецкій, Ю. Н. Протопопова, А. Д. Селивановъ, д-ръ И. В. Маляревскій, Ив. Ив. Феоктистовъ, А. И. Петрова. Предсѣдательствовалъ П. А. Литвинский.

Отчетъ о засѣданіи „Родительскаго Кружка“.

Демени ставить физическому воспитанію четыре требованія—достиженіе здоровья, мужества, красоты и ловкости. Онъ говорить о тѣлесномъ воспитаніи юного поколѣнія вообще, не касаясь та-коваго для дѣвочекъ.

Изложивъ взгляды названныхъ четырехъ ученыхъ и подвергнувъ ихъ критикѣ, докладчица высказала свой взглядъ на физическое воспитаніе дѣвочекъ. Находя излишнимъ развитіе въ нихъ мышечной силы, она полагаетъ, что дѣвочки, будучи по строенію тѣла нѣжнѣ и слабѣ мальчиковъ, требуютъ, сравнительно съ ними, въ играхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ болѣе снисходительного и осторожнаго отношенія.

Послѣ чтенія доклада приступили къ обсужденію, какъ самаго доклада, такъ и вопросовъ, затронутыхъ имъ.

Д-ръ А. С. Виренгусъ поддержалъ мнѣніе докладчицы о томъ, что физическое воспитаніе и тѣлесныя упражненія дѣвочекъ должны отличаться отъ та-ковыхъ же для мальчиковъ. Женщина отличается отъ мужчины физиологически и анатомически. На мужчину и на женщину развитіе силы дѣйствуетъ различнымъ образомъ: мужчину оно укрѣпляетъ, а женщину нѣтъ. Весь организмъ у женщины слабѣе и направленъ къ другимъ цѣлямъ, чѣмъ у мужчины, всякое развитіе физической силы у женщины ведетъ къ ея ослабленію.

Д-ръ И. В. Маляревскій по поводу доклада высказалъ замѣчаніе, что въ немъ недостаточно ясно изложены взгляды приводимыхъ ученыхъ и совсѣмъ не приведена мотивировка ихъ. Не выяснено, какое значеніе имѣетъ развитіе мышцъ въ общемъ развитіи организма. Развитіе мышечнаго чувства одинаково нужно какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ. Оно должно развиваться не только гимнастикой, но и другими физическими упражненіями, имѣющими практическое значеніе, мышечное чувство должно быть цѣлесообразно, это проявляется въ занятіяхъ ремеслами. Женщина не живеть ремесленнымъ трудомъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда она не устраниется отъ физического труда, какъ это наблю-

дается въ деревнѣ, она почти не отстаетъ отъ мужчины и при надобности исполняетъ всѣ мужскія работы. Въ другихъ сферахъ жизни можно наблюдать, что женщина не хуже мужчины переносить различныя физическія лишенія и трудности, что особенно приходилось видѣть на сстрахѣ милосердія, которая проявляли такую выносливость, которой удивлялись и мужчины. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что развитіе физической силы такъ же нужно и полезно женщинѣ, какъ и мужчинѣ. Изслѣдованія Пирогова показали, что всѣ физическія упражненія для молодыхъ дѣвушекъ могутъ быть одинаковы съ таковыми же упражненіями молодыхъ людей. Соціальный быть разграничиваетъ дѣятельность мужчинъ и женщинъ, но природа этого въ виду не имѣла и создавала эти два организма одинаково приспособленными къ физической жизни и самозащитѣ. Нормальное физическое воспитаніе должно стремиться дать цѣлесообразное развитіе всему организму. Тѣлесныя упражненія должны быть приспособляемы ко всякому организму отдельно, примѣняясь къ его индивидуальнымъ особенностямъ, независимо отъ того, мужской это или женскій организмъ.

П. Н. Бокинъ присоединяется къ мнѣнію докладчицы о необходимости различія въ тѣлесныхъ упражненіяхъ и играхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Лагранжъ указываетъ на то, что всѣ физическія упражненія, направленные на развитіе мускульной силы, не давали женщинѣ наращенія мускуловъ, это подтверждаетъ мысль, что мышечная упражненія различно дѣйствуютъ на женщину и на мужчину. Докладчицей совершенно не указаны мнѣнія русскихъ ученыхъ въ этомъ направленіи, между тѣмъ какъ у насъ существуетъ цѣлая система женской гимнастики, созданной профессоромъ Лесгафтомъ. При разборѣ тезисовъ были указаны нѣкоторыя неясности, неточности и противорѣчія въ нихъ.

По окончаніи преній предсѣдатель П. А. Литвинскій сдѣлалъ резюме, въ которомъ указалъ, что по поводу физического развитія и тѣлесныхъ упражненій

ній дѣвочекъ высказано два противоположныхъ взгляда. По одному—физическое развитие и тѣлесныя упражненія дѣвочекъ должны отличаться отъ упражненій мальчиковъ. Этотъ взглядъ основывается на анатомической и физиологической разницѣ мужскаго и женскаго организма. По другому взгляду физическое развитие женщины имѣть тѣ же задачи наиболѣе цѣлесообразно развитого организма, какъ и развитіе мужчины, и потому должно итти тѣмъ же путемъ. Въ настоящее время вопросъ гимнастики у насть недостаточно еще выясненъ. Есть мнѣніе, что гимнастика при настоящихъ условіяхъ, въ классныхъ пыльныхъ, недостаточно проѣтренныхъ помѣщеніяхъ, съ дѣтьми утомленными умственнымъ трудомъ, не только не приносить благопріятныхъ результатовъ, а только ослабляетъ и истощаетъ дѣтей. Сведеніе всѣхъ этихъ взглядовъ къ одному и наиболѣе рациональное решеніе вопроса дѣтской гимнастики какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, еще впереди.

А. Петрова.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ:

1. Священнику В. Криницкому.

Для веденія народныхъ чтеній вообще и со свѣтовыми картинами въ частности можетъ служить руководствомъ:

1) Вышедшая въ 1903 году книга „Народная литература“, сборникъ отзывовъ библіотечной комиссіи Киевскаго Общества грамотности о книгахъ для народного чтенія. Ц. 75 к. Выпускъ первый. Киевъ, Троицкая площадь, Народный домъ. Разобрано болѣе 600 книгъ, годныхъ для публичныхъ чтеній и для читателей различныхъ возрастовъ, рецензіи обстоятельный.

2) Полный каталогъ и прейс-курантъ свѣтовыхъ картинъ для народныхъ чтеній, для школъ и среднихъ учебныхъ заведений. художественной мастерской Л. К. Поповой и А. С. Никитина. Москва, Пречистенка, д. Филиппова. Каталоги

высылаются бесплатно. Картины и брошюры къ нимъ для абонемента и проката высылаются во все мѣста Россіи безъ отношенія къ дальности разстоянія. Требованія просятъ направлять на имя завѣдывающей мастерской Луизы Константиновны Поповой.

3) Каталогъ свѣтовыхъ картинъ первого специального склада заграничныхъ волшебныхъ фонарей А. Д. Минъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., № 7. Подобраны полная коллекція картинъ для народныхъ, солдатскихъ и школьніхъ чтеній по брошюрамъ, разрѣщеннымъ для произнесенія въ публичныхъ аудиторіяхъ.

2. Лейтенанту Булгакову, остр. Критъ.

Руководства для дѣтскихъ игръ и работъ по методу Фребеля на русскомъ языке не имѣется. Выпишите изъ Вѣны „Verzeichnis von Spielgaben und Arbeitsmaterial fü r Kindergärten“. Pichlers Witwe u. Sohn. Wien, V., Margaretenplatz, 2. На выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ Петербургѣ эта фирма обратила на себя общее вниманіе.

3. Евгениі Федоровнѣ Сербиновичъ.

Руководствъ къ веденію бесѣдъ съ дѣтьми младшаго возраста не имѣется, по крайней мѣрѣ, мнѣ таковыя на русскомъ языке не извѣстны. Нѣкоторыя указанія можно найти въ статьѣ „Основные задачи Дѣтскихъ Садовъ и элементарныхъ школъ“ („Воспитаніе и Обучение“ 1902 г., июнь), и „Берлинскій Народный дѣтскій садъ“ (1903 г., ноябрь). Съ будущаго года въ „Воспитаніи и Обученіи“ особый отдѣлъ будетъ отведенъ практическимъ указаніямъ, въ которыхъ нуждаются матери и дѣтскія садовницы. Пока позволю себѣ дать списочекъ бесѣдъ и пособій къ нимъ, которыми мы пользуемся въ нашемъ дѣтскомъ саду.

Бесѣды ведутся примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и къ времени года.

I. Огородъ. Цвѣточный садъ. Фруктовый садъ — осенью. Примѣты осени. Отлетъ птицъ. Воробей. Ласточка. Мышка. Кошка. Собака. Лошадь. Корова и друг.

ЧТО ЧИТАТЬ ДЬЯТЫМЪ?

гія домашнія животныя. Приготування землі на озимь. Причини неурожая. Мельницы.

II. Лень. Тканье ручное и фабричное. Доля крестьянскихъ дѣтей.

III. Дождь. Туманъ* Роса. Снѣгъ, иней, ледь. Устройство колодцевъ. Замерзаніе рѣкъ. Рѣки лѣтомъ и зимою. Лѣсъ лѣтомъ и зимою.

IV. Воздухъ, вѣтеръ, водолазы, воздушный шаръ.

V. Жизнь птицъ. Гнѣзда. Благовѣщеніе. Прилетъ птицъ. Первая зелень.

Пособіями для руководительницы могутъ служить всѣ картины и модели, годные для наглядного обученія и предметныхъ уроковъ. Извѣстно, что изъ беллетристическихъ произведеній можно рекомендовать не для чтенія вслухъ, а только для иллюстрированія рассказами изъ жизни дѣтей и животныхъ:

Дмитріева: Малышъ и жучка.

Горюнъ.

Ростовская. Крестьянская школа.

Жучка.

Коровинъ. Двѣ капельки.

Авенарусь. Пчелка мохнатка.

Лукашевичъ. Зернышко.

Чеховъ. Каштанка.

Смирновъ. Подпасокъ.

Чистяковъ. Бабочка.

Тургеневъ. Перепелка.

Плахово. Волшебница весна.

Сливицкій. Бѣлячикъ.

Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки.

Свѣтлячки.

Быкова. Первые рассказы изъ ест. ист.

Богдановъ (книжечками по 15 и 20 к. изд. Горбунова-Посадова) и др.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома, составленное Пере-влѣскимъ. Ц. 1 р. 25 к. Издание книжного магазина Думнова, подъ фирмой братьевъ Салаевыхъ. Москва. Изд. 9-е, 1903 г.

4. Г. Конусевичъ.

Можно рекомендовать слѣдующіе иллюстрированные дѣтскіе журналы:

1) Mon journal. 5 рублей въ годъ (съ октября).

2) Petit Fran ais illustr . 5 руб. (съ декабря).

4) Magasin d' ducation et de r  cr閑ation, dirig  par J. Verne. 9 р.

5) Deutsche Jugend. 3 р.

6) Der gute Kamerad. 7 р. 50 коп. (съ октября).

7) Das Kr nchen. M dchenzeitung. 7 руб. 50 коп.

Пробные номера можно выписать изъ книжныхъ магазиновъ: Риккера, Невскій, 14; Цинзерлинга, Невскій, 20; Вольфа, Гостиный дворъ, 20.

ЧТО ЧИТАТЬ ДЬЯТЫМЪ?

20. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря. Его жизнь и взаимоотношенія. Сочиненіе проф. К. Келлера. Переводъ съ нѣм., съ добавленіемъ отдельной части „Жизнь русскихъ морей“ П. Шмидта. Съ 10 таблиц, въ краскахъ, 6 черн. грав. и 320 рис. Издание 2-ое. А. Ф. Девріена. Пять выпусковъ. Ц. по подпискѣ 7 р. 50 коп. — Выпускъ I и II. Ц. каждого по 1 р. 60 коп.

Первое изданіе этой книги было встрѣчено сочувственно всей русской критикой и оправдало себя въ лицѣ читающей публики. Настоящее изданіе, дополненное согласно новѣйшимъ даннымъ науки, имѣть значительно большій объемъ, несмотря даже на то, что напечатано убористымъ шрифтомъ; прибавлено также около двадцати рисунковъ. Существенно важнымъ дополненіемъ служить жизнь русскихъ морей, которой въ первомъ изданій нельзя было отвести такого большого мѣста въ виду новизны самой книги. Въ настоящее время вышли I и II выпускі. Содержаніемъ этихъ выпусковъ служитъ исторической очеркъ изслѣдованій жизни моря, условіе существованія морскихъ животныхъ, свободно живущія и сидящія животныя, раздѣленіе труда, сожительство, паразитизмъ, окраска морскихъ животныхъ, свѣченіе моря, переселеніе животныхъ и роль въ этомъ актѣ Сuezкаго канала, бере-

говая фауна, фауна поверхности моря, жизнь на глубинахъ, морская фауна въ прѣсной водѣ, измѣненіе земной коры и коралловые рифы. Такимъ образомъ въ I и II выпускахъ имѣется 16 главъ, составляющихъ первую часть книги—общія явленія жизни морскихъ животныхъ. Здѣсь имѣется уже нѣсколько новыхъ рисунковъ, напр. рисунокъ личинки глубоководной рыбы, глубоководного головоногаго: зато нѣкоторые рисунки, имѣвшіеся въ первомъ изданіи, здѣсь отсутствуютъ и перемѣщены, вѣроятно, въ добавленіе о русскихъ моряхъ. При этихъ выпускахъ приложены красивыя таблицы въ краскахъ, изображающія рыбъ, колонію сифонофоръ, раковъ-отшельниковъ и прозрачныхъ медузъ, а также 3 черныхъ таблицы. Интересъ этой книги и пригодность ея для самообразованія, а также прекрасный переводъ ея были отмѣчены всѣми уже при первомъ изданіи. Теперь можно только радоваться, что книга оцѣнена читателями и появляется уже въ новомъ изящномъ изданіи. О слѣдующихъ выпускахъ мы поговоримъ особо по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

Д-ръ К. Янута.

21. Иллюстрированная всеобщая история письменъ. Я. Б. Шницера. СПб. 1903. Изд. Маркса.

Книга г. Шницера распадается на двѣ части. Въ первой—изображается состояніе письменности у различныхъ народовъ до изобрѣтенія алфавита, во второй говорится объ изобрѣтеніи алфавита, его распространеніи и развитіи.

Сообщивъ о передачѣ мыслей при помощи предметовъ, узловъ, раковинъ и нарѣзовъ на палочкахъ, г. Шницерь переходитъ къ изображенію начальной стадіи исторіи собственно письма, когда люди для выраженія своихъ мыслей и чувствъ стали употреблять не самые

предметы, а лишь ихъ изображенія. Письмо у индѣйцевъ, китайцевъ, японцевъ и корейцевъ представлено достаточно наглядно и ясно, но съ особенною подробностью останавливается г. Шницерь на письмѣ египтянъ и обстоятельно знакомить со всѣми его видами. Къ сожалѣнію, особенности демотического письма у г. Шницера обрисованы недостаточно выпукло и отчетливо, вслѣдствіе чего для читателя остается совершенно непонятнымъ, почему египтянъ нельзѧ считать изобрѣтателями алфавита. Появленіемъ о клинообразныхъ письменахъ и гиттическихъ гіероглифахъ заканчивается первая часть книги. Во второй части своего труда г. Шницерь излагаетъ исторію происхожденія и развитія алфавита, начало которого онъ видѣтъ у евреевъ. Отъ древне-еврейскаго алфавита произошли какъ всѣ восточные, такъ и западные алфавиты. Главою о славянскомъ и русскомъ письмѣ заканчиваетъ г. Шницерь свою книгу. Обиліе прекрасно исполненныхъ рисунковъ и таблицъ, дающихъ наглядное представленіе о памятникахъ письма и его постепенной эволюції, а также интересно составленный текстъ являются крупными достоинствами книги г. Шницера. Какъ на недостатки труда можно указать на стремленіе проводить недостаточно обоснованные и потому непризнанные въ наукѣ взгляды, почти полное игнорированіе трудовъ русскихъ ученыхъ за послѣднія двадцать лѣтъ, отсутствіе существенно необходимыхъ свѣдѣній изъ области сравнительного языкознанія и психологіи. Оставляетъ желать многаго и слогъ, далеко не всегда отличающійся точностью, ясностью и правильностью. Въ компилиативномъ популярно-научномъ трудѣ подобного рода недостатки являются особенно нежелательными.

Н. Ч.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Май — № 5.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 5.

1. Врожденная слепота на слова, какъ причина неуспѣшности въ чтеніи. Д-ра Р. Каца	209
2. Произведенія А. П. Чехова, какъ дѣтское чтеніе. А. П. Налимова	222
3. Полгода жизни маленькаго человѣка. (Окончаніе) Л. Леонидовой	228
4. Письмо изъ провинціи. А. Суперанская	233
5. Отчетъ о засѣданіи Родительского кружка	238

Врожденная слепота на слова, какъ причина неуспѣшности въ чтеніи.

(Докладъ Родительскому кружку).

Въ докладѣ, прочитанномъ здѣсь мною въ прошломъ году¹⁾, я указывалъ, какъ на причину малоспособности къ чтенію и письму, на астигматизмъ глазъ. Изложивъ сущность этого врожденного порока зрѣнія и показавъ на фантомѣ глаза, до какой степени въ астигматическомъ глазу расплываются и искажаются рассматриваемыя фигуры и буквы, я отмѣтилъ 3 характерныхъ особенности въ ходѣ занятій у астигматиковъ: 1) чрезвычайную медлительность въ распознаваніи предмета занятій и исполненія работы, 2) многочисленность ошибокъ при выполненіи работъ и 3) быструю утомляемость глазъ въ сопровожденіи головныхъ болей. Обусловливаемую такими особенностями малоспособность къ ученію я назвалъ „мнимою“,

такъ какъ малоуспѣшность въ подобныхъ случаяхъ зависить лишь отъ недостатка зрѣнія и исчезаетъ съ исправленіемъ этого недостатка — съ назначениемъ соответствующихъ очковъ. Въ подтвержденіе же сказанного, мною приведенъ былъ цѣлый рядъ моихъ наблюдений, преимущественно изъ среды учащихся въ начальныхъ городскихъ школахъ.

Въ настоящемъ своемъ докладѣ я буду говорить о дѣйствительной неспособности къ чтенію — о такой неспособности, которая и въ самомъ дѣлѣ обусловливается ненормальностью въ умственной дѣятельности ребенка, порокомъ развитія въ мозговой его сфере, и которая никакими очками не можетъ быть исправлена. Можетъ, пожалуй, показаться излишнимъ говорить о подобныхъ случаяхъ: вѣдь о существованіи умственно отсталыхъ дѣтей все знаютъ, распознать же не нормальность умственныхъ способностей не очень ужъ трудно. Но дѣло то въ томъ, что неспособность къ чтенію можетъ существовать при вполнѣ правильномъ развитіи ума во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; что ребенка способнаго, умнаго, любознательнаго, быстро иочно усваивающаго видѣнное и слышанное, можетъ оказаться невозможнымъ или почти невозможнымъ научить распознаванію буквъ и складыванію ихъ въ слоги и слова, а тѣмъ болѣе плавному чтенію. Въ такихъ случаяхъ мысль объ умственной не-

¹⁾ Докладъ этотъ напечатанъ въ „Русскомъ Врачѣ“, 1903 г., № 13.

нормальности ребенка можетъ меныше всего явиться, а потому либо ребенка обвиняютъ въ лжи и невнимательности, либо учителя въ неправильномъ преподаваніи. Въ такихъ именно случаяхъ, о возможномъ существованіи которыхъ, какъ яствуетъ изъ только что сказанного, необходимо знать и родителямъ и педагогамъ, я и намѣренъ теперь повести свою рѣчь.

Уже среди случаевъ мнимой малоспособности къ учению, приведенныхъ мною въ прошлогоднемъ моемъ докладѣ, можно было видѣть намеки на дѣйствительную неспособность къ чтенію. Такъ, десятилѣтняя дѣвочка А. К., которая не попадала на линейку при чистописаніи, а въ первый же день по полученіи очковъ противъ астигматизма удостоилась похвалы отъ учительницы за хороший почеркъ, по чтенію никакихъ успѣховъ не обнаружила: „не умѣла и не умѣеть читать“—сообщено было мнѣ о ней отъ учительницы ея черезъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ назначенія очковъ. Возможно, что въ этомъ случаѣ упорная малоспособность въ чтеніи обусловливалась, какъ и въ другомъ подобномъ случаѣ — у одиннадцатилѣтней дѣвочки М. П., освободившейся благодаря очкамъ отъ головныхъ болей и обнаружившей замѣтные успѣхи въ письмѣ, въ чтеніи же незначительные,—привычкой къ пользованію расплывчатыми и искаженными очертаніями буквъ, укоренившимся у нихъ за время учения до исправленія астигматизма. Но подозрѣнія на дѣйствительную неспособность къ чтенію у А. К. все же нельзя исключить.

Болѣе очевидной является истинная неспособность къ чтенію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ зрѣніе хорошее и вполнѣ

правильное. Такіе случаи я также наблюдалъ среди той же категоріи учащихся. Такъ, десятилѣтній мальчикъ А. К., явившійся ко мнѣ на приемъ 6 февраля 1903 г., обнаружилъ неспособность къ плавному чтенію, зрѣніе его было вполнѣ нормально и учился онъ уже 2-й годъ; а девятилѣтняя О. А., явившаяся 12 февраля 1903 г., вовсе не умѣла читать, при зреѣніи выше нормального. А. Б., явившемуся 17 декабря 1903 г., шелъ уже 9-й годъ и находился онъ въ школѣ уже 4 мѣсяца, а зналъ онъ изъ азбуки лишь нѣсколько буквъ, хотя зреѣніе у него было хорошее. Еще рѣзче выступала эта неспособность у десятилѣтней дѣвочки С. Б., явившейся на приемъ 16 апрѣля 1903 г. Несмотря на почти цѣлый уже годъ пребыванія въ школѣ, эта дѣвочка еще не знала буквъ; зреѣніе же ея, какъ показало изслѣдованіе по таблицѣ для неграмотныхъ, было вполнѣ нормально. Осенью слѣдующаго учебнаго года дѣвочка была снова направлена ко мнѣ. Оказалось, что она столь же плохо разбирала буквы, какъ и полгода тому назадъ.

Въ подобныхъ случаяхъ невольно является предположеніе о существованіи какого-то дефекта въ мозговой дѣятельности ребенка, о недоразвитіи какого-то участка мозговой ткани, за-вѣдующаго сложнымъ актомъ чтенія.

Клиническая медицина уже давно показала, что существованіе такого дефекта въ отправленияхъ мозга вполнѣ возможно. Она показала, что бываютъ случаи ограниченного пораженія головного мозга, гдѣ, при полной сохранности всѣхъ другихъ психическихъ отправлений, теряется лишь такъ называемая зрительная память, т.-е. способность вспоминанія зрительныхъ впе-

чатлѣній, необходимая для узнаванія знакомыхъ предметовъ, и больной перестаетъ понимать значение предметовъ, хотя и видѣть ихъ вполнѣ отчетливо. Такое состояніе называется *душевной слѣпотой*, и обусловливается оно, повидимому, пораженіемъ определенного участка мозговой коры, расположеннаго въ темянной ея долѣ, по границѣ съ затылочной и височной, и носящаго название „*угловой извилины*“ (*gyrus angularis*). Въ некоторыхъ же случаяхъ теряется только способность называть предметы по ихъ зрительнымъ образамъ, и подобное состояніе называется *словесной слѣпотой*. Послѣднаго рода слѣпота можетъ, опять-таки, относиться лишь къ печатнымъ и письменнымъ знакамъ, тогда - то и получается *психическая неспособность къ чтенію* — „*алексія*“, точнѣе говоря — *зрительная алексія*, каковую приходится отличать отъ *алексіи движательной**, при которой больной не можетъ лишь читать вслухъ, читая же про себя, онъ вполнѣ понимаетъ значение напечатанаго. И въ зрительной алексіи еще возможны разновидности. Одни не умѣютъ называть лишь буквы, цифры же они хорошо распознаютъ. Другие теряютъ способность различать ноты, прекрасно разбирая буквы. Третьи сохраняютъ память на буквы, теряя лишь способность складывать ихъ въ слоги и слова.

Если все эти разновидности словесной слѣпоты могутъ развиться при пораженіи мозга, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что такие же дефекты въ мозговой дѣятельности могутъ быть и врожденными, подобно тому, напр., какъ рядомъ съ пріобрѣтенной слѣпотой на цвета существуетъ и слѣпота врожденная, такъ называемый дальто-

низмъ. И дѣйствительно, въ медицинской литературѣ за послѣдніе годы собралось уже значительное количество весьма поучительныхъ наблюдений, ставящихъ возможность врожденной слѣпоты на слова вѣвъ всякаго сомнѣнія.

Первый, кто обратилъ вниманіе на врожденную словесную слѣпоту, какъ на причину неуспѣшности въ чтеніи, былъ англійскій врачъ W. Pringle Morgan, обнародовавшій въ 1896 году въ одной изъ лондонскихъ медицинскихъ газетъ (*British Medical Journal*) случай врожденной слѣпоты на слова у 14-лѣтняго мальчика: за 7 лѣтъ ученика, у этого мальчика, происходившаго изъ интеллигентной семьи, удалось добиться только того, что онъ разбиралъ и правильно писалъ лишь односложныя и простѣйшія слова: многосложныя же онъ пропускалъ, какъ совершенно ему недоступныя, или же коверкалъ самимъ причудливыми образомъ, нисколько ихъ не понимая. Между тѣмъ, цифры онъ быстро читалъ, прекрасно справляясь съ задачами ариѳметическими, какъ и алгебраическими; да и вообще, кромѣ указанного, не замѣчалось рѣшительно никакихъ уклоненій въ умственныхъ способностяхъ мальчика, какъ и въ самочувствіи его и въ физическомъ его развитіи.

Послѣ д-ра Morgan'a, съ вопросомъ о врожденной слѣпотѣ на слова выступилъ, 4 года спустя, въ другой лондонской врачебной газетѣ (*Lancet*) James Hinshelwood, написавшій уже до того рядъ статей о пріобрѣтенной слѣпотѣ этого рода. Д-ръ Hinshelwood цитируетъ случай врожденной слѣпоты на слова изъ вышедшаго въ 1898 году, въ Лондонѣ же, сочиненія д-ра Bastian'a: 18-лѣтній юноша, здороваго тѣлосложенія и изъ интеллигентной

семьи, не могъ научиться читать, такъ что родители его уже почти потеряли всякую надежду на то, что онъ когда-нибудь этому научится, а арифметика и алгебра давались ему легко. Изъ собственныхъ же своихъ наблюдений д-ръ Hinshelwood приводить 2 случая. Въ одномъ имѣлось дѣло съ 11-лѣтнимъ мальчикомъ, который $4\frac{1}{2}$ года ходилъ въ школу и въ концѣ концовъ былъ исключенъ оттуда, такъ какъ не могъ научиться читать. Этотъ мальчикъ обладалъ прекрасной памятью для слуховыхъ впечатлѣній, и именно благодаря этому онъ и держался такъ долго въ школѣ, такъ какъ тамъ долгое время не догадывались, что, отвѣчая по букварю свой урокъ, мальчикъ говорилъ наизусть, въ самомъ же буквѣ не разбиралъ ни одного слова. Распознать зрѣniемъ онъ умѣлъ всего лишь нѣсколько буквъ, да и въ тѣхъ онъ не былъ твердъ. Мало зналъ онъ и цифры; но когда его стали настойчиво учить этимъ знакамъ, онъ ихъ началъ преодолѣвать гораздо успѣшнѣе, чѣмъ буквы. Во второмъ случаѣ словесная слѣпота была выражена нѣсколько слабѣе. Здѣсь 10-лѣтній мальчикъ, сынъ врача, весьма способный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не научился читать, пробывъ въ школѣ 3 года. Онъ правильно распознавалъ всѣ буквы алфавита и даже могъ сразу узнавать нѣсколько словъ, наиболѣе употребительныхъ и простыхъ; но большинство словъ оставалось недоступнымъ его зрительной памяти, и ему ихъ приходилось разбирать по буквамъ и слогамъ. Словомъ, здѣсь имѣлась та же ступень словесной слѣпоты—слѣпоты на слова, а не на буквы,—какъ и въ случаѣ д-ра Morgan'a, съ той лишь разницей, что тамъ этой ступени до-

стигли лишь послѣ болѣе долгихъ труда.

Черезъ годъ послѣ сообщенія д-ра Hinshelwood'a, въ 1901 г., явилась работа д-ра Nettleship'a, съ описаниемъ 5 подобныхъ же случаевъ изъ 20-лѣтней практики, въ специальномъ англійскомъ журналь (Ophthalmic Review), а въ слѣдующемъ году въ томъ же журналь напечатана была еще одна статья д-ра Hinshelwood'a, съ двумя новыми случаями словесной слѣпоты. Въ этой статьѣ, какъ и въ прежней, д-ръ Hinshelwood высказываетъ свое убѣжденіе, что подобные случаи являются гораздо чаще, чѣмъ это можно было бы предположить на основаніи имѣвшихся наблюдений, но что они большей частью остаются нераспознанными. Въ такомъ же смыслѣ высказывался и д-ръ Nettleship.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ сентябрьской книжкѣ нѣмецкаго журнала по глазнымъ болѣзнямъ (Centralblatt füer praktische Augenheilkunde) за 1903 годъ, появилась интересная статья о врожденной слѣпотѣ на слова, д-ра Otto Wernicke, изъ Буэнос-Айреса. Авторъ разсказываетъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ нему привели 10-лѣтняго, здороваго на видъ мальчика, который не могъ научиться читать и у котораго, однако же, изслѣдованіе обнаружило вполнѣ нормальное зрѣніе. Д-ръ Wernicke заявилъ тогда отцу этого мальчика, что сынъ его просто лѣнивъ и невнимателенъ. Теперь онъ убѣжденъ, что онъ былъ несправедливъ къ мальчику. И вотъ, дабы предохранить другихъ отъ подобной ошибки, онъ сообщаетъ слѣдующіе два случая словесной слѣпоты, наблюдавшіеся имъ одинъ за другимъ въ весьма короткое время. 1). Дѣвушка,

19 лѣтъ отъ рода, изъ здоровой семьи. Несмотря на всѣ старанія, она никогда не могла научиться читать, какъ слѣдуетъ. Читаетъ медленно, по слогамъ, и настолько при этомъ бываетъ поглощена процессомъ чтенія, что не можетъ уловить содержаніе прочитанного. Зрѣніе же ея выше нормы на обоихъ глазахъ. Числа она читаетъ хорошо, и вообще она обладаетъ нормальными, повидимому, умственными способностями, вполнѣ правильно изъясняясь на двухъ языкахъ и владѣя порядочнымъ запасомъ знаній, почерпнутыхъ ею, однако же, преимущественно изъ устныхъ сообщеній. 2). 10-лѣтній мальчикъ, изъ семьи ненормальной въ умственномъ отношеніи (отецъ пьян и умеръ душевно-больнымъ, старшій братъ слабоуменъ, а другой братъ талантливый шахматистъ), часто хворалъ и потому не вполнѣ правильно посѣщалъ школу; производить впечатлѣніе умнаго и здороваго мальчика, обладая хорошей памятью и тонкой наблюдательностью, въ школѣ же онъ изъ-за дурныхъ успѣховъ по чтенію до сихъ поръ остается въ самомъ младшемъ классѣ. Цифры онъ легко узнаетъ, быстро и вѣрно прочитывая и шести значащія числа, но плавно читать онъ не въ состояніи, и въ длинныхъ словахъ онъ постоянно ошибается, особенно на послѣдніхъ буквахъ. Острота зрѣнія на обоихъ глазахъ выше нормы.

Изъ приведенныхъ здѣсь случаевъ врожденной слѣпоты на слова мы видимъ, прежде всего, что недоразвитіе зрительной памяти для чтенія можетъ представляться въ различной степени. Въ однихъ случаяхъ требуются неимовѣрныя усилия и безпредѣльное терпѣніе, чтобы развить лишь память на буквы; въ другихъ эта память пріобрѣ-

тается нѣсколько скоро, наибольшія же трудности оказываются при запоминаніи цѣлыхъ словъ, необходимомъ для плавнаго чтенія. Какъ известно, въ первоначальномъ чтеніи участвуютъ не только глаза, но и слухъ, и органы рѣчи, такъ что память о пройденныхъ словахъ остается не только въ зрительномъ центрѣ, но и въ центрахъ слухового и рѣчевого. Совокупность всѣхъ этихъ впечатлѣній облегчаетъ распознаваніе словъ въ первое время ихъ изученія: произнося букву за буквой и слогъ за слогомъ, начинающій узнаетъ разобранное имъ слово скорѣе по слуху, чѣмъ по зрѣнію. Если же читать нужно про себя, то онъ шевелить губами за каждымъ слогомъ, помогая себѣ, такимъ образомъ, той памятью о словахъ, которая осталась въ его двигательно-чувствительномъ центре для органовъ рѣчи. Плавное чтеніе при такихъ условіяхъ, разумѣется, невозможно; оно дѣлается возможнымъ лишь тогда, когда и зрительная память о словахъ становится настолько твердой и богатой, что слова означаются цѣликомъ и сразу, при первомъ взглядѣ на нихъ. Такой именно способности охватывать слова однимъ взглядомъ и не развивается у дѣтей, страдающихъ врожденной слѣпотой на слова. Самое большее, чего можно достигнуть у нѣкоторыхъ изъ нихъ, это—усвоеніе зрительныхъ образовъ отъ всѣхъ буквъ алфавита, быть-можеть, еще отъ нѣсколькихъ простѣйшихъ словъ. Но при столь бѣдномъ запасѣ словъ въ ихъ зрительной памяти, они плавно читать не въ состояніи; они узнаютъ буквы, находятъ кое-гдѣ и знакомое слово, прочесть же подъ рядъ нѣсколько словъ они умѣютъ лишь при помощи слуховой памяти или при помощи того за-

паса впечатлений, который скопился въ вхъ двигательно-чувствительной памяти для органовъ рѣчи, расчленяя каждое слово на составные его части и произнося поочередно каждую его букву и каждый его слогъ.

Возможно ли полное исцѣленіе этого порока развитія? Въ легкихъ случаяхъ, какъ напр., въ случаѣ съ сыномъ врача, это вполнѣ возможно,—разумѣется, при надлежащемъ терпѣніи и совершенномъ способѣ преподаванія. О такой возможности говорить одинъ изъ долго прослѣженныхъ случаевъ д-ра Nettleship'a, гдѣ, при огромномъ терпѣніи со стороны родителей и преподавателей, мальчикъ въ концѣ концовъ все же научился хорошо читать. Онъ сталъ читать вполнѣ свободно, и вслухъ и про себя, а затѣмъ даже началъ испытывать и удовольствіе отъ чтенія. Продолѣвъ трудности чтенія, онъ сталъ успѣшно проходить весь курсъ ученія и впослѣдствіи сдѣлался адвокатомъ. Столь благопріятнаго исхода, однако жъ, не всегда можно ожидать. Мы видѣли въ 1-мъ случаѣ д-ра Wernicke, что врожденная слѣпота на слова можетъ остаться и въ зрѣломъ возрастѣ, представаясь, повидимому, совершенно неизлѣчимой. Эта девушка, достигши 19-лѣтняго возраста, читала, какъ ребенокъ. Стараній же къ преодолѣнію своей неспособности къ чтенію девушка въ свое время приложила не мало, такъ какъ очень смущалась за свой порокъ; это же смущеніе, возобновившееся въ ней съ прежней силой, въ виду предстоявшаго ей выхода замужъ, заставило ее и обратиться къ врачу. Въ подобныхъ случаяхъ разсчитывать на успѣхъ отъ какого бы то ни было лѣченія трудно. Попытаться все же следуетъ, такъ какъ между слѣпотой

на буквы и слѣпотой на слова, въ сущности, разница лишь количественная, и, теоретически разсуждая, мы не имѣемъ основанія допустить, чтобы, развивъ зрительную память для буквъ и простѣйшихъ словъ, нельзя было развить ее для словъ болѣе сложныхъ. Разумѣется, лѣченіе здѣсь возможно лишь чисто педагогическое. Обученіе чтенію должно совершаться по особенному плану и съ особенными пріемами. Hinshelwood советуетъ заниматься по нѣсколько разъ въ день, при чемъ каждый разъ упражненія въ чтеніи должны продолжаться не слишкомъ долго. Такимъ путемъ можно было бы постепенно развить недостающую память на слова. Д-ръ Wernicke считаетъ въ подобныхъ случаяхъ особенно полезнымъ преподаваніе по передвижнымъ буквамъ, такъ какъ такое преподаваніе облегчаетъ ребенку анализъ и синтезъ словъ и легче приковываетъ его вниманіе къ предмету ученія, нежели другие методы. Въ тяжелыхъ случаяхъ могло бы, пожалуй, оказаться полезнымъ и предложеніе д-ра Morgan'a— обратиться къ фонетическому письму, къ стенографіи, такъ какъ распознаніе словъ по звуковымъ ихъ символамъ, безъ сомнѣнія, должно потребовать значительно меньшаго запаса образовъ въ зрительной памяти и потому оно должно и легче даваться „слѣпымъ на слова“, чѣмъ обыкновенное чтеніе.

Но прежде, чѣмъ лѣчить, необходимо распознать болѣзнь. Необходимо сначала убѣдиться, что неспособность къ чтенію дѣйствительно психического свойства, а не зависить отъ неправильнаго лишь устройства глазъ; стало быть, прежде всего необходимо изслѣдоввать зрѣніе. Если неправильность

Произведения А. П. Чехова, какъ дѣтское чтеніе.

въ зрѣніи обнаруживается, то нужно еще решить, одной ли этой неправильностью обусловливается неспособность къ чтенію? Тутъ же ствѣтить на этотъ вопросъ не всегда, однако же, возможно, такъ какъ та неправильность глазъ, которая въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ имѣется въ виду,—астигматизмъ, въ неменьшей степени является порокомъ развитія, какъ и алексія, и, стало-быть, можетъ существовать совмѣстно съ послѣдней. Особенно вѣроятнымъ является существование обоихъ пороковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, при чрезвычайно медленномъ чтеніи словъ, имѣется въ то же время способность къ легкому чтенію цифръ и къ складыванію ихъ въ многозначный числа,—хотя придавать этому признаку столь безусловное распознавательное значеніе, какъ это дѣлаетъ д-ръ Wernicke, врядъ ли возможно, такъ какъ прочесть число, хотя бы и длинное, и при плохомъ зрѣніи гораздо легче, чѣмъ сразу охватить взглядомъ нѣсколько словъ. Какъ бы то ни было, исправить очками оказавшуюся неправильность глазъ, если только она поддается исправленію, необходимо прежде всего; изъ дальнѣйшаго же хода ученія можно заключить уже съ полной увѣренностью, достаточно ли одного этого исправленія ненормальности глазъ и, стало-быть, въ дальнѣмъ случаѣ имѣлась лишь мнимая неспособность къ чтенію, или же этого исправленія недостаточно, а необходимо, сверхъ того, обратиться и къ специальному педагогическому лѣченію.

Если зрѣніе оказывается нормальнымъ или неправильность, въ немъ обнаруженная, настолько незначительна, что ее нельзя привести въ связь съ неспособностью къ чтенію,

то остается еще выяснить размѣры имѣющагося порока въ развитіи мозга. Во всякомъ случаѣ, необходимо остеграться распознаванія умственной отсталости и слабоумія, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ ограниченномъ дефектѣ въ умственномъ развитіи: помимо цѣлаго ряда ошибочныхъ поступковъ, возможныхъ при такомъ распознаваніи, послѣднимъ совершалась бы и жестокая несправедливость по отношенію къ ребенку, не менѣе тяжелая и обидная, чѣмъ выговоры и наказанія за мнимыя лѣнъ и невнимательность. Но тутъ разобраться уже не трудно, какъ не трудно отличить неспособнаго ребенка отъ лѣниваго. Необходимо лишь знать о существованіи врожденной „слѣпоты на слова“ и помнить, что такой ограниченный дефектѣ въ развитіи мозга можетъ явиться причиной неуспѣшности въ чтеніи при полной сохранности всѣхъ другихъ умственныхъ способностей и при полной готовности ребенка къ ученію. И если хоть одинъ изъ такихъ дѣтей, благодаря настоящему моему сообщенію, избѣгнетъ несправедливаго обвиненія въ лѣци, невнимательности или слабоумія, то цѣль моего доклада будетъ вполнѣ достигнута.

Д-ръ Р. Кацъ.

Произведения А. П. Чехова, какъ дѣтское чтеніе.

Какъ известно, музА. П. Чехова то рѣзко, гомерически смѣется, такъ, что всѣмъ сестрамъ по серьгамъ попадаетъ; то призываетъ насъ, наперекоръ разныемъ нытикамъ, спокойно работать, не бояя на себя непосильныхъ задачъ; то начинаетъ безпощадно

вскрывать ложь, ничтожество, роковой трагизмъ жизни и людской ежедневной суетолоки. У нашего беллетриста, выражаясь по старинному, какой-то „казарзный гений“: и подчасъ онъ почти огорашишаетъ настъ, развертывая негаданныя свѣтлыя дали. И его творческая манера прихотлива: онъ не идетъ дальше силуэтовъ, отдѣльныхъ, неожиданно сопоставленныхъ моментовъ и освѣщеній, отрывочныхъ миниатюръ, образующихъ какую - то мозаику. Въ своей философии авторъ какъ - будто и самъ только ищетъ, колеблется, собираетъ образный матеріаль, по настроению своему — то винзально воодушевляясь, то безнадежно затуманившись или иронизируя. Такой писатель, въ общемъ, очевидно, не для дѣтей.

„Психологизмъ“ беллетриста имъ недоступенъ. Книгою расширять собственныя наблюденія, присматриваясь къ Чеховскимъ старымъ записямъ, хотя бы и очень характерныхъ случаевъ, къ эскизамъ лицъ, зарисованныхъ бѣглыми, хотя временами и весьма колоритными штрихами, — юнцамъ также затруднительно. Заражаться авторскими беспокойными, пускай даже самыми возвышенными настроеніями — дѣтямъ еще слишкомъ рано. Наконецъ, и великолѣпные мѣстами Чеховскіе пейзажи не для незрѣлой молодежи, обыкновенно столь объективно созерцательной. А у писателя, о которомъ идетъ рѣчь сейчасъ, природа свободно символизируетъ все, что только ни за движется въ душѣ автора. Думается, однако, и сочиненія А. П. Чехова частью можно использовать для дѣтского чтенія и класснаго употребленія. Да же мы предложимъ нѣсколько примѣровъ. А пока — къ слову. Какъ разлучать вовсе съ дѣтьми писателя,

который такъ умѣеть цѣнить ихъ моральное значеніе въ человѣческомъ обиходѣ?! Въ своемъ очеркѣ „Островъ Сахалинъ“ Ак. П. Чеховъ замѣчаетъ: „Но все-таки, что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые путные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрублѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою испорченность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника отца, и если ссыльного, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка. Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательного паденія“.

Итакъ, отчего дѣтямъ не читать Чеховскаго разсказика „Ванька“? Возразить, что послѣдній аккордъ тутъ разрѣшается слишкомъ печально: Ванька крѣпко заснулъ, убаюканный сладкими надеждами; но на самомъ дѣлѣ, онъ только что отправилъ рѣшительное письмо по такому неудобному адресу: „На деревню дѣдушкѣ Константину Макаричу!“ Въ результатѣ, слѣдовательно, разбитыя иллюзіи. Да и вообще въ пискѣ разказано безъ прикрасъ много-много недоброго и про обстановку, и про людей, окружающихъ и дѣдушку и Ваньку. Но у юнаго читателя, по нашему мнѣнію, возьметъ перевѣсъ въ впечатлѣніяхъ эта наивная,

искренняя вѣра Ваньки въ единственнаго покровителя и друга—любимаго дѣдушку, сочувствіе къ маленькому ученику сапожника Алхина. Найдутся у г. Чехова и другія подобныя вещи, которыхъ, быть-можетъ, только смущаютъ взрослого, не находящаго у автора прочнаго синтеза идей. А молодой народъ, откликаясь на яркіе образы безъ рефлексій, испытаетъ однѣ здоровыя человѣчныя эмоціи. Напр., и набросокъ „Тоска“—съ пропусками непонятнаго для дѣтей—составилъ бы такую же службу. И въ „Бѣлолобомъ“—не то сказочкѣ, не то баснѣ—не мало свѣжихъ, вдохновенныхъ страницъ изъ книги жизни. Попутныя тонкія, ядовитыя усмѣшечки автора навѣрно не завладѣютъ вниманіемъ дѣтей. Про волка, про щенка они не забудутъ и оставить въ тѣни возможный итогъ: самая глупая собака вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сущности, и самая добродушная, и особенно ловко обмануть тутъ „вѣнецъ созданія“—человѣкъ.

Дѣти, конечно, очень наблюдательны и даже психологи, но только большие эмпиріки, и ихъ изслѣдованія главнымъ образомъ направлены на животный міръ. Чеховская исторійка собаки, „Каштанка“, не лучшій его разсказъ, но замѣчательно объективный, оригинальный, маленький животный эпосъ, если хотите. И общій гуманитарный тонъ выдержанъ въ немъ безъ особенно подчеркнутаго пессимизма или оптимизма. Каштанка, заблудившись, попала было къ увеселительныхъ дѣлъ мастеру. Но благодаря счастливой случайности, вернулась къ своему прежнему хозяину—столяру Лукѣ Александрычу. Тутъ и привольнѣе и теплѣе: согрѣваетъ дружба съ мальчикомъ Федюшкой. Наибольшей свободой отъ Чеховскаго зауныв-

наго лиризма отличается также и разсказъ „Холодная кровь“. Здѣсь много житейской правды—самой непріятной и переданной съ точнѣйшимъ реализмомъ. Но дѣтей постарше уже знакомить съ жанровыми картинками. И у А. П. Чехова мы отмѣчаемъ именно этотъ разсказъ: онъ и содержателенъ, и художественно-красоченъ, безъ излишнихъ стущеній въ какую-либо сторону. Не свѣтлый фонъ въ немъ; но уже дѣло воспитателя эксплуатировать и темное. Назовемъ еще и сценку-шутку „Налимъ“. Хитрая рыба наставляетъ всѣхъ рыболововъ—и высшихъ и низшихъ ранговъ. Бещида остроумна и полна прямо фотографической выразительности: всякія „мужицкія“ и слова и дѣйствія сняты непосредственно съ натуры. Но и тутъ не нарушены предѣлы истинной литературиности и нѣть нервозности, ненужной для юнаго читателя.

Больше намъ, кажется, и не придется останавливаться на отдельныхъ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Педагогъ, надѣемся, сумѣть почерпнуть и у этого писателя страницы, эпизоды, образцы для хрестоматіи, для разныхъ пѣлей литературного изученія. Полноправное юношество займется нашимъ беллетристомъ уже цѣлкомъ. Собственно бытовой материалъ не скученъ у него. Достаточно и любопытныхъ „идейныхъ діалоговъ“, сатирическихъ чертъ и характеристикъ. Въ сатиризмѣ, особенно, иногда такъ соченъ, силенъ, изобрѣтателенъ А. П. Чеховъ. Онъ началъ свою литературную карьеру карикатурными поддѣлками. Идеино и художественно это были неважныя, даже зачастую несимпатичныя піески, но дарование въ нихъ сказывалось недю-

жинное. И въ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ Ан. П. Чеховъ подчасъ не юмористъ, а сатирикъ. У юмориста лишь перепадаетъ „слеза въ голосѣ“, сатирикъ сосредоточенъ или гнѣвенъ безъ конца. Онъ расположень къ гиперболамъ, онъ бѣть безъ устали въ одну точку, или язвить въ своихъ портретахъ въ такомъ родѣ: „Это былъ человѣкъ съ манерами ящерицы. Онъ не входилъ, а какъ-то вползалъ, мелко сѣмения ногами, покачиваясь и хихикая, а когда смеялся, то скалилъ зубы. Онъ былъ чиновникомъ особыхъ поручений при комъ-то и ничего не дѣлалъ, хотя получалъ большое содержаніе. Это былъ карьеристъ не до мозга костей, а глубже, до послѣдней капли крови“. („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“). Или: „Варварушка въ каждой комнатѣ крестилась на образа и кланялась въ поясъ, и при взглядѣ на нее почему-то всякий разъ приходило на память, что она уже приготовила себѣ къ смертному часу саванъ, и что въ томъ же сундукѣ, гдѣ лежитъ этотъ саванъ, спрятаны также ея выигрышные билеты“. Чеховъ напоминаетъ и Гоголя, но напоминаетъ по-своему; ибо авторъ „Бабыаго царства“ — подлинное дарованіе. Сильно чуются у него временами и Тургеневскія вѣянія. Они внѣсятъ въ творчество и Ан. П. Чехова то, что напоминаетъ афоризмъ покойнаго Вл. Соловьевъ: „красота есть ощущительное воплощеніе истины“.

Педагогъ отыщетъ паящныя и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокія мѣста въ повѣстяхъ „Аriadна“, „Степь“; какъ бы Толстовскія картины душевныхъ переломовъ отражаютъ разсказы „Студентъ“, „Случай изъ практики“ и др. Въ извѣстныхъ своего рода монологахъ еще и Карамзинъ, и Гоголемъ,

и Тургеневымъ завѣщано намъ дорожить своимъ роднымъ словомъ, святить его. Ан. П. Чеховъ, разставшись съ обязанностями „юмориста“ нашихъ жалко потѣшныхъ журналовъ, сталъ, видимо, обрабатывать свои произведения, свой стиль, уважая и вѣшность, обнаруженіе мысли и чувства. И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, педагогъ выдѣлить Ан. П. Чехова. Нѣкоторыя его выраженія особенно пластично, отчетливо, красочно охватываютъ свою идею: „Она обнажила и растревожила это беспокойное чувство, похожее на большой ящикъ съ посудой, которую распаковать легко, но уложить опять, какъ она была, невозможно“. „Чудесная бухта отражала въ себѣ луну и огни, имѣла цвѣтъ, которому трудно подобрать название. Это было нѣжное и мягкое сочетаніе синаго съ зеленымъ: мѣстами вода походила цвѣтомъ на синий купоросъ, а мѣстами, казалось, лунный свѣтъ сгустился и вместо воды наполнялъ бухту, а въ общемъ какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе“.

Словомъ, въ той или другой мѣрѣ, прямо или черезъ посредство педагога, произведенія Ан. П. Чехова могутъ служить материаломъ для дѣтскаго чтенія.

А. П. Налимовъ.

Полгода жизни маленькаго человѣка.

(Окончаніе 1).

Х.

Вова любить музыку и знаетъ въ ней толкъ. Иногда подолгу стоять около пианино, попѣваетъ и выступки-

1) См. „Восп. и Об.“, № 4, стр. 180.

ПОЛГОДА ЖИЗНИ МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВЪКА.

ваетъ пальчиками разные нехитрые мотивы собственного сочиненія. На дніяхъ я играла на фортепіано, подходить Вова и требуетъ:

— Сыграй, мама, печальную гамму!

Я стала медленно играть мажорную, онъ кричитъ:

— Нѣтъ, печальную играй! Чтобы двѣ черныхъ было!

Я заиграла минорную. Онъ взобрался на стуль около меня, я стала за нимъ наблюдать: личико озарилось довольно улыбкой, на глазахъ чуть-чуть не навернулись слезы.

— Я ужасно люблю печальную гамму...

XI.

Товарищи - учительницы уговорили меня взять Вову на литературное утро, устроенное въ нашей школѣ для ученицъ. На праздникъ Вова велъ себя настолько непринужденно, что большую часть праздника я должна была провести съ нимъ внизу, въ то время, какъ пѣніе и чтеніе шли наверху. Вова бѣгалъ по коридорамъ, играя въ пятнашки съ учительницей Д., открылъ всѣ двери, заглянулъ во всѣ шкафы и пустилъ воду изо всѣхъ крановъ. Къ мальчикамъ-гостямъ онъ по обыкновенію остался равнодушень, зато нарядныя дѣвочки плѣнили его сердце. Онъ сперва пристально всматривался въ нихъ издали, потомъ говорилъ мнѣ:

— Мама, вотъ эту дѣвочку я очень люблю; можно къ ней подойти?

Съ дочкой старшей Р., дѣвочкой лѣтъ семи, онъ свѣль близкое знакомство. Она оказалась такой же юной, какъ и Вова.

Онъ кричалъ ей:

— Дѣвочка въ бѣлыхъ башмачкахъ, давай бѣгать!

И они вдвоемъ бѣгали и спрыгивали съ эстрады, которую Вова почему-то называлъ „рыночкомъ“.

XII.

Вова побывалъ на приморскомъ бульварѣ и пришелъ въ такой неистовый восторгъ отъ моря, что положительно не могъ отъ него оторваться. Не меньшій восторгъ испыталъ онъ передъ будкой съ музыкантами: разиня ротъ, стоялъ онъ неподвижно передъ ними, пока они не переставали играть; тогда онъ переходилъ къ морю. Въ музыкантахъ его привлекали двѣ вещи, одинаково неотразимыя: во-первыхъ, музыка, во-вторыхъ, солдатская форма.

Онъ обожаетъ уличныхъ музыкантовъ и, завидѣвъ ихъ на улицѣ, заставляетъ меня гнаться за ними по дворамъ. Довольно удачно изображаетъ онъ „человѣка-музыку“, при чемъ пускаетъ въ ходъ голову, и локти, и каблуки; не менѣе удачно изображается помощникъ-комедіантъ, ломающійся на коврикѣ (фортепіанномъ), послѣ чего онъ проворно вскаиваетъ и протягиваетъ публикѣ какой-нибудь бумажный головной уборъ съ возгласомъ:

— Подарите! Подарите что-нибудь мальчику!

На дніяхъ пришла къ нему въ гости дѣвочка, онъ угостилъ ее музыкой собственного издѣлія, при чемъ игралъ что-то довольно мелодичное и спрашивалъ ее:

— А правда, жалкая пѣсня?

Онъ чрезвычайно чувствителенъ ко всяkimъ печальнымъ мотивамъ.

XIII.

Вова поетъ со мною дуэтъ: „Уста мои молчатъ“. При этомъ онъ уморительно складываетъ губы и вним-

тельно смотрить мнѣ въ ротъ, боясь сфаляшивитъ. Но этого съ нимъ не случается: онъ прекрасно знаетъ и слова и мотивъ. Такъ же хорошо онъ поетъ „Ангела“ и „Спи, дитя мое“, не говоря уже о бездѣлѣ дѣтскихъ пѣсень.

XIV.

Какъ-то бабушка взяла Вову съ собой на рынокъ, и, покуда она покупала мясо, онъ успѣлъ свести знакомство со всѣми котами, въ безчисленномъ множествѣ наполняющими „рѣзину“. Одного рыжаго котенка онъ пожелалъ даже унести съ собой и, несмотря на всѣ возраженія бабушки, сунулъ его себѣ подъ мышку и зашагалъ съ самимъ рѣшительнымъ видомъ. Бабушка все уговариваетъ его бросить котенка, онъ не желаетъ. Вдругъ, не говоря ни слова, Вова мчится стрѣлой; бабушка съ крикомъ пускается за нимъ вдогонку. Такъ они мчатся оба; потомъ Вова останавливается, нагибается, кладетъ котенка на землю... Что же оказывается? Онъ замѣтилъ издали около одной лавки большую рыжую кошку. Когда бабушка подошла, Вова объяснилъ ей, что...

— Эта кошка навѣрное мама того котенка, потому что она тоже рыжая.

При этомъ онъ добавилъ еще догадку:

— Ея сыночекъ, вѣрно, заблудился, а она заплакала...

XV.

Вова въ послѣднее время такъ часто приставалъ ко мнѣ съ требованіемъ купить ему разныи вздоръ, что я, чтобы отъ него отдѣлаться, чаще всего отвѣчала:

— У меня нѣтъ денегъ.

Утромъ онъ даже сконфузилъ меня: мы вышли изъ парадныхъ дверей, внизу настѣ встрѣтилъ дворникъ Филиппъ, большой Вовинъ пріятель:

— Куда идете, паничъ,—въ паркъ ѳдете?

— У насъ денегъ нѣтъ, чтобы ѡхать, отчеканилъ Вова...

Желая его порадовать, я рѣшила купить ему какую-нибудь игрушку и спросила, чего ему хочется. Оказалось—кнутика. Купила кнутикъ. Вова вполнѣ счастливъ, хлопаетъ и свиститъ непрерывно.

— Мама, а теперь куда мы идемъ?

— Теперь я иду купить тебѣ булочку.

— Нѣтъ, лучше не надо булочки, ты уже купила мнѣ кнутикъ, довольно съ меня; еще всѣ деньги истратишь, это что такое будетъ?

XVI.

Вечеромъ мы съ Вовой были на Николаевскомъ бульварѣ. Вова бѣжалъ впереди насъ, т.-е. меня, Лили и Нади, которыя были съ нимъ. Вдругъ онъ нагнулся, поднялъ съ земли оброненную кѣмъ-то пунцовую розу и преподнесъ ее мнѣ. Попали дальше, нашли свободную скамью и усѣлись на ней втроемъ, а Вова все около насъ бѣгалъ. Неожиданно онъ подбѣгааетъ ко мнѣ, вырываетъ у меня розу и бѣжитъ съ ней куда-то. Смотрю: онъ преподнесъ ее какой-то изящно одѣтой дѣвочкѣ лѣтъ 10, сидѣвшей на асфальтовомъ парапете бульвара вмѣстѣ съ двумя дамами. Дѣвочка приняла подарокъ, а дама что-то сказала Вовѣ. Когда онъ возвратился къ намъ я, облокотясь на мои колѣни, съ довольнымъ видомъ созерцалъ предметъ своихъ ухаживаній, я спросила его:

— Почему ты отнялъ у меня цвѣтъ и отдалъ дѣвочкѣ?

— Потому что я ее люблю. У нея голубые глаза и красные губы.

— А что тебѣ сказала дѣвочкина мама?

— Она меня похвалила: вотъ такъ кавалеръ!

XVII.

Сегодня, играя съ мальчикомъ въ лошадки, Вова разлетѣлся и упалъ. Я не видѣла этого, такъ какъ кусты его заслоняли. Бѣжитъ ко мнѣ Вовинъ пріятель, а за нимъ, прихрамывая, тащится Вова съ какимъ-то просвѣтленнымъ лицомъ.

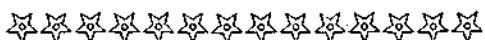
— Вотъ мальчикъ упалъ! кричитъ пріятель. Я стала разспрашивать Вову.

— Я не плакаю, мама! мужчина стыдно плакать...

— А не ушибся ли ты?

— Да, я ушибся (при этомъ онъ показалъ порядочно ушибленное колѣно), — но это ничего: я сейчасъ же всталъ и былъ только немножечко печальный. А потомъ я опять возрадовался.

Л. Леонидова.

Письма изъ провинціи.

Семейно-Педагогический Кружокъ въ г. Симбирскѣ.

Въ началѣ 1903 г. организовался въ г. Симбирскѣ Семейно-Педагогический Кружокъ, — единственное у насть учрежденіе, гдѣ люди различныхъ положеній и взглядовъ сходятся вмѣстѣ, заинтересованные общимъ, всѣмъ имъ близкимъ, дѣломъ — вопросами воспитанія дѣтей. Общество, такъ мало проявляющее свою активную роль въ по-

становкѣ нашихъ воспитательныхъ учрежденій, нашло иѣкоторый выходъ для своихъ давно назрѣвшихъ желаній — обсуждать то, что такъ всѣмъ дорого, — воспитаніе своихъ дѣтей.

Родители, блуждавшіе въ одиночку въ вопросахъ педагогики, спѣшатъ воспользоваться возможностью взаимно обмѣниваться мыслями, своимъ опытомъ, что, если не всегда поучаетъ, то часто заставляетъ глубоко задуматься о многомъ... Можно сказать, что Кружокъ внесъ свѣжую струю въ нашу общественную жизнь, создавъ общую почву для сближенія лицъ, для которыхъ „вопросы жизни“ неразрывно связаны со смысломъ самаго существованія.

Кружокъ возникъ по инициативѣ небольшой группы интеллигентіи. Ихъ голоса раздались въ мѣстной прессѣ, съ призывомъ къ симбирскому обществу объединиться въ дѣло воспитанія дѣтей, организовать „педагогическое общество“. Одинъ изъ авторовъ, указывая на недостатки нашего воспитанія, писалъ: „слѣдуетъ и очень слѣдуетъ по-заботиться о нашихъ дѣтяхъ... нѣть совсѣмъ никакой педагогики въ массѣ даже образованной публики... нерѣдко можно встрѣтить образованныхъ людей, а въ педагогикѣ, какъ говорится, ии аза“... Въ статьѣ, выданной этой замѣткой, другой авторъ говоритъ: „то, что я пишу, для многихъ-многихъ не ново, но что же дѣлать? Надо повторять и хорошія, старыя, забытыя мысли до тѣхъ поръ, пока онѣ не станутъ дѣломъ, не воплотятся въ жизнь... Надо убѣдиться въ ненормальности постановки физического, нравственнаго и умственнаго воспитанія нашихъ дѣтей, — нашего будущаго, — въ необходимости солидарности для выработки и

проведенія въ жизнь лучшихъ началь воспитанія и обученія дѣтей, что уже по нѣкоторымъ вопросамъ осуществлено во многихъ русскихъ городахъ". Далѣе авторъ указываетъ, что въ Симбирскѣ нѣть дѣтскаго сада, площадки для дѣтскихъ игръ, катка, библіотеки дѣтской и педагогической и т. д. За этими статьями слѣдовали статьи другихъ авторовъ и докладъ въ мѣстномъ обществѣ врачей: „Къ вопросу о гигієническомъ воспитаніи дѣтей г. Симбирска", где обрисована была яркими красками печальная судьба большинства симбирскихъ дѣтей. Вскорѣ былъ составленъ уставъ Кружка, который и былъ утвержденъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Изданный Кружкомъ отчетъ за первые одиннадцать мѣсяцевъ его существованія (со 2 февраля 1903 г. по 1 января 1904 г.) даетъ подробное знакомство съ его дѣятельностью. Для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей члены Кружка сгруппировались въ комиссіи: 1) комиссія докладовъ, 2) библіотечная, 3) дѣтскихъ игръ и развлечений, 4) по устройству музея учебныхъ пособій, 5) комиссія для разработки вопроса объ учрежденіи Кружкомъ школы.

Дѣятельность комиссій докладовъ состояла въ привлечениіи лекторовъ, обсужденіи темъ докладовъ и времени ихъ прочтенія. За отчетный періодъ были прочитаны доклады: „Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія", „О лжи вообще и дѣтской въ особенности", „О правильномъ развитіи воли", „Внушеніе и подражаніе, какъ главные факторы вліянія натуръ другъ на друга". Доклады привлекали многочисленную публику, слушавшую ихъ съ живѣйшимъ интересомъ и обсуждав-

шую ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ собраній. Одно изъ собраній Кружка было посвящено торжественному чествованію 50-ти-лѣтнаго юбилея В. Г. Короленко, при чемъ были прочитаны доклады „Воспитательное значеніе произведеній В. Г. Короленко", „Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ В. Г. Короленко" и отрывокъ изъ очерка этого писателя „Не страшное"—о воспитаніи Ивана Рогова. Въ текущемъ году была почтена память Н. К. Михайловскаго особой рѣчью и отправлена телеграмма въ редакцію „Русскаго Богатства" съ выражениемъ сожалѣнія по поводу кончины „неутомимаго борца за правду-истину и правду-справедливость".

Первый годъ существованія Кружка, какъ и должно быть, былъ годомъ многихъ практическихъ начинаній, которыхъ предстоитъ въ будущемъ широкое развитіе. Но нѣкоторыя изъ этихъ начинаній достигли и желательного осуществленія. Такъ, библіотечной комиссіи удалось организовать порядочную библіотеку для воспитателей и дѣтей; въ этомъ въ Симбирскѣ ощущался большой недостатокъ, между тѣмъ общество сознalo необходимость правильной постановки дѣтскаго чтенія, какъ фундамента для развитія и подготовки дѣтей къ серьезному чтенію въ будущемъ.

Начавъ дѣятельность съ ничтожными средствами (членскій взносъ для дѣятельныхъ членовъ—3 р., сотрудниковъ—1 рубль), Кружокъ не смущался этимъ, согласившись съ однимъ изъ инициаторовъ, такъ говорившимъ въ мѣстной прессѣ: „Правда, при проведеніи какихъ-либо мѣропріятій на пользу воспитанія и образования дѣтей и юношества, всегда является указаніе на недостатокъ средствъ. Но возра-

Отчетъ о засѣданіи „Родительскаго Кружка“.

женіе это неосновательно. Въ этомъ дѣлѣ прежде всего необходимъ сознательный трудъ общества, при наличности этого условія, съ самыми небольшими средствами можно сдѣлать многое“. Кружокъ вѣрилъ въ свои силы и въ отзывчивость русской передовой интеллигентіи, къ которой онъ и обратился за содѣйствіемъ. Отклинулись такія лица, какъ покойный Н. К. Михайловскій, А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горкій), Н. Г. Михайловскій (Гаринъ) и др., отклинулись издатели журналовъ и книгъ. Въ результатѣ составилась библіотека изъ 1314 названій, которую Кружокъ разсчитываетъ открыть въ концѣ марта. Въ настоящее время число названій достигаетъ 1,500.

Кружокъ, слѣдуя девизу: больше веселія, радости и общительности въ дѣтской жизни,—организовалъ дѣтскія игры лѣтомъ 1903 г., въ саду, отведенномъ городомъ для этой цѣли. Сюда собирались дѣти съ разныхъ концовъ города, различныхъ семей, и по отзыву комиссіи: „сначала дичившіяся другъ друга, дѣти скоро сошлись между собою и начали принимать дружное участіе въ общихъ групповыхъ играхъ“. Члены комиссіи предпринимали прогулки съ дѣтьми въ окрестности города, въ сады. Зимою 1903 г. былъ устроенъ Кружкомъ катокъ, при чмъ 773 билета были разданы бесплатно бѣднѣйшимъ городскимъ дѣтямъ. Дѣтскія утра не получили рациональной постановки, главнымъ образомъ, потому, что у Кружка нѣть собственнаго помѣщенія. По этой же причинѣ не могла проявить себя и комиссія по устройству музея учебныхъ пособій, хотя ей и удалось привлечь нѣкоторыя пожертвованія.

Итакъ, главнымъ тормазомъ разви-

тія дѣятельности Кружка является неимѣніе собственнаго помѣщенія, на что указываетъ Совѣтъ Кружка въ концѣ отчета, призывая къ „дружному содѣйствію цѣлямъ Кружка, по возможности, всѣхъ его членовъ“.

20 марта 1904 г.

А. Суперанская.

Отчетъ о засѣданіи Родительскаго Кружка 14-го февраля 1904 года ¹⁾.

Д-ръ мед. Р. А. Кацъ прочелъ докладъ „Врожденная слѣпота на слова, какъ причина неуспѣшности въ чтеніи“, который напечатанъ въ этомъ № въ полномъ видѣ.

Затѣмъ В. В. Поворинской былъ сдѣланъ докладъ на тему „Впечатлѣніе матери на выставкѣ „Дѣтскій Миръ“.

Приступая къ изложенію своей темы, докладчица напомнила, что П. А. Литвинскій еще лѣтъ 10 тому назадъ, послѣ первой всероссійской выставки игрушекъ въ Педагогическомъ музѣѣ, предлагалъ собрать все, что относится къ воспитанію дѣтей, и устроить или выставку или музей. Въ настоящее время это было осуществлено на выставкѣ „Дѣтскій Миръ“. Но то обстоятельство, что выставка была организована на коммерческую ногу, составляло одну изъ ея слабыхъ сторонъ, которыхъ было не мало, въ виду новизны этого дѣла. Благодаря коммерческой постановкѣ дѣла, существенно важные и нужные по своему образовательному значенію отдѣлы были отодвинуты въ дальняія залы, о нихъ нужно было разспрашивать и разыскивать, между тѣмъ какъ магазинныя выставки были въ глаза, отвлекали и утомляли вниманіе.

¹⁾ На засѣданіи присутствовали: П. Литвинскій, Н. Карцевъ, шт.-капит. Алексеевъ, О. Вознесенская, д-ръ Кацъ, Л. Тикстонъ, С. Кацъ, А. Вознесенская, М. Тривусъ, Н. Кошкина, В. Поворинская, А. Петрова и нѣсколько гостей.

И какая роскошь и изысканность дѣтскихъ предметовъ, нарядовъ и игрушекъ! При видѣ всей этой выставленной роскоши, многія интеллигентныя матери средняго класса навѣрное вспоминали скромную обстановку ихъ дѣтской и съ горечью думали, какъ много не хватаетъ ихъ дѣтямъ, и какъ, вѣрно, счастливы тѣ матери, которые могутъ всю эту роскошь доставить своимъ дѣтямъ! Но полно, нужно ли все это? Не нужны ли въ дѣлѣ воспитанія всегда и во всемъ принципы простоты и безпритязательности? Кромѣ излишней роскоши магазинныхъ выставокъ, заполняющихъ и загромождающихъ первыя залы, мѣшаетъ, вѣрно, ориентироваться и разрозненность и бессистемность выставки, особенно ея русского отдѣла. Матери, пришедшей чему-нибудь поучиться, а не только поглядѣть на этой цѣнной выставкѣ, приходится приложить не мало стараний, чтобы найти то, что нужно, приходится нѣсколько разъ переходить изъ залы въ залу, изъ одного отдѣла въ другой, чтобы познакомиться съ однімъ и тѣмъ же предметомъ, а на нѣкоторые важные и необходимые вопросы воспитанія и вовсе не найти отвѣта. Отсутствіе лицъ руководящихъ и объясняющихъ много, спосбствовало трудности ознакомленія съ важными и цѣнными отдѣлами выставки. Общее впечатлѣніе отъ выставки: много, слишкомъ много, а разобраться трудно!

Вопросъ о выставкѣ живо затронулъ вниманіе всѣхъ членовъ. Всѣ тамъ были, всѣ имѣли, чѣмъ подѣлиться, у всѣхъ было много материала для обсужденія на тему, затронутую докладчицей и живо всѣхъ интересующую. Особенное внимание возбудилъ вопросъ о дѣтскихъ развлеченіяхъ на выставкѣ.

Н. Л. Кошкина высказалась противъ костюмированныхъ баловъ и призовъ за костюмы. Костюмированные балы и призы развиваются только въ дѣтяхъ тщеславіе и соревнованіе между матерями, а дѣти часто играютъ только пассивную роль, не испытывая удовольствія отъ неудобныхъ, часто дорогихъ костюмовъ, которые нужно беречь.

По поводу дѣтской труппы на выставкѣ и балета присутствующіе высказались крайне отрицательно. Профессиональная дѣтская труппа есть ненормальное явленіе и никакими мотивами оправдываема быть не можетъ. *Штабс-капитанъ Алексеевъ*, принимавшій участіе въ устройствѣ дѣтскаго праздника на выставкѣ, замѣтилъ отъ себя, что это была попытка показать, что и какъ можно устроить. Важно выслушать различные мнѣнія, чтобы выяснить всѣ недостатки и промахи и воспользоваться различными указаніями и совѣтами на будущее время въ этомъ новомъ дѣлѣ устройства дѣтскихъ праздниковъ.

На это *П. А. Литвинскій* возразилъ, что дѣло устройства дѣтскихъ праздниковъ далеко не новое, что вопросъ объ этомъ и принципіально обсуждался въ Педагогическомъ Музѣѣ, въ Родительскомъ Кружкѣ и осуществлялся на дѣлѣ Фребелевскимъ Обществомъ и отдѣльными лицами, но въ настоящее время вопросъ этотъ настолько позабытъ, что теперь при возникновеніи кажется даже новымъ и возбуждаетъ вновь недоумѣнія. Въ слѣдующемъ засѣданіи *П. А. Литвинскій* обѣщалъ сдѣлать докладъ по этому предмету, напомнивъ о томъ, что было выработано принципіально и какъ проводилось въ жизнь. Хотя вопросъ о дѣтскихъ общественныхъ развлеченіяхъ разрабатывался 15 лѣтъ тому назадъ, но запросы и недоумѣнія, возникающіе теперь, указываютъ на то, что принципы, выработанные тогда, сохранили и до сихъ поръ всю свою жизненность и не только еще не проведены въ жизнь, а ждутъ еще этого въ будущемъ. На этомъ закончилось засѣданіе 14 февраля.

A. Петрова.

Поправка: въ отчетѣ о засѣданіи Родит. Кружка, помѣщенномъ въ № 4 „Восп. и Об.“, на стб. 199 слѣдуетъ читать: *М. В. Соболевъ*. Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. (Отзывъ объ этой книгѣ данъ за № 12 въ „Восп. и Об.“ № 2, ст. 122).

Редакторъ-изд. **Алексѣй Альмедингенъ.**

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Юнь — № 6.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 6.

1. Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати. <i>В. Измайлова.</i>	241
2. Что лучше въ цѣляхъ воспитанія: свѣтлая надежды родителей на дѣтей или же родительская безнадежность? <i>Я. Н.</i>	253
3. Здоровыя условия умственного труда и вліяніе на него спиртныхъ напитковъ.	260
4. Опасные для здоровья карандаши . . .	262
5. Ослабленіе работоспособности послѣ заразныхъ болѣзней. <i>А. В.</i>	262
6. Отчетъ о засѣданіи Родительского кружка. <i>А. Петровой</i>	264

Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати.

Цѣлью настоящей хроники дѣтской жизни—служить: дать читателямъ рядъ фактovъ, появляющихся на страницахъ, главнымъ образомъ, нашей ежедневной прессы. Не надо, конечно, забывать, что эта послѣдняя, несомнѣнно, далеко не полно, даже слишкомъ не полно, иллюстрируетъ жизнь дѣтей. По самымъ разнообразнымъ причинамъ,—начиная съ ограниченного числа профессиональныхъ газетныхъ корреспондентовъ, специально интересующихся дѣтской жизнью, и кончая пока еще недостаточно развитою даже въ культурныхъ слояхъ русского населенія общественностью,—въ текущую печать проникаетъ лишь весьма небольшое количество свѣдѣній, касающихся той или иной стороны дѣтской жизни. Тѣ же свѣдѣнія, какія, больше или менѣе случайно, дѣлаются достояніемъ шир-

окой публики, носятъ по преимуществу отрицательный характеръ уже по самому существу нашей ежедневной прессы, имѣющей дѣло, главнымъ образомъ, съ дефектами жизни, на которые необходимо указать, которые необходимо исправить или устранить совсѣмъ.

Необходимо также замѣтить, что въ видахъ болѣе или менѣе систематического подбора имѣющихся подъ руками свѣдѣній, мы будемъ по возможности придерживаться такого порядка: сначала приведемъ случаи, иллюстрирующіе отношенія родителей, родныхъ и вообще самыхъ близкихъ людей къ дѣтямъ (или случаи, вообще наводящіе на мысли объ этихъ отношеніяхъ); потомъ — случаи, характеризующіе отношенія школы, разныхъ дѣтскихъ учрежденій и самого общества къ дѣтямъ, и, наконецъ, — факты изъ жизни дѣтей, такъ или иначе являющіеся показателями того, какимъ образомъ реагируютъ дѣти на отношенія къ нимъ родныхъ, школы и т. д.

Разумѣется, могутъ встрѣтиться случаи дѣтской жизни, которые трудно уложить въ рамки указанныхъ рубрикъ,—такъ, напр., вытекающіе изъ общихъ основныхъ чертъ человѣческой души, или имѣющіе источникомъ глубоко укоренившіеся въ обществѣ предразсудки, привычки,—винтанные, такъ сказать, съ молокомъ матери. Будемъ указывать на наиболѣе интересные и изъ подобныхъ случаевъ.

Нѣкто г. Ильинъ, касаясь въ „Гражданинѣ“ вопроса о воспитаніи дѣтей, высказалъ, между прочимъ, слѣдующій, очень, правда, рѣзкий, но едва ли безосновательный афоризмъ: „въ историческомъ порядкѣ въ семье дѣло проходитъ такъ: сперва оказывается, что родителей нѣть, а потомъ уже получается фактъ, что дѣтей нѣть. Послѣднее дѣйствіе, какъ послѣдствіе первого, есть самоупраздненіе дѣтей“.

Нагляднымъ подтвержденіемъ этого звучащаго парадоксомъ афоризма можетъ служить слѣдующій случай, переданный въ свое время варшавскими газетами:

„11-лѣтняя дочь фабричнаго рабочаго въ дер. Болеславовъ подъ Онатовомъ, Казимира-Валерія Кашевская, напроказивъ дома и боясь строгаго наказанія, сбѣжала отъ родителей въ началѣ ноября. Къ концу мѣсяца бѣдная дѣвочка добралась до Варшавы. Тутъ ее задержала полиція. Казя рассказала, что она сирота и что ее зовутъ Владиславой Скрипчинской. Ее, какъ сироту, помѣстили въ пріютъ. Вскорѣ послѣ этого родные Кази стали ее разыскивать въ Варшавѣ при посредствѣ своихъ знакомыхъ. Узнавъ въ безродной сиротѣ пропавшую Казю, знакомые сообщили о томъ ея отцу. Отецъ приѣхалъ въ Варшаву и отправился въ пріютъ, чтобы забрать дочь, но когда та увидѣла отца, то бросилась бѣжать и черезъ другой входъ выскочила на улицу, а затѣмъ скрылась неизвѣстно куда“.

Не очевидно ли, что рабочій Кашевский былъ для несчастной дѣвочки не отцомъ, любящимъ и благоразумно заботливымъ, а чѣмъ-то въ родѣ ужаснаго пугала, отъ которого неопытный,

беззащитный ребенокъ, не помня себя, готовъ бѣжать, куда глаза глядятъ.

Нельзя, конечно, назвать матерью и женщину, которая повѣсила своего маленькаго сына. Въ „Уральск. Жизни“, не обозначившей источника, откуда заимствовано сообщеніе, читаемъ:

„Въ Сосновицахъ арестована жительница деревни Сельце, Кунегунда Майкъ, замужняя, повѣшившая на деревѣ своего маленькаго сына, который былъ снятъ и приведенъ въ чувство прохожими, замѣтившими своевременно покушеніе на это звѣрское злодѣяніе. Арестованная, не отрицая своей вины, заявила, что продолжительная болѣзнь ребенка толкнула ее на это преступленіе; между тѣмъ свидѣтельскими показаніями выяснено, что Майкъ вела распутную жизнь и несчастный ребенокъ явился для нея помѣхой“.

Это ужъ прямо - таки что-то кошмарное!

Корреспондентъ газеты „Ураль“ пишеть:

„Въ с. Ново-Андреевскомъ Троицкаго у., Оренб. губ., молодая вдова Чудакова, имѣющая двухъ малолѣтнихъ дѣтей, занималась незаконной торговлей водки и пива, и у ней въ домѣ частенько собирались по вече-рамъ мѣстные саврасы, устраивая шумныхъ пьяныхъ оргіи. Сама Чудакова, не отличаясь добродѣтелью жизнью, всегда принимала участіе въ оргіяхъ и имѣла „друга сердца“ въ лице какого-то обветшившаго балаганного акробата, отставшаго отъ какой-то бродячей труппы. Этотъ акробатъ, пользуясь благорасположениемъ, проживалъ довольно долго на ея иждивеніи, но за послѣднее время любовь начала оставывать, и въ описываемый роковой

вечеръ при всей честной, подговарившей компании акробату было предложено убираться изъ дома.

Оскорбленный акробат схватилъ ножъ и всадилъ его Чудаковой въ лѣвый бокъ между реберъ. Смерть наступила моментально".

Корреспондентъ, видимо, имѣлъ въ виду лишь фактъ угощины; но мы просимъ читателя представить себѣ, что именно творилось въ глубинѣ души малолѣтковъ, обреченныхъ быть свидѣтелями пьяныхъ оргий. Впрочемъ, жизнь кишитъ если и не столь рѣзкими, то по своей сущности приближающимися къ данному случаю примѣрами какого-то удивительного, безумнаго небреженія со стороны родителей къ впечатлительной дѣтской душѣ. И если вѣрно, что душа дитя — мягкий воскъ, то не должно показаться страннымъ обилие въ жизни людей съ жесткимъ, холоднымъ сердцемъ, склонныхъ ити по покатой плоскости порока, не способныхъ тронуться чужими слезами.

По мѣткому и картическому выражению Максима Горькаго, дѣти — „цвѣты земли“. Цвѣты? Вѣдь это то самое, къ чему невольно влечется взоръ и любовно протягиваются руки... Жизнь, однако, частенько топчетъ эти „цвѣты“. Корреспондентъ „Одесскихъ Новостей“ пишетъ, напр., изъ г. Николаева слѣдующее:

„Секціей защиты дѣтей обнаружена семейная драма, где невинными жертвами являются дѣти французско-подданного Тибо, который имѣлъ несчастье жениться на мѣстной мѣщанкѣ и сдѣлать ее мачехой своихъ троихъ малолѣтнихъ дѣтокъ. Какъ послѣдняя мучатся — картиино описывается участковый попечитель. По словамъ сосѣдей

Тибо, дѣвочку 6 лѣтъ заставляютъ совершать непосильные работы. Дѣти хронически голодаютъ и нерѣдко вырываются во дворѣ у другихъ малышей кусокъ хлѣба. Голодъ заставляетъ несчастныхъ малютокъ питаться изъ помойной ямы... Въ комнаты, которые занимаетъ семья, дѣтей непускаютъ, а ютятся они на кухнѣ. Отецъ служилъ раньше на заводѣ, теперь безъ мѣста и средствъ; обращался въ пріютъ, чтобы оградить отъ жестокаго обращенія дѣтей, но ихъ не приняли“.

Если жизнь нестричь ненормальными отношеніями родителей къ дѣтямъ, то, разумѣется, не слишкомъ много утѣшительного можно ждать и отъ сообщеній объ отношеніяхъ къ дѣтямъ людей чужихъ, хотя бы даже эти люди и были призваны обществомъ руководить сознательными шагами дѣтей, воспитывать въ дѣятъ стремленіе къ знанію, къ осмысленной жизни.

Въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній г. Баку, по словамъ мѣстной газеты, имѣла мѣсто слѣдующая характерная сценка:

„Учитель математики вызвалъ къ доскѣ ученицу старшаго класса решить задачу.

Задача решена удовлетворительно.

— Садись, говоритъ учитель.

Ученица направилась къ своему мѣсту.

— Па-авольте! останавливаетъ ее учитель.—Вы окончили?

— Да.

— Этого не достаточно! Что еще нужно сдѣлать? спрашиваетъ педагогъ.

Та стоитъ и въ недоумѣніи смотрить то на педагога, то на доску.

— Если не отвѣтите на вопросъ, грозно продолжалъ учитель,—получите единицу!

Весь классъ таращить глаза на учителя и на бѣдную растерявшуюся дѣвочку, у которой вотъ-вотъ слезы готовы брызнутъ изъ глазъ.

Она сдавленнымъ голосомъ заявляетъ, что задачу кончила и что вопроса учителя не понимаетъ.

— Нужно стереть съ доски, решительно заявляетъ учитель.—Вотъ что нужно еще сдѣлать. Садись.

И водружается единица „за незнаніе“.

Эту школу съ педагогомъ — педантомъ „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“ перещеголяла одна изъ сибирскихъ школъ, хотя корреспондентъ „Восточн. Обозрѣнія“ и отмѣчаетъ въ ея жизни вѣкоторый, очень, впрочемъ, своеобразный, „прогрессъ“.

„Въ селѣ Бирюльскомъ лѣтъ 10—15 тому назадъ церковно — приходская школа не особенно гостепріимно принимала дѣтей. Вотъ, напримѣръ, что рассказывалъ одинъ крестьянинъ. Пришелъ онъ, будучи мальчикомъ, въ школу. Задалъ ему священникъ урокъ. На слѣдующій день священникъ спросилъ, что ему задано? Мальчикъ показалъ. „Это тебѣ кто задалъ?“ — спросилъ священникъ. „Ты, батюшка“ — отвѣтилъ мальчикъ. Священникъ пришелъ въ страшную ярость за то, что мальчикъ сказалъ ему „ты“. Онъ взялъ гребенку, которой въ это время расчесывалъ себѣ волосы, вѣпился ею въ волосы мальчика и сталъ его таскать по классу, приговаривая: „Ты, батюшка; ты, батюшка“. „Послѣ этого я въ школу больше не приходилъ“, — добавилъ рассказчикъ.

Съ тѣхъ поръ въ училищѣ произошелъ значительный прогрессъ: за волосы учениковъ не таскаютъ. Учительница держитъ въ рукахъ „палочку“, если кѣмъ-либо недовольна, то бѣть

этой палочкой по головѣ. Есть и болѣе мягкія наказанія — провинившагося ученика ставятъ въ уголъ“.

О, если бы Бирюльская школа представляла изъ себя исключеніе! Намъ сейчасъ припоминается авторитетное заключеніе ученаго комитета министерства народного просвѣщенія по вопросу объ установлѣніи надзора за внѣклассною жизнью учениковъ городскихъ училищъ. Попытка ввести подобное наблюденіе за учениками, живущими въ семьяхъ, по мнѣнію комитета, едва ли можетъ привести къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ и даже можетъ подать поводъ къ столкновенію между родителями и воспитателями учениковъ и вообще испортить отношенія между семьей и школой. Подобный опытъ съ гимназіями и реальными училищами утѣшительныхъ результатовъ не далъ. На основаніи этого, ученый комитетъ высказался въ томъ смыслѣ, что настаивать на регламентациіи внѣкласснаго надзора за учениками нѣтъ необходимости и что низшей школѣ слѣдовало бы больше заботиться о томъ, чтобы самое дѣло обучения въ ней носило строго воспитательный характеръ, чтобы изъ пребыванія въ школѣ ученики вынесли возможно большия нравственныхъ правиль и добрыхъ обычаевъ.

Въ „Вѣстнике Юга“ приведена такая „сценка съ натуры“.

Приводить отецъ своего сына въ мастерскую.

— Будьте ласковы, умоляетъ онъ хозяина мастерской, — сдѣлайте милость, примите моего сына въ ученье...

„Хозяинъ“ небрежно осматриваетъ мальчика, какъ-будто предъ нимъ стоять не существо, умѣющее мыслить, а ничтожное безсловесное созданіе.

— Гм... мальчикъ ничего... заканчиваетъ онъ свой осмотръ.

— Ну, а сколько ты можешь платить за него?.. спрашивается онъ „виповника существованія этого мальчика“.

— Платить? Кому?

— Какъ кому?!.. Минъ за ученіе.

— Будьте милостивы... Я человѣкъ бѣдный!.. Ничего не могу платить...

— Не могу!.. Какъ знаешь!.. Впрочемъ...

„Хозяинъ“ задумывается... Отецъ мальчика умоляюще смотритъ на него...

— Ну, такъ и быть! Мальчикъ мнѣ нравится... Пусть остается въ мастерской... Но знай, что мальчикамъ не сладко живется у меня въ мастерской... Ужъ я самъ не часто ихъ бью... Но мастеровые... Этихъ молодцовъ никакъ не удержишь...

— Что жъ дѣлать?!.. Лишь бы живымъ остался...

— Ничего, не сдохнетъ!.. авторитетно отзыкается одинъ изъ мастеровъ...— И настъ немало били... „За битаго двухъ небитыхъ даютъ“...

Теперь беремъ первыя попавшія корреспонденціи, могущія служить иллюстраціей того, какъ дѣти съ своей стороны, сознательно или безсознательно, реагируютъ на описанное отношение къ нимъ взрослыхъ. Мы говоримъ: реагируютъ,—потому что вѣдь, въ сущности, въ каждомъ проступкѣ дитяти или юноши прежде всего надо видѣть слѣдствіе воспитанія и среды, нерѣдко холодной, а подчасъ и жестокой среды, въ которой отсутствуютъ высшіе духовные интересы.

„Проживающій въ Ригѣ купецъ, читаемъ въ мѣстной газетѣ,—заявилъ жандармской полиції о побѣгѣ своего

сына, 16 лѣтъ. Бѣглецъ захватилъ крупную сумму денегъ и три чужихъ паспорта“.

Въ Кіевѣ, по словамъ „Кіевлянина“, не особенно давно имѣлъ мѣсто фактъ ножевой расправы между мальчиками.

„Около дома проходила компанія школьніковъ отъ 10-ти до 12-лѣтняго возраста, и между мальчуганами изъ-за какого-то пустяка произошла драка. Столкновеніе окончилось тѣмъ, что одному изъ драчуновъ ножомъ была нанесена, неизвѣстно кѣмъ, довольно значительная рана въ спину. Мальчуганы разбѣжались, а къ раненому мальчику былъ вызванъ врачъ общества скорой медицинской помощи. Жизнь мальчика, къ счастью, виѣ опасности“.

Въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко говорятъ: „это едѣлано въ пылу запальчивости и раздраженія, а потомъ же: дѣти!“ Но почему же мы видимъ не мало людей, которые въ самой сильной степени раздраженія органически не могутъ ударить человѣка? И дѣти таکія есть. Для настъ представляется несомнѣннымъ, что во всякой здоровой душѣ всевластно царить отвращеніе къ насилию. И тѣмъ здоровье душа, тѣмъ въ болѣе интенсивной, яркой формѣ проявляется это отвращеніе. Здоровый, неиспорченный человѣкъ отстаиваетъ свое „я“ и свое право на жизнь и счастье трудомъ, неуклоннымъ стремленіемъ къ истинно человѣческому существованію. И неиспорченныя дѣти— точно также далеки отъ возможности прибить кого-либо, ударить ножомъ и т. д., имъ незнакомо или почти незнакомо чувство залобленности; ихъ широко-открытые, вопрошающіе глаза не устаютъ смотрѣть на многообразныя явленія природы и жизни, а сердца,—здоровыя, чистыя сердца,—

полны любви и нежности. Все это, если хотите, банальная истина, всемъ известная, но она такъ нерѣдко забываются и ихъ необходимо повторять почаще! Но вернемся къ фактамъ.

По словамъ „Судебн. Обозрѣнія“, „16 января 1904 г. присяжные засѣдатели въ гор. Мокшанѣ судили крестьянскаго мальчика дер. Нагорной Пелетъми Дмитрія Муразанова, 13 лѣтъ, который въ ночь на 14 мая 1903 г., въ селѣ Михайловскомъ, поджогъ церковно-приходскую школу, а отъ этого сгорѣла церковь съ иконостасомъ, застрахованнѣмъ въ 1,500 руб., такъ что убытку произошло на 12,000 руб. Въ то время не совсѣмъ еще окончились экзамены въ школѣ и была страдная пора...

Въ этомъ поджогѣ сознался полиціи, при слѣдствіи и на судѣ, ученикъ Дмитрій Муразановъ.

Въ день поджога Муразановъ въ десятомъ часу вечера пробрался во второй этажъ, где помѣщались школа и церковь. Школа была заперта. Черезъ незапертую колокольню Муразановъ пролѣзъ на чердачъ, поставилъ свѣчку на балку, обложилъ ее сухими галочными гнѣздами и зажегъ, а самъ ушелъ въ общежитіе.

Тяжело было видѣть на скамье подсудимыхъ ученика той же подожженной имъ школы... А защищавшій мальчика совмѣстно съ кандидатомъ на судебнѣя должности его отецъ, Алексѣй Муразановъ, изъ зажиточныхъ старообрядцевъ, проливалъ слезы... Отецъ утверждалъ, что его сына научили поджечь его же товарищи, вызванные въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Заѣпинъ и Желѣзовъ, изъ которыхъ Желѣзовъ будто бы и самъ когда-то покушался поджечь школу... Такое неожиданное объясненіе, однако,ничѣмъ

по дѣлу не подтвердилось. А если бы это было такъ, то хороша же должна быть школа, которую то и дѣло поджигаютъ ученики!

Подчеркнувъ въ напутственной рѣчи присяжнымъ, что самый трудный вопросъ по этому дѣлу—совершилъ ли Муразановъ поджогъ съ разумѣніемъ, и объяснивъ на примѣрахъ, какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе,—предсѣдательствующій членъ суда, между прочимъ, высказалъ, что нравственную отвѣтственность за такой прискорбный фактъ, какъ поджогъ школы, вслѣдствіе чего сгорѣла и церковь, конечно, долженъ нести и, повидимому, уже несетъ отецъ этого поджигателя, нынѣ проливающій слезы, т. к. дѣтей прежде всего нужно умѣло воспитывать, а потомъ учить... Кое въ чёмъ можно было бы упрекнуть и школу, которая не внушила своему ученику добрыхъ чувствъ къ людямъ и къней самой, какъ общественному просвѣтительскому учрежденію,—не внушила ему сознанія своихъ обязанностей и представлений о послѣдствіяхъ задуманнаго зла...

Присяжные оправдали мальчика-поджигателя“.

И благоразумно, конечно, поступили, добавимъ отъ себя, такъ какъ всего вѣроятнѣе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ болѣзненно чувствительнымъ и въ то же время озлобленнымъ мальчикомъ. Вѣдь не ради же простого самодовлѣющаго удовольствія поджигалъ онъ? Озлобило же его, разумѣется, то, что служило, служить и будетъ служить источникомъ озлобленности человѣка: отсутствіе вокругъ его здоровой атмосферы участія, благорасположенности и уваженія къ личности. Личность въ ребенкѣ необхо-

димо уважать въ столь же высокой степени, какъ и личность въ человѣкѣ взросломъ. Если дитя— „цвѣтокъ земли“, такъ не слѣдуетъ мять его, иначе— этотъ „цвѣтокъ“ не разовьется въ плодъ, т.-е. въ сильную, самостоятельную, уважающую себя, любвеобильную личность. Это будетъ безцвѣтное, пошлое, безъ тѣни оригиналности, существо.

B. Измайлова.

Что лучше въ цѣляхъ воспитанія: свѣтлые надежды родителей на дѣтей или же родительская безнадежность?

Видя вопросъ, поставленный въ заголовокъ статьи, иной читатель скажетъ: „Родителямъ тутъ выбора вовсе не предоставлено; на способныхъ и хорошихъ дѣтей они возлагаютъ свѣтлые надежды, а за неспособныхъ и дурныхъ они отчиваются. Умственными и нравственными качествами дѣтей опредѣляются или радостная ожиданія, или печальная безнадежность родителей, а свободного выбора тутъ нѣть и не можетъ быть.“—

Такой отвѣтъ на вопросъ можетъ показаться сразу какъ-будто бы вполнѣ послѣдовательнымъ и основаннымъ на дѣйствительныхъ жизненныхъ началахъ, но хотя бы только нѣкоторое вниманіе къ бiографiямъ выдающихся людей, поэтовъ, художниковъ, писателей, ученыхъ и проч., указываетъ, что онъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Каждый, читавшій жизнеописанія героевъ мысли, творчества и даже обыкновенного широкаго практическаго дѣла, знаетъ, какъ рѣдко дѣтство этихъ лю-

дей соединяютъ съ большими упованіями на нихъ со стороны родителей и воспитателей. Напротивъ, извѣстно даже, что, какъ дѣти, они нерѣдко встрѣчались не только съ недовѣріемъ къ ихъ силахъ и къ ихъ душевнымъ качествамъ, но и съ прямымъ осужденіемъ этихъ силъ и качествъ. Такіе отрадные факты, какъ любвеобильная могучая поддержка дѣтства будущаго великаго человѣка со стороны родственниковъ, какая выпала на долю нашего Пушкина, или со стороны матери, какъ въ дѣтствѣ великаго Гёте, или, наконецъ, даже со стороны всѣхъ окружающихъ, какъ въ цѣломъ ряду поколѣй выдающихся математиковъ и астрономовъ Бернулли,—встрѣчаются очень рѣдко въ бiографiяхъ, а противоположные имъ факты, вплоть до преслѣдованія и наказанія дѣтей за склонности, которыхъ сдѣлали впослѣдствіи великими людьми,—сплошь и рядомъ. „Тупицами“ на вѣки считали часто будущихъ великихъ мыслителей и „скверными“, безхарактерными мальчишками будущихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей; къ способнымъ „портить“ только материалъ, нужный въ искусствѣ, причисляли въ дѣтствѣ многихъ будущихъ художниковъ, творенія которыхъ покрыты неувядаемой славой. Не мало также и такихъ выдающихся людей, которыхъ дѣтство сложилось въ силошное мученичество за черты въ умѣ, характерѣ и склонностяхъ, сдѣлавшіяся впослѣдствіи благодѣяніемъ для ихъ родины или человѣчества.

Какое обиліе силъ должна же содержать природа дитяти, чтобы пре-взмочь утвержденія старшихъ о ея неспособности, и сколько имѣвшихся ея силъ неизбѣжно должно было бы-

ряться дитятей отъ этого утверждения! Нѣтъ вѣдь сомнѣнія, что ходячая фраза: „талантъ всегда, при всѣхъ условіяхъ выбѣтъ наружу—“ заключаетъ въ себѣ порядочную долю банальщины, безразсудно повторяемой, и нѣть сомнѣнія, напротивъ, что есть многочисленныя условія, при которыхъ человѣческія способности удушаются или такъ тяжко тормозятся, что онѣ исчезаютъ, не находя себѣ исхода. Къ такимъ условіямъ принадлежать, между прочимъ, также увѣренія старшихъ въ неспособности дѣтей и, особенно, практика помѣхъ къ проявленію способностей. Настоятельными присказками, какъ: „ты неспособенъ“ или „неспособна“, „у тебя не хватить на это терпѣнія или умѣнія“, а также въ родѣ того, что: „съ твоей безтолковостью незачѣмъ за это и браться“—вылущиваются изъ тысячи дѣтей не одни только задатки благотворныхъ способностей, но и готовыя душевныя ихъ силы. Имѣются вѣдь границы борьбы, въ которой участвуютъ физическая силы, такъ почему же нѣть предѣла могуществу душевныхъ способностей, заключающихся въ природѣ дитяти? Выраженіемъ недовѣрія къ этимъ способностямъ, глумленіемъ, а иногда и насмѣшкою надъ ними, повторяемыми долго и часто, неуклонно и достигается въ большей или меньшей степени результація душевнаго вылущивания. Ребенокъ не носить въ своей душѣ готовыхъ плановъ для осуществленія зреющей въ немъ способности, какъ не носять ихъ обыкновенно и взрослые для уже созрѣвшихъ у нихъ силъ, и отношения къ ней родителей или воспитателей являются часто прямымъ рѣшающимъ началомъ въ смыслѣ развитія дѣтской способности или пре-

грады къ ней. Очень часто такія отношенія выливаются въ форму болѣе чѣмъ временной преграды, а настоящаго и безповоротнаго уничтоженія тѣхъ или другихъ душевныхъ силь дитяти.

Но развѣ лучше, спросить, питать дѣтей представлѣніями объ ихъ способностяхъ, которыми они могутъ вовсе не обладать? Не отвѣтъ пока подробнѣ на этотъ вопросъ, скажемъ: да, лучше даже это, чѣмъ отрицаніе дѣтскихъ душевныхъ силъ и рессурсовъ. Очень многие воспитатели, кажется, больше всего страшатся вызвать у дѣтей преувеличенное миѳіе о дѣтскихъ силахъ и, частью въ видахъ выработка душевной скромности у нихъ, частью во избѣженіе легкомыслія, всегда создаваемаго будто бы ложнымъ понятіемъ о собственной силѣ, всевозможнѣ стараются, чтобы дѣти „не слишкомъ довѣряли себѣ“, чтобы не представляли себѣ своихъ способностей въ не свойственномъ имъ свѣтѣ. Мало того: воспитатели предпочитаютъ тутъ пересолить, чѣмъ недодать соли. „Тише ъдешь, дальше будешь“, говорятъ самые благоразумные изъ нихъ, и дѣтскія силы измѣриваются возможнѣ разсчитаніе, возможно скуче, а есть, къ несчастью дѣтей, и такие радикалы, которые принимаютъ за лучшую педагогическую мѣру усиленно доказывать дѣтямъ ихъ общую душевную неспособность, точно бы ихъ физическое безсиліе въ сравненіи съ взрослыми людьми. Ежеминутное нерѣдко напоминаніе о недостаткѣ или полномъ отсутствіи силъ, нужныхъ дитяти, кладутъ свою зловѣщую печать на дѣтскую душу, и въ этомъ случаѣ родители и воспитатели, сами того не подозрѣвая, напоминаютъ тѣхъ безтол-

ковыхъ или злющихъ учителей въ учебныхъ заведеніяхъ прежняго времени, которые своими поспѣшными окриками и приговорами по отношению къ ученикамъ дѣлали послѣднихъ вполнѣ неспособными къ ученью и вообще къ какому-нибудь классному порядку. Въ „Очеркахъ бурсы“ Помяловскаго и въ разныихъ литературныхъ мемуарахъ, относящихся къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія, и даже позднѣйшихъ, имѣются цѣлые ряды такихъ „незабвенныхъ“ педагоговъ доброго старого времени. Они являлись Божьимъ истиннымъ бичомъ цѣлыхъ поколѣній, не таковыми ли на самомъ дѣлѣ являются для дѣтей родители и воспитатели, упрямо отрицающіе, въ видахъ дѣтской скромности, наличность такъ или иначе прорывающихся дѣтскихъ силъ и способностей. Между преувеличаньемъ мнѣнія дитяти о своихъ способностяхъ и отрицаніемъ послѣднихъ лежитъ такое громадное пространство, что всякий внимательный и непредубѣждennyй воспитатель легко найдетъ широкія безчисленныя ступени, которыя разграничиваются ихъ, и тѣ изъ воспитателей или воспитательницъ, которые не хотятъ „свѣта погашать“, всегда замѣтятъ, гдѣ признаніе дѣтской способности совсѣмъ не представляетъ преувеличенія мнѣнія о ней. Родителямъ свойственно тутъ ошибаться, конечно, но нѣть сомнѣнія, что предпочтительнѣе въ настоящемъ случаѣ ошибка въ невѣрномъ предположеніи о существованіи тѣхъ или другихъ способностей у дитяти, чѣмъ въ отрицаніи ихъ. Первая легко поправима, такъ какъ она неизбѣжно будетъ указана самой жизнью, а другая, какъ отрицаніе, сразу хоронить подъ собою жизненные

силы и не дастъ имъ возможности проявляться.

Кромѣ того, есть несомнѣнно и вообще творческая сила въ взаимномъ довѣріи людей, какъ есть сила противоположная въ людскомъ недовѣріи и взаимномъ порицаніи. Та и другая ярко до ощущительности выступаютъ въ отношеніяхъ родителей и воспитателей къ дѣтямъ. Если довѣріе будить, развиваетъ и укрепляетъ способности дитяти, то недовѣріе всегда коверкаетъ или совсѣмъ уничтожаетъ послѣднія. Въ одномъ случаѣ качество, проявившееся у ребенка, получаетъ въ родительскомъ одобреніи опору для дальнѣйшаго развитія, а въ другомъ — явную преграду, освященную авторитетомъ старшаго человѣка, которому дитя привыкло слѣпо подчиняться. „Но нельзя же одобрять, скажутъ, проявленія разныхъ дурныхъ способностей дѣтей.“ Несомнѣнно, но прежде всего нужно еще хорошенько разобраться въ томъ, дурная или хорошая дѣтская способность проявляется въ данномъ случаѣ. Определенія дѣлаются обыкновенно очень живо и легко, но нужно бы не спѣшить ими, стараясь вдуматься, нѣть ли ошибки въ определеніи.

Общий же выводъ изъ приведенныхъ соображеній, выводъ не въ смыслѣ только доброжелательства по отношению къ дѣтямъ, а правила, диктуемаго рациональной педагогіей, можетъ быть лишь слѣдующій: приговоръ о дѣтской неспособности долженъ слѣдовать, какъ въ безпристрастномъ судѣ, только по внимательномъ всестороннемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся жизни дитяти, и тѣхъ его проявленій, которыя относятся къ данной способности. Родительская безнадежность почти всегда, почти безъ исключе-

чения, является неумѣстной, такъ какъ исключенія даются тутъ лишь явными формами дѣтской болѣзnenности, а общіе и постоянные факты—сложнымъ и богатымъ содержаніемъ человѣческой природы, то прорывающимъся, то не замѣтило тѣлощимъ въ душѣ дитяти. Несравненно большие у мѣста будутъ въ дѣтскомъ воспитаніи—свѣтлые надежды родителей на дѣтей. Онѣ очень часто могутъ содѣйствовать развитию дѣтскихъ силъ и только очень рѣдко создаютъ какія-нибудь вредныя иллюзіи въ душѣ дитяти. Сопровождаemыя родительскими надеждами, имѣющіяся способности дѣтей укрѣпляются, находя въ нихъ одобрение, а иллюзорныя проявляютъ такъ или иначе свою прозрачность. Никогда еще педагогія въ ея лучшихъ представителяхъ не была за родительское недовѣріе къ дѣтскимъ силамъ, а всегда, напротивъ, за возможную поддержку таковыхъ. У Жанть-Жака Руссо, у Песталоцци, какъ раньше у Коменскаго, имѣлись строгія страницы по адресу родителей и воспитателей, склонныхъ къ самообману насчетъ дѣтскихъ качествъ и силъ, но ни одной своей строкою они не одобряютъ недовѣрія къ дѣтямъ и, особенно, родительской безнадежности по отношенію къ нимъ. Вместо того, имѣются у нихъ, напротивъ, безчисленныя замѣчанія о несомнѣнной плодотворности какъ скрываемыхъ, такъ и нескрываемыхъ надеждъ родителей на способности и качества дѣтей. Временные случайныя ошибки, вызываемыя напрасными упованіями, искушаются, какъ постоянной нормой, цѣлыми рядами ежедневныхъ фактovъ полезнаго вліянія ободренія дѣтей, заключающагося въ родительскомъ довѣріи къ ихъ силамъ, качествамъ и

способностямъ. Самое это довѣріе содѣжитъ въ себѣ созидающую силу, тогда какъ родительская безнадежность неизбѣжно хранить въ себѣ противоположную, мертвящую силу. Какимъ же страннымъ родителямъ можетъ понадобиться послѣдняя?

Я. П.

Здоровыя условія умственнаго труда и вліяніе на него спиртныхъ напитковъ.

Общество трезвости въ городѣ Копенгагенѣ выработало цѣлый рядъ правилъ для учащихся во избѣженіе вреднаго вліянія на здоровье ихъ неправильной обстановки умственныхъ занятій. Правила составлены были 9 лицами: шестью профессорами и доцентами университета, двумя первыми вратами и однимъ учителемъ. Такъ какъ правила эти цѣнны не только для учащихся средней школы, но и для дѣтей въ пору дошкольнаго воспитанія, т.-е. для мальчиковъ и девочекъ и отроческаго, и болѣе ранняго возраста, то ознакомленіе съ ними слѣдуетъ признать весьма полезнымъ на все продолженіе времени ученья, какъ въ школѣ, такъ и въ домѣ родителей.

Основное правило умственнаго труда то, что отъ отдохнувшаго и свѣжаго мозга можно требовать больше и болѣе цѣнной работы, чѣмъ отъ мозга работавшаго и утомленнаго. (Цѣлый рядъ опытовъ показалъ, что группа учащихся, сдѣлавшая предъ началомъ уроковъ, среднимъ числомъ, 47 ошибокъ при диктовкѣ, дошла послѣ 3 часовыхъ непрерывныхъ занятій, при диктовкѣ столь же продолжительной и столь же

трудной, до 80 ошибокъ). Въ особенности же оказывается это наглядно при подготовлении къ экзаменамъ, когда требуются соображеніе и усвоеніе, а не механическое зазубривание наивозможно большаго числа свѣдѣній. Многіе плохіе результаты испытаний обусловливаются, во всякомъ случаѣ, до извѣстной степени, нерациональнымъ способомъ репетированія, да и связанными съ нимъ переутомленіемъ и нервностью. Вотъ почему учащемуся

1) необходимо правильный и вполнѣ достаточный сонъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 8 часовъ; равнымъ образомъ недопустимъ поздній срокъ отхода ко сну;

2) при мелкихъ паузахъ во время чтенія работа оказывается относительно болѣе производительной. Опыты показали, что молодые люди, производившіе въ теченіе первого получаса около 2500 сложеній, дѣлали во вторые полчаса безъ паузъ только 2100 сложеній, а съ пятиминутной паузой до 2400-хъ;

3) ежедневно необходимо каждому не менѣе 2 часовъ спокойной прогулки на чистомъ воздухѣ;

4) пища должна быть достаточна, питательна и удобоварима. Надо заботиться, чтобы пищевареніе было въ порядкѣ, и сохранять умѣренность въ употреблении кофе и чая;

5) главное же, не нужно думать, что спиртные напитки (вино, водка, пиво и т. п.) дѣйствуютъ укрепляющимъ или возбуждающимъ образомъ. На основаніи точныхъ научныхъ изслѣдований, слѣдуетъ признать безспорнымъ, что подобное дѣйствіе алкоголя есть не что иное, какъ чистое самобольщеніе. Хотя и воображаютъ, что отъ алкоголя работа идетъ лучше и

быстрѣе, однако, на дѣлѣ выходитъ, что даже послѣ малыхъ дозъ его способность воспріятія и соображенія безусловно слабѣеть. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ слѣдующій опытъ: нѣсколько человѣкъ ежедневно по получасу заучивали въ продолженіе 19 дней слѣдующія числа: а) въ первые 5 дней безъ алкоголя число заученныхъ знаковъ повысилось съ 629-ти до 1572-хъ; б) въ дальнѣйшіе 6 дней съ алкоголемъ количество ихъ съ 1572-ти упало до 476-ти; с) въ слѣдующіе 6 дней безъ алкоголя оно возрасло съ 476-ти до 2310-ти и д) въ послѣдніе 2 дня съ алкоголемъ понизилось съ 2310-ти до 948-ми.

Опасные для здоровья карандаши.

Оказывается, что желтые карандаши часто бываютъ окрашены хромово-кислымъ свинцомъ и притомъ такъ сильно, что, будучи пробуемы языкомъ — какъ это нерѣдко дѣлается дѣтьми,— могутъ прямо вести къ хроническому отравленію свинцомъ. Пока мы дождемся полицейского распоряженія объ изъятіи подобныхъ карандашей изъ продажи, не мѣшало бы родителямъ и врачамъ относиться съ осторожностью къ такимъ карандашамъ и не давать ихъ дѣтямъ ни въ школѣ, ни въ собственномъ домѣ.

Ослабленіе работоспособности послѣ заразныхъ болѣзней.

При заболѣваніи заразною болѣзнью обыкновенно обращается вниманіе со стороны родителей, да большею частью и врачей, на изолированіе и на лѣченіе,

а затѣмъ ребенокъ, оправившись и получивъ удостовѣреніе о полномъ выздоровлениі, отправляется въ школу и вступаетъ попрежнему въ отправление своихъ ученическихъ правъ и обязанностей. А между тѣмъ, у выздоровѣвшаго отъ заразной болѣзни ребенка весьма нерѣдко оказываются болѣе или менѣе значительные недочеты, какъ въ тѣлесномъ, такъ и умственномъ и нравственномъ отношеніи.

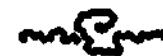
Всѣ заразныя болѣзни, преимущественно же тѣ, которыя сопровождаются значительнымъ и продолжительнымъ повышениемъ температуры тѣла, весьма сильно нарушаютъ дѣятельность всѣхъ органовъ и тканей, въ особенности же дѣятельность самой чувствительной ткани—мозговой. У оправившагося отъ болѣзни ребенка не воспроизводятся въ памяти многочисленныя свѣдѣнія и навыки, какими онъ обладалъ до заболѣванія; умственная работоспособность его сильно понижается, утомляемость увеличивается. Дѣти становятся не только невеселыми, но прямо нѣспособными къ умственному труду; несмотря на величайшія усиленія, у нихъ ничто не спорится; равнымъ образомъ у нихъ нарушается привычное душевное настроеніе: они угрызмы, печальны, раздражены.

Случается, что усиленість классныхъ занятій страдаетъ отъ такихъ учениковъ, и сотоварищамъ рановременно явившагося въ школу ученика приходится всѣмъ жертвовать ради него—одного—своимъ временемъ, трудомъ, столь драгоценными въ годы ученья.

Въ виду означенныхъ соображеній, родителямъ слѣдовало бы, въ случаяхъ заболѣванія ребенка любой острой заразной болѣзнью, озабочиваться не

только мѣрами лѣченія больного ребенка, но и ручательствомъ со стороны пользовавшаго его врача въ томъ, что выздоровѣвшій ребенокъ можетъ спокойно ходить въ школу и заниматься попрежнему, не вредя своему тѣлесному и умственному здоровью и не нарушая текущихъ классныхъ занятій своихъ сотоварищей.

A. B.

Отчетъ о засѣданіи Родительского Кружка 13-го марта 1904 года ¹⁾.

П. А. Литвинскій, напоминая присутствующимъ членамъ о томъ, что въ нынѣшнемъ мартѣ исполнилось 20 лѣтъ со времени возникновенія Родительского Кружка, сдѣлалъ докладъ о томъ, что было предметомъ занятій о дѣятельности Кружка за это время, озаглавивъ его „Обзоръ дѣятельности Родительского Кружка за 20 лѣтъ“.

Родительский Кружокъ возникъ при Педагогическомъ музѣѣ. Составился онъ людьми, которые находили, что пора серіозно взяться за вопросы воспитанія дѣтей, выяснить принципіальные взгляды на воспитаніе, определить задачи его и проводить выработанное въ жизнь. Ближайшимъ занятіемъ Кружка были наблюденія надъ дѣтьми, велись даже записи наблюденій, особенно физического развитія дѣтей. Вмѣстѣ съ практической работой наблюденій велась и теоретическая; была выработана программа наблюденій за ребенкомъ и его физической и душевной жизнью, составлялась, по группировкѣ фактовъ, история раз-

1) На засѣданіи присутствовали: А. Н. Альмедиңгент, П. Литвинскій, прот. А. Маляревскій, П. Каптеревъ, Ю. Протопопова, А. Штакельбергъ, Н. Кошкина, А. Виреніусъ, Н. Карцовъ, А. Нечаевъ, А. Петрова и нѣсколько человѣкъ гостей.

Отчетъ о засѣданіи „Родительскаго Кружка“.

витія ребенка. Вначалѣ Кружокъ даже носилъ название „Общества для наблюденія за развитіемъ дѣтей“.

По мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигала новые вопросы и задачи, Кружокъ расширялъ рамки своей дѣятельности и включать въ число своихъ занятій новыя стороны дѣтской жизни. Такъ, по мысли и инициативѣ Кружка въ 1890 г. при Педагогическомъ музеѣбылаустроена первая всероссійская выставка игрушекъ. Была составлена витрина рекомендованыхъ музеемъ игрушекъ. Здѣсь выяснилось важное воспитательное значеніе игрушекъ.

Вопросъ объ общественныхъ дѣтскихъ праздникахъ разбирался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Родительского Кружка, былъ прочитанъ докладъ о томъ, какія общественные развлечения могутъ быть допущены, какъ общественные дѣтскія развлечения. Доклады, читанные въ Родительскомъ Кружкѣ, печатались или въ періодическихъ изданіяхъ, или же выходили въ видѣ брошюры. Многіе изъ членовъ Кружка приняли участіе въ „Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія“, явившейся какъ результатъ работы по вопросамъ воспитанія.

Таково, въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ, содержаніе доклада. Изложивъ исторію Родительского Кружка, докладчикъ выразилъ мнѣніе, что главная задача Кружка, наблюденія надъ дѣтьми, вошла въ наше время въ новую фазу. Наблюденія, имѣвшія семейный характеръ, переходятъ въ руки специалистовъ, вооруженныхъ научными методами и знаніями.

Наука о воспитаніи принимаетъ болѣе научное и болѣе широкое значеніе и развитіе. Подобно тому, какъ медицина, развиваясь, постепенно выдѣлила изъ себя различныя отрасли, такъ и наука о воспитаніи выдѣлила изъ себя новую отрасль—педагогію, которая наблюденія надъ ребенкомъ поставить въ научную обстановку. Возникаетъ вопросъ о дальнѣйшей дѣятельности Родительского Кружка. Не лучше ли ему соединиться вновь съ возникшимъ Педагогическимъ Обществомъ при Педагоги-

ческомъ музеѣ и сообща работать въ области наблюденій надъ дѣтьми.

Въ послѣдовавшемъ за докладомъ обмѣнѣ мнѣній выяснилось, что большинство членовъ Кружка стоять за то, что Родительскій Кружокъ имѣть свои собственныя задачи и цѣли, не совпадающія съ задачами Педагогического Общества.

Д-ръ А. С. Виреніусъ выразилъ мнѣніе, что однимъ изъ вспомогательныхъ занятій Кружка могло бы быть сообщеніе того, что пишется о воспитаніи въ иностраннѣхъ журналахъ и вообще въ иностранной литературѣ. Это дало бы новую пищу дѣятельности Родительского Кружка.

П. О. Каптеревъ замѣтилъ, что дѣятельность Р. К. вызвала къ жизни провинціальные родительскіе кружки, которые создавались по примѣру петербургскаго и возникаютъ сейчасъ. Это указываетъ на жизненность этой формы общенія между родителями, и къ ней обращаются, какъ только является серіозный взглядъ по дѣлу воспитанія дѣтей. Теперь наблюденія надъ дѣтьми принимаютъ болѣе серіозный, болѣе научный характеръ и требующій большей подготовки. Эти двѣ формы наблюденій надъ дѣтьми являются сообразно двумъ слоямъ культурной жизни, семѣнному и научному. И эти двѣ формы могли бы объединиться. Желательно было бы Родительскій Кружокъ расширить, оживить, не слить, а поставить въ тѣсную связь съ педагогическимъ отдѣломъ. Семейные наблюденія надъ однимъ ребенкомъ и нѣсколькими имѣютъ очень важное значеніе по своей индивидуальности, кромѣ того, имѣютъ и общий интересъ, такъ какъ психологія одного ребенка по типу приближается къ общему характеру. Практическое же значеніе семейныхъ наблюденій состоять въ томъ, что поможетъ решать此刻 же насущные вопросы воспитанія.

Поддерживая мнѣніе П. О. Каптерева, Н. С. Карцовъ сказалъ, что дѣятельность Р. К. сыграла значительную роль въ дѣлѣ семейнаго воспитанія въ Петербургѣ, имѣла влияніе и на провинцію,

такъ какъ доклады Кружка и отчеты о дѣятельности его печатались все время въ газетахъ и журналахъ. Кроме докладовъ Кружка, не меньшее значеніе для родителей и воспитателей имѣли тѣ мнѣнія, которыя можно было выслушать о различныхъ вопросахъ воспитанія, о дѣтскомъ чтеніи, о прогулкахъ, о развлеченіяхъ и много другихъ вопросовъ, которыя совсѣмъ не войдутъ въ кругъ занятій Педагогического Общества.

На этомъ закончились обсужденія дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности. Всѣ согласились въ томъ, что нужно привлечь новыхъ членовъ, молодыхъ родителей, для которыхъ вопросы семейного воспитанія жизнетрепещущи въ данный моментъ.

Затѣмъ П. А. Литвинскимъ былъ прочитанъ обѣщанный докладъ „Объ общественныхъ развлеченияхъ дѣтей“.

Вопросъ объ общественныхъ развлеченияхъ дѣтей распадается на слѣдующіе отдѣльные вопросы. Чѣмъ слѣдуетъ развлекать дѣтей? Насколько полезно или вредно каждое изъ существующихъ дѣтскихъ развлечений? Какія существуютъ общественные развлечения, въ которыхъ могутъ принимать участіе дѣти?

Всѣ развлечения интеллигентной публики можно сгруппировать въ слѣдующіе пять большихъ отдѣловъ:

I. Развлечения, устраиваемыя для людей съ извѣстной степенью физического развитія: *танцы, спортъ*.

II. *Балетъ, феерія, живыя картины, устраиваемыя для людей съ эстетически-развитымъ зрѣніемъ.*

III. *Опера, концертъ—для людей съ эстетически-развитымъ слухомъ.*

IV. *Драматическія представленія—для людей, знающихъ дѣйствительную жизнь, интересующихся вопросами изъ жизни.*

V. *Публичные лекціи, выставки, экскурсіи—для людей научно-развитыхъ, способныхъ воспринимать новыя свѣдѣнія.*

Большая часть этихъ развлечений занимаютъ вечера и даже часть ночи, время, свободное отъ обязательной дневной работы. Всѣ они имѣютъ въ виду

человѣка зрѣлого, съ определеннымъ запасомъ физическихъ и умственныхъ силъ, который способенъ относиться критически къ предлагаемому ему развлечению.

Въ развлеченияхъ взрослыхъ нерѣдко принимаютъ участіе и дѣти старшаго возраста. Къ этимъ развлечениямъ дѣтей можно допускать съ извѣстной осмотрительностью. Дѣти даже старшаго возраста не всегда достаточно развиты, чтобы выносить безнаказанно удовольствія, соразмѣренныя съ силами взрослого человѣка. Не давая необходимаго отдыха, такія развлечения могутъ еще болѣе утомлять и истощать ихъ неокрѣпшій организмъ. Посѣщеніе театровъ въ позднее время, болѣе пригодное для сна, чѣмъ для бодрствованія, продолжительное слушаніе пѣнія и музыки, смотрѣніе фантасмагорій балета чрезмѣрно возбуждаютъ нервную систему дѣтей; они долго не засыпаютъ послѣ посѣщенія театра, спать тревожно и даже, на другой день чувствуютъ себя неспособными углубиться снова въ обыденную школьную работу. Дѣти, участвующія въ танцевальныхъ вечерахъ, подвергаются еще новой опасности: ослабленію умственному и физическому отъ преждевременного физического созрѣванія.

Дѣти умственно развитыя, посѣщающія драматическія представленія безъ надлежащаго выбора, въ особенности пьесы съ реальнымъ направленіемъ, могутъ, не зная жизни, не понять ихъ и вынести превратныя понятія о жизни и людяхъ. Все это хорошо извѣстно и не ново, и заботливые родители непускаютъ подростковъ на танцевальные вечера, не водятъ въ театръ въ учебное время и, позволяя посѣщеніе утреннихъ спектаклей изрѣдка, въ длинные перерывы ученія, выбираютъ пьесы осмотрительно. Для дѣтей средняго возраста развлечения взрослыхъ совершенно недоступны, они непонятны для нихъ и поэтому утомительны и неинтересны. Ихъ предоставляются общественные развлечения народныя.

Публичные развлечения народа отличаются по своему характеру отъ развлече-

Отчетъ о засѣданіи „Родительскаго Кружка“.

ченій интеллигентії. Они просты по замыслу, незатѣйливы по выполненію, понятны и доступны всѣмъ. Они разнообразны и коротки, такъ какъ продолжительное однообразное развлечениe можетъ быть утомительно для человѣка съ недисциплинированнымъ вниманіемъ.

Отдѣлы остаются тѣ же пять, такъ какъ и у народа сказываются тѣ же потребности въ развлеченияхъ, какъ и у человѣка интеллигентнаго, а именно: 1) потребность физического движенія, 2) потребность пріятныхъ ощущеній зрительныхъ, 3) слуховыхъ, 4) потребность легкой умственной работы надъ вопросами изъ жизни, 5) потребность пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній.

I. Группа пріятныхъ мускульныхъ ощущеній. 1) Народные танцы, хороводы. 2) Катанье съ горъ, качели, карусель. 3) Состязаніе въ силѣ, ловкости и подвижности.

II. Группа пріятныхъ зрительныхъ ощущеній. 4) Панорама, діорама, космопанорама. 5) Механическій театръ. Марионетки. Тентомарескъ. 6) Синематографъ. 7) Балаганская феерія. 8) Танцы разныхъ націй: лезгинка, казачекъ и т. п.

III. Пріятныхъ слуховыхъ ощущеній. 9) Национальные хоры пѣсенниковъ. 10) Национальные оркестры. Савояры, чехи, румыны. 11) Концертъ на народныхъ инструментахъ, гармонія, гитара, рожокъ, балалайка. 12) Граммофоны.

IV. Группа легкой умственной дѣятельности. 13) Петрушка, раешникъ, клоуны. 14) Балаганный фарсъ съ переодѣваніемъ и прибаутками. 15) Народныя пьесы.

V. Группа легко усваиваемыхъ новыхъ свѣдѣній. 16) Выставка раритетовъ: великановъ, карликовъ и т. п. 17) Выдающаяся сила и ловкость; атлеты, акробаты, жонглеры, фокусники. 18) Выдающіеся примѣры человѣческаго терпѣнія, дрессированныя собаки, лошади, птицы. 19) Звѣринецъ, аквариумъ, дикари. 20) Народныя чтенія и лекціи съ картинами и опытами.

Народныя развлечения имѣютъ въ виду человѣка съ крѣпкими мышцами и съ крѣпкими нервами, умъ, установившійся

въ своеемъ развитіи, нисколько не утомленный умственной работой. Эстетическія требованія отступаютъ въ этихъ развлеченияхъ на второй планъ; трескъ, шумъ, гамъ и крикъ служатъ лучшимъ притягательнымъ средствомъ для народной толпы. Это нужно имѣть въ виду родителямъ, отпускающимъ дѣтей на народные праздники. Балаганская феерія можетъ напугать ребенка, музыкальная какофонія совершенно разстроить дѣтей съ эстетическимъ слухомъ. Если выпустить феерію и балаганный фарсъ, отличающійся грубыми шутками и пошлыми прибаутками, то все-таки останется много видовъ развлечений, которая легко могутъ быть пристосованы къ дѣтской публикѣ. Безъ всякихъ измѣненій народныя развлечения могутъ быть интересныя зрѣлищемъ и для дѣтей, если не особенно поучительными, то, во всякомъ случаѣ, невредными.

Дѣти на праздникѣ народномъ являются только пассивными зрителями, не принимая никакого активнаго участія. Невозможность участвовать активно въ народныхъ развлеченияхъ дѣлаетъ народный праздникъ не праздникомъ для дѣтей. Дѣтямъ не можетъ быть весело на праздникѣ, гдѣ приходится глязеть да слушать, стоять или сидѣть тихо, смирно, нельзя ни покричать, ни порѣваться. Приспособляя народныя развлечения къ дѣтской публикѣ, нужно совершенно видоизмѣнить группу пріятныхъ мышечныхъ ощущеній, сдѣлавъ ее, по возможности, доступною для всѣхъ участниковъ праздника.

Устраивая общественные развлечения дѣтей, нужно постоянно помнить, что имѣешь дѣло съ нѣжнымъ организмомъ ребенка, растущимъ и развивающимся. Отбросивъ все, соединенное съ опасностью для здоровья, нужно выбрать то, что можетъ развивать хорошія нравственныя качества, что можетъ сообщать новыя свѣдѣнія, иначе говоря, дѣтская развлечения должны быть безвредны, воспитательны, поучительны и, по возможности, должны допускать активное участіе наибольшаго числа участниковъ праздника.

Воспитание и Обучение 1904 г.

Такими соображениями руководствовались некоторые педагоги, въ особенности члены Фребелевского Общества и Педагогического музея, работавшие надъ приспособлениемъ народныхъ развлечений къ дѣтскому возрасту, имѣющихъ цѣлью дать необходимый отдыхъ во время продолжительныхъ перерывовъ учёныя.

Выбирая дѣтскія развлечения, они стремились: 1) удовлетворить требованіямъ эстетики; 2) придавать форму, допускающую активное участіе дѣтей во всѣхъ 5 группахъ; 3) придать каждому изъ нихъ характеръ поучительный и воспитательный, т.-е. оставляющій въ душѣ ребенка пріятнья воспоминанія, полезныя въ образовательномъ или воспитательномъ отношеніяхъ.

Около 15 видовъ народныхъ развлечений вошли въ составъ дѣтскихъ почти безъ измѣненія, другіе же были совершенно видоизмѣнены и переработаны; вообще, каждая изъ 5 группъ раздѣлилась еще больше, на отдѣльные виды, и получилась слѣдующая система 21 вида развлечений, пригодныхъ для публичнаго дѣтскаго праздника.

I. Группа пріятныхъ мышечныхъ ощущеній. 1) Подвижная игра съ приборами и безъ приборовъ. 2) Подвижная игра съ музыкой. 3) Подвижная игра съ пѣніемъ. 4) Катанье съ комнатныхъ горь, карусель. 5) Состязанія въ ходьбѣ, бѣгѣ, прыганіи и лазаніи. 6) Состязанія въ бросаніи, метаніи и стрѣляніи въ цѣль.

II. Группа пріятныхъ зрительныхъ ощущеній. 7) Костюмированные процессы: комическая, этнографическая, историческая, аллегорическая. 8) Живые картины-силуэты: загадки, сказки. 9) Живые картины: историческая, этнографическая. 10) Гротески.

III. Группа пріятныхъ слуховыхъ ощущеній. 11) Дѣтский хоръ. Общий хоръ. 12) Дѣтский оркестръ. 13) Концертъ на дѣтскихъ инструментахъ. Окаринно. 14) Дѣтская опера.

IV. Группа пріятной умственной дѣятельности. 15) Декламация стихотвореній. 16) Чтеніе художественныхъ произведений съ свѣтовыми картинами. 17) Дѣтскія пьесы.

V. Группа легкаго усвоенія новыхъ свѣдѣній. 18) Фокусы съ объясненіемъ. 19) Опыты изъ физики и химіи. 20) Научныя свѣтовыя картины. 21) Образовательные прогулки и экскурсіи.

Въ этой системѣ игръ собрано почти все, что можетъ порадовать и повеселить дѣтей,—дать эстетическое наслажденіе,—заронить новую идею въ молодой, незрѣлый умъ,—возбудить желаніе подражать видѣнному, поработать надъ самоусовершенствованіемъ. Всѣ указанныя развлечения пригодны для дѣтской публики, т.-е. для дѣтей разнаго пола, разныхъ лѣтъ, различного развитія, совершенно незнакомыхъ между собою.

Для праздниковъ школьнаго, т.-е. для дѣтей одного возраста, старшаго или среднаго, одинаковой степени развитія, число общественныхъ развлечений значительно больше, однѣхъ подвижныхъ игръ существуетъ болѣе ста.

Дѣтскіе праздники устраивались много лѣтъ тому назадъ Фребелевскимъ Обществомъ, имѣли большой успѣхъ, были описаны въ газетахъ и вызвали подражаніе въ провинціи. Устроителямъ дѣтскихъ праздниковъ въ настоящее время можно рекомендовать ознакомиться съ той работой, которая уже сдѣлана въ этомъ направленіи.

Этимъ закончилось послѣднее застѣданіе нынѣшняго учебнаго года.

A. Петрова.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедиингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Юль — № 7.

1904.

Содержание № 7.

1. О назначении женщины. Перев. съ нем. И. Гордеевой	273
2. Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати. В. Измайлова	283
3. Искривленія спины у дѣтей. А. Ви- ренуса	293
4. Мои впечатлѣнія въ Еязымъ. М. Безо- бразовой	296
5. Что читать дѣтямъ?	299

О назначении женщины.

Лекція д-ра Шульце, записанная студентомъ.

Извѣстный своими сочиненіями по соціологіи и по медицинѣ докторъ Фрицъ Шульце прочиталъ въ Дрезденѣ яѣсколько публичныхъ лекцій на современную тему назначенія женщины и постарался разъяснить публикѣ основные положенія современного женского движения.

Общее броженіе нашего времени, говорить лекторъ, коснулось и семейной жизни. Это всего замѣтнѣе на измѣнившемся положеніи дочерей. Онѣ занимались въ прежнее время лишь домашними работами, ихъ конечною дѣллю было сдѣлаться хорошими хозяйками. Семейство исключительно составляло ту твердую почву, на которой стояла дѣвушка. Теперь дѣвушки предаются разнообразнымъ занятіямъ виѣ семейства, уподобляя жизнь свою мужской жизни тѣмъ, что онѣ стремятся захватить призванія, доселъ счи-тавшіяся исключительно мужскими. Онѣ требуютъ для себя не только мужскихъ

образованія и воспитанія, но и правъ, хотя бы политическихъ.

Это явленіе вызывается экономическими причинами, дороговизной жизни, изъ-за которой многіе молодые люди и дѣвушки лишены возможности вступить въ бракъ. Уже возникаетъ мысль — распространенная новѣйшею литературую во всѣхъ слояхъ общества,—о томъ, что существующая форма брака устарѣла и что ее должна замѣнить новая, а именно: свободная любовь. Такому смышенію самыхъ основныхъ понятій нравственности необходимо противопоставить вопросъ о назначеніи женщины, составляющей, собственно, центръ всего современного броженія.

Проблемма назначенія женщины не раздѣльна съ проблеммою назначенія мужчины. Дѣло состоить въ относительной одѣнкѣ обоихъ половъ. Стоитъ ли женщина ниже мужчины, какъ полагали въ прежнее время, а Шоценгаузъ полагаетъ и теперь; стоитъ ли она выше мужчины, какъ утверждалъ Мицле, или же она равна мужчинѣ? Фихте своимъ „Естественнымъ правомъ“ доказалъ, что она поборникъ послѣдняго положенія, и лекторъ вполнѣ съ нимъ согласенъ.

Однако, недостаточно ссылаться лишь на нравственный законъ, лишь на то, что быть должно; слѣдуетъ скорѣе указать на то, что есть, на законъ природы, на естественную необходимость, ежедневно подчиняющую себѣ человѣческую. Изъ естественного назначенія

мужчины и женщины оказывается, что они должны быть равны другъ другу не изъ однихъ только нравственныхъ основаній, а потому, что они по природѣ равносильны другъ другу.

Когда люди на дѣлѣ оправдываютъ задачи культуры, когда люди воплощаютъ собою эти задачи, тогда лишь культура осмысленна. Естественное, а потому и главное назначеніе обоихъ половъ всегда было, есть и будетъ призваніе быть отцомъ и матерью, т.-е. продолженіе человѣческаго рода. Подъ выраженіемъ „равенство“ подразумѣвается не абсолютное тождество половъ, а то, что женщина, по своему естественному назначенію, представляетъ величину, совершенно равную мужчинѣ. Изъ назначенія мужчины быть отцомъ и назначенія женщины быть матерью лекторъ въ краткихъ словахъ развиваетъ рѣзкую характеристику какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ мужскихъ и женскихъ, особенностей и приходитъ къ слѣдующему заключенію:

Назначеніе женщины заключается въ томъ, чтобы сохранять и беречь мужское творчество, а беречь можно только любвеобильнымъ вниманіемъ ко всему личному, индивидуальному. Уходъ за индивидуальнымъ составляетъ самую сущность женской жизни потому, что быть матерью значитъ развить и воспитать нового индивидуума. Женщина въ индивидуальной любви положительно превосходитъ мужчину. Она не ищетъ великаго, а совершає величие въ маломъ. Этимъ же основнымъ положеніемъ объясняется общий душевный строй женщины: ея отношеніе къ наукѣ и искусству, ея нравъ, ея воля. Во всемъ этомъ женщина образуетъ со-

вершенно равное по достоинству, хотя разнородное, дополненіе мужской односторонности. Изъ этого выясняется и то, что женщина достигаетъ своего естественного назначенія единственно лишь сдѣлавшись матерью, въ чемъ и состоитъ ея лучшая, благороднейшая естественная дѣятельность.

Послѣ всего сказанного мы не въ правѣ утверждать, что женщина способна совершать рѣшительно все то же, что мужчина; но и мужчина не способенъ на то, для чего сотворена женщина. Задачи обоихъ, по самой природѣ ихъ, въ основаніи своемъ различны, но оба они суть единицы равной величины, одинаково важныя для нормального развитія человѣчества. Надъ общими культурными задачами мужчина и женщина работаютъ сообща и решаютъ эти задачи взаимнымъ разнороднымъ трудомъ.

Лишь на основаніи вышеизложенныхъ доводовъ возможно приступить къ правильной реформѣ женского образования. Ошибочно было бы перенести весь курсъ мужскихъ учебныхъ заведеній въ женскія. Изъ общаго образования дѣвушекъ справедливо должно быть исключено все то, что не имѣть прямого отношенія къ задачамъ будущихъ женъ и матерей. Мы требуемъ для дѣвушекъ образования, а не учености. Образованіе проникаетъ всего человѣка, оно есть гармонія всѣхъ его душевныхъ силъ, какъ мышленія, такъ и чувства, и воли. Ученость же лишь односторонне совершенствуетъ мышленіе. Однако, въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣвушка желаетъ приобрѣсть ученость, лекторъ не признаетъ нужнымъ ей преподавать. Лекторъ выясняетъ только, что приобрѣтеніе учености всѣми женщинами по-

головно было бы сопряжено для нихъ съ весьма чувствительною жертвою здоровья и личного счастья. Эти слабые создания превратили бы культуру въ нечто еще болѣе иенормальное, чѣмъ то, что она представляеть теперь. Лекторъ указываетъ далѣе на тѣ учебные предметы и на тѣ методы преподаванія, которые были бы самыми желательными для общаго женскаго образования. Предметы и методы обучения обусловливаются главною цѣлью воспитанія: образованіемъ характера, отчасти же и природнымъ назначениемъ женщины быть матерью.

Всякая эманципація, желающая перенести на слабую женщину чисто мужскія задачи, превратить эту женщину въ неестественного мужчину, есть ложная эманципація. Истинная же эманципація, за которую горячо стоитъ лекторъ, та эманципація, которая развиваетъ женскія способности въ границахъ, поставленыхъ самою природою. Совершенно невозможно опредѣлить заранѣе, какъ далеко можетъ простираться образовательная способность женщины. Многое предстоитъ узнать на опыте. Если женщины желаютъ уподобиться мужчинѣ, то они должны позволить и обращаться съ ними, какъ съ мужчинами. Пусть же возсядетъ природа на судейское мѣсто и решить этотъ вопросъ.

II.

Лекторъ того мнѣнія, что благо народа и государства прежде всего зависитъ отъ здоровыхъ, нормальныхъ семейныхъ отношеній. Это воззрѣніе, хотя и считается нынѣ устарѣлымъ, однако, во всѣ времена подтверждалось исторіею. Поэтому лекторъ находитъ главнейшую и естественную задачу

мужчины и женщины въ томъ, чтобы быть отцомъ и матерью; поэтому-то придаетъ онъ величайшій вѣсъ совокупному воспитанію мышленія, чувства и воли.

Однако, современная болѣзнь нервности препятствуетъ нынѣ осуществленію всѣхъ этихъ задачъ. Отъ этой нервности происходитъ все зло современной жизни: пессимизмъ, неудовлетворенность, стремленіе къ сумасброднымъ, неестественнымъ, а потому и недостижимымъ цѣлямъ. Чтобы искоренить эту нервность и возвратить человѣчеству бодрость духа, необходимо изучить нервную систему и понять, въ чёмъ состоитъ бодрость духа. Докторъ Шульце останавливается поэтому сначала на изученіи мозга и нервной системы, а затѣмъ переходить къ определенію здоровой души въ здоровомъ тѣлѣ.

Человѣческій организмъ представляетъ собою художественное произведеніе по многосложности своихъ частей, по простотѣ своихъ элементовъ, по совокупности и цѣлесообразности своихъ функций. Изъ четырехъ органическихъ отправлений: образованія крови, кровообращенія, движенія и ощущенія, послѣднее, воплощенное въ нервной системѣ, надъ всѣми преобладаетъ. Слѣдствіемъ чрезмѣрного раздраженія или утомленія нервной системы всегда бываетъ общее захирѣніе всѣхъ органовъ и ослабленіе ихъ функций. Раствительными процессами организма управляетъ система симпатическихъ нервовъ; животными же процессами движенія и ощущенія управляетъ система головного и спинного мозга. Обѣ системы, однако, тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою. Нервная система состоитъ изъ нервныхъ узловъ или ганглій и изъ

нервныхъ волоконъ. Первые суть но-
сители нервной силы, вторыя лишь
проводники ея. Нервные центры или
ганглии состоять изъ нервныхъ клѣточекъ,
нервныя развѣтвленія состоять
изъ нервныхъ волоконъ; клѣточки и
волокна сами по себѣ тоже очень слож-
наго строенія. Различие между нервами
движенія и нервами ощущенія вопросъ
большой важности. Громадное количе-
ство нервныхъ элементовъ и ихъ без-
конечно малая величина поразительны. Спинной мозгъ—центральный органъ
движеній тулowiща, рукъ и ногъ. Про-
должеватый мозгъ центръ иннервациі
дыханія, рѣчи и глотанія, регуляторъ
дѣятельности сердца (сердцебіенія) и
тонуса артерій. Онъ же одновременно
согласуетъ всѣ отъ спинного мозга
исходящія движения нашего тѣла. Моз-
жечекъ регулируетъ всѣ сознательныя
движенія. Поврежденіе мозжечка вы-
ражается лѣтымъ рядомъ нарушеній
движенія, сопровождающимся постоян-
нымъ симптомомъ головокруженія. Въ
мозгу заключаются еще центральные
органы вышнихъ чувствъ, напр., центръ
зрѣнія и слуха и др. Большая полу-
шарія головного мозга суть органы
мышленія и воли, при чемъ въ задней
части этихъ полушарій воспринимаются
и хранятся представленія. Переднія
части большого мозга перерабатываютъ
эти представленія въ сознательные
акты воли.

Нацеляемъ читателя для подробнаго изученія этихъ явленій къ сочи-
неніямъ доктора Шульце: „Сравни-
тельная психологія“ т. I, „Нервная
система и душа“ или „Основанія фи-
зіологической психології“. Лейпцигъ,
изд. 92 г. Въ этомъ сочиненіи не только
приведены всѣ изслѣдованія физиоло-
гической психології, но содержатся

подробныя доказательства того, что
всѣ эти таинственные явленія психо-
логії объясняются лишь всеобъемлю-
щимъ идеалистическимъ принципомъ. Нервная система не исчерпываетъ по-
нятія о душѣ и не она производить
всю духовную жизнь человѣка; она есть,
вѣрнѣ, только орудіе души. Когда же это орудіе повреждено не-
благопріятными условіями, то душа не
въ состояніи болѣше управлять имъ.
Болѣзни нервной системы не всегда
происходятъ извнѣ. Они часто обуслов-
ливаются необуздаными душевными
побужденіями, незнающими границъ и
разрушающими нервную систему влеч-
еніями, вожделѣніями и страстями.
Этотъ послѣдній случай какъ разъ
чаще другихъ встрѣчается въ наше
время. Души нашихъ современниковъ
часто болѣютъ необузданностью влеч-
еній, вожделѣній и страстей. Потому-
то и изнурается ихъ нервная система,
потому-то нервность нашего вѣка такъ
развилась и распространилась. Если же
нервность со всѣми своими опасными
послѣдствіями можетъ быть прекра-
щена, то для этого существуетъ лишь
одно цѣлебное средство: должна быть
снова возстановлена бодрость духа.

III.

Физическое здоровье не можетъ раз-
сматриваться, какъ явленіе тождествен-
ное со здоровьемъ души. Здоровье фи-
зическое и душевное имѣютъ свои соб-
ственные законы. Подобно тому, какъ
физическое здоровье обусловливается
равновѣсіемъ всѣхъ органическихъ от-
правлений, такъ и здоровье души со-
стоитъ въ равновѣсіи всѣхъ душевыхъ
силъ. Разстройство этого равновѣсія
выражаетъ собою болѣзнь.

Воля составляет сущность духа. Влечения, вожделение, страсти суть формы нашей воли. Влечения подразделяются на 1) общие: влечение к самосохранению, к продолжению рода, к защите своего потомства; 2) особенные: расовые, национальные, сословные; 3) индивидуальные: влечение к наукам, к технике, к искусству, к религии, к нравственности, к политике и др. Влечения объясняются наследственностью и обусловливают судьбу человека, безсознательно господствующую в его душу. Душа наша здорова, когда нам представляется возможность следовать природным нашим влечениям. Здесь речь идет, разумеется, не о порочныхъ влеченияхъ, съ которыми надлежитъ бороться. Целесообразная же влечения слѣдуетъ обуздывать и держаться золотой середины, иначе влечение всегда имѣть наклонность перейти въ крайность.

Другая форма воли — вожделение. Вожделение всегда направлено на определенный чувственный предмет. Оно вполне чувственно и эгоистично по природѣ своей. Намѣреніе его всегда разрушительное. Вожделение выражается желаниемъ и нежеланиемъ, которые могутъ разрастись въ алчность или отвращеніе. Однако, явленія эти мимолетны и непостоянны, а потому и производятъ эффекты, сильное, но скоропроходящее удовольствие или неудовольствие. Вожделение ненасытно въ своемъ желанияхъ чувственного наслажденія. Господство вожделеній надъ душою доказываетъ ея унижение и болезненность. Большинство людей нашего времени люди вожделеній. (Лекціи д-ра Шульце поэту предмету отпечатаны въ Лейпцигѣ, изданіе Эриста-

Гюнтера 94 г. подъ заглавіемъ: „Современное направление въ Германии и его вероятные изменения въ ХХ-мъ столѣтіи“.)

Положительная душевная склонности, чуждая эгоизму, просвѣтленная христіанской любовью, должны заступить мѣсто вожделеній. Любовь искренняя, постоянная составляетъ лучшій источникъ бодрости духа, и этотъ источникъ плодотворно питаетъ и оживляетъ душу во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ того, постоянно задерживаемая склонность есть величайшее страданіе души. Это продолжительное страданіе души есть страсть, которая въ высшей своей степени есть сумасшествіе, совершенно подрывающее здоровье души.

Слѣдовательно, прежде всего мы должны постараться избавиться отъ страстей. Лучшее средство для этого труда, который сообщаетъ человѣку не только материальную, но и духовную свободу. Въ томъ случаѣ, когда трудъ правильно сочетается съ любовью къ предмету, возникаетъ альтруистический, дѣловой, объективный интересъ, господство котораго въ человѣческой душѣ служить признакомъ ея здоровья. Изъ этого нормального интереса возникаетъ нормальное чувство, освобождающее человѣка отъ эгоизма и сообщающее ему справедливое, любвеобильное отношение къ предметамъ, личностямъ и обстоятельствамъ. Отсюда же истекаетъ и юморъ, умиротворяющій взглядъ на все земное. Каждый, желающій обладать здоровью душою въ высшемъ значеніи этого выраженія, долженъ стремиться достигнуть этой высоты развитія, въ которой и выражается характеръ человѣка. Итакъ, если нашимъ современникамъ суждено выздо-

ровѣть, то надлежитъ каждому поско-
рѣе озаботиться исцѣненіемъ своей
души по вышеприведенному способу.
Основательное подавленіе современ-
наго зла должно произойти не извѣ,
а изнутри.

Перев. съ нѣм. И. Гордѣвой.

■ ■ ■

Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати.

Какъ и въ предыдущіе годы, весен-
няя хроника дѣтской жизни въ настоя-
щемъ году обогатилась сообщеніями о
побѣгахъ дѣтей изъ родительскихъ до-
мовъ. На этотъ разъ многіе изъ моло-
дыхъ людей, преимущественно школьн-
иковъ, пожелали сразиться съ япон-
цами. Такъ, по словамъ „Одесск. Но-
востей“, изъ Одессы отъ родителей
убѣжало трое мальчиковъ—Лисецкій,
Эсауловъ и Бакуненко; думаютъ, что
ихъ прельстила перспектива бранныхъ
подвиговъ. Изъ Уфы, тоже изъ роди-
тельского дома, убѣжали: ученикъ 2-хъ
классного училища Скурихинъ и уче-
никъ городского училища Чеверовъ.
„Есть основанія предполагать, пи-
шутъ „Уфимск. Губ. Вѣдомости“,—что
мальчики задумали уѣхать на войну,
скопивъ небольшую сумму денегъ“. Со
станціи Рыбинскъ, Московско-Ярослав-
ской жел. дороги, скрылись: сынъ сто-
рожа станціи Сысоевъ и его товарищъ
Дубровинъ. „Мальчики, какъ предпо-
лагаютъ, отправились на Дальний Во-
стокъ“ („Русск. Листокъ“). Эта же га-
зета сообщаетъ: „На станціи Сокуръ,
Сибирской жел. дор., 16-го февраля,
изъ воинскаго поѣзда вышелъ молодой
человѣкъ и отдался въ руки мѣстной
жандармской полиції, при чёмъ называлъ

себя ученикомъ петербургскаго реме-
сленаго училища Александромъ Си-
зовымъ и заявилъ, что онъ житель
города Петербурга иѣхалъ въ воин-
скомъ поѣздѣ вмѣстѣ съ солдатами,
желая въ качествѣ добровольца попасть
въ дѣйствующія войска на Востокъ, но
дорогою, узнавъ о строгомъ распоря-
женіи, чтобы въ воинскихъ поѣздахъ
не было частныхъ лицъ и не желая
изъ-за себя подвергать отвѣтственно-
сти принявшихъ въ немъ участіе сол-
датъ,—онъ рѣшилъ отдаваться въ руки
полиціи и добиться законнымъ путемъ
своей отправки на Востокъ. Сизову,
по его словамъ, всего только 15 лѣтъ.
Въ Томскѣ, въ полицейскомъ управле-
ніи, онъ просилъ, чтобы его отправили
хотя бы даже санитаромъ на Востокъ,
гдѣ, будто бы, уже находится его одинъ
товарищъ по Петербургу; товарищъ
этотъ, по словамъ Сизова, тоже его
лѣтъ и уѣхалъ, какъ и онъ, тайно отъ
родителей и такимъ же образомъ“. Имѣется
даже рѣдкій вообще случай
бѣгства трехъ ученицъ изъ городского
училища гор. Георгіевска. По словамъ
„Пріазовскаго Края“, все онѣ, дѣ-
вочки въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ,
давно мечтали отправиться сестрами
милосердія на Дальній Востокъ, но
родители этого, конечно, имѣ не разрѣ-
шили. Есть основаніе предполагать,
что теперь дѣвочки рѣшились приве-
сти въ исполненіе, завѣтныя мечты.
Убитымъ горемъ родителямъ удалось
лишь выяснить, что дѣвочки направи-
лись на Ростовъ. Здѣсь, однако, юныхъ
сестеръ милосердія пока отыскать не
удалось.

Вѣроятно, есть не мало и другихъ
побѣговъ, еще не зарегистрированныхъ
ежедневной прессой. Дѣтскіе побѣги
въ настоящій весенний сезонъ, та-

кимъ образомъ, получили какъ-будто болѣе реальный смыслъ патріотического характера. „Младая кровь играетъ“, весенний воздухъ поднимаетъ настроение; первы уже и безъ того въ значительной степени взвинчены годомъ ученія... А тутъ—война! Тайны, глубоко подчасъ запрятанныя мечты о вольной-волюшкѣ, о заманчивыхъ похожденіяхъ, смыняются не менѣе страстными мечтаніями о военной авантюре... Семейный очагъ, родительская ласка и тому подобные вещи—отодвигаются на задній планъ. Разумѣется, эта интенсивность мечтательного настроенія ни больше, ни менѣе, какъ результатъ переразвитія воображенія, обильно питаемаго исключительнымъ, или почти исключительнымъ, чтеніемъ книгъ съ преобладающимъ фантастическимъ элементомъ. Все, однако, хорошо въ мѣру. Воображеніе не должно питаться на счетъ здраваго смысла. Патріотизмъ, конечно, вещь хорошая. Но все дѣло въ томъ, что въ основѣ-то решительно всѣхъ, какъ „патріотическихъ“, такъ равно и узко-эгоистического свойства побѣговъ, несомнѣнно, лежитъ болѣзненно развитая мечтательность.

Были и традиціонные, повторяющіеся изъ году въ годъ, случаи побѣговъ. Такъ, по словамъ „Оренбургск. Газеты“, мальчики: А. К., 12 лѣтъ, А. М. 12 лѣтъ и бывшій ученикъ 3 класса одного изъ учебныхъ заведеній, В. Г., 13 лѣтъ, скрылись изъ дома неизвѣстно куда. Черезъ два дня бѣглецы были задержаны сторожемъ дачи Остроумова, въ 12 verstахъ отъ города, и доставлены въ полицію. По словамъ бѣглецовъ, они намѣревались пробраться на Кавказъ; денегъ на дорогу они имѣли около 2 рублей, вырученныхъ отъ продажи книгъ; часть денегъ была

израсходована на покупку жестянаго чайника, чая и хлѣба.

Во второй половинѣ февраля, по словамъ петербургскихъ газетъ, на запасныхъ путяхъ Николаевской желѣзной дороги, сторожами былъ задержанъ бѣдно одѣтый мальчикъ, около 10 лѣтъ отъ роду.

— Кто ты такой?

— Иванъ Горюховъ. Уѣжалъ отъ отца. Пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ изъ Москвы.

— Почему ушелъ отъ отца?

— Хочу найти себѣ важную должность.

Юный карьеристъ былъ отправленъ къ приставу Александро-Невской части.

По словамъ „Котлина“, въ деревнѣ Будино, Петергофскаго уѣзда, былъ задержанъ сынъ мѣстнаго крестьянина Александръ Драгеникъ, бѣжавшій изъ ремесленнаго пріюта земледѣльческой колоніи, еще въ январѣ 1903 года. Оказалось, что малолѣтній Драгеникъ скитался въ теченіе цѣлаго года въ окрестностяхъ Петербурга, промышляя мелкими кражами, и, на-дняхъ вернувшись въ свою деревню, былъ тамъ задержанъ.

Неизвѣстно, къ сожалѣнію, чѣмъ былъ вызванъ этотъ побѣгъ мальчика изъ пріюта. Что онъ занимался мелкими кражами, это очень понятно: надо же мальчику-бѣглецу ѣсть-пить. Но что именно вызвало этотъ рискованный и во всѣхъ отношеніяхъ усьянный терніями путь,—это, повторяемъ, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Не лише будетъ отмѣтить также слѣдующій случай побѣга, причиной котораго является уже совсѣмъ не мечтательное настроеніе; по словамъ „Петерб. Листка“, на Николаевской станціи былъ задержанъ мальчикъ,

назвавшійся крестьяниномъ Михаиломъ Будаковымъ, 16 лѣтъ, который объяснилъ, что онъ убѣжалъ отъ своего хозяина столяра Николая Родзевича, проживающаго въ домѣ № 42, кв. 26, по Боровой ул., вслѣдствіе жестокаго обращенія.

Чеперь перейдемъ къ случаямъ безопаснѣо-небрежнаго отношенія къ дѣтямъ, выросшаго на почве общественнаго равнодушія къ физическимъ и духовнымъ запросамъ и требованіямъ дѣтскаго организма.

Многимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстна обратившая на себя вниманіе ежедневной печати исторія „остриженныхъ епархіалокъ“. Исторія первоначально была повѣдана газетой „Русь“. Часть публики отнеслась къ сообщенію скептически. Но вскорѣ въ „Донской Рѣчи“ одинъ изъ отцовъ ученицъ напечаталъ слѣдующее письмо въ редакцію, уничтожающее всякія сомнѣнія въ вѣрности сообщенія: „Какъ отецъ своей дочери, находящейся въ названномъ учебномъ заведеніи, я на мѣстѣ, въ гор. Владикавказѣ, провѣрилъ описанный случай, вполнѣ подтверждаю его и рѣшился путемъ печати поставить обѣ этомъ въ извѣстность всѣхъ тѣхъ родителей, дѣти которыхъ подверглись горькой участіи, въ надеждѣ, что они не останутся глухи къ такому вопіющему дѣлу.“

„Когда вышло „разумное“ распоряженіе отъ начальника владикавказскаго епархіального училища—отрѣзать воспитанницамъ V класса косы, онѣ стали плакать, просить, умолять начальницу не дѣлать этого, но никакія просьбы не помогли. Нѣкоторые прошли и требовали, чтобы ихъ исключили даже изъ училища, но не лишили лучшаго украшенія женщины,

лучшей „дѣвичьей красоты“, но и это не помогало. Одна воспитанница, защищаясь, сумѣла вырваться даже отъ цырюльника и было убѣжала, но ее догнали на лѣстнице и силой волокли въ комнату, гдѣ производилось „постриженіе“, отчего у нея на рукахъ оказались синяки.

„Обѣ этомъ возмутительномъ случаѣ да несъ его высокопревосходительству господину оберъ-прокурору святѣйшаго правительствающаго синода и привлекаю начальницу училища къ ответственности по 142 ст. уст. о наказ., налаг. миров. судьями. Отецъ пострадавшей“.

Не менѣе, если не болѣе, повидимому, печально положеніе воспитанницъ и костромскаго епархіального училища. Въ „Костром. Епархіальн. Вѣдомостяхъ“ помѣщенъ отчетъ о дѣятельности училища за минувшій учебный годъ. „Сѣв. Край“ заимствуетъ изъ него слѣдующія весьма любопытныя данныя: „У живущихъ въ общежитіи 55-ти чел. было въ теченіе учебнаго года, слѣд. 9 мѣсяцевъ, 70 заболѣваній, у 129 приходящихъ ученицъ было за то же время 244 заболѣванія. Такимъ образомъ, процентъ заболѣваній равенъ для пансионерокъ—127 проц., а для приходящихъ—даже 189 проц.“

29 проц. всѣхъ пансионеровъ испытывали болѣзни пищеваренія; среди приходящихъ этотъ процентъ лишь немного ниже—около 28 проц.,—что вполнѣ понятно: большинство дѣвочекъ живутъ на наемныхъ квартирахъ.

Зато процентъ страдающихъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ среди приходящихъ (31 проц.) почти вдвое выше, чѣмъ у пансионерокъ (16 проц.).

Болѣзни глазъ были у 12 проц. приходящихъ (хороша, должно-быть, обстановка для учебныхъ занятій).

На 184 ученицы приходится 331 книга для чтенія; это называется „учебнической библиотекой“.

Еще, разумѣется хуже несчастнымъ подкидышамъ. Статистика сообщила русскому обществу ужасную „новость“: до пяти лѣтъ у насть доживаетъ немногимъ болѣе половины родившихся. Есть на Руси уѣзды, въ которыхъ дѣтская смертность выше 50% родившихся!

„Но мы такъ привыкли къ этому, такъ равнодушны къ своимъ дѣтямъ, справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. С-въ въ „Новостяхъ“, что никакими цифрами насть не запугаешь.

„Въ деревняхъ мрутъ дѣти—это понятно. Нищета, отсутствіе медицинской помощи, невѣжество, нѣть интеллигентій, вѣтъ разумной общественной культурной работы. Деревня не знаетъ благотворительныхъ обществъ, не знаетъ обществъ здравія, медицинскихъ обществъ... Кто же придетъ тамъ на помощь къ дѣтямъ? Кто сохранить имъ жизнь?“

„Но что сказать про города, особенно такие, какъ Одесса, съ его университетомъ, гимназіями, интеллигентіей, съ массой всевозможныхъ обществъ? Тамъ, казалось бы, заботы о дѣтяхъ должны были принять серіозные размѣры. Общество обязано заботиться о дѣтяхъ-подкидышахъ“.

Конечно, обязано! Но суровая дѣйствительность, къ сожалѣнію, воочію показываетъ намъ, что эта заботливость сплошь да рядомъ бываетъ очень невысокой пробы. По словамъ мѣстной газеты, въ одесскомъ пріютѣ для подкидышей кормилицы получаютъ 3 руб.

въ мѣсяцъ. На эти 3 руб. она должна и молока ребенку купить (а молоко подъ городомъ всегда очень дорого), и сахару, и бѣлаго хлѣба или бубликовъ, и мыла для стирки дѣтского тряпья, а въ рабочую пору еще и нянѣкѣ нанять или изъ своей семьи отдать. Кроме того, нужно же что-нибудь съэкономить за труды, потому что берутъ дѣтей изъ пріюта вѣдь для заработка. Поневолѣ въ ходъ пускаются соски изъ жеваннаго ржаного хлѣба или картофеля, дѣти валяются въ невозможной грязи и безъ всякаго присмотра“.

Но даже тамъ, гдѣ прежде проявлялась разумная забота о дѣтскихъ нуждахъ,—въ настоящее время замѣчается, какъ показываютъ нѣкоторыя сообщенія, охлажденіе къ дѣлу. Такъ, напр., въ „Сѣверн. Краѣ“ нѣкто г. Е. Щ—й въ письмѣ своемъ изъ Костромы пишетъ: „Я помню рожденіе общества „Помощь дѣтямъ!“ Сначала, помнится, устраивались для дѣтей шумныя, съ военной музыкой, игры на Муравьевѣ, затѣмъ гулянья за городъ. Дѣти, при пропускѣ къ играмъ, осматривались врачомъ. Все это, повторяю, было въ первые годы жизни общества. Затѣмъ энергія учредителей охладѣла и жизнеспособность общества значительно уменьшилась. Почти подобное же заключеніе выводитъ и правленіе общества въ своемъ отчетѣ за 1903 годъ, бросая укоръ своимъ членамъ. Я передамъ нѣкоторыя цифры отчета. Къ 1 января 1903 г. общество составляли: 3 почетныхъ члена и 101 дѣйствительныхъ, а на 1 января 1904 г. въ составѣ общества входятъ 4 почетныхъ члена и 89 дѣйствительныхъ членовъ. Уменьшеніе членовъ, конечно, влечетъ за собой и уменьшеніе средствъ общества.“

А вотъ фактъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго является такъ называемое интеллигентное лицо—врачъ. „Въ Москвѣ, на Большой Никитской, пишетъ сотрудникъ „Русск. Слова“,—для дѣтей была устроена ледяная гора. Въ самый разгаръ веселья, къ горѣ подошла живущій въ этомъ же домѣ зубной врачъ Н. А. Несмѣяновъ въ сопровожденіи горничной и своей дочери—дѣвочки подростка.

— Поди сюда, обратился онъ къ 8-лѣтнему Володѣ Бычкову, бывшему на горѣ.

„Ребенокъ довѣрчиво протянулъ къ доктору свои рученки, г. Несмѣяновъ стащилъ его съ горы и сталъ немилосердно бить его по лицу, рвать за волосы, за уши.

„Ребенокъ вырвался отъ него, но докторъ побѣжалъ за нимъ, схватилъ его, бросилъ на обледенѣлую землю, поднялъ его и снова ткнулъ (такъ показываетъ свидѣтельница) на землю.

— Какъ звѣрь былъ онъ ребенка, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, видѣвшій изъ окна всю сцену возмутительной расправы доктора съ малюткой.

— Онъ дралъ его по-докторски—какъ зубы дергаются, разсказываетъ свидѣтельница,—и щенка не бьютъ, какъ онъ былъ мальчика.

„Участковый врачъ, освидѣтельствовавшій избитаго ребенка, нашелъ у него на лицѣ ссадины и опухоль въ склеральныхъ областяхъ и на переносице. Обѣ ушахъ и говорить нечего—оба были опухшія“.

По истинѣ трагическій случай передаетъ „Киевская Газета“: „Въ 12 verstахъ отъ Радомысля, въ дер. Межиричѣ, кр. Даніилъ Котокъ, бѣдствующий отъ малоземелья, лишенный всякой заработка и не имѣя средствъ про-

кармливать жену и трехъ дѣтей, предложилъ на-дняхъ своему односельцу, зажиточному кр. Трофиму Павленко, купить у него ребенка за 40 коп. Находя такую цѣну вполнѣ для себя подходящей, Павленко охотно согласился купить одного ребенка. Ударили по рукамъ. Покупатель тутъ же вручилъ продавцу 40 к., а продавецъ (въ отсутствіе жены) изъ рукъ въ руки передалъ Павленку свое дитя. Сдѣлка завершилась „могарычемъ“, устроеннымъ за счетъ покупщика. Когда подошла жена и, узнавъ о случившемся, подняла плачъ, Котокъ началъ ее урезонивать: дескать, чего хнычешь, сами вѣдь не имѣмъ чего бѣть, продадимъ и остальныхъ двухъ „и избавимся отъ голодныхъ крикуновъ, да еще по 20 к. получимъ“. Несчастная мать поспѣшила вернуть Павленко его деньги и забрать отъ него своего ребенка“.

Любопытно, каковы будутъ взаимные отношенія между отцомъ и дѣтьми впослѣдствіи? Не является ли эта выходящая изъ ряду вонъ „продажа“ узломъ будущей семейной драмы?

Уже не первый актъ подобной драмы мы видимъ въ слѣдующей коротенькой хроникерской замѣткѣ „Астраханск. Листокъ“: „Жена личнаго почетнаго гражданина Н. Н.—ва заявила приставу 4 уч., что она обнаружила кражу изъ запертаго сундука, черезъ подборъ ключа, одной серебряной чайной ложки, стоющей 1 рубль. Въ кражѣ этой она заявила подозрѣніе на своего родного сына Павла, 19 лѣтъ, который съ похищеніемъ задержанъ городовымъ Рубцовыми“.

Плоды неразумнаго, пренебрежительнаго отношенія къ дѣтямъ, конечно, не заставляютъ себя долго разыскивать. Въ газетахъ довольно нерѣдко

попадаются сообщенія о „юныхъ преступникахъ“, о „маленькихъ ворахъ“ и даже „рецидивистахъ“. Приводить всѣ эти сообщенія, имѣющія въ общемъ тождественное содержаніе, неѣть особенной надобности. Непосредственной причиной „преступности“ являются въ большинствѣ случаевъ полная безпризорность, холода и голодъ. Приведемъ лишь одинъ случай, какъ наиболѣе яркій по таѣ называемой „дерзости“ молодыхъ преступниковъ. По словамъ „Витебск. Вѣдомостей“, въ Витебске около часу пополудни, сторожемъ Ильинской церкви было замѣчено, какъ какихъ-то три неизвѣстныхъ мальчугана, взломавъ висячій замокъ отъ прибитой къ наружной сторонѣ первой входной двери въ церковь кружки богоугодныхъ заведеній, намѣревались вытащить оттуда деньги. Они были задержаны и доставлены въ полицейскую часть.

Вл. Измайлова.

Искривленія спины у дѣтей.

Обыкновенно на искривление позвоночника у ребенка родители обращаютъ вниманіе слишкомъ поздно или вообще тогда, когда уже трудно или даже невозможно пособить горю. А между тѣмъ, родители могли бы со своей стороны значительно посодѣйствовать, если не полному предотвращенію образованія искривленія, то своевременному лѣченію, болѣе или менѣе надежному исправленію уродства. Средствомъ къ этому могло бы служить съ ихъ стороны болѣе внимательное отношеніе къ здоровью ре-

бенка, къ улучшенню его гигієнической обстановки, а равно, ознакомленіе съ причинами, которые приводятъ къ нарушеніямъ формы и положенія позвоночника.

Надо знать, что позвоночникъ удерживается въ прямомъ, вертикальномъ положеніи благодаря прикрепляющимся къ нему мышцамъ. Развѣ мышцы эти слабы, парализованы, человѣкъ горбится, падаетъ туловищемъ впередъ. Для надежнаго удержанія позвоночника, какъ и всего туловища съ шеей и головой, необходима дѣятельность мышцъ, особенно же необходима она при правильномъ сидячемъ положеніи.

Если у взрослаго мужчины мышцы достаточно сильны, а кости вполнѣ развиты, то отъ сгибанія позвоночника не произойдетъ никакого нарушенія въ его формѣ. У дѣтей обстоитъ дѣло иначе. У нихъ мышцы, во-первыхъ, не столь сильно развиты, какъ у взрослыхъ, да и кости еще мягки и податливы. Если ребенокъ слишкомъ долго сидѣть, мышцы его устаютъ; онъ опускается и принимаетъ мало-по-малу положеніе согбенное въ ту или другую сторону.

Дѣвочки слабѣе мальчиковъ, а потому у нихъ чаше и встречаются искривленія. Мальчики работаютъ не менѣе (собственно, больше), чѣмъ дѣвочки, следовательно, больше и сидѣть неправильно, однако, искривленія позвоночника у дѣвочекъ наблюдаются гораздо чаше. Въ Лейпцигѣ, по показаніямъ д-ра Долега, у мальчиковъ найдено было около 32% случаевъ бокового искривленія позвоночника, у дѣвочекъ же больше чѣмъ вдвое, а именно, 68,7%. Кстати. По словамъ проф. Гоффа, въ старшихъ классахъ

дѣвочекъ искривленныхъ бываетъ втрое болѣе, нежели мальчиковъ.

Причиною искривлений, чутъ ли не единственою, многіе врачи считаютъ неправильное положеніе тѣла при письмѣ, особенно при письмѣ косымъ почеркомъ, и потому ищутъ спасенія отъ этого зла въ прямомъ почеркѣ и въ подходящихъ школьніхъ столахъ. Проф. Гоффа говорить: Сотни учащихся подвергаются одинаковымъ недостаткамъ при письмѣ, однако отнюдь не всѣ они становятся кривобокими. Почему? Это несомнѣнно зависитъ отъ предрасположенія у такихъ дѣтей, и именно отъ того, что мышцы ихъ съ самаго рожденія оказываются неестественно слабыми. Наслѣдственность, прецессенныя болѣзни, какъ-то: коклюшъ, дифтеритъ, корь, скарлатина, быстрый ростъ и, наконецъ, бывшая въ раннемъ дѣствѣ англійская болѣзнь, влекутъ за собою ослабленіе организма, каковое и выражается недостаточнымъ развитіемъ мышцъ и слабостью костей. Многія изъ этихъ дѣтей выглядятъ даже жирными и упитанными, тѣмъ не менѣе они при самомъ уже поступленіи въ школу носятъ зачатки искривленія позвоночника.

Такимъ образомъ все приводить къ заключенію, что главныя средствомъ къ предотвращенію искривлений у дѣтей должны быть признаны мѣры правильнаго тѣлеснаго воспитанія, мѣры, способствующія укрѣпленію и закаливанію тѣла, а за ними уже должно слѣдовать попеченіе и о мѣрахъ второстепенныхъ: обѣ устройствъ подходящихъ учебныхъ столовъ, о правильномъ почеркѣ письма, обѣ удовлетворительномъ освѣщеніи и т. д.

Д-ръ мед. А. Вирениусъ.

Мои впечатлѣнія въ Вязьмѣ.

Мы пришлое прочитать въ Вязьмѣ публичную лекцію въ пользу недостаточныхъ ученицъ женской гимназіи.

Это гимназія, гдѣ я была учительницей въ продолженіе 3-хъ лѣтъ и много лѣтъ тому назадъ. Очень интересовало меня, какъ пройдетъ лекція,—я читала первый разъ въ жизни въ уѣздномъ городѣ. Кто-то придетъ и что-то онъ вынесетъ? Не рисковано ли читать въ Вязьмѣ „Жизнь Шопенгауэра въ связи съ его произведеніями“ и „Ницше и Соловьевъ“? Кто тамъ интересуется философіей?

И вотъ тоже первый разъ въ жизни произошло, что публика на моей лекціи была почти исключительно учащейся молодежью и молодежью гимназической. И эта публика привела меня въ восторгъ. Не только появили, но долго послѣ лекціи толковали о философіи со мной и безъ меня и просили дать почитать книги. Прочли мои „Публичные лекціи“, достала я еще нѣсколько книгъ. Единичный ли это случай? По отзывамъ людей, знакомыхъ съ провинциальной молодежью, она очень отзывчива и заинтересовать ее серіознымъ вовсе не трудно. Гимназисты и гимназистки въ Вязьмѣ много читаютъ—они хорошо знакомы съ новѣйшей русской литературой и увлекаются Горкимъ и Андреевымъ. Мы разъясняли, что одна ученица VIII класса отказалась своему жениху, когда прочла „Въ туманѣ“, и пошла въ сельскія учительницы. Грустный ли это фактъ или отрадный? По мнѣнію тѣхъ, кто близко зналъ ее и его,—отрадный.

Но одного чтенія для развитія мало. Чтеніе должно быть пополнено бесѣ-

дой. И вотъ мнѣ пришло въ голову слѣдующее:

— Устройте литературный кружокъ, говорила я своимъ слушателямъ и объяснила имъ, какъ организовать этическій кружокъ при Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ.—Соберитесь и выберите изъ своей среды распорядителя. Если хотите, чтобы у васъ были протоколы, то выберите, кромѣ того, двухъ секретарей.

Мысль о протоколахъ моимъ слушателямъ понравилась.

— Потомъ поступайте такъ: у распорядителя будетъ тетрадь, и въ эту тетрадь пусть онъ записываетъ всѣ темы, которыхъ предлагаютъ члены.

— А какія темы?

— Берите темы изъ текущей литературы. У насъ въ кружкѣ бываютъ и философія—отвлеченные и практическія, въ родѣ того, напр.: „Что такое этика?“, „Смыслъ жизни“, „Значеніе вегетарянства“, „О графологии“. У насъ пишутся и рефераты, но вы рефератовъ первое время не берите на себя писать. Если вы съ этого начнете, рефераты у васъ будутъ плохи. Лучше думайте о прочитанномъ и повѣрьте, что со временемъ у васъ явятся рефераты и что они будутъ содержательны, чѣмъ если бы вы задались теперь же мыслью ихъ писать. Итакъ, распорядитель записываетъ темы въ тетрадь и въ конецъ каждого собранія ихъ читаетъ, и каждый членъ пишетъ на бумажкѣ ту тему, которая ему болѣе нравится. Такимъ образомъ или закрытой баллотировкой избирается тема на слѣдующее собраніе и объявляется, кто ея авторъ. Авторъ имѣть право предсѣдательствовать или, если не желаетъ воспользоваться своимъ

правомъ, то передаетъ его распорядителю. Предсѣдатель долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не говорили всѣ сразу, и, когда вопросъ исчерпанъ, обобщаетъ все сказанное. Съ темой вносится и нѣсколько тезисовъ или вопросовъ, иначе пренія будутъ распадаться и сдѣлаются неопределеными: каждый будетъ говорить, что ему вздумается, и руководящая нить исчезнетъ. Надо ставить вопросы по возможности ясно и точно. Протоколы пишутся по возможности кратко, а фамиліи лицъ, которыхъ участвовали въ преніяхъ, не упоминаются,—такъ это дѣлается въ этическомъ кружкѣ.

И вотъ теперь вопросъ заключается въ томъ, могутъ ли учащіе устроить кружокъ безъ того, чтобы имъ постоянно помогали старшіе, хотя они и пришли въ восторгъ и твердо рѣшили собираться.

Но я бы еще болѣе боялась вмѣшательства въ это дѣло тѣхъ старшихъ, которые для насъ начальство. Все то, что внесетъ характеръ принужденія, испортить собранія въ самомъ ихъ корне: лучше, чтобы ихъ вовсе не было, чѣмъ чтобы они стали офиціальными.

Если кружокъ осуществится, то получится надежное средство развитія и самообразованія. Подобные кружки могли бы быть устроены въ каждомъ провинциальному городѣ, и въ нихъ бы соединились учащіе въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такое общеніе на умственной и нравственной почвѣ будетъ расцвѣтомъ русского юношества, на которое мы не можемъ не возлагать надеждъ лучшаго будущаго Россіи.

Д-ръ философ. *M. Безобразова.*

Что читать детьмъ?

22. Наука и Жизнь. Ежемѣсячный журналъ. Редакторъ-издатель Ф. С. Грузевъ. Цѣна 5 руб. въ годъ.

Съ января мѣсяца въ Петербургѣ появился новый журналъ „Наука и Жизнь“, дающій беллетристическая произведенія, популярныя статьи, замѣтки обѣ успѣхахъ въ области науки и искусства, рецензіи о книгахъ и пр. Первая книги напечатаны на приличной бумагѣ, убористымъ шрифтомъ, въ два столбца, размѣромъ до 300 страницъ. Содержаніе журнала интересное и разнообразное. Въ первыхъ номерахъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, рассказовъ оригинальныхъ и переводныхъ, научно-популярныхъ статей и т. п. Журналъ дѣйствительно слѣдить за наукой и даетъ соотвѣтствующія статьи, замѣтки обѣ успѣхахъ знанія, о новѣйшихъ открытияхъ (граммофоны и пр.), а также весьма подробная рецензія о книгахъ выходящихъ и вышедшихъ уже раньше. Послѣднія пишутся такъ, что читатель

рекомендуетъ можетъ достопримечательности

можетъ обстоятельно познакомиться съ содержаніемъ книги и ея достоинствами. Вообще журналъ оправдываетъ свое название и можетъ служить для самообразованія.

К. Я.

23. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденія и значенія для промышленности. Драгоценные камни. Д-ра Р. Браунса. Перев. подъ редакціей проф. А. А. Иностранцева. Со многими политипажами въ текстѣ, 73 таблицами въ краскахъ и 18 фототипіями. Цѣна за 10 вып. по подпискѣ 25 руб. Вып. I. Цѣна 2 р. 75 к. Спб. 1904 г. Издание А. Ф. Деврена.

Минералы не пользуются у насъ такъ любовью, какъ птицы или цвѣты, и наука минералогія въ популярномъ изложеніи не имѣетъ того широкаго распространенія, какъ зоологія или ботаника. Главная причина этого заключается въ томъ, что на царство минераловъ долго смотрѣли, какъ на царство смерти, и минералогію считали мертвымъ предметомъ. Отсюда произошла та бѣд-

ность хорошими руководствами и научно-популярными книгами, а также необходимыми коллекціями, которая связываетъ руки каждому желающему познакомиться съ этимъ нѣмымъ міромъ. Въ послѣднее время стали появляться толковыя и интересныя книги по минералогіи, снабженныя недурными рисунками, но послѣдніе не могли все-таки дать читателю такого же яснаго представлѣнія о минералѣ, какое даютъ рисунки о животныхъ или растеніяхъ, т.-е. эти рисунки не могли замѣнить коллекцій. Теперь появилась книга „Царство минераловъ“ Браунса, которая затмитъ всѣхъ своихъ предшественницъ и совершенно можетъ замѣнить натуральную коллекцію минераловъ. Послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ какъ не только въ семье, но и далеко не во всякой школѣ есть по-рядочное собраніе минераловъ. Въ книгѣ Браунса на семидесяти съ лишнимъ красочныхъ таблицахъ и около 20 фототипіяхъ, представляющихъ рѣдкое произведеніе искусства, изображены въ самомъ естественномъ видѣ всѣ главнѣйшия минералы. Таблицы и фототипіи изго-

тавлены за границей и являются верхомъ совершенства техники и съ одинаковой точностью изображаютъ цвѣть, и блескъ, и прозрачность минераловъ. Это лучшіе рисунки, которые приходилось намъ видѣть въ заграничныхъ дорогихъ изданіяхъ. Содержаніе книги въ высшей степени интересно и разнообразно. Послѣ небольшого введенія, посвященнаго общимъ понятіямъ о минералахъ, ихъ свойствахъ, формѣ, кристаллизациѣ, химическомъ составѣ и т. д., слѣдуетъ подробное описание каждого въ отдѣльности, въ порядке его важности для человѣка, распространенности и роли въ общемъ хозяйствѣ природы. Авторъ начинаетъ съ описанія рудъ и ихъ производныхъ. Давъ общее понятіе о рудѣ и о ея залеганіи, онъ переходить къ золоту. Въ первомъ выпускѣ, содержащемъ 64 стр. огромнаго формата (въ $\frac{1}{4}$ долю листа), специальной части отведено всего лишь страницъ 10, все же остальное занято введеніемъ. На долю золота, такимъ образомъ, приходится

Что читать детямъ?

всего 6 страниць, но и по нимъ можно судить, какое универсальное значеніе будетъ имѣть книга Браунса: здѣсь сообщается масса свѣдѣній, необходимыхъ для самообразованія и для специалистовъ. Особенно эту книгу можно рекомендовать для семьи и школы, гдѣ она замѣнить учителя и самое полное руководство, а ея превосходные рисунки не хуже коллекціи дадутъ самое полное и точное представлѣніе о наружномъ видѣ и физическихъ свойствахъ минераловъ. Въ первомъ выпускѣ приложено 11 таблицъ красочныхъ и фототипическихъ, изображающихъ различные минералы. Особенно хороши изображенія золота, пластины, мѣди и ихъ руды: въ нихъ блескъ металловъ и цвета примѣсей переданы съ поразительной точностью. Имъ не уступаютъ рисунки дымчатаго хрустала, кристаллическихъ формъ, формъ роста... Замѣчательно хорошо изображено двупреломленіе въ известковомъ шпатѣ. Книга безусловно заслуживаетъ видное мѣсто въ научно-популярной литературѣ, такъ какъ равной ей на русскомъ языке еще неѣтъ. Ея распространенію способствуетъ еще то, что она можетъ быть приобрѣтаема выпусками или въ разсрочку по подпискѣ. О слѣдующихъ выпускахъ по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ будуть даны отзывы.

Д-ръ К. Яцута.

24. Къ южному полюсу! Перев. съ англійскаго. Э. Пименовой. Съ рис. Библіотека „Юнаго читателя“. Цѣна 25 к.

Въ то время, какъ путешествіемъ къ сѣверному полюсу посвящено не мало книгъ, южный полюсъ извѣстенъ читателямъ гораздо меньше. Этотъ пробѣль до нѣкоторой степени заполняется переводомъ г-жой Пименовой книжки, заключающей въ себѣ описание путешествія къ южному полюсу одной бельгійской экспедиціи въ 1897 году на пароходѣ „Бельжика“.

Экспедиція отправилась изъ Ріо-Жанейро, посѣтила Уругвай, Отненную землю и въ Южномъ ледовитомъ океанѣ провела долгую полярную ночь. Докторъ Кука, одинъ изъ членовъ экспедиціи, вѣль дневникъ путешествія, въ которомъ

онъ подробно описываетъ животный и растительный міръ странъ, прилегающихъ къ южному полюсу, образъ жизни населения этихъ странъ, явленія южной полярной природы, а также всѣ испытанія, которыми была преисполнена ихъ жизнь въ полярныхъ льдахъ.

Хотя эта книга можетъ показаться нѣсколько однообразной въ виду часто повторяющихся событий, похожихъ одно на другое, тѣмъ не менѣе она безусловно полезна и прочтется съ интересомъ ребенкомъ школьнаго возраста. *К. Я.*

25. Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ европейскихъ птицъ. Составили: проф. Н. А. Холодковскій и А. А. Силантьевъ. Ц. 18 р. Изд. А. Ф. Девріена.

Какъ бабочки среди низшихъ животныхъ, такъ птицы среди высшихъ пользуются особенной нашей любовью. Интересъ къ птицамъ пробуждается у каждого, кто только побываетъ на лонѣ природы и понятно, что заинтересовавшійся любитель пернатаго царства пожелаетъ узнать название той или другой птицы. Здѣсь онъ встрѣтить серіозное затрудненіе, такъ сказать съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, число различныхъ птицъ столь велико, что невозможно всѣхъ ихъ знать или довѣряться познаніямъ другихъ любителей; во-вторыхъ, ни одинъ учебникъ зоологии и ни одна популярная книга о животныхъ, не исключая даже Брэма и Гааке, не можетъ помочь въ опредѣлѣніи самой обыкновенной птички. Здѣсь необходима специальная книга, рассматривающая подробно образъ жизни и виѣшность каждой птицы отдельно. Такой книгой является сочиненіе проф. Холодковскаго „Птицы Европы“. Это прекрасное, капитальное и, конечно, не дешевое руководство для желающаго основательно познакомиться съ русскими и даже европейскими птицами. Чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ любителей, авторы раздѣляютъ свою книгу на общую и специальную часть; первая содержитъ 218 страницъ большого формата, вторая—635 страницъ. Общая часть, въ свою очередь, раздѣляется на семь

главь. Первая глава содержит изложение строения и отправления птичьяго организма, вторая посвящена вопросу о размножении птицъ, третья — о различныхъ системахъ классификаціи. Четвертая, весьма интересная глава, знакомить съ географическимъ распределеніемъ птицъ и съ явленіемъ перелета ихъ; пятая глава указываетъ цѣль и средства наблюденія надъ птицами, а шестая и седьмая посвящены техническимъ вопросамъ: какъ сохранять птицъ въ коллекціяхъ, какъ препаровать птичии шкурки, набивать чучела и т. п., какъ ловить птицъ и содержать ихъ въ неволѣ. Приложеніемъ къ общей части служатъ двѣ главы, изъ которыхъ одна содержитъ подробное описание тѣхъ наружныхъ частей птицъ, которая имѣютъ особенное значеніе въ систематикѣ, вторая же составляетъ подробный определитель отряда, семейства, рода и вида птицъ. Специальная часть, составляющая главный отдѣлъ книги, посвящена подробному описанію всѣхъ европейскихъ птицъ. Здѣсь разсмотрѣны слѣдующіе тринаадцать отрядовъ: хищныя, воробынныя, стрижеобразныя, кукушкообразныя, дятловыя, голубинныя, куричныя, голенастыя, аистовыя, пластинчатоклювые, длиннокрылые, веслоногія и нырцовыя. Въ этихъ отрядахъ заключается болѣе шестидесяти семействъ: соколинныя, совинныя, грифо-

выя, вороновыя, скворцовыя, иволги, синицы и т. д.; что касается родовъ птицъ, то ихъ здѣсь болѣе сотни, а видовъ болѣе пятисотъ. Въ видѣ добавленія къ специальной части, приложено шестьдесятъ красочныхъ таблицъ, точно воспроизведящихъ всѣ описанные здѣсь 508 видовъ, при чемъ почти всѣ хищныя птицы изображены въ 2—3 экземплярахъ: самецъ, самка и молодой, такъ какъ у многихъ соколиныхъ породъ полъ и возрастъ такъ рѣзко отличаются, что одинъ и тотъ же видъ можно принять за различные. Особенно красивы таблицы, рисованная Шпехтомъ и изображающая пѣвчихъ птицъ. Изложеніе книги прекрасное и произведено по строго выдержанному плану. Сначала дается общая характеристика отряда, при чемъ описывается ихъ анатомическое устройство, географическое распределеніе, образъ жизни ихъ и даются нѣкоторыя практическія указанія; далѣе по такой же системѣ описывается семейство, родъ и виды птицъ. Въ заключеніе надо сказать, что въ этомъ сочиненіи находится списокъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ сочиненій, касающихся птицъ Европы и Россіи. Что касается внешности изданія, то она безукоризненна.

Д-ръ К. Янута.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Августъ — № 8.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 8.

1. Два типа. В. Поворинской	305
2. О назначении женщины. Перев. съ нѣм. И. Гордлевой	316
3. Опасные для глазъ карандаши. Д-ра Р. Баца.	329
5. Что читать дѣтямъ?	332

Два типа.

Съ ними обоими я познакомилась, когда они были уже юношами съ очень опредѣленными чертами характера. А затѣмъ я узнала изъ воспоминаний ихъ родителей и родственниковъ, какъ они воспитывались. И наследственность, и пріемы воспитанія, и судьба ихъ, все было различно, даже диаметрально противоположно, — не диво, что и результаты получились совершенно разные. Типы эти являются двумя крайностями нашего современного воспитанія. Вдумываясь въ нихъ, не найдеть ли читатель седину, которая поможетъ ему пойти вѣрнымъ путемъ къ воспитанію нового человѣка.

Рѣдко наружность такъ отвѣчаетъ внутренней сторонѣ человѣка, какъ это можно было наблюдать въ Панечкѣ Лѣтнєвѣ и Ванѣ Петровѣ.

Во всей фигурѣ Панечки видно желаніе казаться изящнымъ, элегантнымъ кавалеромъ: тужурка по послѣдней модѣ, особенный узелъгалстуха, какието удивительные духи, локоны, браслеты, все говорить, что она много думаетъ о своей наружности и хотѣлъ

бы быть замѣченнымъ, хотя бы по kostyому. Но, несмотря на правильныя черты лица и франтовство, весь его обликъ не удовлетворяетъ именно требованію красоты, чувство изящнаго страдаетъ при видѣ этой не то изломанной, не то развидченной фигуры.

Сѣро-зеленоватый цвѣтъ лица, испорченные зубы, всегда холодныя руки — ясно говорять о подорванномъ здоровыи. Смотритъ онъ, прищуривъ глаза, наклонивъ голову слегка на бокъ, точно и держать-то ее прямо не хватаетъ силъ, говорить — пѣдитъ слова, а то вдругъ вдохновится, заговорить быстро, ссыпя красивыя фразы, и самъ тогда точно прислушивается къ своей рѣчи: „что, моль, красно, вѣдь, говорю?“

Особенно любить онъ позировать передъ барышнями. Онъ близко наклоняется къ своей собесѣдницѣ, томно глядитъ ей въ глаза и декламируетъ стихи. Это его специальность, т.-е. не поэзія вообще, нѣтъ, а только чтеніе стиховъ барышнямъ. Въ большинствѣ случаевъ это произведенія его собственной музы и иногда очень недурные по формѣ. Глубокой мысли или сильнаго чувства въ нихъ, конечно, нѣтъ. Всего чаще въ нихъ говорится о любви, и обыкновенно нераздѣленной, несчастной, но тѣмъ не менѣе „великой любви“.

Онъ любить казаться разочарованнымъ, непонятнымъ. Когда, бывало, у насъ собиралась шумная ватага моло-

дежи, затягивались игры, шарады, разговоры киньтъ,—нашъ Панечка хотя и играетъ, но какъ взрослый съ пятилетними ребятишками, мило улыбаясь собственной добротѣ, побудившей его снизойти до этого, или сидитъ въ сторонѣ, меланхолически перебирая струны мандолины и подбирая аккорды на фортепіано.

Надо сказать, что у него недурной музыкальный талантъ, онъ мило играетъ на скрипкѣ, роялѣ, мандолинѣ и даже пишетъ незатѣмливыхъ мелодій для романсовъ, для чего беретъ уроки теоріи музыки.

Но ни одна вещь не бываетъ отдельна до конца, онъ всегда „наигрываетъ“ и никогда не играетъ такъ, чтобы можно было сказать: „вотъ эту вещь оять разучилъ вполнѣ“.

Вообще у него много талантовъ, онъ удивительно разностороненъ. Нѣть области, которая бы ему не была знакома, о которой онъ не судилъ очень определенно, выказывая яко бы массу знаній. Если его слушаетъ мало свѣдущій человѣкъ, то навѣрное подумаетъ: „вотъ знатокъ, понимающій дѣло“.

Помню, разъ собралась компанияѣхать на щлюпкѣ въ море, на необитаемый островъ, отстоящій отъ берега на нѣсколько десятковъ верстъ. Панечку не брали съ собой, и тотъ съ досады началъ доказывать, какъ опасно это путешествіе. Онъ сыпалъ техническими названіями, разбиралъ всевозможные случаи, самъ ставилъ вопросы, отвѣчалъ на нихъ, обсуждалъ значеніе каждой снасти, ссылался на метеорологические бюллетени послѣднихъ дней,—гибель казалась неминуема для нашего экипажа. Я, хотя и хорошо знала Панечку, все же призадумалась:

— Вы точно настоящій морской волкъ все это знаете.

— Ахъ, я такъ много обѣ этомъ читалъ, кроме того, НН говорить тоже самое.

Къ счастію, память у меня хорошая, и я довольно точно передала его разсужденія одному опытному моряку. Онъ разсмѣялся.

— Ну, и аллюмбъ же у этого господина! сказалъ онъ мнѣ, очень легко и убѣдительно разбивъ теоріи Панечки.

Замѣчательно одно обстоятельство: Панечка, точно чуя, что ему не очень довѣряютъ, всегда всѣ свои споры заканчиваетъ ссылкою на чай-нибудь авторитетъ. О чѣмъ бы ни говорили, онъ посадѣ двухъ-трехъ доводовъ неизменно скажетъ: „Иванъ Ивановичъ говорить то-то, Петръ Петровичъ утверждаетъ это“. И притомъ всегда по имени и отчеству: „вотъ, мольсь какими авторитетами и какъ близко я знакомъ“.

— Да кто же это Петръ Петровичъ? спросишь его.

— Ахъ, это нашъ извѣстный художникъ, я хорошо съ нимъ знакомъ, съ скромной улыбкой нѣсколько небрежно отвѣчаетъ Панечка и расскажетъ при этомъ какую-нибудь подробность изъ жизни художника. Послушаешь его, подумаешь, какъ, однако, интимно знакомъ онъ съ НН, что тотъ говорилъ съ мальчикомъ о такихъ вещахъ. А потомъ оказывается, что онъ у НН бываетъ два раза въ годъ, на Новый годъ да на Пасху, а черезъ недѣлю узнаешь отъ знакомыхъ, что онъ ссылался точно такъ же на Х., котораго онъ видѣлъ единственный разъ у насъ же и при мнѣ сказалъ съ нимъ ровно пять словъ.

Панечка быстро и легко схваты-

вает верхи, онъ пишетъ (или, вѣрѣе, разсказываетъ барышнямъ, какъ онъ пишетъ) повѣсти и драмы, рисуетъ углемъ и акварелью, фехтуетъ, бѣгаетъ на лыжахъ, боксirуетъ, береть призы на велосипедныхъ гонкахъ, побѣждаетъ въ футъ-бооль,—охъ, Боже мой, да чего же наконецъ онъ не умѣеть или не знаетъ? Да, забыла еще: онъ страстный театраль и берется за исполненіе всякихъ ролей, начиная съ Чапкаго, кончая Осипомъ.

Мнѣ не удалось его видѣть на сценѣ, но я видѣла его на репетиціяхъ.

Съ первого взгляда казалось, что онъ лучше всѣхъ понялъ свою роль: въ то время, когда другіе участники еще только читали по тетрадкамъ безъ всякаго выраженія, Панечка уже декламировалъ, становился въ позы— масса жестовъ, вибрація голоса, игра лица. Но наступали третья, четвертая репетиціи, другіе актеры входили въ роль, у большинства выяснялось своеобразное пониманіе изображаемаго лица, каждый старался воплотить типъ,—Панечка же оставался все съ тѣми же жестами, одинаково пригодными и для Ревизора, и для Фамусова, ни одной характерной черточки даннаго типа у него не было замѣтно. На замѣчаніе режиссера, что надо разнообразить жесты, что, напр., взъерошивши вѣлокъ не подходитъ къ изображаемому имъ элегантному господину, нашъ Панечка самодовольно отвѣталъ: „Самойловъ или Варламовъ совершенно такъ проводятъ роль, Сазоновъ непремѣнно крутитъ усы при этомъ“ и т. п.

Разъ мы шутливо принялись обсуждать, есть ли такое дѣло, за которое бы Панечка не взялся. Какъ разъ я

возилась на кухнѣ за приготовленіемъ пирога. „Вотъ попроси его, мама, помочь тебѣ стряпать, откажется или нетъ?“, смѣялись мои дѣвочки. На другой день Панечка какъ разъ является во время стряпни. Дѣвочки ведутъ его подъ какимъ-то предлогомъ ко мнѣ на кухню. Едва успѣвъ поздороваться, онъ сейчасъ же заявляетъ: „Ахъ, хотите, я вамъ приготовлю картофель *à la Napoleon*; меня этому научилъ поваръ графа Шереметьева, это очень вкусно: надо взять сметаны“... и пошелъ объяснять.

Мои шалуны не выдержали и покатались со смѣху, да, признаюсь, и мнѣ понадобилась большая доля самообладанія, чтобы не расхохотаться при видѣ Панечки, элегантнаго, раздущеннаго Панечки, берущаго двумя пальчиками картофелину и начинающаго съ серіознымъ видомъ ее чистить. Говорить онъ можетъ о чёмъ угодно, при чёмъ отлично улавливается съ кѣмъ, о чёмъ и какъ говорить и всегда говоритъ въ тоъ собесѣднику, т.-е. онъ позволяетъ себѣ не всегда съ нимъ соглашаться и ежеминутно раздается „*pardon, pardon*, я не совсѣмъ то хотѣлъ сказать, мнѣ кажется, мы съ вами совершенно согласны, только вотъ тутъ маленькая поправка“, однимъ словомъ, этимъ незначительнымъ разногласиемъ онъ только еще рѣзче оттеняетъ согласие въ главномъ.

„Нельзя не признаться, но съ другой стороны надо сознаться“, вотъ общій характеръ его рѣчи. Онъ любить иногда щеголнуть парадоксами, очевидно, вычитанными где-нибудь, и при этомъ такъ смѣшно оглядывается кругомъ себя: „вотъ, моль, я какую смѣшную мысль сказалъ!“

Вообще всегда, что бы онъ ни дѣ-

ласть, что бы ни говорить, онъ рисуется, въ его манерахъ есть что-то, напоминающее пѣтуха, когда тотъ охорашивается на солнышкѣ, клювомъ разбирая свои перышки.

При первомъ знакомствѣ Шанечка производить впечатлѣніе талантливаго и развитого молодого человѣка; для барышень онъ безусловно интересенъ, первые два-три вечера его заслушиваются, но... скоро обаяніе пропадаетъ. Удивительно, что при всемъ разнообразіи талантовъ, онъ до прѣсноты однообразенъ. Мнѣ прошлось наблюдать его отношенія къ нѣсколькимъ барышнямъ. Болѣе здоровыя, жизненные натуры очень быстро отъ него отворачивались и относились къ нему съ иѣкоторой даже гадливостью, хотя онъ безусловно всегда „приличенъ по манерамъ“. Но несмотря на то, что онъ никогда не позволялъ себѣ ничего лишняго, въ его ухаживаніи всегда бывало что-то, оскверняющее чистое, невинное существо. Онъ любить заглядывать въ душу, подсматривать первые, робкіе проблески чувства: самъ онъ разсказываетъ о своихъ сердечныхъ порывахъ. Любимая тема съ барышней—описаніе его „страстей“ къ другой. Пріемъ довольно вѣрный: заинтересовать собой, вызвать сожалѣніе, желаніе помочь, утѣшить, а тамъ, глядишь, барышня незамѣтно для самой себя и влюбится. А у него всегда готово отступленіе: „вѣдь вы знали, какъ я обожаю, какъ я молюсь на мою Таточку“.

Была одна фантазерка, которая довольно долго увлекалась имъ, думая поддержать его, ободрить, чтобы онъ подъ ея вліяніемъ началъ заниматься своими талантами, особенно музыкой и поэзіей, но въ концѣ концовъ, вы-

слушивая все тѣ же отрывки и обрывки сонетовъ, романсовъ, повѣстей безъ конца и драмъ безъ начала, она поняла его и отвернулась.

Онъ нравится болѣзненнымъ, истеричнымъ натурамъ, которыя любятъ тосковать безъ причины, томиться неизвѣстной печалью, онѣ, сами живя ложной жизнью, видѣть и въ немъ неизвестнаго генія, непонятаго поэта, въ то время, когда онъ только эгоистъ *rag sang*. Онѣ въ восторгѣ отъ его стихотвореній, гдѣ вѣчно повторяется „жизнь безучастная, жизнь запоздалая“, и т. п. Вотъ, напр.:

„Молчи, поэтъ! Толпѣ не до тебя,
До скорбныхъ думъ твоихъ
Кому какое дѣло!“

Вѣдь какая клевета на людей и сколько сатанинскаго самолюбія! Что можетъ онъ, въ 19 лѣтъ, баловень семьи, сказать такого „скорбнаго“, чтобы вызвать „священный ужасъ“ толпы? Ну, а барышни, вздрагивающія отъ малѣйшаго шума, при чтеніи этихъ строфъ, да еще, когда онъ прерываетъ чтеніе вздохами или небрежнымъ взмахомъ руки откидываетъ яко бы непокорные локонъ (а самъ тщательно зашивался въ этотъ день), понятно, „барышни-неземныя созданія“ леденѣютъ отъ восторга.

Ахъ, если бы онѣ знали, какъ этотъ „непонятый поэтъ“ любить поживиться на чужой счетъ, какую массу сладкихъ пирожковъ съѣдаеть онъ да еще въ долгъ! Если бы онѣ знали, что часто эти „дивные“ стихи, хотя и не совсѣмъ списаны, но все же очень ловко перерѣбланы, при чемъ два-три слова замѣнены другими, измѣнено время глаголовъ, вместо первого лица написано третье и т. д.

Бѣдныя барышни!

Только однажды я его видѣла искреннимъ: онъ заговорилъ о своей карьерѣ.

— Я перейду въ Правоѣдѣніе, во-первыхъ, одинъ годъ экономіи времени, а то, пожалуй, и больше при всякихъ этихъ глупыхъ обетрукціяхъ, гдѣ каждый совершенно невольно можетъ попасться. Во-вторыхъ, оттуда всегда легче ходъ, образуются связи уже на школьной скамье, тамъ все дѣти влиятельныхъ родителей, такъ что при случае есть кого попросить, у кого похлопотать. А это такъ важно для человѣка, у которого служба всегда будетъ на второмъ планѣ, потому что онъ чувствуетъ въ себѣ иныхъ силы. Не могу же я корпѣть всю жизнь надъ „входящими и исходящими“, когда какой-нибудь мотивъ не даетъ покоя и такъ и просится излиться въ звукахъ, или рифмы раздражаютъ и точно нарочно дразнятъ и манятъ къ листу бумаги!..

Но, конечно, все это вздоръ: не призваніе къ поэзіи или музыкѣ влечетъ его къ легкой карьерѣ, а просто неумѣніе трудиться, привычка жить легко и сладко. Привычка эта создалась всѣмъ его воспитаніемъ. Онъ единственный сынъ довольно зажиточныхъ родителей, которые берегли каждую копейку, чтобы тратить сотни рублей на своего милаго Панечку. Мать только имъ жила и дышала, но она была даже нѣсколько строже отца, она, хоть и изрѣдка, находила въ себѣ силы отказать любимчику въ его прихотяхъ. Отецъ же принципіально былъ за баловство. Его теоріей было: „Жизнь такъ тяжела, въ ней столько горя и страданія, что пусть хотя въ дѣствѣ и юности нашъ Панечка не чувствуетъ этой тяготы и живеть одними наслажденіями. Что стоитъ намъ, людямъ, привыкшимъ къ вся-

ческимъ невзгодамъ, лишеніямъ, иной разъ отказать себѣ въ чемъ-либо и этимъ получить возможность дать Панечкѣ нѣсколько минутъ наслажденія. Мы много вынесли и этимъ купили себѣ право оградить его, наше единственное дитя, отъ лишеній и невзгодъ“.

— Но, Боже мой, исполняя всѣ его прихоти и капризы, вы создаете у него все новые и новые потребности, отъ неудовлетворенія которыхъ онъ непремѣнно будетъ страдать, вѣдь вы этимъ потворствомъ ослабляете его, отнимаете у него силы, нужные ему для борьбы съ жизнью, о которой вы сами говорите, что она трудна, тѣгостна.

— Ахъ, что тамъ дальше ждетъ его—это еще вопросъ. Можетъ быть, я, по крайней мѣрѣ, всею душою вѣрю въ это, судьба улыбнется ему. Онъ такъ талантливъ, онъ съ такой возвышенной душой, что не можетъ быть, чтобы онъ не былъ счастливъ! Да во всякомъ случаѣ, пока я живу, я всегда защищу его, хотя бы своею грудью. Вѣдь его утѣха—моё счастье, его непріятность—худшее горе для меня, вѣдь для него одного я живу, весь остальной смыслъ жизни давно утерянъ мною.

И все это говорилось съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такъ искренно, что у меня сердце перевернулось отъ жалости къ этому бѣдному заблуждавшемуся отцу. Я больше не стала спорить съ нимъ, но какъ тяжело было видѣть, когда года черезъ два Панечка стала показывать свои зубки даже такъ безумно любившему его отцу.

— Что подѣлываетъ вашъ папа? спросила я какъ-то разъ Панечку.

— Право, не знаю, я его что-то около недѣли не видаль.

— Какъ это такъ?

— Я встаю поздно, онъ рано уѣзжаетъ на службу, а возвращаюсь я домой—старики мои спятъ.

— А обѣдаете вы гдѣ же?

— У Таточки, я цѣлый день провожу у нея, по утрамъ у насъ устраивается партія въ теннисъ, а по вечерамъ у знакомыхъ винчу, у насъ со-ставляется опредѣленный винтъ, замѣ-чательно интересный.

— Но вѣдь ваши старики, должно-быть, скучаютъ безъ васъ?

— Да, конечно, но если бы я осталася дома, то я бы скучалъ съ ними. Кто-нибудь долженъ жертвовать собою, философски заключать онъ.

„Ну, понятное дѣло, имъ жертвовать не привыкать стать!“ подумала я.

— Но почему же вы будете скучать съ ними? Вашъ отецъ (кстати сказать, какие же они старики: ему лѣтъ пять-десять, матери еще меньше) одинъ изъ выдающихся дѣятелей, въ высшей степени образованный человѣкъ; мать ваша очень умная, много читала, знаетъ нѣсколько языковъ, съ ней по-ложительно не замѣчаешь, какъ идетъ время.

Панечка немного растерялся, но быстро нашелся:

— Безспорно они не глупы, образованы, начитаны, но... они меня не понимаютъ. Я представитель новой школы, имъ чужды наши стремленія, наши идеалы.

Я не слушала его больше, потому что отлично знала, что ни къ какой новой школѣ онъ не принадлежитъ, и Ольга Андреевна всегда сумѣла бы понять, если бы ему вздумалось вы-сказать ей.

Да вѣдь немъ и нечего было понимать; съ другой стороны, рисоваться передъ

матерью онъ не считалъ нужнымъ; кроме того, миѣ кажется, она, какъ серіозная музыкантша, начинала уже понимать, что даже изъ музыки Панечки не будетъ никакого проката, и довольно-таки рѣзко настаивала на болѣе серіозныхъ занятіяхъ, а Панечка этого не хотѣла и потому все меньше и меньше бывалъ дома, предоставляя отцу единственное удовольствіе выдавать ему деньги, которыхъ онъ тратилъ все больше и больше.

B. Поворинская.

(Оконч. въ слѣд. №).

О назначеніи женщины.

Вторая лекція д-ра медицины Шульце¹⁾.

Женская нервная система въ общемъ своемъ строеніи та же, что и мужская; однако, женское тѣло сплошь нѣжнѣе и слабѣе мужскаго и всѣ нервныя тка-ни этого тѣла утонченѣе и нѣжнѣе. Даже опытнейшіе анатомы не сумѣютъ однимъ простымъ взглядомъ отличить женскаго мозга отъ мужскаго. Средний вѣсъ женского мозга на 150 граммъ менѣе мужскаго, но это не исключаетъ возможности единичныхъ случаевъ, когда женщины своимъ умомъ и вѣсомъ своего мозга далеко превосходятъ мужчины.

Нижеприведенные факты препятствуютъ намъ принимать вмѣстѣ съ матеріалистами, что, на основаніи меньшаго вѣса мозга, женщина обладаетъ безповоротно и меньшимъ умомъ. Факты эти слѣдующіе: 1) умственныя способности зависятъ не столько отъ вѣса мозга, сколько отъ качественного

¹⁾ Первую лекцію см. „Восп. и Об.“ № 7, ст. 273.

О назначении женщины.

внутренняго его строенія; 2) удъльный вѣсъ женскаго мозга немного больше мужскаго; 3) отношеніе мозгового вѣса къ общему вѣсу всего тѣла оказывается у женщинъ благопріятнѣе, нежели у мужчинъ; 4) сравнительно меньшій вѣсъ большого мозга у женщинъ происходит не столько отъ служащихъ мышленію мозговыхъ клѣточекъ, сколько отъ идущихъ отъ нихъ болѣе тонкихъ нервныхъ волоконъ, управляющихъ слабой мускулатурой женщины; 5) ростъ женщины обыкновенно меньше мужскаго, а потому, при меньшемъ объемѣ тѣла, будетъ естественнымъ и меньшій объемъ мозга; 6) наконецъ, вѣсъ и объемъ мозга существенно зависятъ отъ духовной жизни, которая у женщинъ сравнительно менѣе интенсивна. „Женщина будущаго“ получить, безъ сомнѣнія, съ болѣе полнымъ духовнымъ развитиемъ и большій объемъ и вѣсъ мозга.

Качество мозговой работы обусловливается постояннымъ притокомъ крови, сильно насыщенной кислородомъ. Поэтому слѣдующее обстоятельство можетъ имѣть неблагопріятное дѣйствіе на женскую мозговую дѣятельность: легкія женщины вбираютъ при каждомъ дыханіи на 90 куб. сант. менѣе воздуху, чѣмъ у мужчины, а потому и менѣе кислороду поступаетъ въ ея кровь. Далѣе, постоянство и правильность мозговой работы существенно зависятъ отъ правильности кровообращенія въ мозгу. Колебанія давленія крови въ мозгу вызываютъ неправильности въ колебанія и въ духовной дѣятельности. Этимъ-то колебаніямъ давленія крови весьма часто подвергается женскій мозгъ, отчасти на основаніи большей впечатлительности женской природы вообще, отчасти же

вслѣдствіе извѣстныхъ, присущихъ женскому организму, періодически возврашающихся состояній, когда каждый разъ нарушаются правильное отправление даже духовныхъ процессовъ женщины. Слѣдуетъ еще замѣтить, какъ важное обстоятельство, что у женщинъ, при менѣшемъ ростѣ, и нервныя волокна короче. Сообразно этому, для передачи нервныхъ впечатлѣній достаточно болѣе короткаго времени. Оттого же впечатлѣнія быстрѣе воспринимаются женщинами, что обозначаетъ большую живость внѣшнихъ ощущеній и вмѣстѣ съ тѣмъ большую живость душевной жизни женщины.

Процессы, которыми душа разрабатываетъ все богатство представленій, возникаютъ въ самой душѣ. Однако, по своему внутреннему содержанію, душа стоитъ въ зависимости отъ числа и строенія органовъ внѣшнихъ чувствъ, отъ матеріала, доставляемаго этими органами ощущенія вмѣстѣ съ ихъ мозговыми центрами. Ощущенія органовъ чувствъ суть, слѣдовательно, элементы, изъ которыхъ слагается совокупность нашей душевной жизни. Душевная жизнь наша сложится такъ или иначе, смотря по тому, какъ сложатся по своимъ особенностямъ наши ощущенія.

Передъ нашими глазами выступаютъ выдающіяся различія между мужчиной и женщиной, какъ разъ по отношенію органовъ ощущенія. Изъ этихъ различій поистинѣ проистекаетъ вся разница въ душевной жизни обоихъ половъ. Важнѣйший основной фактъ при этомъ тотъ, что женскія чувственныя ощущенія наступаютъ, какъ мы видѣли, при сравнительно кратчайшемъ времени и слабѣйшемъ возбужденіи, чѣмъ у мужчинъ. Это значитъ, что женщины, безъ

исключений, легче и быстрѣе ощущаются, что для женщинъ достаточно сравнительно слабѣшаго возбужденія и кратчайшей его продолжительности, чтобы произвести ощущеніе.

Конечно, здѣсь не разумѣется разница интеллектуально-логическихъ ощущеній, въ которыхъ мужчина большей частью оказывается сильнѣе. Здѣсь подразумѣвается единственно непосредственная быстрая возбудимость всѣхъ чувствъ и вліяніе чувственныхъ ощущеній на всю душевную жизнь. Однако, различіе восприятія впечатлѣній отнюдь не должно быть преувеличено. Оно даже невелико. Но итоги всѣхъ этихъ маленькихъ отклоненій достигаютъ значительной величины. Послѣдствія всѣхъ этихъ явлений слѣдующія:

Вся душевная жизнь женщины сводится къ быстрѣшему темпу, нежели душевная жизнь мужчины. Ея ощущенія, представленія, мысли, удовольствія и неудовольствія, рѣшенія, дѣйствія слагаются возбужденіемъ, беспокойствомъ, живѣемъ, страстиемъ, нежели у болѣе медленного мужчины. Вся душевная жизнь женщины складывается въ силу указанныхъ фактовъ нѣсколько иначе, нежели мужская. Лекторъ упоминаетъ еще о томъ, что тѣлесное „я“ играетъ у женщины гораздо большую роль, нежели у мужчины, какъ въ натуральномъ своемъ смыслѣ, такъ и въ нравственномъ, и въ общественномъ. Это же тѣлесное „я“ есть не что иное, какъ результатъ взаимодѣйствія нервовъ и ощущеній, изъ чего слова явствуетъ, насколько вся женская душевная жизнь зависитъ отъ большей нервности женского организма.

Женскія представленія и мысли. Представленія образуются изъ чувственныхъ впечатлѣній. Какъ было толь-

ко что доказано, процессъ ощущенія совершаются у женщины быстрѣе, нежели у мужчины, а потому и образование представлений совершается у нея быстрѣе, при чмъ вѣрность представляемаго, конечно, вовсе къ вопросу не относится. Доказательствами сказаннаго служатъ: быстрѣшая рѣчь, поспѣшная сужденія, процентъ одной занки женщины на 8 занкъ мужчинъ, и пр.

Представленія сохраняются памятью. Женская память преимущественно относится ко всѣмъ конкретнымъ впечатлѣніямъ, на которыхъ сосредоточиваются женскіе интересы, слѣдовательно: ко всему домашнему, хозяйственному, къ руководству, къ семейнымъ отношеніямъ, ко всему родственному, дружескому, къ личностямъ, къ личнымъ особенностямъ и ко всему свѣтскому или сопраженному съ сердечной жизнью женщины или ея материнской дѣятельностью, въ особенности же къ душевнымъ настроеніямъ и, наконецъ, къ языкамъ.

Женская память оказывается слабѣе во всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ чисто теоретической науки и во всѣхъ сферахъ, не подлежащихъ женщіѣ: въ политикѣ, техникѣ, промышленности и пр. Женщины лучше, нежели мужчины, сохраняютъ до глубокой старости свою конкретную память и рѣдко совершенно утрачиваютъ такъ называемую „память памяти“.

У женщины необыкновенно живо воспроизвѣдающее воображеніе, способность пробуждать прежде сложившіяся представленія, образуя изъ нихъ случайныя, вовсе не логически необходимыя, новыя сочетанія въ силу такъ называемаго закона ассоціаціи представлений. Это прямое слѣдствіе быстро-

ты ощущений, представлений и чувствъ подтверждается разговорнымъ искусствомъ женщинъ и ихъ грезами наяву. Женское воспроизведящее воображеніе легко становится безсвязнымъ, такъ какъ оно не сдерживается строгою логикою. Оно бросается съ пятаго на десятое, принимаетъ неправдоподобнѣйшее за правду, невозможнѣйшее за возможное, какъ это доказывается женскими сплетнями и плохими женскими литературными произведеніями. Воспроизведящее воображеніе женщины постоянно нуждается въ пишь именно потому, что оно такъ сильно развито. Отсюда происходит женское любопытство и увлеченіе пестрою смѣсью разсказовъ и романовъ. Любознательность есть потребность логически послѣдовательного труда для удовлетворенія разсудка и разума; любопытство же есть потребность многочисленнаго разнообразія для исключительного удовлетворенія воображенія.

Творческое воображеніе слѣдуетъ точнѣйшимъ образомъ отличать отъ воспроизведяющаго. Творческое воображеніе или творческая фантазія творить новое. По формѣ своей оно въ душѣ ученаго, техника, художника, поэта одно и то же, хотя обрабатываемое содержаніе творческаго воображенія весьма различно, смотря по особенностямъ духовной области каждого. Эта продуктивная фантазія существенно менѣе развита до сихъ поръ у женского пола, нежели у мужскаго. Не то, чтобы ея вовсе не было: выдающіяся заслуги великихъ артистокъ, музыкантшъ, пѣвицъ, художницъ, писательницъ доказываютъ противное. Все же несомнѣмымъ фактомъ остается съдѣющее, что все чужакія изреченія написаны мужчинами, весь про-

грессъ техники и науки совершился ими же, наконецъ, великие художники, архитекторы, ваятели, живописцы, музыканты, поэты были мужчины. А все это вмѣстѣ взятое обозначаетъ высшую степень творческаго воображенія въ мужской душѣ. Возможно, пожалуй, какъ утверждаютъ передовыя поборники эманципаціи, что это послѣднее отношеніе современемъ измѣнится въ пользу женщинъ; однако, до нынѣшняго времени это преимущество мужского пола незыблѣмо установлено.

Слѣдуетъ поэтому поставить вопросъ: отчего женщины до сихъ поръ такъ мало подвизались на упомянутомъ поприщѣ? Творческое воображеніе не есть свободно фантазирующее, воспроизведящее воображеніе. Оно есть духовная дѣятельность, строго пріуроченная къ законамъ не только логики, но и той особенной области, изъ которой оно черпаетъ свое содержаніе, къ законамъ эстетическимъ, научнымъ, техническимъ и пр. Композиторъ, напримѣръ, постоянно ограниченъ законами контрапункта и гармоніи, гениальный художникъ постоянно ограниченъ законами своей художественной области. Продуктивная фантазія „пляшетъ въ цѣпяхъ“. Въ ограниченнѣи лишь сказывается художникъ. Какъ разъ этого обоснованнаго, послѣдовательнаго мышленія чуждается женская душа,—она предпочитаетъ свободныя, мимолетныя представлѣнія. На мѣсто строгихъ логическихъ умозаключеній и осторожныхъ индукцій, женщина охотнѣе ставить вѣроятности и сравненія потому, что она судить скорѣе по своему чувству, нежели по объективнымъ нормамъ. *Она прежде всего лишь съ трудомъ можетъ находить существенное, очевидное, случайное именно потому, что она*

почти всегда понимаетъ чувствомъ, т.-е. субъективно судить.

Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что у образованныхъ мужчинъ больше представлений „меньшаго объема“, нежели у образованныхъ женщинъ. Матеріалъ для духовнаго творчества поэтому у женщинъ ниже и у нихъ его меньше, сообразно чему и ихъ духовное творчество ниже мужскаго. Вѣдь можетъ статься, что женщина будущаго изгладитъ всѣ эти недостатки и что ея продуктивная фантазія достигнетъ тогда высоты мужскаго творческаго воображенія, а можетъ-быть, и превзойдетъ его. Есть ли бездарность женского творческаго воображенія особенность женской души или только послѣдствіе предыдущаго содѣльного угнетенія женщинъ? Вопросъ этотъ тѣмъ скорѣе разрѣшится, чѣмъ меньше будетъ поставлено преградъ къ достижению образовательныхъ стремлений женского пола.

Два сочиненія лектора „Духъ Времени“ и „Германское Воспитаніе“ глубже захватывають этотъ вопросъ.

Не составляетъ ли, однако, до сихъ поръ существовавшій душевный строй женщины какъ разъ лучшаго и цѣлесообразнѣйшаго основанія для ея природнаго назначенія? Она предназначена природою на то, чтобы быть матерью, какъ физически, такъ и психически. Чтобы сдѣлаться совершеннѣею матерью, женщинѣ необходима утонченѣйшая организація ощущеній, угадывающая totчасъ каждую потребность дѣтскаго индивидуума. Ей необходимо сердечное чувство; ей необходима твердая нравственная воля; гораадо менѣе нуженъ ей мѣткій, рѣзкій, логическій умъ. Послѣдній составляетъ

скорѣе орудіе мужчины въ его борьбѣ за существованіе.

Если женщина намѣренна уклоняться отъ своихъ материнскихъ задачъ и стремится къ разсудочной мужественности, то слѣдуетъ опасаться, что она лишится при этомъ ей одной свойственнаго очарованія чистой женственности.

Женское чувство. Чувство есть совершенно субъективное, даже больше того, индивидуальное отношеніе души человѣка ко всѣмъ его представлѣніямъ, ко всей его житейской опытаности. Каждая душа чувствуетъ по-своему и въ различные возрасты и при различныхъ настроеніяхъ различно. О чувствахъ невозможно спорить. Разсудокъ спрашиваетъ о предметахъ, что они такое? чувство же спрашиваетъ, какъ нравится мнѣ то или другое? Чувство судить о предметѣ или о личности не по ихъ объективнымъ признакамъ, а лишь исключительно по тому, какъ они вліяютъ на него, пріятно или непріятно. Всѣ сужденія чувства поэтому совершению субъективны и индивидуальны. Они неоспоримы, пока они единственно ограничиваются выраженіемъ: „мнѣ то-то нравится или не нравится“. Когда же, исходя изъ своего субъективнаго содержанія, подобныя сужденія стремятся опредѣлить объективную суть предметовъ, они подлежать сомнѣнію. Они могутъ быть и скриведливы, насколько они истекаютъ изъ чуткаго, образованнаго чувства, а во всѣхъ другихъ случаяхъ они ошибочны. Фактами доказано, что почти всѣ женскія сужденія суть сужденія чувства, слѣдовательно, всѣкость этихъ сужденій прямо зависитъ отъ качества женскаго чувства.

Лекторъ подраздѣляетъ чувства на формальныя и качественныя.

Формальные чувства суть тѣ, которые не основаны на содержании нашихъ представлений, а лишь на интенсивности ихъ и на скорости, съ которою эти представления передаются нашей душѣ. Чтобы доставить удовольствие, передача эта должна совершаться не слишкомъ скоро и не слишкомъ медленно, безъ особенного труда и не слишкомъ легко. Въ противномъ же случаѣ возбуждается неудовольствие. Такія формальные чувства суть прилежание и отдохновеніе, скуча и развлеченье, ожиданіе (страхъ и надежда), удивленіе (отчаяніе и радость), наконецъ, жизнерадостность или утомленіе жизнью, представляющія, по отношенію ко всему пройденному нами жизненному пути, совокупленіе всѣхъ нашихъ формальныхъ чувствъ.

Лекторъ доказываетъ примѣрами, насколько у женщинъ все эти формальные чувства возникаютъ легче и быстрѣ, нежели у мужчинъ, и какое большое преимущество женщина имѣеть передъ мужчиной въ томъ отношеніи, что эти формальные чувства, со стороны доставляемаго ими удовольствія, развиты у женщины благопріятнѣе, нежели у мужчины. Поэтому жизнь, въ нормальномъ своемъ теченіи, предоставляетъ женщинѣ большую полноту пріятныхъ минутъ, нежели мужчинѣ. Поэтому въ женщинахъ весьма сильна живучесть и привязанность къ жизни, благодаря которымъ она выносливѣе, терпѣливѣе въ превратностяхъ судьбы, успѣшнѣе борется съ несчастіями, болѣзнями, приближающеюся старостью и рѣдко склонна къ самоубийству.

Качественные чувства основаны на опредѣленномъ содержаніи представлений, какъ напримѣръ: интеллектуальная

относится къ наукѣ, эстетическая—къ искусству, религіозная — къ религіи и т. д.

Хотя интеллектуальное чувство научного познанія и слабо развито у женщинъ, отнюдь нельзя изъ этого заключить, что нравственное чувство правдивости было бы чуждо женщинѣ, какъ чувство интеллектуальное, и что она болѣе склонна ко лжи, нежели мужчина. Напротивъ, наивно-натуральная женщина менѣе и рѣже кривить душою, нежели зачастую дипломатически владѣющій собою мужчина. Эстетическое чувство прекраснаго, возвышенаго,—особенно же по отношенію личной красоты,—патетического и смѣшнаго въ большей степени свойственны женской душѣ, нежели мужской.

Истинная самостоятельность основана на точномъ познаніи какъ нашихъ способностей, такъ и нашихъ недостатковъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ какъ чувство нашего достоинства, такъ и сознаніе нашего несовершенства. Она поэтому сопряжена со скромностью. Отсюда истекаетъ благородная гордость или сознательное самоуваженіе, постоянно побуждающее насъ къ исполненію нашихъ обязанностей, такъ какъ безъ того прекратилось бы и самоуваженіе. Истинная самостоятельность есть добродѣтель, отсутствіе же ея—недостатокъ. Правильная самостоятельность отнюдь не должна выражаться въ тщеславіи, высокомѣріи или недостойной униженности. Ненавистники женского пола утверждаютъ, что женщина неспособна къ самоуваженію, а склонна либо къ тщеславію и высокомѣрію, либо къ преувеличенному смиренію. Лекторъ рѣшительно опровергаетъ этотъ упрекъ. У женщины, ве-

дущей дѣятельную трудовую жизнь, окажется столь же мало времени и охоты для тщеславія, какъ и у занятого мужчины. Женщина, воспитанная въ правильномъ познаваніи всего нравственного, достойного, истинного, усмотрѣть въ высокомъріи глупость, т.-е. то, что оно есть въ дѣйствительности. Она сумѣеть уберечься отъ него.

Смиреніе же передъ Господомъ Богомъ и передъ почтенными людьми есть добродѣтель. Если же оно превращается въ недостойное самоуниженіе, оно перестаетъ быть нравственнымъ. Не униженность, а скромность красить и мужчину, и женщину. Смиреніе есть и въ религіозномъ чувствѣ. Оно же само по себѣ состоять изъ чувства зависимости отъ Бога, чувства собственного ничтожества, чувства довѣрчивости и надежды, чувства удивленія передъ Божественнымъ Всемогуществомъ, чувства благодарности и чувства страха.

Всѣ эти чувства, ведущія къ соответствующимъ религіознымъ поступкамъ: молитвѣ, покаянію, посвѣщенію богослуженія и пр. сильно развиты у женщинъ, а поэтому оказывается, что религіозное чувство особенно искренно и сильно въ женщинѣ. Лекторъ глубоко сожалѣеть каждую женщину, лишившуюся такъ или иначе своего религіозного чувства, а съ этимъ и своей надежнѣйшей опоры въ жизненной борьбѣ. Многіе сторонники современной эманципаціи становятся на точку зрѣнія современного материализма. Это большая ошибка, доказывающая, что подобныхъ людей, очевидно, коснулось одно поверхностное просвѣщеніе и что имъ не хватаетъ глубокаго философскаго пониманія вѣчныхъ истинъ.

По отношенію къ нравственнымъ чувствамъ лекторъ выражаетъ то воззрѣніе, что женская душа въ нравственномъ смыслѣ даровитѣе эгоистической мужской души. Женщина относится съ уваженіемъ лишь къ сильному высоконравственному характеру, подъ защиту которого она охотно предается. Шопенгауэръ даже признаетъ, что нельзя превзойти женщины въ любвебильной преданности, самопожертвованіи, сочувствіи, состраданіи, благодарности и во всѣхъ дѣйствіяхъ, основанныхъ на этихъ чувствахъ. Нѣжная природа женщины скорѣе возбуждается сочувствіемъ, нежели грубѣйшая природа мужчины. Нервное сочувствіе,— пока оно лишь естественное органическое рефлективное движение нашей нервной системы,—не содержитъ въ себѣ по достоинству ничего нравственного; но и въ такомъ своемъ видѣ оно служить сильнымъ побужденіемъ къ поступкамъ милосердія. Состраданіе должно возвыситься до сознательного расположения, до степени обязанности, чтобы достигнуть истинного нравственного значенія. Сорадованіе же обнаруживаетъ истинно нравственную душу потому, что оно невозможно безъ вполнѣшаго отсутствія зависти.

Слѣдуетъ особенно цѣнить не разсудокъ, а чувство, какъ совокупность всѣхъ отдѣльныхъ нашихъ чувствъ. Чувство лежитъ въ основаніи всякой незаурядной, творческой дѣятельности. Разсудокъ только расчленяетъ, анализируетъ, сравниваетъ, отрицаєтъ. Никто однимъ своимъ разсудкомъ не сдѣлается талантомъ, тѣмъ болѣе гениемъ. Гений представляетъ собою сочетаніе величайшаго ума съ самыми глубокими чувствами.

Образованное чувство есть самое

чуткое духовное средство распознавания истиинаго отъ ложнаго. Неопытное преимущество женщинъ заключается въ преобладаніи ихъ чувства надъ разсудкомъ, въ чуткости, впечатлительности и силѣ ихъ чувства. Мужское чувство глохнетъ зачастую среди борьбы за существованіе, поддерживаемаго одностороннею разсудочную дѣятельностью. Оттого-то и происходитъ современный поверхностный, пошлый материализмъ и реализмъ. Тѣмъ больше надлежало бы женщинамъ выступить естественными защитницами этого безцѣннаго источника жизни, глубокаго образованнаго чувства, а не смутнаго физиологическаго чувства, не имѣющаго нравственнаго значенія.

Въ томъ-то и заключается величайшая ошибка современной эманципаціи, стремящейся въ своемъ радикализмѣ развить въ женщинѣ ту же одностороннюю разсудочную дѣятельность, которая уже выпала на долю мужчинѣ. Развитіемъ и образованіемъ разсудка въ ущербъ глубины чувства современное общество удаляетъ женщину отъ самой природы. Обаяніе женщины въ томъ, что она живеть своимъ сильнымъ образованнымъ чувствомъ. Стремленіе общества къ „раціонализаціи женщины“ -- противоестественное стремленіе и должно быть признано заблужденіемъ. Пусть же возстануть противъ него сами женщины, могущество которыхъ издревле состояло въ ихъ обаяніи.

Перев. И. Гордюевой.

Опасные для глазъ карандаши.

Замѣтка объ „Опасныхъ для здоровья карандашахъ“, помѣщенная въ юньской

книжкѣ этого журнала, побуждаетъ меня обратить вниманіе родителей и воспитателей на другого рода карандаши, представляющіе опасность для глазъ. Таковыми являются анилиновые карандаши, называемые „чернильными“ или „копировальными“. Кроме каолина и графита, составныхъ частей обыкновеннаго карандаша, безвредныхъ для глазъ, въ составъ копировального карандаша входитъ еще анилиновая краска--метилъ-циолетъ, которымъ и обуславливается разрушительное дѣйствіе чернильнаго карандаша на глазъ.

Недавно мнѣ пришлось наблюдать это дѣйствіе на глазу одного молодого человѣка. Очиняя свой копировальный карандашъ, онъ и не замѣтилъ, какъ кусочекъ карандашной массы отскочилъ ему въ глазъ, и лишь по сильной рѣзи, внезапно появившейся въ глазу, онъ догадался, что въ глазъ что-то попало. На заводѣ, где онъ служитъ конторщикомъ, ему оказана была первая помощь, ко мнѣ же онъ обратился часа 2 спустя. Весь глазъ былъ чистый, только въ нижней части роговой оболочки виднѣлось кольцевидное помутнѣніе фиолетового цвѣта, а въ слезной жидкости еще плавали незначительные остатки карандашной массы. Ночью глазъ разболѣлся, отъ примочекъ боли не утихали, и лишь къ утру, когда послали за прописанной мною мазью и впустили ее въ глазъ, послѣдній успокоился до того, что больной могъ пойти на службу. Въ теченіе дня означенная мазь была влущена еще нѣсколько разъ, а вечеромъ больной явился ко мнѣ для вторичнаго осмотра; глазъ оказался совершенно спокойнымъ и чистымъ—фиолетовое кольцо исчезло безъ слѣда.

Этотъ случай кончился, такимъ обра-

зомъ, благополучно; но не всегда такъ хорошо кончается.

Года 3 тому назадъ д-ръ Tyson сообщилъ Нью-Йоркской медицинской академіи объ одномъ случаѣ, гдѣ 5-лѣтній ребенокъ, играя анилиновымъ карандашомъ, выкрасилъ себѣ глазъ анилиномъ. Весь бѣлокъ, какъ и нижнее вѣко, окрасились въ фиолетовый цветъ; въ такой же цветъ окрасилась и роговая оболочка, которая въ тоже время помутнѣла, а вслѣдствіе и выпятилась. Окраска почти совершенно исчезала въ 14 дней, но глазъ обезобразился и зрѣніе на этомъ глазу было потеряно.

Такіе же печальные случаи наблюдалъ и японскій врачъ Kuwahara, обнародовавшій ихъ недавно въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ по глазнымъ болѣзнямъ (*Archiv fr Augenheilkunde*, февраль 1904 г.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось дѣло со школьніками, изъ коихъ одному было 11 лѣтъ отъ роду, другому 15 лѣтъ, третьему 17. Въ 1-мъ случаѣ кончикъ копировального карандаша отломился и отскочилъ въ глазъ въ то время, когда мальчикъ игралъ карандашомъ, а въ остальныхъ двухъ это произошло при очинкѣ карандаша. Отъ невольного тренія по глазу осколокъ быстро растворялся въ слезной жидкости и ощущеніе посторонняго тѣла исчезало, но на другой или третій день развивалось тяжелое воспаленіе глазъ съ изъязвленіемъ роговой оболочки. Въ результатѣ получилось большое бѣльмо въ одномъ случаѣ и частичное выпачканіе роговой оболочки съ незначительными остатками зрѣнія въ обоихъ другихъ.

Изъ приведеннаго очевидно, что взрослымъ нужно соблюдать осторожность въ обращеніи съ копировальны-

ми карандашами, а дѣтямъ не слѣдуетъ и давать въ руки такие карандаши.

Д-ръ Р. Кацъ.

Что читать дѣтямъ?

26. **Милочка.** Удивительныя приключения пяти воробьевъ. Э. Кандеза. Перев. съ франц. Л. В. Р. 274 стр. іп 8° съ рисунками. СПб. Изд. А. Ф. Деврісна. Цѣна 1 р.; въ папкѣ 1 р. 25 коп.

У пары воробьевъ родилась необыкновенно красивая птичка изъ яйца, подкинутаго въ ихъ гнѣздо плащеносцемъ. Всѣ воробы завидовали счастливымъ родителямъ и любовались красивой Милочкой. Пять молодыхъ воробьевъ— Смѣльчакъ, Хохолокъ, Жоржъ, Анатоль и Ландышъ домогались руки красавицы, но родители ея по совету философа, бѣлого воробья Чудака, рѣшили, что женихомъ Милочки будетъ тотъ, кто совершилъ какой-нибудь необыкновенный подвигъ. Побѣдителемъ оказался молоденький Ландышъ, такъ какъ построилъ замѣчательно искусное гнѣздо. Что сдѣлали другие соперники — объ этомъ читатель можетъ узнать и самъ изъ этой книги. Книга написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ и содержитъ много интересныхъ фактовъ и приключеній, напр., похищеніе Милочки, борьба Жоржа съ синицей и др. Попутно авторъ сообщаетъ нѣкоторые подробности и факты изъ жизни другихъ птицъ. Рассказъ о приключеніяхъ пяти воробьевъ иллюстрированъ рисунками, изъ которыхъ одинъ только 1-ый, рисованый русскимъ художникомъ, красивъ, остальные же, принадлежащіе французскому подлиннику, очень не художественны, и воробы на нихъ больше напоминаютъ воронъ. Книга издана прекрасно, на хорошей бумагѣ и напечатана красивымъ и отчетливымъ шрифтомъ. Смѣло можно сказать, что дѣти младшаго возраста она заинтересуетъ и доставить имъ большое удовольствіе вмѣстѣ съ пользой. Цѣна ея, при значительномъ объемѣ, не высокая.

К. Я.

27. Наши друзья и враги. Зоологические рассказы *Надежды Каракашъ*. СПб. Изд. А. Ф. Девріена. 164 стр. in 8°, 37 рис. Ц. 70 коп., въ папкѣ 90.

Животный міръ такъ богатъ и разнообразенъ, что сколько бы ни писали о немъ, всегда все читается съ интересомъ. Особенной цѣнностью пользуются тѣ зоологические очерки, которые написаны въ живой формѣ разсказа. Изъ такихъ именно разсказовъ и состоять книжка Надежды Каракашъ. Изъ нихъ лучшими являются: „Разсказъ старого рѣчного рака“, „Жила-была стрекоза“, „Семейные нравы уодода“ и „Летучая мышь“; болѣе слабыми—„Левъ“, „Собака, волкъ и лисица“ и особенно „На дальнемъ сѣверѣ“. Послѣдній разсказъ, (хотя и сказано, что это „быль“) такъ схематически изображаетъ сѣверную природу и такъ кратко описываетъ жизнь и приключенія путешественниковъ, что кажется, что это не только не было, а прямо небылица. Кромѣ того, языкъ этого разсказа, а отчасти и другихъ, слишкомъ краткій, фельетонный. Описаніе „вѣчнаго дня и вѣчной ночи“ на сѣверѣ столь схематично, что остается такое впечатлѣніе, что они продолжаются всего нѣсколько минутъ и быстро смѣняются другъ друга. Вотъ, для примѣра, это описаніе: „Такъ проводили они время въ работѣ. Тянулся безконечный день. Солнышко и на ночь не пряталось: опустится къ краю неба и опять начнетъ подыматься“. Черезъ три строчки слѣдуетъ: „А морозъ, между тѣмъ, все крѣпчалъ. Солнце, обходя землю, опускалось все ниже и ниже; наконецъ не стало вовсе показываться: зашло за море и больше не выходило.“ Черезъ 15 строкъ написано: „Время шло. Постоянная тьма смѣнялась сумерками, а черезъ нѣсколько времени солнце появилось и озолотило верхушки горъ; какъ обрадовались, когда снова увидѣли солнце!...“ Словомъ, получается такое впечатлѣніе, что царство дня и царство ночи на сѣверѣ смѣняются другъ друга быстро и легко. Кромѣ того, въ этомъ разсказѣ есть крупная несообразность: въ началѣ разсказа было упомянуто,

что корабль вышелъ въ осеннее время, а затѣмъ мы читаемъ, что „солнышко и на ночь не пряталось“! Между тѣмъ извѣстно, что царство дня бываетъ только въ лѣтніе мѣсяцы, осенью же постоянныя сумерки, а зимой почти ночь. — Въ другихъ разсказахъ, гдѣ авторъ описываетъ только то, что ему дѣйствительно извѣстно и что самъ онъ наблюдалъ, такихъ несообразностей нѣть. И языкъ въ другихъ разсказахъ вполнѣ литературный, такъ что не заставляетъ желать чего-нибудь лучшаго. Главное достоинство разсказовъ г-жи Каракашъ то, что свѣдѣнія изъ зоологии, вполнѣ правильныя, сообщаются не въ формѣ сухого очерка, а въ видѣ легкаго литературнаго произведенія. Издание книги безукоризненно и украшено прекрасно воспроизведенными рисунками извѣстныхъ художниковъ Кунерта, Шлехта и др. Несмотря на прекрасную вѣщность, книга ея болѣе чѣмъ дешевая. Особенный интересъ эта книга можетъ представлять для дѣтей младшаго возраста.

К. Яцута.

28. Среди дѣтей. Три разсказа для дѣтей *К. А. Максимова*. Издание Г. Т. Сѣверцева-Полилова.

Изъ трехъ разсказовъ этого чистенько изданного и недурно иллюстрированного сборника—два напечатаны въ „Родникѣ“ за 1884 и 1885 гг. Третій—„Незадача“ знакомить настъ съ приключеніями, выпавшими на долю нѣкоего Ваньки. Онъ сынъ крестьянина Тверской губерніи. Родители его—люди болѣзnenные. Подростку пришлось отправиться на заработки въ Петеръ. Ваня поступилъ было къ хозяину-торговцу разными товарами. Но грубый хозяинъ вскорѣ прогналъ мальчика. Съ помощью далеко, впрочемъ, не сердечной тетки, онъ временно устроился съ маленькой коммерціей отъ себя. И тутъ, однако, неудача. Ваня упрашиваетъ скрягу-ляду своего дать въ долгъ рубль: купить кувшинъ для квасу. И опять—несчастье. Кувшинъ разбился, когда Ваня спасался отъ рысака. Мальчикъ окончательно палъ духомъ. Но вотъ въ Петровскомъ паркѣ Ваня натыкается на художника, пишущаго съ натуры. Послѣдній самъ бѣднякъ—и примѣчаетъ

гореванье мальчугана. Ваня „почувствовалъ приливъ откровенности“. „Хочешь, я нарисую тебя? Я тебѣ заплачу за это“. Маленький герой нашъ восторжествовалъ: онъ получиль на разживу два рубля. Въ этой простенькой піескѣ намъ показались достаточно подсочиненными и излишними, въ дѣтской повѣстушкѣ, эпизодическая разглагольствованія товарища Вани о какой-то „кралѣ“: „дача—точно волшебный замокъ, а она—принцесса“.

29. Сказки. Г. Галиной. Съ рис. Т. Гиппіусъ. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе сказокъ въ такомъ родѣ. „Кто онъ?“ Въ лѣсу и „синяя муха“, и „красныя ягоды земляники“, и грузdy, и лягушка, и зайчишка испугались было, заслышивъ шаги человѣка. Но оказалось, что на этотъ разъ пришелъ добрый человѣкъ. И воронъ пояснилъ, что это поэтъ, это тотъ, кто понимаетъ голосъ лѣса, птицъ и маленькой травки, поэтъ, къ кому сами слетаютъ пѣсни и сказки, тутъ тотъ, кто учить другихъ людей любить и понимать все живое. „Какъ фея познакомилась съ человѣкомъ“. Фея родилась отъ улыбки весны и поцѣлуя солнца“. Она заслышила однажды чудные звуки скрипки и устремилась къ творцу ихъ. Очарованная человѣкомъ, фея зимой умерла отъ холода со словами: „онъ, другъ ея, зоветь ее“. Въ „Упавшей звѣздочкѣ“—„теплой лѣтней ночью съ неба упала маленькая блестящая звѣздочка прямо-прямо въ болото“. И очень страдала тамъ. Только бѣлая лилія сочувствовала ей. Въ заключеніе—„фея сорвала бѣлую чашечку цвѣтка и понесла ее вмѣстѣ съ сияющей радостной звѣздочкой въ голубой просторъ своего

царства. Но жабы не видѣли чудной феи съ прозрачными крыльями, онѣ сидѣли въ грязной, вонючей тинѣ и громко смѣялись надъ дерзкой, высокомѣрной „стеклянкой“ съ глупымъ бѣлымъ цвѣткомъ... „Каменная баба“ стояла на степной дорогѣ и постоянно думала. „Спокойствие, спокойствие. Да, это самое главное. Я древняя богиня скиѳіи“. Кругомъ шла жизнь. „Гудѣли золотыя пчелы“, благоухала липа. Но однажды молния сгубила каменную бабу. И высокій человѣкъ, дойдя до статуи, произнесъ: „Вотъ она, моя разбитая богиня одиночества и спокойствія. Ее разбила гроза какъ разъ въ тотъ день, когда я нашель свое счастье въ твоемъ сердцѣ. И онъ поцѣловалъ задумчивые глаза своей молодой жены“. Судя по самому шрифту книги и по всей вѣнчности ея вообще, по обилію рисунковъ—довольно изящныхъ, въ модномъ вкусѣ, по замѣтному старанію автора упростить языкъ и образы—„Сказки“ имѣютъ въ виду читателей помоложе. Но по внутренней сущности своей—онѣ рѣзко аллегоричны. А аллегорія и въ литературѣ для взрослыхъ способъ творчества на любителя. Піески г-жи Галиной отличаются литературностью и надуманной красавистью. Но въ нихъ нѣть ни особой наивности, ни занятной, хотя и грубоватой, сложности фабулы обыкновенныхъ старыхъ сказокъ. Общепринятая дидактичность не отсутствуетъ у г-жи Галиной, но больше или менѣе скрѣдывается техникой слова. Однако, сказывается тутъ явственно и всякая рефлексія сочинительства. По-видимому, эти „Сказки“—нѣ лучшій плодъ работы г-жи Галиной.

А. Н.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Сентябрь — № 9.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 9.

1. Два типа. В. Погоринской	337
2. Что брать у Левкова для хрестоматий? А. П. Налимова	349
3. Вредъ употреблениі дѣтьми спиртныхъ напитковъ. Д-ра мед. А. Веренуса	357
4. Крыловская щука или „самъ себя выскѣкъ“. Н. Познякова	359
5. Что читать дѣтямъ?	365

ДВА ТИПА.

(Окончаніе 1).

Перейдемъ теперь ко второму моему приятелю, Ванѣ Петрову.

Конечно, никто бы не назвалъ его Ванечкой, этому богатырю плохо подходитъ подобная нѣжность.

Ваня высокій, сильный, мускулистый, что называется, неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

Густые волосы стоять твердой щетиной, глаза изъ-подъ слегка нахмуренныхъ бровей глядѣть въ упоръ; шапка всегда надѣта, немножко набекренъ. Они вмѣстѣ съ Панечкой ухаживаютъ за одной барышней во время антракта на дачномъ балу.

Ваня шагаетъ—версты мѣряетъ; теперь онъ съ трудомъ приюоравливается къ мелкой походкѣ своей спутницы. Одѣтъ онъ очень чисто, но безъ всякой претензіи на франтовство. Говорить басомъ, съ увѣренностью отчеканивая слова.

1) См. „Восп. и Обуч.“ № 8, ст. 305.

Въ данную минуту ясно, что онъ раздраженъ чѣмъ-то: и голосъ его звучить слишкомъ громко для фешенебельной публики кургауза, и жесты слишкомъ размашисты и энергичны. И разговоръ съ барышней онъ затѣялъ совсѣмъ не по вкусу Панечкѣ. Онъ доказываетъ, что въ каждомъ обществѣ всего важнѣе дисциплина, каждый членъ общества долженъ подчиняться законамъ, обычаямъ этого общества, иначе происходить безпорядокъ.

Панечка, лѣниво передвигая ноги, съ насмѣшкой слушаетъ товарища и не снисходитъ до отвѣта возраженій на его пылкія рѣчи.

Барышня попадалась изъ серіозныхъ; она внимательно слѣдить за разговоромъ, ея возраженія умны и смѣлы.

— А если человѣкъ сознаеть, что извѣстные обычай отжили свой вѣкъ, теперь они только бесполезно стѣснительны и мѣшаютъ жить полной человѣческой жизнью,—зачѣмъ же сохранять? говорить она.

— Затѣмъ, что работать, работать можно только при порядкѣ, а безъ работы никто не долженъ жить, никто не имѣеть права быть праздношатающимся, задорно восклицаетъ Ваня, бросая свирѣпый взглядъ на Панечку.

Но тотъ, точно не замѣчая этихъ взглядовъ, подзываетъ мальчика съ цвѣтами и, выбравъ бутоньерку, предлагаетъ ее барышнѣ.

Ваня, не окончивъ фразы, круто по-

ворачивается назадъ и почти бѣгомъ удаляется изъ сада.

— Что это съ нимъ? съ недоумѣніемъ спрашиваетъ старшая сестра Лизы, шедшая сзади.

— Не понимаю, чего онъ сорвался, съ неудовольствіемъ отвѣчаетъ Лиза, которой гораздо интереснѣе спорить съ Ваней, чѣмъ выслушивать томные вздохи Панечки. А тотъ еще самодовольнѣе покручиваетъ усики.

— Иванъ Ивановичъ разсердился на то, что ему не пришла въ голову мысль купить цѣѣтовъ, онъ былъ такъ занятъ споромъ, говорить онъ.

Проходитъ минутъ двадцать. Ваня возвращается съ двумя бутоньерками изъ дивныхъ розъ (онъ бѣгалъ за ними къ садовнику, чтобы выбрать лучшія) и недоволко протягиваетъ ихъ обѣими сестрамъ, говоря: „возьмите!“

Всѣ какъ-то смущились; Лиза, такъ спокойно взявшая бутоньерку Панечки, не знаетъ, что дѣлать съ Ваниной, старшая сестра лукаво улыбается, полушипотомъ произнося: „а мнѣ за что такая благодать!“

Панечка взбѣшенъ, что не догадался купить двухъ бутоньерокъ.

Но антрактъ конченъ; всѣ идутъ въ залъ.

Ваня этимъ пользуется и стремительно увлекаетъ Лизу въ вихрь вальса.

Въ танцахъ особенно сильно скаживается различіе юношей. Ваня танцуетъ съ увлеченіемъ, со страстью; сила и увѣренность движений сообщаютъ ему какую-то особенную грацію.

А Панечка танцуетъ, точно его влекутъ на смертную казнь: едва передвигаетъ ноги, руки поднимаетъ, точно на нихъ надѣты кандалы.

Ваня въ большинствѣ случаевъ танцуетъ со всѣми, Панечка же обыкновенно устраивается около одной какой-нибудь барышни и не даетъ ей танцевать ни съ кѣмъ другимъ.

На этотъ разъ Ваня рѣшительно не позволяетъ ему держаться обычной его тактики, онъ или самъ танцуетъ съ Лизой, или подводитъ ей все новыхъ и новыхъ кавалеровъ, такъ что Панечкѣ остается только грациозно обмахиваться Лизинымъ вѣромъ.

Ванѣ и этого мало: сегодня почему-то вся фигура Панечки его раздражаетъ, и онъ говоритъ старшей сестрѣ Лизы:

— Ахъ, какъ у меня руки чешутся поколотить его!

— Ну, что вы, бить своего коллегу?

— Какой онъ мнѣ коллега, онъ просто модный хлыщъ.

Проходить нѣсколько минутъ. Ваня очень рѣзко и даже дерзко выговариваетъ Панечкѣ, зачѣмъ тотъ пришелъ на баль въ кителѣ, что это не по формѣ и доказываетъ неуваженіе къ присутствующимъ, пренебреженіе къ гимназіи и къ формѣ, и что, наконецъ, это просто глупое подражаніе студентамъ. Онъ такъ бурно наиздывается на Панечку, его взглядъ такъ вызывающій, что барышни начинаютъ опасаться скопий, но Панечка улыбается какой-то женской, заискивающей улыбкой и мягкимъ, слашивымъ голосомъ говорить:

— Лѣтомъ можно позволить себѣ отступленіе отъ правилъ.

Лизина сестра дергаетъ Ваню за рукавъ:

— Перестаньте, пожалуйста, что вы къ нему пристаете!

Ваня взмахиваетъ головой, онъ до-

воленъ, что отбрьль Панечку, и съ особеннымъ удовольствиемъ пройдется въ ляхомъ краковякѣ.

Но вотъ онъ уходитъ курить, и Панечка спѣшитъ воспользоваться этимъ временемъ.

— Какъ узокъ горизонтъ идеи у бѣднаго Ивана Ивановича! нашоптываетъ онъ Лизѣ;—все въ извѣстныхъ рамкахъ, все замкнуто въ какіе-то круги. Нѣть, моя душа поэта не мириется съ такой тѣснотой: ее влечетъ къ себѣ необъятная ширь. Боже мой, что такое тужурка или китель! Не все ли это равно? Лишь бы внутреннее содержаніе человѣка было богато, лишь бы онъ былъ смѣль въ своихъ сужденіяхъ, не такъ ли, Лизавета Васильевна? разглагольствовалъ онъ, вѣрно угадавъ направлѣніе мыслей Лизы.

Странное дѣло: Лиза вполнѣ согласна съ нимъ, ее тоже сердить извѣстная узкость Ваниныхъ взглядовъ, но тѣмъ не менѣе она всей душой гораздо болѣе симпатизируетъ грубоватому Ванѣ, чѣмъ сладенькому Панечкѣ,—отчего? Она непосредственнымъ чутьемъ понимаетъ, что каковы бы ни были убѣжденія Вани, это его убѣжденія, а Панечка вообще имѣеть ли хоть какія-нибудь убѣжденія?

Поэтому она даже не вслушивается въ его монологъ, ей хочется снова кружиться по залѣ, и она съ нетерпѣніемъ поглядываетъ на входную дверь, откуда долженъ притти Ваня.

А тотъ обошелъ кругомъ и уже нѣсколько минутъ сидитъ за ними, внимательно слушая Панечку, который въ пылу импровизациіи не замѣчаетъ своего противника.

— Ну, ужъ не знаю, смѣло ли это, доказываетъ ли это мощь души, наконецъ не выдерживаетъ Ваня,—когда,

увильнувшись отъ спора со мной, вы за моей спиной въ моемъ отсутствіи доказываете мою отсталость, узкость и прочее.

Панечку задѣваютъ эти слова, онъ даже не съ обычной лѣнивой грѣшей, а очень быстро отвѣчаетъ:

— Pardon, это вы за моей спиной, а не я за вашей, все-таки пробуетъ онъ отшутииться.

Но Ванѣ этого мало:

— Вотъ вы всегда такъ вилаете, вы боитесь честно стоять противъ врага и прямо наносить удары, а такъ все больше рикошетомъ наровите попасть.

— Pardon, вы не видали никогда, какъ я фехтую, я очень люблю колющіе удары.

— А вотъ давайте завтра сразимся, только я на рапирахъ не умѣю, а на эспадонахъ.

— О, нѣть, это грубо, я предпочитаю другой способъ борьбы.

— Какой же? Кромѣ рациръ я на всякой согласенъ, говорить Ваня, и злые огоньки вспыхиваютъ въ его обыкновенно добрыхъ глазахъ.

— Хотите боксъ или французскую борьбу? предлагаетъ Панечка.

— Положимъ, я не учился ни тому, ни другому, ну, да все равно, ужъ очень хочется мнѣ сбить васъ съ ногъ.

— Я увѣренъ, что это сдѣлаю я, потому что, хотя вы и сильнѣе меня, въ боксѣ все дѣло въ ловкости, въ знаніи извѣстныхъ пріемовъ, и, если вы имъ не учились, мнѣ ничего не будетъ стоить примѣнить къ вамъ одинъ изъ этихъ ударовъ, которые всю вашу силу обратятъ въ ничто.

— И вы, зная, что я не изучалъ бокса, воспользуетесь этимъ ударомъ, продолжалъ задирать противника не-

угомонный Ваня. Тотъ немногого покраснѣлъ, но все же пересилилъ себя:

— Но что же дѣлать, если мы изучили различные способы борьбы?

— Я никакихъ не изучалъ, давайте попросту, по-русски поборемся, кто кого осилить.

— Нѣтъ, я поклонникъ красоты, люблю, чтобы даже такой остатокъ варварства, какъ борьба, все - таки былъ бы красивъ, а это возможно только при соблюденіи известныхъ приемовъ, опять увертывался Панечка.

Ванѣ наконецъ это надоѣдается:

— Просто,—онъ немногого залипаетъ,—скажите прямо лучше, что не хотите драться! Эхъ вы! Пойдемте-ка, Елизавета Васильевна, пройдемтесь лучше мазурочкой. „Трамъ-тамъ-тамъ“, подпѣваетъ онъ себѣ, порывисто и неловко увлекая свою даму въ тѣсную толпу танцующихъ.

Я останавливаюсь на этомъ разговорѣ, такъ какъ онъ вполнѣ обрисовываетъ нашихъ героевъ.

Нѣть сомнѣнія, что Ваня симпатичнѣе Панечки. Онъ хороший человѣкъ, надежный другъ, на него можно положиться.

Однажды его товарищъ Николаевъ пришелъ въ гимназію совершенно разстроенный. Онъ полюбилъ одну девушкую, но его родители, узнавъ объ этомъ, возмутились, боясь, что эта история помѣшаетъ ему учиться, и объявили, что если онъ не прервѣтъ всякое знакомство съ барышней, то его отшлютъ въ провинцію къ дядѣ. Она еще ничего объ этомъ не знала, написать ей по почтѣ было нельзя,—всѣ ея письма читались матерью.

Тогда Ваня, хотя и не былъ знакомъ съ этой барышней, рѣшился передавать ей письма Николаева. Нѣсколь-

ко разъ онъ дѣлалъ это очень ловко, но одно письмо попало въ руки матери. Она произвела строгій допросъ, запугала бѣдную девушкую, и та назвала посредника. А мать, къ несчастью, была знакома съ опекуномъ Вани, очень строгимъ и вліятельнымъ лицомъ. Ванѣ сильно досталось отъ него, при чемъ не постыдились на разные эпитеты: „мальчишка, молокосось“ и проч.

Ваня не сдержался, всыпалъ, наговорилъ въ свою очередь дерзостей. Тогда опекунъ отправился къ директору гимназіи, где Ваня былъ казеннымъ пансионеромъ, и его лишили отпуска на цѣлую четверть.

— Досадно было очень? спросила я его, когда онъ рассказалъ мнѣ эту исторію.

— Скучновато оно, конечно, но само собой разумѣется, что повторясь снова подобный случай, я ни секунды не задумаюсь, чтобы рисковать и второй четвертью. Вѣдь ужъ если бояться выручить *товарища*, вѣдь это же совсѣмъ подлость!

Другой случай. Ваня получалъ пенсію послѣ отца. Положимъ, онъ былъ на полномъ казенному содержаніи, но мало ли у юноши въ восемнадцать лѣтъ есть потребностей: такъ, онъ мечталъ имѣть велосипедъ. Онъ даже началъ откладывать деньги и уже собралъ достаточно на первый взносъ, какъ вдругъ его сестра, только что вышедшая замужъ за студента, заболѣваетъ. Плохо пришлось молодымъ супругамъ. Ваня не только отдаетъ имъ все свое сбереженіе, но и потомъ не береть своей пенсіи, отдавая ее всю сестрѣ, а самъ начинаетъ давать грошевые уроки, чтобы заработать на табакъ.

Онъ очень добрый. Онъ всегда къ

вашимъ услугамъ, бѣгаешь по всякимъ порученіямъ, хлопочеть, и все это дѣлаеть такъ спокойно, точно это его главная и прямая обязанность.

Но позвольте, спросить мой читатель, вѣдь это же премилый молодой человѣкъ, чѣмъ же вы еще недовольны?

— А то-то и досадно, что этому хорошему человѣку воспитаніе привило много дурного. Если бы онъ былъ поставленъ съ дѣтства въ другія условія жизни, онъ былъ бы еще лучше, еще надежнѣе, какъ будущій членъ общества, какъ представитель новой, молодой силы.

Дѣло въ томъ, что черезчуръ строгое воспитаніе (его сѣкли много, много разъ), а потомъ суровая судьба, рано сдѣлавшая его круглой сиротой, хотя съ одной стороны и закалили его, съ другой—огрубили, сдѣлали не то, чтобы жесткимъ, но недостаточно чуткимъ и впечатлительнымъ.

Вотъ, напр., такой случай. Его младшей сестренкѣ, которую онъ очень нѣжно любилъ, давно хотѣлось попасть на танцы въ кургаузѣ, но старшая сестра, замѣнявшая дѣвочкѣ мать, не хотѣла пускать ее туда.

Ваня, долго приставалъ къ старшой сестрѣ, упрашивая ее хоть разъ отступить отъ строгихъ правилъ, и наконецъ заручился согласіемъ, что въ слѣдующій, послѣдній вечеръ сезона Лили пойдетъ съ нимъ танцевать, но только до 12 часовъ ночи. Лили страстно мечтала объ этомъ: какъ она, четырнадцатилѣтняя гимназистка, очутится на большомъ балу, будетъ танцевать безъ устали, „потому что Ваня одинъ изъ дирижеровъ, и, конечно, онъ позаботится, чтобы я не сидѣла“.

Приходитъ злополучное воскресеніе. Ужъ платье Лили, тщательно расправ-

ленное, пышнымъ облакомъ лежитъ на кровати, коса дѣвочки расплетена, и горничная трудится надъ созданіемъ новой высокой прически,—какъ вдругъ въ комнату входитъ Ваня съ извѣстіемъ, что онъ сегодня не можетъ итти на балъ. Лили поражена.

Ваня говорить, что онъ далъ слово товарищуѣхать съ нимъ на охоту; если онъ, Ваня, не пойдетъ, то и товарищъ не можетъѣхать, а послѣ завтра надо возвращаться въ городъ,—следовательно, Ваня долженъѣхать на охоту.

— Но какъ же я? спрашиваетъ Лили.

— Ты пойдешь съ Маней. Не все ли тебѣ равно, съ кѣмъ итти? отрѣзываешь Ваня и уходитъ.

Надо ли говорить, что Лилинъ бальне удался, что ей представили всего двухъ, трехъ кавалеровъ, которые только изъ любезности сдѣлали нѣсколько туроў съ дѣвочкою.

Когда старшая сестра стала упрекать Ваню за недостатокъ внимательности къ Лилѣ, онъ возразилъ:

— Но отчего же она не сказала мнѣ тогда, что именно я ей нуженъ? Напросила бы, я бы остался.

— Но ты долженъ быть настолько чуткимъ, чтобы самому это знать, вѣдь ты знаешь, какъ Лили деликатна, она боялась помѣшать твоему удовольствію; непріятно просить, нужно умѣть предупреждать просьбы.

— Женская философія! отвѣтилъ Ваня.—Коли нужно что, спроси, могу, всегда сдѣлаю, а то: „почувствуй, угадай“, разберись въ этой мерехлюнді.

Мягкій и нѣжный по природѣ, онъ часто бываетъ рѣзокъ и грубъ съ окружающими, обижая этимъ иногда, и очень серіозно, людей ему близкихъ.

Онъ не щадить никого. Если вы не правы, по его мнѣнию,—а онъ всегда считаетъ себя непогрѣшимъ въ своихъ сужденіяхъ,—то онъ не стѣсняется высказать вамъ это въ очень рѣзкой формѣ.

Правдивость, конечно, дѣло хорошее, но вѣдь не надо забывать, что часто онъ ошибается, что иногда онъ громитъ и безъ того несчастное, замученное существо, которое, наоборотъ, слѣдовало бы поддержать и ободрить. Выработанные имъ взгляды для него несомнѣны; разъ рѣшивъ вопросъ известнымъ образомъ, онъ не хочетъ знать никакихъ возраженій, или, вѣрнѣе, выслушиваетъ эти возраженія чисто внѣшнимъ образомъ, не давая себѣ труда вникать, вдумываться въ нихъ. Никогда не задаетъ онъ себѣ вопроса: „а что, можетъ-быть, я и не правъ?“

Эта увѣренность въ себѣ даетъ ему возможность дѣйствовать твердо и рѣшительно; онъ почти всегда добивается желаемаго, но вѣдь иногда онъ желаетъ вреднаго для другихъ и для себя, онъ, по выражению А. Толстого, „злай себѣ, идеть впередъ, давить встрѣчнаго, поперечнаго“.

Правда, выражаясь фигурально, стоны, судороги побѣжденныхъ его мучаютъ, ему больно отъ нихъ, но онъ успокаиваетъ себя: „что жь, вездѣ бываютъ жертвы, надо одно, чтобы принципъ торжествовалъ“.

Панечка правъ, говоря, что у него узкий горизонтъ. Оттого ли, что онъ глубоко и всѣми силами души отдается своему дѣлу, своимъ мысламъ, онъ теряетъ способность приглядываться къ жизни другихъ, прислушиваться къ чужимъ воззрѣніямъ; безконечно варьирующая жизнь видна для него лишь

съ одной стороны, онъ не замѣчаетъ многаго, мимо многаго проходитъ равнодушно.

Его душа такъ полна немногими, но сильными впечатлѣніями, что въ ней нѣтъ отклика ни на что другое. Онъ, конечно, надежный борецъ и своему дѣлу никогда не измѣнить, врядъ ли устанетъ въ жизненной борьбѣ, но вотъ тутъ-то и жаль, что такую большую силу воли, такую энергию онъ тратить однообразно, на сравнительно небольшое дѣло, потому что большое дѣло его непремѣнно оттолкнетъ отъ себя своею сложностью.

Затѣмъ онъ не признаетъ новыхъ путей, а вѣдь тамъ-то и нужны борцы. Въ нашъ переходный вѣкъ, когда все колеблется, когда старые идеалы почти разрушены и всюду требуются новые формы, новые пути, такие люди, какъ Ваня, тормозятъ жизнь. Они стараются отстоять старыхъ идоловъ, не замѣчая, что подчили ихъ деревянныя ноги.

Новый Свѣтъ, новая Правда, какъ бы лучезарны ни были ихъ лучи, слѣпятъ ихъ близорукія очи. Ихъ слухъ полонъ убаюкиваніемъ старыхъ, излюбленныхъ мотивовъ; невѣдомый, хотя бы чудный, гимнъ имъ кажется какофоніей.

Смѣлость мысли, отвага жажды истины имъ незнакома, они ее называютъ дерзостью, и тамъ, где люди хотятъ только устранить ненужный соръ и хламъ, они видятъ потрясеніе основъ, главныхъ столбовъ зданія.

Такие люди вредны особенно въ переходные эпохи: они гнали первыхъ христіанъ, они жгли еретиковъ, они мѣшали реформѣ крѣпостного права. Не всегда, конечно, они торжествуютъ, иногда, отстаивая свое, они гибнутъ героями, потому что жизнь вѣдь неумо-

Что брать у Льского для хрестоматий?

лима—она неудержимо идет впередь и рано или поздно сметает все, что пробует задержать ее на пути ея движений.

Жаль этихъ людей, они такъ стойки, такъ сильны, весь ихъ грѣхъ въ однѣмъ: въ недостаткѣ чуткости. И изъза этого, иногда при всей ихъ добротѣ въ домашнемъ кругу, они бывають людьми тяжелыми, давящими другія личности, а въ обществѣ печальными обскурантами.

Вотъ и думается, что задача воспитанія такихъ натуръ, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, чтобы развивать въ нихъ всяческими способами восприимчивость, чуткость. Ихъ дѣтская жизнь должна быть очень разнообразна, необходимо, чтобы въ ней было какъ можно больше эстетическихъ впечатлѣній, такъ разносторонне обогащающихъ душу различными волненіями.

И наоборотъ, для людей типа „Панечки“, слишкомъ восприимчивыхъ и неустойчивыхъ, которые всегда плынутъ по вѣтру, разбрасываются во все стороны и потому никогда ничего не совершаютъ до конца, надо стараться выработать болѣе стойкіе взгляды, надо окружать ихъ немногими, но глубокими и сильными впечатлѣніями. Ихъ жизнь должна быть однообразна и до извѣстной степени сурова: закаливаніе духа и тѣла—главная задача ихъ воспитанія.

B. Поворинская.

Что брать у Льского для хрестоматий?

Такъ называемыя хрестоматіи, сборники литературныхъ образцовъ для разныхъ возрастовъ, ежегодно издаются все новыми и новыми составителями. Не малая часть входящихъ сюда

мы естественнымъ образомъ повторяется: не обойдешься тутъ безъ вкладовъ изъ Крылова, Пушкина, Тургенева или Толстого и т. д. Но пополняются хрестоматіи и по чистой рутинѣ—мнимо-воспитательной. А не то и недостатокъ вкуса у издателей, ихъ подражательность или скучность собственныхъ мнѣній мѣшаютъ разнообразію, цѣлесообразности, интересу такихъ сборниковъ. Обыкновенно также весьма робко, точно по счастливой случайности, прибавляются постепенно свѣжія имена въ наши хрестоматіи. Сначала пускаются въ обращеніе пѣски представителей поэзіи; прозаики привлекаются позднѣ. У нихъ заимствуются для хрестоматій примѣрами словесныхъ пейзажей и портретовъ, разной бытописью, сценками и эпизодами съ живымъ повѣствованіемъ, движеніемъ, характерными діалогами.

Все это съ избыткомъ найдется у покойного Н. С. Льского. Работать онъ съ начала 60-хъ годовъ вплоть до смерти въ 1895 г., а рекомендовать Льского у насъ вовсе не простое дѣло. Сейчасъ издается новое собраніе сочиненій его, но критика преимущественно помалчиваешь или бѣгло, попутно задѣваетъ это имя. Съ нимъ словно еще не сведены досель какие-то неизрѣятные счеты. Но и противъ очевидности вѣдь не пойдешь: Льсковъ истинное самостоятельное беллетристическое дарование. Онъ—особый литературный сказочникъ, бойкій, остроумный, колоритный рассказчикъ чуть ли не про все и про всѣхъ на Руси, какихъ, кажется, у насъ и не бывало; жанристъ—въ своемъ родѣ этнографъ—красочный, рельефный, разнообразный, съ реализмомъ до возможныхъ предѣловъ и нормъ. Языкъ у него энергичный и гибкій, перелив-

чатый на какие угодно тоны и цвета и постоянно самосозидающейся, съ мѣстными выражениями со всѣхъ концовъ и уголковъ обширной родины. Несомнѣнно, у такого писателя и при самомъ строгомъ выборѣ соберется кое-что и для хрестоматіи. Но его еще не обсуждали.

Въ очеркахъ „Смѣхъ и горе“ Лѣсковъ, конечно, про себя намекаетъ: „Меня только всю мою жизнь ругаютъ и ужъ давно доказали и мою отсталость, и неспособность, и даже мою литературную безчестность. Да, такъ, такъ, нечего конфузиться, — именно безчестность“. Говорится это, разумѣется, съ вполнѣ прозрѣніемъ и ядовитой ироніей. Но, дѣйствительно, Лѣсковъ наслушался на вѣку своеемъ много самыхъ нелестныхъ рѣчей въ печати, подвергнувшей его тяжкой опалѣ. Однако, безчестнымъ Лѣскова никто не назоветъ по совѣсти. Онъ только, если можно такъ выразиться, слишкомъ комфортабельно расположился въ своихъ порицаніяхъ и высмѣяніяхъ. Онъ позабывалъ, что обвиненіе и защита не всегда пользуются одинаковыми удобствами. Онъ, быть можетъ, слишкомъ понадѣлся на честность всей окружающей среды цѣликомъ.

Но и Лѣсковъ слѣдовалъ обычнымъ завѣтамъ нашей литературы: училъ человѣчности, вѣриости, долгу, любви къ труду; сочувствовалъ стремлению изъ мрака къ свѣту. И серіозный педагогъ сумѣеть извлечь изъ сочиненій талантливаго беллетриста материалъ, годный и для хрестоматіи. Съ своей стороны, мы предлагаемъ небольшія указанія.

Въ романѣ „Некуда“ мѣстами очень художественными и проникновенными

чертами обрисовывается личность Лизы Бахаревой, девушки пылкой, умной, независимой, тяготящейся старымъ житейскимъ укладомъ. Недурно воспроизведены всѣ подробности возвращенія герояни изъ школы къ домашнему очагу. Въ pendant къ фабулѣ авторомъ прилагаются и такія картинки: „Былъ девятый часъ вечера. Если бы я былъ поэтъ, да еще хорошій поэтъ, я бы непремѣнно описать вамъ, каковъ былъ въ этотъ вечеръ воздухъ, и какъ хорошо было въ такое время сидѣть на лавочкѣ подъ высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, гляди на зеркальную поверхность тихой рѣки и запоздалыхъ овецъ, съ блеяніемъ перебѣгавшихъ по опустѣвшему мосту. Кругомъ тихо, тихо, и все подвигается струящійся сумракъ, а между тѣмъ какъ-то все видишь: только всѣ предметы принимаютъ какіе-то гигантскіе размѣры, какіе-то фантастические образы“ и т. д. „Семейная картина въ Меревѣ“ и главка „Перепилили“ типично возсоздаютъ для читателя ту почву, на которой такъ печально запутывается всяческая рознь между отцами и дѣтьми. У богато одаренной Лизы только что распускаются юные лучшія желанія — и встречаютъ среди, повидимому, близкихъ родныхъ грубый, въ ея глазахъ прямо безмыслиенный отпоръ.

Содержаніе разсказа „На краю свѣта“ — полукомическая, полуtragическая незадачи миссионера — быть-можетъ, болѣе доступно пожившему, зрѣлому читателю. Но, право, трудно здѣсь пренебречь иными отрывками на потребу юнца. Полудикий зырянинъ, который оказываетъ столько услугъ своему свѣдоку, — прямо трогательнъ въ своей „святой наивности“ и скромномъ чело-

въколюбії. „Мой дикарь замѣтилъ, что я отъ него отвернулся, и говорить:—Погоди, бачка, ты не туда морду клалъ; ты вотъ сюда клади морду, вмѣстѣ дуть будемъ,—тепло станетъ. Это даже слушать казалось ужасно. Я притворился, что его не слышу, но онъ вдругъ какъ-то напружинился, перекатился чрезъ меня и легъ прямо носъ къ носу, и ну дышать мнѣ въ лицо съ ужаснымъ сапомъ и злониемъ. Сопѣль онъ тоже необычайно, точно кузнечный мѣхъ. Я никакъ не могъ этого стерпѣть и рѣшился добиться, чтобы этого не было.—Дыши, говорю, какъ-нибудь потише.—А что? Ничего, бачка, я не устану: я тебѣ, бачка, морду грѣю.“ Вѣдь про подобные образы и сказалъ Гоголь, что талантъ въ силахъ „озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія“.

Лѣсковъ высоко цѣнилъ Тургенева и въ своихъ произведеніяхъ частью подпадалъ подъ обаяніе этого изумительного художника. Въ романахъ „Обойденные“ и „Островитяне“ проходять временами какъ-будто Тургеневскіе аккорды и по-своему отражаются на творчествѣ оригинала Лѣскова. Нѣкоторые моменты изъ исторіи Доры и Иды, отдѣльные штрихи ихъ духовныхъ физіономій можно въ выдержкахъ передать незрѣлому читателю—и на него дохнетъ подчасъ благоуханная дѣственная поэзія, тончайшая деликатность женского сердца. Есть у Лѣскова „рождественскій“ разсказъ — „Звѣрь“. Въ немъ жестокій самодуръ —крѣпостникъ переживаетъ, можетъ быть, въ одну минуту цѣлый душевный переворотъ, поразившиесь самоотверженною дружбой между ручнымъ медвѣдемъ, приговореннымъ къ смерти

на травлѣ, и молодымъ охотникомъ. До извѣстной степени разыгрывается варъція возрожденія дяди Власа. Вещь эта—нѣсколько разсчитанно, дѣланно закруглена по традиції, „рождественскихъ“ піесокъ. Но основная сцена, при тщательномъ реализмѣ ея, написана съ большою вдохновенностью. Намъ случилось наблюсти, что подростки относятся съ захватывающимъ и поглощающимъ ихъ вниманіемъ къ повѣстествованію Лѣскова. Слушатели „Звѣря“ напряженно настораживались тутъ, какъ когда-то и мы слѣдили за развязкою Тургеневскаго „Бирюка“ по „Дѣтскому миру“.

Въ очеркѣ „Пугало“ Селиванъ отвергнутъ всѣми. Онъ пользуется репутацией и страшнаго разбойника и нечистаго колдуна, а въ концѣ концовъ, онъ же представляется въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ—наиболѣе благороднымъ и человѣчнымъ среди своихъ порицателей. Фабула ведется въ видѣ дѣтскихъ воспоминаній. Раѣсказъ долженъ производить впечатлѣніе на юнаго читателя.

Замыселъ одного изъ крупнѣйшихъ сочиненій Лѣскова—„Соборянъ“ нельзя признать удачнымъ. Изображается кипучая пора первыхъ русскихъ общественныхъ реформъ и идеальныхъ движений. И какимъ-то центральнымъ героямъ, идеальнымъ гражданиномъ—мужемъ разума и совѣта выдвинутъ священникъ. Думается, нашему духовенству выпадали на долю видныя роли въ несравненно болѣе старыя эпохи. Но „хроника“ эта, видимо, воодушевляется самого автора, и своими подготовленными беллетристическими силами онъ здѣсь въ извѣстной мѣрѣ похваляется. Сочиной кистью онъ живописуетъ избранный бытъ, свободными

размахами вычерчивает выразительные портреты, мѣстами очень зло карикатуризируя или преталантливо воспроизводить настоящія семейныя идилліи. Могучій тѣломъ и ребенокъ душой дьяконъ Ахилла — Фигура, начертанная нѣсколько безъ оттенковъ и съ рѣзкими контурами, но, однако, настолько характерная, что у другихъ писателей послѣ Лѣскова подобный типъ все какъ-то высматриваетъ уже копіей. Живеть въ „Соборянахъ“ и отецъ Захарій. Вождь и глава — Туберозовъ — наиболѣе искусственное лицо. Но отдельные образы его исторіи у Лѣскова — и правдивы и поэтичны.

Не много надо художественного чутья, чтобы снабдить хрестоматію отрывками изъ „Соборянъ“. Мы выше достаточно опредѣленно высказались о стилѣ и языке Лѣскова. Смѣемъ надѣяться, нижеслѣдующія выписки не опровергаютъ нашихъ словъ: ... „Протопопъ сѣдалъ къ дьякону шагъ и, хлопнувъ себя ладонью по колѣну, прошепталъ:—А не знаете ли, отецъ дьяконъ, кто это у бакалейной лавки, сидющи съ приказчиками, папиросы курить?“ — Дьяконъ сконфузился и забубнилъ: — „Что жъ, я точно, отецъ протопопъ, этимъ я виновать, но это болѣе ничего, отецъ протопопъ, какъ по неосторожности, ей-право, по неосторожности. — Смотрите, моль, какой у насъ есть дьяконъ франтъ, какъ онъ хорошо папиросы муслитъ. — Нѣть ей-право, отецъ протопопъ, вообразите, совсѣмъ не для того. Что мнѣ этимъ хвалиться? Вѣдь этою табачною невоздержанностью изъ духовныхъ не я же одинъ занимаюсь и т. д.“. Въ такомъ родѣ ораторствуетъ Туберозовъ. — „И представь же ты себѣ, Наташа... и

представь себѣ, моя добрая старушка, что, вѣдь, ни въ чёмъ онъ меня, Тугановъ, не опровергалъ и во всемъ со мною согласился, находя и самъ, что у насъ, какъ покойница Мареа Андреевна говорила, и хвостъ дологъ и нось дологъ, и мы стоимъ, какъ кулики на болотѣ, да перекачиваемся: нось вытащимъ — хвостъ завязнетъ, а хвостъ вытащимъ — нось завязнетъ; но горячности, какой требуетъ такое положеніе, не обличицъ... Ужасное равнодушіе!“ Или еще маленькое описание: „Кругомъ стало солнце царство. Тишь до того ненарушима, что изъ чаши лѣса сюда на опушку выскочила подлинный заяцъ, сдѣлавъ прыжокъ, сѣть на заднія лапки, пошевелилъ усиками, но сейчасъ же сконфузился: кинулъ за спину длинныя уши и исчезъ“.

Въ коротенькомъ своемъ очеркѣ мы не имѣли въ виду никакъ прикладныхъ деталей. Мы желали только привлечь къ Лѣскову взоры и педагоговъ, напомнить составителямъ хрестоматій о замѣтномъ отечественному беллетристѣ. Не скрыли мы и оборотной стороны медали. Осторожно слѣдуетъ подходить къ рекомендаемому, хотя бы и богатому, материалу. Вотъ Крыловъ, напр., такъ привился къ школѣ по незамѣнимымъ пока техническимъ преимуществамъ своихъ сочиненій. А Лѣсковъ, пожалуй, сроденъ знаменитому баснописцу. Такой же житейской философъ, неустанный острословъ и подчасъ преходящий трезвеникъ, зато и уменъ и даромъ слова — мысли одѣленъ, великий знатокъ родины и соболѣзнуетъ ей. Мы даже и не касались того, что Лѣсковъ еще подлинный хроникеръ нашей давней и не очень давней старины. И про былъ и про быть ея онъ много порассказалъ.

Изъ свойственаго покойному иѣкото-
раго духа противорѣчія и оригиналь-
ничанья онъ, положимъ, и праведни-
ковъ своихъ выискивалъ исключитель-
но въ прошломъ. Но лѣтописецъ онъ¹
гораздо болѣе цѣнныи, нежели разные
„историческіе“ беллетристы. Въ своихъ
плодомасовскихъ и протозановскихъ
эпопеяхъ онъ довольно щедръ на
эффекты и выдумки, но эта стройка
истиннаго дарованія бросаетъ свѣтъ
и на прошлое и на настоящее рус-
ской жизни. И, ясное дѣло, такимъ
писателемъ нечего брезгать хрестома-
тиямъ.

А. П. Налимовъ.

Вредъ употребленія дѣтьми спирт- ныхъ напитковъ.

Пріученіе дѣтей за столомъ къ вину
или пиву слѣдуетъ называть прямо не-
простительнымъ обычаемъ. Даже въ
особенныхъ случаяхъ, на праздникахъ,
во время экскурсій, пугешествій, не
имѣется къ тому никакого основанія.
Дѣти не нуждаются въ спиртныхъ на-
питкахъ, да, собственно, и не перено-
сятъ ихъ. Напитки эти дѣлаютъ дѣтей
нервными, препятствуютъ ихъ тѣлес-
ному и умственному развитію и не-
рѣдко располагаютъ къ тяжкимъ бо-
лезнямъ, къ порокамъ развитія мозга
и дальнѣйшимъ ихъ послѣдствіямъ (па-
дучая болѣзнь, идиотизмъ). Столъ часто
встрѣчаемый ночной испугъ дѣтей,
равно и многие виды судорогъ, оказы-
ваются по большей части слѣдствіемъ
употребленія даже умѣренныхъ порцій
спиртныхъ напитковъ и прекращаются
съ ихъ оставленіемъ.

Извѣстно, что употребленіе въ дѣт-
скомъ возрастѣ даже слабыхъ спирт-

ныхъ напитковъ приводить главный-
шимъ образомъ къ явному состоянію
возбужденія, обнаруживающемся не
столько въ обостреніи восприимчивости
и усвоемости, сколько въ облегченномъ
проявлѣніи аффектовъ. Вотъ почему
не приходится и удивляться, когда
встрѣчаешь дѣтей, особенно употребля-
ющихъ пиво, въ самомъ рѣзкомъ со-
стояніи возбужденія и страдающихъ
безсонницей. Къ тому же такія дѣти
отличаются поразительно наклон-
ностью къ вспышкамъ гнѣва и упра-
мству, такъ что разнуданность въ пол-
номъ смыслѣ слова никогда не наблю-
дается въ такихъ размѣрахъ, какъ
у дѣтей, привычныхъ къ пиву.

Означеннное состояніе возбудимости
и нарушенного сна оказываетъ, кстати,
часто пагубное вліяніе и на чувствен-
ность. По мнѣнію педагога Зигерта,
употребленіе дѣтьми алкоголя далеко
не мало содѣйствуетъ широкому рас-
пространенію и тайного порока. Вино,
пиво и водка даютъ полную волю
чувственности. Даже кофе и чай, и
тѣ слишкомъ сильно возбуждаютъ
дѣтскую нервную систему.

Съ другой стороны, при постоянномъ
употребленіи спиртныхъ напитковъ
возбужденное состояніе становится до
того обычнымъ, что у дѣтей разви-
ваются или ухудшаются такія харак-
терные особенности, какъ, напримѣръ,
грубость и недовольство. Такимъ же
образомъ легко объясняются сонливость
и грустное настроеніе. По изслѣдова-
ніямъ директора школы въ Вѣнѣ,
г. Байра, оказалось, что изъ 100 уча-
щихся, не употреблявшихъ никогда
спиртныхъ напитковъ, 45 человѣкъ
имѣли лучшія отмѣтки за ученье и
только 7 плохія, между тѣмъ какъ
изъ 100 учащихся:

имѣли хоро- шія от- мѣтки	плохія	
постоянно пользовав- шихся спирт. напит- ками	35	9
употреблявшихъ ихъ 1 разъ въ день. . . .	27	14
употреблявшихъ ихъ 2 раза въ день. . . .	20	25
употреблявшихъ ихъ 3 раза въ день. . . .	0	67

Какимъ можно было бы привести болѣе наглядныя доказательства въ пользу полного воспрещенія употребленія спиртныхъ напитковъ въ пищевомъ режимѣ юнаго поколѣнія, т.-е. учащихся дѣтей!

Д-ръ мед. А. Виреніусъ.

—Ж.—

Крыловская щука или „самъ себя выѣкъ“.

Прочиталъ я какъ-то въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ статью г. К. Лаврова „Изъ записокъ учителя“ („факты и мысли“). Простите,—но какъ старѣющійся уже педагогъ, давно уже работающій на этомъ поприщѣ и сльдившій на его протяженіи за дѣятельностью многаго множества педагоговъ—моихъ учителей (А. М. Скабичевскаго, В. Д. Сиповскаго, В. П. Острогорскаго, И. Ф. Рашевскаго, А. А. Адамова, И. Э. Кнорринга, К. М. Блумберга) и моихъ коллегъ, имена которыхъ перечислять не нахожу, удобнымъ, подивился я не столько „фактамъ“ у г. Лаврова, сколько „мыслямъ“ въ его статьѣ. Впрочемъ, и фактамъ и мыслямъ подивился, кажется, одинаково...

Г-ль Лавровъ оставилъ учитительство потому, что „во многомъ успѣль разо-

чароваться“, и „при воспоминаніи о пережитомъ у него такъ скверно дѣлается на душѣ“... Но вѣдь и тургеневскій Рудинъ тоже хотѣлъ было стать педагогомъ, да не сдѣлался. Прежде всего, для этого великаго дѣла нужно имѣть призваніе и дарованіе, а непризваннымъ и неодареннымъ тутъ, какъ и самому даже Рудину, места нѣтъ. Нѣтъ его, повидимому, и для г. Лаврова,—такъ что самое лучшее, что могъ онъ сдѣлать, это убраться изъ педагогического состава какъ можно скорѣй. И отлично сдѣлалъ, что убрался. Слѣдя за его разсказомъ изъ его педагогической дѣятельности, мы прежде всего видимъ, что началъ онъ съ глупостей.

Массу свободного времени посвящаю изученію своего предмета (словесности), а будущіе первые уроки даже писаль цѣликомъ. Было трудно приспособить къ пониманію 14—15-лѣтняго мальчишана теорію словесности, т.-е., въ сущности, теорію искусства, и чуть ли не эстетику: иѣло не легкое; но эта трудность преодолима, и наконецъ насталъ день, когда я впервые вошелъ въ классъ, какъ учитель. Признаюсь, я смущился и нѣсколько растерялся; неловко усѣвшись за каѳедрой, я принялъ „кинжалъ“ (!) урокъ, изрѣдка взглядывая на учениковъ и разнообразя чтеніе импровизацией; и читаль и говорилъ я довольно быстро, именно въ томъ темпѣ, какъ говорилъ однажды изъ любимыхъ нашихъ профессоровъ; его лексія намъ очень нравилась, но здѣсь это положительно не годилось, въ чёмъ я тутъ же и убѣдился (еще бы!), предложивъ одному изъ учениковъ повторить разсказанное и выслушавъ отказъ:

— Вы такъ быстро говорите, что мы не можемъ уловить мысли.

И я не могъ не замѣтить ироническаго оттѣнка во взглядахъ на меня слушателей, обыкновенно всегда являющагося по отношенію къ новому преподавателю, а здѣсь еще болѣе усилив-

шагося вслѣдствіе указанныхъ причинъ.

Хорошо, что г. Лавровъ хоть самъ-то сознается въ содѣянныхъ глупостяхъ. 14-лѣтнимъ мальчуганамъ вздумалъ читать *теорію*, да еще по тетрадкѣ, да еще не собственнымъ тономъ, а подхвачивши манеру какого-то тамъ своего любимаго профессора... Профессоръ-то профессоромъ, а г. Лавровъ—г. Лавровымъ. „Бѣда, коль широги начнеть печи сапожникъ“... У такого сапожника всегда печка да тѣсто виноваты. А у г. Лаврова виноваты учебники, „въ пустыню“ которыхъ онъ даже тихонько собирается, и хрестоматіи, которыя „почему-то“ (?) „обычно помѣщаются у себя отрывки изъ Гоголя, напр., описание обжорства (???) Аѳанасія Ивановича“; виноваты у него и ученики, „поражавшіе его порою своимъ страшныимъ невѣжествомъ“, какъ-будто бываютъ такие ученики, которые могли бы поразить г. Лаврова своею „страшною“ образованностью; виновато и то, что авторъ „фактовъ и мыслей“, навидимому, не сумѣлъ заручиться престижемъ предъ педагогическимъ соѣтствомъ и, благодаря этому престижу, обставить болѣе или менѣе легко и доступно вѣкласисое чтеніе своихъ учениковъ,—такъ что, по его собственному признанію, „его участіе въ этомъ дѣлѣ свелось почти (?) къ нулю“; виноваты—по мнѣнію г. Лаврова—еще и его коллеги, футиларные педагоги, смотрящіе на учениковъ, какъ на „огарки“ („я скоро согласился—(вотъ какъ?), что для огарковъ, дѣйствительно, не стоять писать, и я не писалъ больше“...); виновата еще и школьнaya дисциплина...

Но пусть обѣ этомъ разскажетъ самъ г. Лавровъ:

Вопросъ о школьнай дисциплинѣ, столь важный вообще и столь свое-временно выдвинутый въ настоящее время у настѣ, занималъ и меня въ высшей степени. Не сочувствуя строгому режиму старой школы, девизомъ кой, какъ известно, было—„сидѣть смироно“, (не особенно ново: г. Лавровъ осмыслилъ еще Гоголемъ изъ *школьнаго воспитанія Чичикова*),—я рѣшился примѣнять къ своимъ ученикамъ гуманную методу „невзыскательности“, т.-е. дѣлай что хочешь—(умно, г. Лавровъ! нечестно сказать!),—но не выходи изъ правилъ благонравія, доброй нравственности. Я провелъ свою систему даже далѣе—(ужъ дѣлать, г. Лавровъ, такъ дѣлать во всём!),—распространивъ ее и на самое ученье: неприготовившись урока, я позволилъ заявлять обѣ этомъ до урока, не ставя имъ въ вину ихъ неаккуратности.

Дѣло не въ томъ, разсуждалъ я, когда въ теченіе учебнаго года выученъ тотъ или другой отдѣль, а въ томъ, выученъ онъ или нетъ; причины же, по которымъ откладывается ученикомъ „на завтра“, могутъ вѣдь быть и уважительными... Но всѣ эти мои начинанія исчезли, яко дымъ, и сдѣлалось это тоже постепенно, незамѣтно. Войдешь, бывало, въ классъ и смотришь: на каѳедрѣ уже лежитъ записочка съ 7—8 фамилиями и лаконическою надписью: „отказываются отѣчѣтъ“... И такъ—часто. Съ „благонравіемъ“ дѣло обстояло еще хуже; въ классѣ у меня набивали папирсы, играли въ шашки, кажется, и въ карты—(утѣшителю, г. Лавровъ, слышать, какіе у насъ на Руси есть авторитетные педагоги!),—дисциплина падала, я страдаль и не зналъ, что дѣлать; этому меня не научили въ школѣ, давшей мнѣ дипломъ педагога. (Да, г. Лавровъ, этому въ школѣ и нельзя и не надо учить: потому учить начинающаго педагога его собственный умъ, собственный тактъ—собственное, а не чужое, не заимствованное, не вбитое изъ головы звезды со стороны).

Были и неоднократно бывали, разсказываетъ далѣе наивный неудачникъ

quasi-педагогъ г. Лавровъ,—отрадный явленія въ области отношеній класса ко мнѣ, какъ къ учителю (безъ чувства удовлетворенія и радости не могу вспомнить ихъ), но были и тяжелыя минуты... Помню, въ первое время своего учительства, встрѣтивъ послѣ уроковъ товарища — преподавателя въ ресторанѣ, я пожаловался ему на невниманіе учениковъ.

— А вы посыпайте ихъ къ инспектору, вотъ и все, отвѣчалъ онъ.

— Какъ это къ инспектору? удивился я.

— А такъ: пошелъ вонъ, и все тутъ, пояснилъ тогъ невозмутимо,—а ужъ тамъ ему внушать, какъ нужно.

Помню, я тогда изумился этому отвѣту и съ сожалѣніемъ подумалъ о своемъ коллегѣ. Но не могу тутъ же не припомнить и того, какъ не очень много спустя послѣ этого разговора я „посыпалъ“ одного изъ своихъ учениковъ даже не къ инспектору, а выше...—(*Итакъ, г. Лавровъ очень скоро стала сама въ фурште прятаться*). Подобныхъ случаевъ педагогической реакціи было у меня немного, но все же они были; нервы ли не выдерживали здѣсь, или это было слѣдствіемъ моего одиночества или полуодиночества въ спѣлованіи „системъ синхордительности“, —не берусь решить; происходило ли это въ зависимости отъ стараго, непреложного закона о невозможности влиять новое вино въ старые мѣхи, —тоже не знаю. Знаю только, что при воспоминаніи объ моей педагогической дѣятельности, во мнѣ оживаетъ память о дѣлѣ святомъ—(*откуда же это видно въ „фактахъ и мысляхъ“ г. Лаврова?*), —но тяжеломъ и не исполненномъ такъ, какъ хотѣлось, и невольно хочется по отношению къ этому прошлому сказать словами одного изъ героевъ г. Короленко:—Ахъ, братецъ ты мой, до чего жалостная исторія!.

Что и говорить? Дѣйствительно, жалостная исторія... Совсѣмъ Крыловская щука этотъ г. Лавровъ. Но кто виноватъ въ этомъ? Не самъ ли авторъ этихъ „фактовъ и мыслей?“ Или, мо-

жеть—быть, вся его статья написана и клонится къ тому, чтобы угодить Петру Ивановичу Бобчинскому? Не затѣмъ ли писалъ ее г. Лавровъ, чтобы заявить Россіи о своемъ существованіи на бѣломъ свѣтѣ, подобно тому, какъ Петръ Ивановичъ упрашивалъ Хлестакова заявить въ Петербургѣ, что въ такомъ-то городѣ живеть-де онъ, Петръ Ивановичъ Бобчинскій...

Да, дѣло для такихъ воспоминаній не столько въ томъ, чѣмъ встрѣчается учителъ на своемъ пути, а въ томъ, какъ онъ умѣетъ справиться со всѣми его помѣхами и трудностями. Что встрѣчаются непріятности учителю (не одному только г. Лаврову)—это мы давно и хорошо знаемъ: конечно, встрѣчается мерзость запустѣнія. Это намъ хорошо известно, потому что мы знаемъ русскую печальную дѣйствительность. Но умѣли же нѣкоторые (и даже многіе) русскіе преподаватели словесности „смѣло несть тетрадокъ бремя“, не покидая своего поста до конца жизни и не впадая въ какое-то импотентное уныніе, которымъ разслабленъ и удрученъ комическій авторъ этихъ наивныхъ воспоминаній, г. Лавровъ, „сѣвшій во въ свои сани“, не „обжегшійся на молокѣ“. Пусть же онъ брюзжитъ: пусть бездарность „дуетъ на чужую воду“; отъ этого ничуть не убавятся достоинства нашей милой молодежи и не упадетъ значеніе такихъ убѣждѣнныхъ, страстныхъ, даже вдохновенныхъ дѣятелей воспитательного дѣла въ Россіи, какъ покойные Викторъ Острогорскій, Александръ Страннопочтенный, Николай Пироговъ, Михаилъ Чистяковъ, Василій Сиповскій, Федоръ Резенеръ и еще многіе другие люди педагогического труда, сильной воли и, главное,—любви къ молодымъ поколѣ-

ніамъ. Недаромъ ихъ педагогическая воспоминанія всегда свѣты, жизнерадостны и полны идеалистическихъ упованій и мечтаний...

Н. Позняковъ.

Что читать детямъ?

30. **Дешевая библиотека.** Русские поэты (карманская хрестоматія). Составитель *П. Вейнбергъ*. Т. I и II. Издание А. С. Суворина.

Это, разумѣется, не „дѣтская“ книга. Но она и практически удобна и интеллигентуально полезна для многихъ и многихъ, разъ мы согласимся, что и очень большой публикѣ натурально знакомиться хотя бы въ иѣкоторой степени, съ родной поэзіей — въ послѣдовательности временъ. Это—одно. А другое: и обыкновенному нашему ученику, „проходящему литературу съ Гоголемъ включительно,“ — недурно заглянуть и подалѣ.

Первый томъ начинается „народной поэзіей“. Затѣмъ представленъ Кантемиръ. Пожалуй, пресловутую „Сатиру къ уму своему“ — въ карманской хрестоматіи не грѣшно и урѣзывать. Цѣлесообразно включены сюда и Козловъ, и Давыдовъ, и Рылѣевъ.

Въ предисловіи „отъ составителя“ почтенный писатель нашъ заявляетъ: „Выборъ стихотвореній обусловливается прежде всего ихъ художественнымъ достоинствомъ, затѣмъ — ихъ характеристичностью, въ смыслѣ возможно болѣе полного представленія того, что составляетъ отличительную черту настроенія имировоззрѣнія автора“. Съ наибольшимъ удобствомъ этотъ критерій составителя проявляется на второмъ томѣ, который ближе къ нашимъ днямъ и заканчивается пѣсами г.г. Минского, Мережковскаго, С. Я. Надеономъ и Фофановымъ. Признаемся, что подборъ П. И. Вейнberga подчасъ от്യнялъ для насъ знакомыхъ авторовъ стиховъ какъ-то en beau. Смѣемъ надѣяться — это заслуга, а не послабленіе составителя: отъ себя вѣдь онъ ничего не вносилъ и никакими примѣчаніями не поднималъ поэтовъ своей хрестоматіи.

31. **Оборона Севастополя. Кладдія Лукашевичъ.** Издание т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ. 1904 г.

32. **Изъ недавняго прошлаго. Ея-же.** Сборникъ рассказовъ и повѣстей. Изд. И. М. 1904 г.

Книга г-жи Лукашевичъ — „для дѣтей и народа“ — „Оборона Севастополя и его славные защитники“ вышла въ свѣтъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда судьба ниспослала нашей родинѣ очень тяжелыя испытанія. Названное изданіе иллюстрировано рельефно, разнообразно и весьма обильно. Во „Вступлениѣ“ припоминается „нашъ великий писатель — севастополецъ“ — Л. Н. Толстой. „Предисловіе“ составляеть „краткая исторія Тавріческаго полуострова и Севастополя“. Въ послѣдней главѣ — „Памятники обороны Севастополя“ — сообщаются и собственные впечатлѣнія автора, который посѣтилъ этотъ городъ въ 1902 г. Обращаютъ на себя вниманіе и заключительные слова книги: „Смерть мирить враждующихъ. Сердце скорбить о погибшихъ. Закончимъ нашъ трудъ горячимъ пожеланіемъ, чтобы когда-нибудь надъ землею взошло солнце мира и братской любви и чтобы войны, этого ужаснаго варварства, между народами не было“. Въ самомъ концѣ „Обороны“ — приведены „Источники, по которымъ составленъ настоящій трудъ“.

Вторую свою книгу г-жа Лукашевичъ озаглавила „Изъ недавняго прошлаго“. И, видимо, сборнику присущи черты какъ бы біографическаго, лѣтописнаго характера. Писатель находить себѣ отраду въ старости въ устройеніи народной школы. Профессоръ, житейски неопытный, преданный „мужъ науки“, поддерживается въ трудныхъ минутахъ незадачъ — „сыномъ земли“ — своимъ службою („Баринъ и слуга“). Въ ноябрѣ 1895 г. Гавань переживаетъ страшное для бѣдняковъ наводненіе. („Ужасные дни“). Въ „повѣсти“ „Къ свѣту“, посвященной П. В. З., разсказывается про мальчика, бѣднаго, но жаждущаго умственного развитія. Его было натолкнули, да и самъ онъ „соблазнился случайными плодами Музы“ своей. Но, въ концѣ концовъ, онъ обрѣтаетъ по-

пришло, вполне насыщающее его духовно,—онъ оказывается призваннымъ сельскимъ учителемъ. „Повѣсть“ „Дѣвъ сестры“ также, очевидно, отражаетъ какіе-то „человѣческіе документы“. Да-шета и Машета—съты и праздны. И та изъ нихъ, которая раньше заглянула куда-то дальше узко-личныхъ интересовъ, скорѣе ощутила большую „цѣну жизни“.

А. Н.

33. Библіотека „Юнаго Читателя“. Жизнь на землѣ. М. Собининой. Съ рис. Ц. 25 к. Петербургъ. 97 стр. маленькаго формата.

Въ этой небольшой книжкѣ авторъ знакомить юныхъ читателей съ условіями жизни на землѣ и съ характеромъ этой жизни въ различныхъ географическихъ поясахъ. Условія жизни складываются изъ климатическихъ условій, изъ характера мѣстности, изъ состава флоры и т. д. Ко всѣмъ этимъ условіямъ животное должно приспособиться, всѣ эти условія кладутъ извѣстный отпечатокъ на животныхъ, надѣляютъ его особенностями, которыя рѣзко отличаютъ животныхъ различныхъ мѣстностей. Авторъ знакомить съ животными слѣдующихъ поясовъ: полярныхъ странъ, тундры, тайги, лѣса, степи и пустыни, тропического лѣса и острововъ. При описаніи животныхъ авторъ рѣдко и мало останавливается на ихъ частной жизни, разсмотривая главнымъ образомъ условія жизни извѣстной области и касаясь живыхъ существъ и растеній постольку, поскольку это необходимо для характеристики мѣстности. Это придаетъ книгѣ особенный интересъ и, если можно такъ выразиться, широкій взглядъ. Книга написана понят-

нымъ и литературнымъ языкомъ и снабжена многими недурными рисунками.

К. Я.

34. ВѢКЪ ВЕЛИКИХЪ ОТКРЫТИЙ. Проф. С. Гюнтеръ. Переводъ И. Ю. Шмидта. Изд. А. Ф. Девріена.. Спб. 283 стр. Съ рисунк. Ц. 1 р. 25 коп.

Въ хронологическомъ смыслѣ „вѣкъ великихъ открытий“ название неправильное, такъ какъ періодъ открытий занимаетъ болѣе двухъ столѣтій, начиная съ Генриха Мореплавателя, жившаго въ XV столѣтіи, и кончая началомъ XVII столѣтія, когда былъ открытъ новый путь вокругъ мыса Горна и окончательно были установлены очертанія Южной Америки. Весь этотъ періодъ открытий можно назвать „вѣкомъ“ въ виду особенного подъема человѣческаго духа и въ виду тѣснаго соприкосновенія всѣхъ открытий, совершенныхъ въ немъ, которыя составляютъ эпоху въ географії. Содержаніемъ этой книги служить описание открытия пути въ Индію вокругъ Африки, открытие отдаленной восточной части Азіи и открытия Америки. Въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ книги, посвященной этому замѣчательному періоду расцвѣта человѣческихъ знаній, такъ что появленіе въ свѣтѣ интересной книги Гюнтера вполнѣ своевременно. Сами по себѣ открытия настолько замѣтны, что книга прочтется каждымъ съ большимъ интересомъ, особенно въ прекрасномъ переводе Шмидта. Книга издана хорошо и снабжена пятьюдесятью рисунками, замѣчательными въ томъ отношеніи, что они представляютъ собой снимки со старинныхъ (современныхъ) гравюръ.

К. Яцута.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедиингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Октябрь — № 10.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ № 10.

1. Неисправныя дѣти. Я. Екатерином-
лавичева	369
2. Роль географического атласа въ
семейномъ воспитаніи. О. Шубина . .	376
3. Дѣтская жизнь по даннымъ нашей
печати. В. Измайлова	382
4. Одна изъ мѣръ борьбы съ дѣтской
смертностью во Франціи. Д-ра мед.
А. Веренуса.	390
5. Что читать дѣтямъ?	394

„Неисправныя“ дѣти.

Категорія дѣтей, о которой напоминаетъ заголовокъ настоящей замѣтки, существуетъ въ двухъ видахъ. Первый — это временно неисправныя дѣти. Онъ встрѣчается очень часто, и именно столько разъ, сколько воспитатели ошибаются въ своемъ времененномъ приговорѣ о неисправности мальчика, приговорѣ, справедливость котораго опровергается самимъ постановившимъ его нерѣдко уже послѣ какихъ-нибудь двухъ недѣль и даже нѣсколькихъ дней. Неисправность дѣтей тутъ создана фантазіей воспитателя или его страхомъ передъ возможностью того, что дитя не исправится отъ какого-нибудь недостатка. Быстрота, съ какою приписывается мальчику качество „неисправныи“, указываетъ уже на то, что это же слово употребляется то какъ шутка, то, при извѣстной интонаціи, даже какъ ласка. Другой

видъ неисправныхъ дѣтей болѣе внушительный, но довольно рѣдкій, къ счастью. Онъ характеризуется дѣтскими качествами, заставляющими клеймить дѣтей „неисправными“ во все время ихъ роста. Какъ изъ рога изобилия, на нихъ сыпятся упреки старшихъ; на нихъ же иногда попросту „рукой махнуть“, предоставляя ихъ волѣ Божіей, точнѣе, волѣ обстоятельствъ. Пусть, моль, сами выбираются изъ всякихъ бѣдъ, которыхъ причиняютъ имъ ихъ же характеръ и склонности, а мы, воспитатели, безсильны въ борьбѣ съ такими качествами дѣтей.

Нельзя не признать, однако, что въ мысль о дѣтской неисправности всегда входитъ въ нѣкоторой степени пророчество своего рода, и что въ этомъ качествѣ она, эта мысль, скорѣе бываетъ ошибочна, чѣмъ правдива. Тысячи дѣтей обѣщаютъ воспитателямъ своимъ поведеніемъ и своими способностями самую блестящую будущность и, выросши, нимало не оправдываютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ. Напрасное самообольщеніе воспитателей очень часто выступаетъ тутъ вполнѣ явно, и точно такая же напраслина заключается, въ большомъ числѣ случаевъ, въ противоположномъ взглядѣ, противоположныхъ надеждахъ,—въ мысли о дѣтской неисправности. Каждый изъ насъ встрѣчалъ когда-нибудь дѣтей,

считавшихся „неисправимыми“. Въ семье приговоръ о неисправимости дитяти выражается естественно въ различной степени мягкости или жестокости; точно также и формы его бываютъ различны. Общій же смыслъ его—подправленное пессимизмомъ недовѣріе къ нравственнымъ качествамъ или умственнымъ силамъ дитяти, особенно же къ первымъ. То обстоятельство, что ребенокъ имѣеть въ своемъ роствѣ свой особый, ему одному свойственный, отдельный міръ, какъ имѣеть его сѣмя, брошенное въ землю, слишкомъ мало, къ сожалѣнію, признается обыкновенно воспитателями. Красной нитью проходитъ въ современномъ воспитаніи невниманіе къ великой массѣ запросовъ и потребностей дѣтской души. Дѣтямъ ставятъ нравственные требования и умственные задачи по готовымъ, давно существующимъ образцамъ, не отличающимся психологической прозорливостью вообще и внимательностью къ индивидуальнымъ качествамъ дитяти въ частности. Въ воспитаніи часто хотятъ преобразовывать и даже вполнѣ измѣнять такія дѣтскія качества и черты, которыхъ характеръ изначеніемъ малонеизвѣстны самимъ воспитателямъ. Въ то же время старшіе обращаются часто одинаково повелительно съ дитятей семи, восьми и даже одиннадцати, двѣнадцати лѣтъ, какъ и съ ребенкомъ трехъ-четырехъ лѣтъ. Неисполненіе дѣтьми отдаваемыхъ имъ приказовъ или недостаточное, какъ и неумѣлое исполненіе такихъ служать основой сужденій о душевномъ строѣ дитяти, нравственныхъ силахъ, способности или неспособности. Ошибки вслѣдствіе незнанія дѣствительныхъ свойствъ дитяти и ошибки, какъ слѣдствіе неумѣтности

или запоздалости повелѣній старшихъ, громоздятся одинъ на другія, и въ результатѣ получаются ряды ложныхъ, въ сущности, представлений о дѣтской индивидуальности, т.-е. являются дѣти, исправимы будто бы только суровыми мѣрами, полуисправимы при болѣе мягкомъ режимѣ и, наконецъ, даже вполнѣ „неисправимы“.

Пищущій эти строки знаетъ директора одной нашей провинціальной гимназіи, пользующагося большимъ уваженіемъ, какъ педагогъ и какъ администраторъ, и считавшагося въ дѣтскомъ возрастѣ, вплоть до шестнадцати-семнадцати лѣтъ, „неисправимъ“. Таковымы считали его вмѣсть съ родителями всѣ другія окружающія лица за „тряпичность“ его дѣтскаго характера, за неумѣніе „быть какъ другіе“, какъ, напримѣръ, хваленые его сверстники, и за подобные черты; таковымы же онъ долго былъ на счету у учителей въ учебномъ заведеніи, которое проходилъ, за неудовлетворительная отмѣтки „по всѣмъ предметамъ“, достававшіяся на его долю, за то, что былъ „глухъ и слѣпъ“ ко всѣмъ училищіямъ, которыя ему дѣлались дома и въ школѣ, и еще за прочее подобное.

Но и нынѣ слышатся по адресу его упреки за „поблажки“ малышамъ низшихъ классовъ гимназіи, въ которой онъ директоръ, и за излишество будто бы „свободы“, которую онъ представляетъ гимназистамъ высшихъ классовъ. Пусть осуждаютъ его, однако, только тѣ, которые не хотятъ вдумываться въ условія рационального воспитанія дѣтей и въ различные свойства дѣтской неисправимости, а мы отнюдь не видимъ тутъ основаній для обвиненій, сколько-нибудь разумныхъ, сколько-нибудь справедливыхъ.

Изъ дитяти, на которое окружающіе, въ ихъ числѣ самые близкіе ему люди, готовы были рукой махнуть и отвернуться, какъ отъ неисправимаго, въ лицѣ этого директора гимназіи выросъ многосторонне образованный и неуныно дѣятельный, энергичный человѣкъ. Онъ обязанъ за это, по его же признанію, почти что простой случайности. Одинъ изъ его родственниковъ долженъ быть отправиться въ то время, когда этотъ директоръ былъ еще малышомъ-гимназистомъ, на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, съ цѣлью укрепленія здоровья очень хилой и часто хворавшей своей дочери лѣтъ десяти. Та „тряпичность“ дѣтскаго характера, за которую упрекали маленькаго гимназиста, была свойственна въ значительной степени также этой больной. Въ Лозаннѣ отецъ дѣвочки близко познакомился съ мѣстнымъ педагогомъ, учредившимъ тамъ училище для отсталыхъ дѣтей. Педагогъ прежде всего объяснилъ пріѣжему, что недостатокъ бодрого характера у дитяти далеко не всегда слѣдствіе тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ, а очень часто результаѣтъ то замѣтныхъ, то и незамѣтныхъ физическихъ свойствъ дѣтского организма, иначе—своего рода болѣзnenности организма. Съ ростомъ дитяти такой физической недостатокъ, порождающій также нравственный, самъ собою проходить всегда или почти всегда, если въ помошь совершающемся естественному процессу является снисходительное къ слабостямъ ребенка, добродушное, разумное воспитаніе. Всякій упрекъ или злая насмѣшка надъ дитятей, страдающимъ недостаткомъ характера, должны быть исключены изъ этого воспитанія, а уваженіе къ дѣтской личности должно, напро-

тивъ, отмѣтить собою каждое проявленіе, каждую черту въ воспитаніи такого дитяти.

Письма въ Россію отца большой дѣвочки по адресу родителей „неисправимаго“ гимназиста привели послѣднихъ мало-по-малу къ мысли о необходимости значительныхъ перемѣнъ въ ихъ отношеніяхъ и къ собственному странному мальчику. Съ течениемъ времени прежня сдѣланныя обвиненія и строгости по отношенію къ упрямцу въ своихъ недостаткахъ стали уступать мѣсто даже ласкѣ. Эпитеты: „неисправимый, упрямый“, а иногда и „дрянной“, слышались меньше и меньше и временами замѣнялись совершенно иными, болѣе привлекательными дѣтскому уху. Точно полная переопѣнка качествъ характера дитяти совершилась у его родителей подъ вліяніемъ писемъ родственника въ Швейцаріи, и совершилась къ истинному счастью этого дитяти. Мальчикъ становился бодрѣе, а также прилежнѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ встрѣчалъ родительскую поддержку. До этого времени всякия непривлекательныя его наклонности, разсѣянность, лѣтность, угрюмость, приписывались его злостной неисправимости, а съ наступающей перемѣной во взглядахъ на причины этихъ наклонностей—мальчику стали указывать на способы, какими онъ можетъ, если не сразу, то хоть постепенно, освободиться отъ нихъ. Бывало, правда, что и самые разумные советы даромъ пропадали для него, но бывало также, что они оставляли прочный слѣдъ на его поведеніи и на каждомъ шагу въ его дѣтской дѣятельности. Въ возрастѣ же, когда мальчикъ переходитъ въ юношу, онъ вполнѣ освободился отъ многихъ соб-

ственныхъ дурныхъ чертъ въ характерѣ.

Кому же не известно, однако, что въ раннемъ возрастѣ дѣти еще чаще, чѣмъ въ болѣе позднемъ, подвержены всякимъ рода физическимъ слабостямъ, отражающимся такъ или иначе на ихъ нравственныхъ свойствахъ, и, следовательно, какая масса несправедливости со стороны воспитателей видѣть иногда въ дѣтскихъ недостаткахъ родь неисправимыхъ качествъ. Не лучше ли по возможности совѣсть не обличать въ нихъ дѣтей, а тѣмъ или другимъ способомъ направлять послѣднихъ на желанныя перемѣны, насколько это можетъ зависѣть отъ физической комплекціи ребенка. Но если ужъ такой приемъ при воспитаніи вообще лучше, чѣмъ грозное обвиненіе въ неисправимости съ сопровождающими его упреками, то тѣмъ менѣе имѣютъ тутъ основанія настойчивость воспитателей, чтобы дѣти все-таки дѣлали, какъ они, воспитатели, этого хотятъ, и строгости вслѣдствіе неудовлетворительного исполненія дитятей того или другого дѣла. Всякія же взысканія въ этихъ случаяхъ кажутся намъ то полнѣйшей безмыслицей, то настоящимъ варварствомъ. Развѣ только въ выдахъ самой безтолковой и уничтожающей дѣтскую личность дисциплины могутъ быть допущены тутъ какія-нибудь даже самомалѣйшія наказанія по отношенію къ дѣтямъ. Но если дисциплина и вообще можетъ имѣть лишь очень условное и ограниченное соприкосновеніе къ воспитанію, то такая дисциплина, т.-е.оказуемо-принудительная, не имѣть ужъ ни малѣйшаго *raison d'être*, какъ воспитательное средство для дѣтей, направляемыхъ такъ или иначе своими просто физи-

ческими силами, капризами собственнаго слабаго здоровья. Какъ часто также воспитатели по-своему успокаиваются на убѣждѣніи, что ребенокъ неисправимъ въ томъ или другомъ отношеніи и что даже временное устраниеніе у него какого-нибудь недостатка достижимо только при условіи послѣдовательнаго и настойчиваго взысканія. Успокоеніе на такомъ убѣждѣніи заключаетъ въ себѣ истинное несчастіе для дитяти: оно-то и влечетъ за собою непрерывныя пытки въ дѣтской жизни и тогъ приговоръ неисправимости, который рѣдко подъ вліяніемъ случайностей измѣняется судьбу дитяти къ лучшему, а часто, къ несчастью, такимъ и остается и—что еще хуже—такимъ и отражается на всей жизни взрослого человѣка. Если должно чего-нибудь опасаться въ дѣтскомъ воспитаніи, то едва ли не больше всего опасеній должна бы возбуждать мысль о неисправимости. Есть дѣти больныя, слабыя, и таковъ и ихъ характеръ, но нѣтъ „неисправимыхъ дѣтей“.

Я. Екатеринославцевъ.

Роль географического атласа въ семейномъ воспитаніи.

(По поводу изданія А. Ф. Маркса.)

Въ наше время, когда международные отношенія сильно осложнились, интересы многихъ странъ взаимно переплетаются благодаря политическимъ и экономическимъ причинамъ, никто не станетъ отрицать важности географическихъ познаній, несмотря на авторитетъ Л. Н. Толстого¹⁾, какъ для общаго

1) Содержаніе нашихъ учебниковъ географіи таково, что графъ Л. Н. Толстой, сълавшій опыты преподаванія географіи въ своей

образованія, такъ и для выработки определенного міросозерцанія.

Съ первыхъ шаговъ своей жизни до времени старческой дряхлости, когда уже интересуетъ лишь покой, человѣкъ интересуется окружающими; желая ориентироваться, онъ съ первыхъ шаговъ изучаетъ мѣсто, ближайшее къ колыбели. Семейная обстановка—вотъ весь кругъ наблюдений природы и жизни на зарѣ нашихъ дней. Съ возрастомъ и развитиемъ сознанія поле наблюденія и опыта увеличивается, вырабатываются абстрактныя понятія, воображеніе даетъ представление о громаднѣйшемъ жилищѣ человѣческаго рода—всей землѣ или земномъ шарѣ—и идетъ за предѣль представляемаго, до непостижимой вселенной. Я нарочно говорю „вся земля“, потому что представление земного шара менѣе абстрактно и по времени позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ представление „всей земли“. Наша фантазія безсильна дать сознанію тотъ гигантскій объемъ, который имѣеть земной шаръ. Мы всегда представляемъ земной шаръ, какъ глобусъ; при этомъ наше воображеніе въ каждомъ случаѣ, когда въ сознаніи является этотъ фактъ, услужливо представляетъ самый большой или самый эффектный глобусъ, который мы видѣли и запомнили. Глобусомъ для ориентировки мы не можемъ пользоваться по непригодности малаго для

янинополянской школѣ, пришелъ къ убѣждению, что ее совсѣмъ не слѣдуетъ преподавать. Миѳіе г-жи Простаковой о бесполезности географіи есть нечто такое, говорить съ, „силыче чю никонда ничею не было сказано противъ географіи, и все ученье мѣра не въ состояніи ничего отпѣтить противъ такою несокрушимаго довода. Я говорю совершенно сердечно“. Соч. Л. Н. Толстого. Изд. 5-е. Томъ IV, стр. 320.

очень большого количества пунктовъ, а большой практически неосуществимъ. Поэтому для изображенія поверхности всей земли возможно подробнѣе явился рядъ картъ, или атласъ.

Если самые грубые дикари, какъ свидѣтельствуютъ путешественники, умѣютъ чертить мѣста своихъ путей и стоянокъ на пескѣ, на корѣ дерева и т. п., если они ориентируются по такимъ примитивнымъ картамъ, то культурному ребенку не приходится продѣлывать этихъ первобытныхъ приемовъ опыта; у него для ориентировки долженъ быть подъ рукою такой атласъ, гдѣ бы родители въ первые моменты пытливости мысли могли удовлетворить этой потребности къ ориентировкѣ. Я говорю про дѣтей 5—8 л.; имъ уже можно, при вопросахъ о съѣздахъ городахъ, селахъ и т. д., указывать на атласъ. Хотя рациональная методика географіи требуетъ, чтобы прежде, чѣмъ дать въ руки ребенку географическую карту или атласъ, нарисовать планъ комнаты, планъ дома и ближайшихъ улицъ, а потомъ переходить отъ плана къ картѣ,—однако, опытъ показываетъ, что дѣти охотно, еще даже не умѣя читать, разматриваютъ знаки карты, охотно усваиваютъ: кружокъ—это городъ, змѣйка—рѣка, черточки прямые—болото и т. п. Если покажешь пукътъ своей мѣстности: городъ, деревню, рѣку, озеро и другое ближайшее, о которыхъ дѣти слышали, то у нихъ является вопросъ, почему это вверху или внизу нарисовано, вправо или влево. Когда же объяснить съ компасомъ, что можно указать дѣйствительное направление любого пункта, то эта новинка дѣлаетъ карты атласа привлекательными для нихъ. Они, какъ подражатели и

рисовальщики по природѣ будуть даже охотно чертить свой городъ и положеніе другихъ, особенно имъ извѣстныхъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ педагоги, сторонники черченія при изученіи географіи, пользуются, какъ доказательствомъ естественности метода черченія картъ на память.

Единственный ихъ доводъ въ пользу этого уже оставленнаго метода—это то, что карта запоминается лучше¹⁾. Но надо спросить, какая карта? Та, которую чертили, мало понадобится или совершенно не понадобится въ жизни. А сколько времени школьники тратятъ на изученіе ея чертежія на память?! Къ чему этотъ трудъ, когда онъ не удовлетворяетъ главной цѣли—умѣнью ориентироваться при помощи атласа? Вѣдь то, что даетъ атласъ, никогда и не думали чертить. Вотъ именно богатство атласовъ и изобиліе картъ ad hoc въ книгѣ и газетѣ были причиной, что сознательные педагоги отвергли черченіе географическихъ картъ какъ у насть, такъ и на Западѣ, гдѣ картографія, особенно у нѣмцевъ, поставлена блестяще.

Мы съ удовольствіемъ можемъ констатировать, что и у насть теперь значительно выросъ интересъ къ географическому знанію въ образованномъ обществѣ и вызвалъ появленіе на свѣтѣ множества какъ популярныхъ книгъ, не разъ уже рекомендованныхъ журналомъ „Воспитаніе и Обученіе“ для дѣтскаго чтенія, такъ и серіозныхъ научныхъ трудовъ; въ области картографіи къ послѣднимъ надо от-

¹⁾ О безполезности черченія географическихъ картъ см. мою статью въ „Русской Школѣ“ № 5, 6. 1899 г.: „Ругина въ преподаваніи географіи“.

нести: „Большой всемирный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокольского“ (вышла половина), а въ первымъ—„Всебій географический и статистической карманный атласъ Гекмана и Маркса“. Издание 2-е.“ То и другое изданія отдаютъ должное вниманіе Россіи. Карманный атласъ я бы называлъ иллюстрированной географіей жизни странъ и народовъ. Это лучшій изъ существующихъ атласовъ, какъ пособіе къ познанію земли и для классныхъ цѣлей. Настолько удачно, въ видѣ картъ, картинъ, графикъ, освѣщеніе здѣсь масса интересныхъ дѣтеймъ и взрослымъ вопросовъ, что въ семьѣ это маленькое и весьма дешевое (2 р.), если принять во вниманіе количество и качестворисунковъ, изданіе положительно необходимо. Я знаюличному опыту, что неумѣющія читать дѣти охотно рассматриваютъ прекрасныя раскрашенныя картинки, а умѣющія читать охотно пользуются этимъ въ высшей степени нагляднымъ пособіемъ для самостоятельного знакомства съ землевѣдѣніемъ. Любая страницка иллюстрацій этого атласа представляетъ занимательную новинку; иллюстраціи такъ удачны, что и карты, хотя и не такія подробныя, какъ во всемирномъ атласѣ, представляютъ большую цѣнность, благодаря прекрасному и привлекательному исполненію, что можетъ способствовать охотѣ къ ихъ разсмотрѣванію, а потому запоминаніе контуровъ странъ, о которыхъ говорятъ иллюстраціи, обеспечено безъ всякихъ вытокъ черченія на память.

Я позволилъ себѣ распространиться объ атласѣ и картѣ, имѣя въ виду рекомендовать два превосходныхъ изданія г. Маркса, которыми наша картографія

стала вровень съ заграничными, если не превзошла ихъ.

Большой настольный атласъ безусловно необходимъ для всякаго читателя не потому только, что тутъ при помощи алфавитнаго указателя, приложеннаго къ атласу, легко отыскать въ одну минуту на картѣ любое изъ 250.000 названій атласа, а и потому, что у насъ впервые такъ основательно и полно данъ картографической матеріалъ для познанія земли и Россіи въ особенности. Напримѣрь, несомнѣнно въ ближайшемъ будущемъ, съ прорытиемъ Панамскаго канала, будетъ играть роль Великій Океанъ: онъ здѣсь прекрасно освѣщенъ. Вопросы климатические впервые являются научно и полно изложенными въ доступномъ большой публикѣ изданіи. Наконецъ, русскій или живущій въ Россіи имѣть единственно полный указатель, гдѣ, кромѣ городовъ и пунктовъ учебнаго атласа, указаны: мѣстечки, слободы, села, деревни, форты, сторожевые посты, колодцы, водопады, болота, пороги, подводные камни, соленые и прѣсноводныя озера, минеральные источники и курорты, каналы, маяки, курганы, рудники и золотые пріиски, таможни, ярмарки, монастыри, церкви, мечети, желѣзныя, почтовыя, шоссейныя и проселочныя дороги, перевалы, гавани и пароходныя пристани, почтовыя и телеграфныя станціи, пароходныя линіи, телеграфныя и телефонныя линіи и др. Все это обозначено ясно и разборчиво. Если и найдутся кое-какіе промахи или недостатки, то они не могутъ измѣнить выдающихся достоинствъ этого труда, гдѣ громадная матеріальная затраты г. Маркса и блестящія географическія познанія Ю. М. Шокольского дали русской публикѣ географическое по-

собіе, которое не уступаетъ по вѣнчаности лучшимъ заграничнымъ, а по содержанію ихъ превосходить, такъ какъ вперые дана вся Россія, какъ ни въ одномъ заграничномъ изданіи. Въ виду того, что карманній атласъ быстро разошелся и потребовалъ 2-е изданіе, большой настольный безъ сомнѣнія имѣть не менѣе блестящую будущность, такъ какъ въ настоящее время онъ единственная по цѣли и средствамъ настольная книга для всякаго образованнаго русскаго человѣка, какъ и для русской интеллигентной (сознательной) семьи, где въ дѣтской онъ будетъ большинъ другомъ и единственнымъ отвѣтчикомъ на многіе вопросы дѣтей: гдѣ и почему?

Ф. Шубинъ.

Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати.

I.

Въ настоящее военное время печатно уже зарегистрировано несолько случаевъ проявленія дѣтьми патріотическихъ чувствъ. Бываетъ, что дѣти „отказываются“ отъ игрушекъ, лакомствъ, жертвуя эквивалентъ ихъ стоимости на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ, или даже на нужды флота. Бывали и еще болѣе трогательные случаи, когда дѣти, живущія въ пансіонахъ, отказывались отъ кушанья за обѣдомъ, или даже отъ ужина,—все въ тѣхъ же цѣляхъ внести свою лепту на общее дѣло военнаго времени. Это ужъ поистинѣ самоотверженіе самой высшей пробы. Мы вправѣ, однако, задать вопросъ: желательно ли вообще такое явленіе? т.-е. не патріотизмъ ли желателенъ, а

именно подобное проявление патриотизма—въ интересахъ самихъ же дѣтей? Отъ игрушекъ отказаться, конечно, тяжело, но еще можно; отъ лакомствъ, отъ лишней карамельки—тѣмъ болѣе; отказаться отъ нея, вѣроятно, даже и полезно для самихъ же дѣтей или, вѣрѣ,—для ихъ желудковъ. Но полезно ли, напримѣрь, для дѣтского организма—хроническое недоѣданіе? Не отразится ли въ концѣ концовъ это недоѣданіе въ сторону ослабленія хотя бы того же подъема патриотическихъ чувствъ? Ибо очень давно и рѣшительно всѣмъ известно, что здоровый, бодрый духъ—въ здоровомъ тѣлѣ. Не слѣдуетъ ли поэтому воспитателямъ пансионовъ скорѣе сдерживать, чѣмъ поощрять въ дѣтяхъ указанное выраженіе патриотизма, какъ бы самъ по себѣ прекрасенъ и прорателенъ онъ ни былъ? Слѣдуетъ ли тотчасъ же сообщать объ этомъ свѣту, черезъ посредство газетъ, какъ бы въ назиданіе дѣтямъ и ихъ родителямъ?

Послушаемъ, что по этому поводу говорить одиць изъ родителей на страницахъ „Кievской Газеты“,—тѣмъ болѣе, что родительскій голосъ въ данномъ случаѣ имѣть несомнѣнныи авторитетъ.

„Какимъ бы патриотизмомъ ни были одержимы отцы и дѣти, пишетъ родитель,—но не станутъ же первые лишать послѣднихъ обѣдовъ и ужиновъ для нуждъ арміи. Дѣтские организмы рабствуютъ, пища для дѣтей—это тотъ материалъ, изъ которого формируются будущіе защитники отечества и здоровые люди. Казалось бы, увлечение дѣтей отказомъ отъ необходимой для нихъ пищи и должно быть сдержано благородствиемъ родителей, а

если же послѣдніе заставляютъ отказатьться отъ пищи дѣтей, чтобы порицаваться самими патриотизмомъ за счетъ желудковъ дѣтей, то врядъ ли это можно одобрить. Мысли эти приходятъ въ голову по тому поводу, что въ пансионахъ некоторыхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній дѣти лишены ужиновъ, къ которымъ они привыкли, и пансионское, не особенно обильное питаніе сдѣлалось теперь еще болѣе скучнымъ. Казалось бы, можно отыскать другого рода источники для нуждъ арміи и флота, а завтраки и ужины оставить дѣтямъ; иначе они будутъ голодны“.

Въ той же „Кievской Газетѣ“ мы находимъ ужасную, потрясающую исторію варварскаго истязанія мальчика, истязанія, имѣвшаго мѣсто въ деревнѣ.

„Въ городѣ Черниговѣ, въ выездной сессии кievской судебной палаты, съ сословными представителями, разматривалось дѣло, которое можетъ служить яркой иллюстраціей одной большой стороны нашихъ провинціальныхъ порядковъ—такъ называемаго „допроса съ пристрастиемъ“. На скамье подсудимыхъ сидѣли: урядникъ Зубенко, десятскіе Щербакъ, Яковецъ и мѣщане Бузунка и Ракута; шестой подсудимый, Дѣденко, не явился, о немъ будетъ разматриваться дѣло особо. Предъ судомъ развернулась страшная картина звѣрской жестокости. Обстоятельства дѣла по обвинительному акту таковы.

2-го мая 1902 года у крестьянки Пчелкиной, живущей въ экономіи, кто-то похитилъ $6\frac{1}{2}$ руб. денегъ. Случайно въ это время въ экономіи находился урядникъ Зубенко, которому Пчелкина заявила о кражѣ и сказала,

что подозрѣваетъ Гаврила Печерского, 14-лѣтняго мальчика, также живущаго въ экономіи. Зубенко велѣлъ позвать къ себѣ Печерского. Начался „допросъ“. Чтобы вынудить признаніе, урядникъ бранилъ мальчика, грозилъ засадить въ тюрьму, заставлялъ пить водку и, когда допрашиваемый отказывался, билъ его руками по головѣ и, сваливъ на землю, топталъ ногами; послѣ этого Печерский пилъ водку до рвоты и, наконецъ, сказалъ, что деньги онъ спряталъ въ лѣсу, въ „древникѣ“. Урядникъ сейчасъ же приказалъ десятскимъ вести Печерского въ лѣсъ и напутствовалъ ихъ такими словами: „принесите хоть его шкуру, а чтобы деньги были“. Десятскіе, очевидно, воспитанные въ соответствующемъ духѣ своимъ начальникомъ, исполнили приказъ Зубенко чуть не буквально. Щербакъ, Яковецъ, Бузунка и Ракута повели Печерского въ лѣсъ, надѣляя его дорогой ударами. Денегъ въ дровахъ не оказалось. Тогда они, помни напутственные слова Зубенко, принимаются „допрашивать“ мальчика: колотятъ его, разводятъ костеръ и, держа мальчика за руки и за ноги, „смалять“ ему на кострѣ спину, стегаютъ „паренными на огнѣ дубцами“, бьютъ обгорѣлыми щенками, подрѣщиваютъ, наконецъ, свою несчастную жертву за ноги къ жерди такъ, чтобы руки не доставали земли. Кто-то, по показанию одного свидѣтеля, предлагалъ даже занозы пускать подъ ногти... Мальчикъ подъ пытками нѣсколько разъ сознавался и указывалъ мѣсто, куда будто бы онъ спряталъ деньги. Его вели въ указанное мѣсто, денегъ не оказывалось, и... снова начиналась пытка. И такъ тянулось всю ночь.

Утромъ Печерского, сильно избитаго, измученнаго, въ полуосознательномъ состояніи, привели къ уряднику. Урядникъ Зубенко не могъ помириться съ мыслью о неудачѣ „слѣдствія“ и снова велѣлъ десятскимъ водить мальчика, не давать ему спать и добывать деньги во что бы то ни стало. „Принесите мнѣ шкуру Печерского, а мясо оставьте въ лѣсу“, кричалъ опять разгневанный урядникъ своимъ послушнымъ подчиненнымъ. И тѣ снова повели мальчика на новыя пытки.

На судебнѣмъ слѣдствіи изложенные обстоятельства дѣла подтвердились. На вопросъ предсѣдателя, предложенный нѣкоторымъ изъ свидѣтелей, почему они не заступились за Печерского, развѣ имъ не жалко было мальчика, одинъ отвѣтилъ: „Якъ не жалко! Жалко! Да начальство приказало!“ Другой: „Якъ онъ начальникъ, нельзя не драться, не биться!“ Третій пытался вмѣшаться, но десятскіе сейчасъ надѣли знаки и закричали: „Не мѣшайся, начальникъ велѣлъ!“...

Вызванные, въ качествѣ свидѣтелей, непосредственные начальники урядника Зубенко—исправникъ и становой приставъ дали о немъ наиболѣе лучшіе отзывы. Г. исправникъ атtestовалъ Зубенко, какъ самаго исполнительного и усерднаго урядника, какъ талантливаго сыщика, сумѣвшаго раскрыть много такихъ дѣлъ, которыхъ никто не могъ раскрыть. Урядникъ Зубенко за свои заслуги по сыскной части получилъ почетное гражданство, лично былъ награждаемъ бывшимъ черниговскимъ губернаторомъ Е. К. Андреевскимъ и вызывался всегда въ Кіевъ, въ охрану, во время прїѣзда Государя.

Никто изъ подсудимыхъ не сознался

въ приписываемыхъ имъ преступленияхъ.

Послѣ очень продолжительного совѣщанія—засѣданіе суда по этому дѣлу тянулось съ 2 час. дня до 12 ч. ночи—судь постановилъ: урядника Зубенко, лишивъ особыхъ правъ и преимуществъ, заключить въ исправительное арестантское отдѣленіе на $1\frac{1}{2}$ г., а Щербака, Яковца, Бузинку и Ракуту отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на 1 годъ каждого“.

О человѣкѣ, который своими дѣятствіями, можно сказать, превзошелъ инквизиторовъ среднєвѣковья, дается... „наилучшій отзывъ“. Непереносимыя муки мальчика не принимаются въ расчетъ. И вѣдь кѣмъ дается этотъ „наилучшій отзывъ?“—исправникомъ и становымъ приставомъ,—людьми, конечно, грамотными и—кто знаетъ?—быть-можетъ, отцами своихъ дѣтей!..

Вообще, какъ мы уже не разъ имѣли нечастіе констатировать, въ весьма многихъ случаяхъ у насъ замѣчается самое безжалостное, рѣшительно непростиальное отношеніе къ „малымъ симъ“. Вотъ какъ, напр., описываетъ корреспондентъ „Владим. Газеты“ условія жизни и труда дѣтей-работниковъ въ „плисорѣзной свѣтелкѣ“ некоего Аксенова, находящейся въ одной изъ деревень Покровскаго уѣзда. Выписываемъ корреспонденцію со словъ газеты „Донъ“:

„Всѣ дѣти безостановочно бѣгали взадъ и впередъ около станковъ съ настянутой матеріей и ножичками въ родѣ иголки, насаженными на длинную палку, подрѣзали ряды ткани... Отъ безостановочного бѣганья на деревянномъ полу образовались канавки болѣе $\frac{1}{4}$ вершка глубиною, а изъ болѣхъ ногъ дѣтишекъ сочилась кровь...“

Работаютъ они отъ 4-хъ утра до 8 часовъ вечера, а иногда и дольше, потому что, работая сдѣльно, поштучно, обязаны окончить работу къ сроку. „Если бы, говорятъ дѣти,—не штрафы, то лѣтомъ можно бы было заработать 1 руб. въ недѣлю, а штрафуютъ тутъ за малѣйшій пустякъ: за неоконченный къ сроку урокъ, за сломанный ножъ, за распоротую случайно матерію и т. п. Зимой заработокъ до сѣмьшаго малъ: за всю зиму онъ не превышаетъ 5—6 руб., и то весьма рѣдко. Дѣло въ томъ, что на этой оригиналной фабрикѣ съ рабочихъ дѣтей вычитаются изъ заработка за отопленіе и освѣщеніе фабрики, а мастеръ, онъ же управляющій фабрикой, получая отъ хозяина всего лишь 20 р. въ мѣсяцъ, вычитается съ нихъ за начальную ножей. Кромѣ того, фабрику обязаны по очереди сторожить сами ребятишки. Возрастъ работающихъ дѣтей 10—15 лѣтъ, дѣвушки есть старше, но все-таки не болѣе 18 л. Дѣти разсказывали, что весной приѣхалъ какой-то баринъ (очевидно, фабричный инспекторъ), такъ имъ не величились совсѣмъ выходить на фабрику, а кому разрешили, то не раньше 8 час. утра, и подъ страхомъ увольненія запретили говорить о порядкахъ на фабрикѣ... По взволнованнѣмъ лицамъ дѣтей, когда они разсказывали о фабрикѣ, было видно, что въ груди этихъ маленькихъ рабочихъ кипитъ злоба, которая взрослыхъ доводила до преступленія; было видно, что они хорошо понимаютъ свои обиды и только не могутъ найти себѣ защиты... Окрестное населеніе настолько бѣдно и беспомощно, что сами родители, только ради хлѣба, скрывая отъ фабриканта года своихъ малолѣтнихъ

Одна изъ мѣрь борьбы съ дѣтской смертностью во Франціи.

дѣтей, гонять ихъ на эту прокляту каторгу, сами хорошо сознавая, что губить и развращають своихъ сыновей и дочерей. Въ одной семье, состоящей изъ двухъ беспомощныхъ старииковъ и трехъ внучатъ-дѣвочекъ, обѣ дѣвочки, работая на фабрикѣ, заболѣли туберкулезомъ кости ступней (это здѣсь обычна болѣзнь), одна уже умерла, а другая ждеть той же участи. Старики рѣшили было не пускать третью внучку—12-лѣтнюю Фросью на фабрику, изувѣчившую двухъ ея старшихъ сестеръ, но голодъ не свой братъ, и она стала тянуть ту же лямку".

Нѣкоторымъ, весьма, впрочемъ, слабымъ, оправданіемъ приведенныхъ случаевъ можетъ служить невѣжество людей, имѣющихъ дѣло съ дѣтьми. Но что сказать, какъ оправдать врача могилевской лѣчебницы Краснаго Креста, который отказался помочь ребенку лишь потому, что тотъ оказался евреемъ?

"Въ лѣчебницу Краснаго Креста, читаемъ въ „Сѣв.-Зап. Кр.“,— пришелъ еврейскій мальчикъ съ просьбой вынуть изъ уха застрявшій въ немъ обломокъ спички. Врачъ больницы, г. Б., осмотрѣвъ больного, спросилъ, какой онъ вѣры.

— Еврейской, отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ ступай къ своимъ еврейскимъ докторамъ, сказалъ г. Б. и ни за что не хотѣлъ оказать помощь ребенку".

Весьма характерный также случай приводятъ „Одесскія Новости“.

„Удручающее впечатлѣніе вчера произвели на проходившихъ по Херсонской ул. два подростка-дѣвочки, которыя, рыдая, объяснили любопытнымъ, что онѣ привезены изъ Аккермана отцомъ своимъ Кирилломъ Бычковскимъ и оставлены имъ на произволъ

судьбы. Старшей дѣвочкѣ, Клавдіи, 10 лѣтъ, а младшей, Евгениѣ, 8 лѣтъ. По ихъ словамъ, больная мать ихъ находится въ Кишиневѣ, въ больнице".

Дѣти, несчастныя, страдающія, заброшенныя дѣти не остаются въ долгу. По словамъ газетъ, изъ Юрьевскаго университетскаго хранилища въ свое время исчезло болѣе тысячи томовъ трудовъ эстонскаго ученаго общества и другія книги. Кражи совершили 13 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ и сбыли за безцѣнокъ, а деньги прокутили. Коротко и краснорѣчиво!

По словамъ „Кievskoy Gazety“, изъ Воронежа какъ-то уѣхали три ученика городскаго училища. Родители заявили о побѣгѣ. Полиція задержала бѣглецовъ уже въ Курскѣ. Но имъ настолько сильно не хотѣлось возвратиться подъ отчій кровъ, что они заявили себя братьями, прибывшими изъ Киева, и выдумали фамилію. Ихъ этапнымъ порядкомъ отправили въ Киевъ, но здѣсь они, понятно, не могли указать родственниковъ. Тогда ребята, какъ бродяги, заключили въ арестный домъ. Самозванные „братья“, однако, продолжали скрывать свои истинныя фамиліи и просидѣли подъ арестомъ болѣе мѣсяца. Истина выяснилась, когда въ Киевѣ была получена вторичная телеграмма изъ Воронежа.

На этихъ грустныхъ фактахъ пока закончимъ настоящій печальный обзоръ дѣтской жизни по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ нашу ежедневную прессу.

В. Измайлова.

Одна изъ мѣрь борьбы съ дѣтской смертностью во Франціи.

Дѣтская смертность поражаетъ въ настоящее время во Франціи. На 1000

случаевъ смерти 167 случаевъ, т.-е. около одной седьмой части, относятся къ дѣтямъ моложе года. Въ особенности же печально то, что обѣ руки съ повышенною смертностью въ странѣ этой наблюдается пониженіе цифры рождаемости. Въ 1900 г. число смертныхъ случаевъ среди дѣтей превосходило число рожденій на 26.000.

Французскій ученый Chéerin-Valmale пишеть: „Умираетъ дѣтей все болѣе и болѣе, но рождается значительно менѣе. Таковы два фактора уменьшенія народонаселенія. Для того, чтобы выйти изъ обычной колеи, необходимо съ одной стороны повысить рождаемость, а съ другой понизить смертность. Какъ на экономистахъ по всей справедливости лежитъ забота обѣ изысканіи средствъ поднять цифру рождаемости, на каковую врачи не имѣютъ никакого вліянія, такъ врачи съ своей стороны могутъ тому способствовать уменьшеніемъ цифры смертности. Задача эта, правда, трудна и серіозна, однако, далеко не невозможна, какой могла бы казаться съ первого взгляда“. Доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы отчетъ проф. Пинара, читанный имъ недавно (2/15 марта 1904 г.) въ Парижской медицинской академіи по поводу циркуляра д-ра Мореля, мэра въ Villiers-le-Duc, изданнаго въ 1893 г. въ цѣляхъ противодѣйствія уменьшенію народонаселенія въ данной мѣстности.

Циркуляръ этотъ предлагаетъ 10 слѣдующихъ мѣропріятій:

1) Каждая беременная женщина, замужняя и незамужняя, лишенная средствъ, имѣть право на вспоможеніе со стороны общины.

2) Чтобы воспользоваться этимъ правомъ, она должна заявить въ мэрию о

своей беременности до наступленія 7-го мѣсяца послѣдней и указать акушерку, которая обязана ей помочь при родахъ. Акушерка оповѣщается о томъ, что должна посыпать беременнюю и исследовать на содержаніе бѣлка урину послѣдней. За это ей уплачивается общиной 5 франковъ.

3) Когда акушерка предполагаетъ, что безъ помощи врача не обойтись, она заявляетъ обѣ этомъ въ мэрии. Послѣдняя приглашаетъ врача за определенное вознагражденіе отъ общины.

4) Каждая родильница получаетъ по франку въ день въ теченіе 10 сутокъ, пока остается въ постели; если же она встанетъ раньше, не получаетъ ничего.

5) Всякая женщина, которая беретъ ребенка на вскармливаніе, должна имѣть стерилизационный аппаратъ со всѣми принадлежностями. Аппаратъ этотъ она должна показывать врачу инспектору при его посѣщеніи.

6) Младенцы призрѣваемы матерей должны быть взвѣшиваемы каждыя двѣ недѣли въ мэрии или же на дому. Результаты взвѣшиваній отмѣщаются въ мэрии.

7) Если младенецъ заболѣваетъ поносомъ или какой-либо легочной болѣзнью, то обѣ этомъ надо давать знать въ мэрию въ теченіе 24 часовъ.

8) Кормилицы, не отвѣщающія только что описаннымъ требованіямъ, лишаются права на покровительство мэрии.

9) Въ мэрии имѣются стерилизационные аппараты, продаваемые кормилицамъ по пониженнной цѣнѣ и выдаваемые бесплатно женщинамъ призрѣваемымъ.

10) Кормилица, воспитавшая ребенка и представившая его черезъ годъ въ мэрию, получаетъ по 2 франка за каждый мѣсяцъ, считая со дня рожденія

ребенка. Сумма эта уплачивается общиной, безъ всякаго участія со стороны правительства и департамента.

Циркуляръ этотъ дѣйствуетъ уже 10 лѣтъ: съ 1893 по 1903 г. Результаты его дѣйствія оказываются очевидными, если сравнить цифры дѣтской смертности въ это десятилѣтіе съ цифрами смертности въ предшествующіе періоды.

Съ 1804 до 1893 г. смертность дѣтей въ описываемой общинѣ Villiers-le-Duc равнялась 22 на тысячу, въ періодъ же времени отъ 1893 до 1903 г. она упала до 0 на тысячу! Въ это же время ни одна женщина не умерла въ родахъ.

Казалось бы, чего еще, кроме самой искренней благодарности и сочувствія, могъ ожидать д-ръ Морель за изданіе его гуманнѣйшаго циркуляра? Далеко нѣтъ. Г. Префектъ изволить настаивать на исправленіи, дополненіи циркуляра, ссылаясь на то, что послѣдній будто бы посягаетъ на права врачей, налагаетъ незаконныя требования и пр.

Если бы дѣло касалось улучшенія породы лошадей или свиней, префектъ, навѣрное, обѣими руками подписалъ бы одобрение циркуляру Мореля, но въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ только о воспитаніи дѣтей, о мѣрахъ къ уменьшенію дѣтской смертности!

Вотъ какъ относятся префекты, администраторы, сидя въ четырехъ стѣнахъ, къ живому дѣлу борьбы съ дѣтскою смертностью и къ теплымъ заботамъ общественныхъ дѣятелей объ увеличеніи рождаемости, и притомъ въ той именно странѣ, которой сравнительно съ другими странами наиболѣе грозитъ вырожденіе, вымирание населения!!

(Заимствовано изъ „Quinzaine Thérapeutique“ 25 Mars 1904).

Д-ръ мед. А. Виренусъ.

Что читать дѣтямъ?

35. Библиотека „Юнаго Читателя“. *Изъ жизни земли. М. Собининой.* С.-Петербургъ. Ц. 25 к. 121 стр. маленькаго формата.

Исторія земли—одна изъ самыхъ интересныхъ и наименѣе разработанныхъ наукъ. Откуда взялась земля, какъ образовалась всѣмъ известная сложность ея, гдѣ зародилась впервые жизнь—все это вопросы, на которые наука еще не отвѣтила окончательно. Много было предположеній о происхожденіи земли, много было теорій, одна другой заманчивѣе и одна другой слабѣе, пока люди, на основаніи разсужденій, изслѣдований явленій природы, наконецъ, раскопокъ, не пришли наконецъ къ вѣроятному предположенію о постепенномъ образованіи земли изъ газообразнаго вещества, представившаго нѣкогда парообразное состояніе различныхъ металловъ и минераловъ. По мѣрѣ постепенного охлажденія этого газообразнаго тѣла, паръ его обращался въ воду, падавшую въ видѣ дождя на него. Результатомъ было постепенное охлажденіе поверхностныхъ слоевъ его и превращеніе ихъ въ твердое тѣло—земную кору. Издавна въ пластахъ земной коры были находимы различной формы окаменѣлости, напоминавшія видомъ своимъ нѣкоторыхъ животныхъ, а иногда попадались и скелеты или другія твердые части животныхъ. Изучая земные наслоенія и погребенныхъ въ нихъ животныхъ, люди пришли къ заключенію, что земля существуетъ известный періодъ времени, который они раздѣлили на четыре крупныхъ эры, а эти послѣднія на болѣе мелкія подраздѣленія—формаціи. Каждая формация и каждая эра характеризуется своеобразной ископаемой флорой и фауной. Такъ, напримѣръ, мезозойская эра имѣть сквозныхъ ящеровъ, рыбъ и птицъ, а кенозойская эра—гигантскихъ млекопи-

тающихъ; вмѣстѣ съ послѣдними появился на землѣ и человѣкъ. Зная связь, существующую между пластами земли и залегающими въ ней ископаемыми растеніями или животными, мы на основаніи пластовъ можемъ опредѣлить давность животныхъ, а животнымъ—опредѣлить возрастъ земли. Наконецъ, эта же наука объ ископаемыхъ животныхъ позволяетъ намъ прослѣдить постепенное развитіе жизни на землѣ. Все сказанное здесь составляется содержаніемъ книжки Собиникой „Изъ жизни земли“. При большомъ матеріалѣ, находящемся въ полномъ соотвѣтствіи съ научными данными, книга обладаетъ достоинствами яснаго изложенія. Она снабжена большимъ количествомъ отчетливыхъ рисунковъ и стоитъ очень дешево.

36. Въ странѣ вѣчныхъ льдовъ. Э. Пименовой. Библіотека „Юного Читателя“. Спб. 144 страницы, съ рисунками. Ц. 25 к.

Содержаніемъ этой книги служить не одно какое-нибудь приключение въ полярныхъ странахъ, а целый рядъ попытокъ проникнуть на сѣверный полюсъ, начиная съ первого полярного путешественника грека Пифея и кончая послѣдней экспедиціей Нансена. Первые двѣ главы заключаютъ въ себѣ описание природы полярныхъ странъ, растительного и животнаго міра ихъ, а также образа жизни людей, обитающихъ въ этихъ странахъ: эскимосовъ, лапландцевъ, самоедовъ. Въ третьей главѣ излагаются путешествія мореплавателей древнихъ временъ—грека Пифея, который проникъ далеко на сѣверъ, и норманновъ, открывшихъ берега Гренландіи и плававшихъ по берегамъ сѣверной Америки. Такимъ образомъ задолго до Христофора Колумба была известна эта часть свѣта. Затѣмъ упоминается о путешествіяхъ Джіловани Кабото, экспедиціяхъ англичанъ и голландцевъ. Далѣе три главы посвящаются описанію путешествія Франклина, известнаго английскаго полярного путешественника. Франклинъ предпринялъ три экспедиціи и въ послѣдней нашелъ смерть. Въ седьмой главѣ рассказывается объ экспедиціяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью изыскать слѣды Фран-

клина, изъ которыхъ послѣдняя, снаряженная его женой, увѣнчалась успѣхомъ. Въ восьмой, наконецъ, описывается позднѣйшая экспедиція къ сѣверному полюсу, изъ которыхъ замѣчательна экспедиція „Поляриса“.

Изложеніе книги ясное, содержаніе интересное; цѣна небольшая.

37. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники. Д-ра м. Коня. Переводъ съ нѣм. подъ ред. академика С. Корсунскаго и Г. Танфильева. Въ двухъ томахъ. Т. I. 434 стр., 113 рис. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. 517 стр. 302 рис. Ц. 4 р. С.-Петербургъ. Издание А. Ф. Деврена.

Сочиненіе извѣстнаго ботаника Коня представляетъ собой не руководство къ ботаникѣ и не собраніе статей о различныхъ растеніяхъ, а рядъ самостоятельныхъ блестящихъ лекцій, посвященныхъ интереснѣйшимъ вопросамъ жизни растеній. Каждая глава, представляющая отдельную лекцію, настолько самостоятельна и закончена, что можетъ быть прочитана въ любомъ порядкѣ безъ нарушенія гармоніи. Но, чтобы основательно познакомить читателя съ самыми необходимыми и важными положеніями ботаники, авторъ расположилъ главы въ степени постепенной трудности и интереса. Первый томъ книги посвященъ обзору основныхъ элементовъ ботаники и содержитъ въ себѣ девять главъ, содержаніе которыхъ мы передаемъ здѣсь вкратцѣ. Авторъ начинаетъ съ исторіи ботаники, съ того, какъ она зародилась у грековъ и римлянъ, заглохла въ средніе вѣка, вновь воскресла въ эпоху Возрожденія и достигла своего полнаго развитія только въ XIX столѣтіи, когда интересы ея, ограничивавшіеся прежде сухой классификацией растеній, усложнились вопросами анатоміи, физіологии, химіи и біологіи. Теперь ботаники занялись такими вопросами, о которыхъ прежде и не думали; таковы, напримѣръ, физические и химические процессы въ растеніяхъ, движение отъ раздраженія, инстинктивная движенія микроскопическихъ грибковъ, влияніе теплоты и свѣта и т. д. Большую услугу ботаникѣ ока-

заль нѣмецкій поэтъ Гете и французскій писатель Жанъ Жакъ Руссо, которымъ авторъ посвящаетъ двѣ отдѣльныхъ главы. Оба писателя, имѣвшіе большое значеніе въ своемъ отечествѣ, много способствовали пробужденію въ обществѣ интереса къ ботаникѣ своими статьями и письмами. Изобрѣтеніе микроскопа показало, что растенія—сложный организмъ, представляющій цѣлое государство клѣтокъ, имѣющихъ опредѣленное строеніе, способныхъ питаться, дышать, расти, размножаться и, наконецъ, умирать. Вліяніе свѣта на растенія едва ли не больше, чѣмъ на животныхъ, такъ какъ подъ вліяніемъ свѣта происходитъ переработка сырыхъ веществъ въ строительный матеріалъ. Жизнь растеній начинается весной, достигаетъ полнаго развитія лѣтомъ, осенью проявляется въ заготовленіи матеріала для развитія на будущій годъ, наконецъ, зимой совершенно замираетъ. Такимъ образомъ жизнь растенія тѣсно связана съ характеромъ климата. Послѣдній кладетъ извѣстный отпечатокъ на характеръ растительности. Всѣмъ извѣстна разница растительного міра тундры, европейскаго поля и тропическаго. Такъ какъ тепло распредѣлено на земномъ шарѣ не только по географическимъ поясамъ, но и въ вертикальномъ направленіи каждого пояса, постепенно уменьшаясь на возвышеностяхъ, то и распредѣленіе растеній въ вертикальномъ направленіи болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ направленію отъ экватора къ полюсу. Таково содержаніе 1 тома. Второй томъ разрабатываетъ подробно вопросы, имѣющіе культурно-исторический интересъ, или такіе, где особенно ясно проявляются успѣхи современной науки. Первыми занята большая часть этого тома, вторымъ отведены три послѣднихъ главы. Вторая книга начинается интересной главой: „О чѣмъ шепчется лѣсъ“, развертывающей передъ нами картину жизни и поэзіи лѣса европейскаго и азіатскаго, современного и доисторического. Вторая глава излагаетъ жизнь и культуру виноградной лозы, враговъ ея, исторію винодѣлія и сущность добыванія вина. Далѣе слѣдуетъ интересная и поэтическая глава, посвя-

щенная царицѣ цвѣтовъ—розѣ, а за ней—не менѣе поэтичнымъ и красивымъ орхидеямъ, связаннымъ тѣсными узами съ настѣкомыами, которая играютъ главную роль въ оплодотвореніи цвѣтовъ. Настѣкомоядныя растенія, отличающіяся необыкновеннымъ свойствомъ поѣдать настѣкомыхъ, нашли себѣ мѣсто въ отдѣльной главѣ, описывающей различные виды настѣкомоядныхъ растеній, способъ питанія ихъ мясомъ и другія физиологические особенности. Около пятидесяти страницъ занято описаніемъ ботаническихъ изслѣдованій на берегу моря, причемъ авторъ знакомить со способами наблюденія, съ флорой европейскихъ морей и съ особенностями строенія морскихъ растеній. Три послѣднихъ главы: „Міръ въ каплѣ воды“, „Бактеріи“ и „Невидимые враги“ посвящены микроскопическимъ животнымъ и растеніямъ, исторіи ихъ открытія, способами ихъ изслѣдованія, роли, какую они играютъ въ промышленности и въ жизни человѣка и борьбѣ съ тѣми изъ нихъ, которые вредны для нашего здоровья.

Краткое содержаніе книги только отчасти можетъ показать сколько интересныхъ вопросовъ затронуто въ ней, но совершенно не въ силахъ отмѣтить весь интересъ и занимательность ея. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто начнетъ ее читать, а кто начнетъ, толь непремѣнно ее окончить. Безъ преувеличенія можно сказать, что по увлекательности изложенія это выдающаяся книга и оставляетъ за собой многія изъ лучшихъ нашихъ научно-популярныхъ сочиненій. Этому способствуетъ то, что главы этой книги являются публичными лекціями, читанными блестящимъ ораторомъ на различныя темы, не составляющія цѣлаго курса ботаники и не принуждающая, слѣдовательно, читателя изучать весь предметъ: онъ можетъ выбрать любую главу наудачу. О вѣшности книги можно сказать то, что уже не разъ намъ приходилось говорить объ изданіяхъ Девріена, отличающихся безукоризненной наружностью. Книга напечатана на плотной бумагѣ и имѣть массу прекрасныхъ рисунковъ и художественныхъ виньетокъ. Она должна слу-

жить украшениемъ и необходимымъ подспорьемъ домашней и классной библиотеки. Многія главы ея безъ труда будут читаться дѣтьми старшаго возраста, нѣкоторыя же, особенно въ первомъ томѣ, могут показаться трудны при неудовлетворительной ботанической подготовкѣ нашихъ дѣтей. Зато учителямъ и людямъ, интересующимся самообразованіемъ, она будетъ безусловно полезна.

38. **Народы и страны.** Географическая библиотека. Составилъ *Н. Рубакинъ*. Издание *Гершунина и К°*.

Г. Рубакинъ задался цѣлью составить рядъ популярныхъ книгъ географического и этнографического содержанія для школъ и народныхъ читаленъ. Въ настоящее время вышло 9 книжечекъ, объемомъ въ 8—15 листовъ и цѣною отъ 35 до 65 копеекъ, въ переплетахъ-папкахъ.

Первый выпускъ, „Путешествіе на край свѣта“, посвященъ историческому обзору путешествій со времени древнѣйшихъ мореплавателей финикиянъ и кончая первыми вѣками христианства. Второй выпускъ, „Въ невѣдомыя страны“ разсказываетъ о замѣчательныхъ путешественникахъ разныхъ народовъ и странъ, напр., Марко Поло, Васко-де-

Гама, Христофора Колумба, Америго Веспуччи, Магеллана, капитана Кука и проч. Третій выпускъ, „На плавающихъ льдинахъ по Ледовитому океану“, заключаетъ въ себѣ разсказъ о приключеніяхъ корабля „Поляриса“ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Четвертый выпускъ, „Докторъ Гассантъ“, посвящается приключеніямъ доктора Гассана въ Алжирѣ и Сахарѣ. Въ пятомъ выпускѣ, „На необитаемомъ островѣ“, разсказывается объ островахъ и берегахъ. Въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ выпускахъ, озаглавленныхъ „Разсказами о жаркой странѣ“, говорится о приключеніяхъ среди черныхъ дикарей, въ странѣ рабства и среди мусульманъ. Наконецъ, девятый выпускъ, „Гибель корабля Гровеноръ“, посвящается приключеніямъ англійскихъ моряковъ у зулусовъ, готтентотовъ и бушменовъ.

Содержаніе всѣхъ этихъ книгъ болѣе или менѣе интересно и поучительно, но языкъ всюду имѣеть характеръ поддѣлки подъ простонародное нарѣчіе, что сильно вредитъ книгамъ. Издание, особенно нѣкоторыхъ книгъ, вполнѣ удовлетворительно, другія же нѣсколько хуже, но все-таки не плохія. Цѣна очень низкая, особенно принимая во вниманіе, что всѣ книги въ папкахъ.

Д-ръ *К. Яцута*.

Редакторъ-изд. **Алексѣй Альмедингенъ.**

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Ноябрь — № 11.

1904.

Содѣжаніе № 11.

1. Картинки изъ дѣтской жизни. К. Л. Кошкиной.	401
2. Дѣтская внушаемость. Л.	413
3. Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати. В. Измайлова.	420
4. Что читать дѣтямъ?	428

Картинки изъ дѣтской жизни.

Перечитанная мною на-дняхъ книга Ellen Key „Das Jahrhundert des Kindes“ навела меня на грустныя мысли, и мнѣ много пришлось перебрать фактовъ изъ личного опыта, чтобы снова бодро взглянуть въ глаза дѣйствительности. Дѣло вотъ въ чёмъ. Въ первыхъ строкахъ главы „Школа будущаго“ авторъ говоритъ: „Моя первая мечта—чтобы дѣтскіе сады и элементарныя школы вездѣ уступили мѣсто домашнему воспитанію. Къ несчастью я вижу, что Ясли, Дѣтскій Садъ и Школа возведены въ идеалъ воспитанія“.

Далѣе авторъ не можетъ не признать, что при теперешнихъ условіяхъ жизни, при неподготовленности матерей, для множества дѣтей ясли и дѣтскій садъ—истинное благодѣяніе.

„Дѣти гибнутъ и физически и психически, благодаря неспособности матерей, поручающихъ своихъ малютокъ до шестилѣтняго возраста прислугѣ, которую сами же своимъ обращенiemъ

лишаютъ всякаго авторитета, а затѣмъ ребенка избалованнаго, испорченаго передаютъ школѣ, которая должна его исправлять, укрощать. Задача будущаго—образовать новое поколѣніе матерей и тѣмъ избавить ребенка отъ вліянія Дѣтскаго Сада“.

Надо думать, что образовать новое поколѣніе матерей не такъ легко. Необходимость *воспитати матерь* раньше, чѣмъ воспитывать ребенка, была сознана очень давно. Беру примѣры только изъ прошлаго столѣтія. Г-жа Неккеръ-де-Соссюръ написала цѣлый трактатъ о воспитаніи и въ немъ отвела обширную главу подготовкѣ молодой дѣвушки къ браку, а затѣмъ къ материнству: „Чтобы общество прогрессировало, говорить она,—нужно прежде всего усовершенствовать женщину. Образуйте женщину—и вы найдете въ ней неофиціеннаго помощника, оставьте ее въ небреженіи—и передъ вами возстанутъ неодолимыя препятствія“.

Наполеонъ говоритъ г-жѣ Кампанъ: „Чего не хватаетъ молодымъ дѣвушкамъ, чтобы они были хорошо воспитаны?—Матерей.—Вотъ вамъ цѣлая педагогическая система: воспитайте матерей, которыхъ сумѣли бы воспитать своихъ дѣтей“.

Aimé Marton, въ своемъ сочиненіи „Education des mères de famille“, высоко ставить вліяніе матери. „Будущность человѣчества, говорить онъ,

покоится на материнской любви... Будемъ следовать законамъ природы. Она не предоставляетъ насъ при рождениі ни заботамъ педагога, ни философа, а любящей молодой матери, ея ласкамъ. Мать не должна уступать своимъ священнымъ правъ никому... Что такое ребенокъ для учителя? Невѣжда, котораго нужно обучить. Что такое ребенокъ для матери? Это душа, которую нужно сформировать. Хорошіе преподаватели дѣлаютъ хорошихъ учениковъ, только изъ рукъ матери выходитъ человѣкъ: вотъ разница въ ихъ назначениіи. Изъ этого слѣдуетъ, что забота о воспитаніи ребенка принадлежитъ исключительно матери".

Русская мать — воспитательница и учительница своихъ дѣтей, Е. И. Конради проводитъ ту же мысль и въ своей собственной жизни ее осуществляетъ. Но женщины, здоровая духомъ и тѣломъ, какова была Евгения Ивановна, встречаются не часто. Они оставляютъ послѣ себя слѣдъ и въ жизни и въ литературѣ. Она „со страхомъ и трепетомъ готовилась къ исполненію великой обязанности — быть учительницей своихъ дѣтей“¹⁾. „Какіе пестрѣе, какіе сложнѣе вопросы, говорить она,— неисчерпаемымъ камейдоскопомъ вертятся въ маленькой головкѣ! Сегодня этотъ неугомонный ходячій вопросительный знакъ проезжаетъ въ астрономіи, завтра изъ физіологии, а послѣ завтра, чего доброго, заберется въ область философіи, исторіи или соціальныхъ наукъ. Такимъ образомъ ваша задача способствовать развитию такихъ прекрасныхъ задат-

ковъ, разрастается въ громадную программу. А тутъ быстро приближается время формального ученія. Мы, кажется, уже переросли то блаженное убѣжденіе, что первоначальное обученіе дѣло пустое и его можно съ успѣхомъ ввѣрить по сходной цѣлѣ хотя бы гимназисту шестого класса. Мы знаемъ, что именно эти первые, съ виду такіе легкіе уроки тѣмъ труднѣе для преподавателя, чѣмъ они легче для ученика, что въ нихъ, какъ въ узлѣ, сходятся тѣ нити, которыя дальше потянутся черезъ все такъ называемое серіозное ученье. Мы съ удовольствиемъ принимаемся распутывать этотъ узелъ; мы смиренно засаживаемъ себя за азы тѣхъ наукъ, которыя намъ, по нашимъ соображеніямъ, понадобятся уже не какъ ученицѣ, а какъ учительнице. Намъ нужно знать ботанику и зоологію, физику и хімію. Мы чувствуемъ, что даже по части родного языка мы не можемъ удовлетвориться полуинстинктивною грамотностью и принимаемся за грамматику. Про ариѳметику и говорить нечего: откинувъ всякий ложный стыдъ, мы откровенно сознаемся, что даже о принципахъ нумераліи мы имѣемъ весьма смутное представление и такъ-таки съ нумерацией и начинаемъ. Но это еще не все. Послѣ того, какъ вы выучитесь сами (а можетъ-быть, и раньше) вами предстоитъ учить. Тутъ методика, дидактика, образцовые уроки вступаютъ въ свои права. Звуковой методъ, предметные уроки, объяснятельное чтеніе — во всемъ этомъ нужно стать въ уровень съ требованиями современной педагогіи"...

Рисуя намъ мать, суетливо хватающую обрывки знаній въ тотъ моментъ, когда ребенокъ ее осаждаетъ своими

¹⁾ Сочиненія Е. И. Конради. Т. I, стр. 279, изд. 1899 г.

Картинки изъ детской жизни.

назойливыми вопросами, авторъ именно хочетъ показать, что не того нужно, чтобы быть разумной воспитательницей и учительницей.

Все, что вы изучили и выработали въ себѣ прежде, чѣмъ сдѣлались матерью, и продолжаете изучать и вырабатывать не въ качествѣ матери, а въ качествѣ человѣческой личности и члена человѣческаго общества, безъ сомнѣнія, полезно для вашихъ дѣтей. Оно повлияетъ на нихъ благотворно, если не непосредственно, то черезъ формальные уроки, то透过 tu нравственную атмосферу, которую создаетъ вокругъ нихъ. Оно пригодится имъ, если не для потребностей первоначального образования, то въ юношеские годы.

Не лучше ли же часть того, что вы продѣлываете, при всемъ своемъ усердіи, плохо, неумѣло, съ бездноюничѣмъ непоправимыхъ промаховъ, отдать въ руки людей, изучившихъ науку проподаванія безъ торопливости, раньше, чѣмъ они приступили къ этому предмету? Право же, обѣ стороны—и дѣти и родители—будутъ отъ этого въ выигрышѣ.

Однако, я не могу согласиться съ некоторыми родителями, которые, чистосердечно сознаваясь, что они не способны воспитывать своихъ дѣтей, требуютъ устройства интернатовъ, куда они могли бы помѣщать своихъ маленькихъ шалуновъ до поступленія ихъ въ школу. Дѣтскій Садъ можетъ притти на помощь родителямъ, но взять дѣтей на полное попеченіе было бы опять-таки крайностью. Интернатъ, и то съ чисто семейной обстановкой, допустимъ только для круглыхъ сиротъ или же для тѣхъ семействъ, гдѣ рознь между родителями

доставляетъ страданіе ребенку. Миѣ кажется, что матери и отцы мало того, что не умѣютъ воспитывать, они не хотятъ даже вникнуть въ свои обязанности. Посмотрите, какъ переполнены наши институты! Вѣдь общество давно сознало (и подъ сурдинку высказываетъ свое неодобрение) пагубное влияніе тепличнаго, ненормального выращивания худосочныхъ, непривыкшихъ мыслить существъ. И, несмотря на это сознаніе, отцы и матери пускаются на всевозможный ухищренія, приводя въ дѣйствіе всѣ пружины, прибѣгаютъ къ протекціи, къ подлогу въ видѣ фальшивыхъ докторскихъ свидѣтельствъ, лишь бы упрятать свое дѣтище на казенные хлѣба, и въ продолженіе семи, восьми, а то и болѣе лѣтъ, не имѣть о немъ попеченія... А вѣдь институты дали 42% малокровныхъ!

Итакъ, волей неволей мы должны признать, что родители не дорожатъ своими правами, а если заглянемъ по глубже, то придется откровенно сказать, что самое материнство сплошь и рядомъ является нежелательнымъ. Нерѣдко молодая женщина дѣлается матерью, когда она еще неспособна чувствовать нравственную красоту и величие этого нового для нея положенія. Материнство является какъ бы принудительнымъ перерывомъ одуряющихъ удовольствій. Посмотрите, какъ она готовилась къ этому высшему благу „создать новую жизнь“.

Къ тому времени, когда молодая девушка дѣлается невѣстой, пріурочиваются самые пустыя удовольствія. Да что я говорю, ее начинаютъ, что называется, вывозить въ свѣтъ съ 14-лѣтнимъ возраста. Девицѣ ея — тряпки, наслажденія, погоня за успѣхами. Ме-

жду тѣмъ періодъ времени между отрочествомъ и замужествомъ единственный, гдѣ женщина могла бы все-сторонне совершенствоваться. Раньше она еще не созрѣла, а послѣ свадьбы наступаетъ новый фазисъ все тѣхъ же пустыхъ выѣздовъ, невиннаго флирта, вплоть до того момента, когда въ силу обстоятельствъ приходится оставаться и посѣдѣть дома. Когда ужъ тутъ думать о самообразованіи, о самоусовершенствованіи. Да женщина сплошь и рядомъ не чувствуетъ въ томъ необходимости, если она окончила только среднюю школу.

Я имѣю въ виду женщину со средними интеллектуальными способностями, средняго круга и состоянія. Вѣдь онѣ составляютъ подавляющее большинство.

А откуда ученицѣ выпускнаго класса средней школы придетъ сомнѣніе, что она еще не готова къ жизни? И гдѣ она ознакомится съ этой жизнью и съ людьми? Въ дѣйствительности она видитъ фальшивъ на каждомъ шагу и склоняется съ нею, затѣмъ всю ее охватила жажда наслажденія. Какая бы она ни была дурнушка, она все-таки найдетъ поклонниковъ. Въ эту-то эпоху молодой жизни разумно направленное серьезнозное чтеніе могло бы служить счастливымъ противовѣсомъ пустотѣ и ежедневной сутолокѣ. Внѣклассное чтеніе могло бы служить важнымъ факторомъ общаго развитія. Одними учебниками ограничиться нельзя. Посмотрите, что читаются наши молодыя дѣвушки въ большинствѣ случаевъ именно въ ту эпоху умственнаго и физического развитія, когда должно слагаться ихъ міросозерцаніе, когда воображеніе усиленно работаетъ. Читаютъ онѣ „Ниву“ со всеми ея прило-

женіями, „Вѣстнѣки иностранной литературы“, знакомы съ нашими классиками, но болѣе въ младшихъ классахъ по отрывкамъ въ хрестоматіяхъ. Никто ихъ чтеніемъ не руководитъ, никто не спрашиваетъ отчета въ прочитанномъ, и вотъ онѣ мало-по-малу къ 15 годамъ охладѣваются къ книгѣ, остается одна зубрежка на баллы. Типъ дѣвушки, которая изъ-за интересной книги не досыпала и не доѣдала, понемногу исчезаетъ. Вся беллетристика сосредоточилась въ учебникахъ. Вотъ причина сухости воображенія, умственной вялости, полнаго отсутствія идеаловъ у нашихъ барышень. Посмотрите на классъ человѣкъ въ 40—и даже жутко станетъ. И прическа модная, и костюмъ интересный, а юности нѣтъ, нѣтъ юношеской свѣжести, на лицахъ утомленіе, повинность отбываются, иначе нельзѧ, нуженъ аттестатъ. Отцевѣли, не успѣвъ распуститься, интересъ къ наукѣ заглохъ. Меньшинство учится дальше, и опять-таки по большей части не съ идеальной цѣлью, а въ расчетѣ получить аттестатъ и зарабатывать. А къ чему готовится большинство? Подвернется женихъ, онѣ выйдутъ замужъ, и надѣять не задумываясь, и будутъ жить и наживать дѣтей безсознательно, подготовлять ихъ въ такое же среднеучебное заведеніе и тогда уже вздохнуть полной грудью: едѣла, моль, хорошее дѣло. Вы знаете, какъ трудно попасть въ приготовительный классъ! Конкурсный экзаменъ. Какъ же не радоваться.

И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе! Не вижу еще начала новой эры, не вижу того материала, изъ которого въ ближайшемъ будущемъ могли бы выйти настоящія, думающія, сознательныя матери...

Говоря канцелярскимъ слогомъ, нужно принять въ соображеніе все вышепизложенное и стремиться создать такія воспитательныя учрежденія, ко-которыя не отрывая дѣтей отъ семьи, работали бы совмѣстно съ матерями. Въ этомъ общеніи семьи съ питомни-ками, если можно такъ выражаться, вѣр-ный залогъ оздоровленія самой семьи. Не могу сказать, чтобы родители уже такъ-таки и не интересовались своими ребятишками, разъ они ихъ посылаютъ въ школу. Отъ насъ, воспитателей, зависитъ повысить этотъ интересъ, изъ пассивнаго сдѣлать его активнымъ. Не стирать съ лица земли Ясли, Дѣтскіе Сады и Элементарныя школы, какъ мечтаетъ Ellen Key, а строить ихъ на трезвыхъ началахъ и всѣми силами привлекать въ нихъ дѣтей дошколь-наго возраста, а вмѣстѣ съ дѣтьми и матерей, сестеръ, интересующихся дѣ-ломъ, — вотъ задача людей, искренно желающихъ добра подрастающему по-кољнику.

Вопросъ о воспитаніи малолѣтнихъ у насъ очень мало разработанъ и на послѣднемъ съѣздѣ, гдѣ всесторонне обсуждалось воспитаніе и образованіе дѣтей школьнаго возраста, Дѣтскіе Сады совсѣмъ не вошли въ программу, какъ-будто ребенокъ начинаетъ жить только съ того момента, когда ему даютъ въ руки букварь. Когда же, при нѣкоторомъ давленіи со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, была назначена бесѣда о Дѣт-скихъ Садахъ, то предсѣдатель поста-вилъ условіемъ, чтобы устройство ихъ обсуждалось постольку, поскольку это касается введенія тамъ ручного труда. Что касается присутствовав-шихъ, то выяснилось полное незнаніе основныхъ началь ихъ организаций.

Было высказано мнѣніе, что подобныя учрежденія нужны только для народа, чтобы развязать руки матери, идущей на работу. Самое же название „Садъ“ вводило многихъ въ заблужденіе, такъ какъ идеи Фребеля и Песталлоци многимъ совсѣмъ неизвѣстны. А между тѣмъ, изъ обмѣна мнѣній выяснилось, что и въ провинціи ощущается по-требность въ Дѣтскихъ Садахъ, но всѣ жалуются, что крайне трудно пра-вести эту идею въ общество, которое главнымъ образомъ удостаиваетъ своимъ вниманіемъ приготовительныя школы, которая гарантируютъ поступ-леніе въ какое либо средне-учебное заведеніе.

А если бы вы знали, какъ трудно готовить запущенаго ребенка. Чтеніе поставлено неправильно—вѣрите ли, до сихъ поръ встрѣчаешь дѣтей, обучав-шихся чтенію по складамъ,—почеркъ не выработанъ, по ариѳметикѣ дана масса правилъ, но безъ всякой си-стемы, при объяснительному чтеніи обнаруживается недостатокъ словъ и выраженій, а хуже всего, если съ всѣми лѣтъ привита привычка зубрить по книгѣ. Тутъ ужъ приходится сперва лѣчить, а потомъ учить.

Представьте, напр., такого рода слу-чай. Мать и отецъ ничего не жалѣютъ для своего единственнаго сына. 6-ти лѣтъ его отдаютъ въ Дѣтскій Садъ, черезъ полтора мѣсяца пе-реводятъ въ другой,—вездѣ, по ихъ мнѣнію, мало учать, дѣти все больше играютъ. Наконецъ, мальчика оста-вляютъ дома и приглашаютъ студента для занятій, по вечерамъ нужно гото-вить уроки съ помощью матери,—ре-бенокъ худѣеть, блѣднѣеть, изнервничался въ конецъ, тогда его ведутъ въ школу и просятъ готовить въ одно изъ

немецкихъ училищъ. Подумайте, какой ломки подвергаютъ мальчугана, которому впереди больше десяти лѣтъ ученья. Въ одномъ саду онъ занимался французскимъ языкомъ, въ другомъ немецкимъ. Въ восемь лѣтъ вы видите анатичное, изможденное лицико, вамъ просто жаль начинать этотъ „маленький человѣческій сосудикъ“, который и безъ того наполненъ до краевъ фактами и цифрами¹⁾. Мальцапустить бы на подножный кормъ, а не сажать за классный столъ, пусть бы высился да отълся прежде всего, а главное, забыть бы все, чему его учили. Но обстоятельства не позволяютъ уѣхать изъ Петербурга, приходится покориться и продолжать ученье. Дѣло осложнилось тѣмъ, что русскаго мальчика, переутомленнаго, не владѣющаго немецкимъ языкомъ, приходилось готовить въ кѣмѣдскую школу. Можно было разсчитывать на помощь матери въ этомъ случаѣ, такъ какъ она немка, но мать на всѣ убѣжденія отвѣчала: „онъ меня не слушаетъ“. Понятно, своею неустойчивостью, киданцемъ изъ стороны въ сторону она подорвала свой авторитетъ въ глазахъ сына.

Но все хорошо, что хорошо кончается. Первое время требовалось со стороны воспитателей много осторожности и такта, чтобы не запугать новой учебой это растерянное, хрупкое существо. А отъ матери только и слышалось: „да задавайте вы ему побольше, посидѣть полчаса послѣ обѣда и уже готовъ съ уроками, просится гулять“. А и задавалось-то ему только для того, чтобы мать не раздражалась, онъ бы могъ и совсѣмъ не заниматься дома, все было проработано въ классѣ.

Сначала онъ къ класснымъ занятіямъ относился очень недружелюбно, такъ что приходилось только приручать его. Тутъ много помогъ ручной трудъ: столярное ремесло, брошюровка, лѣпка, рисование. Онъ работалъ страстно, стремительно, глаза оживлялись, это были для него самыя свѣтлые минуты, тѣмъ болѣе, что ему все удавалось, онъ мастерски, какъ правой, такъ и лѣвой рукой, лѣпилъ замысловатыя избушки, цвѣты, раскрашивалъ съ большимъ вкусомъ, рисовалъ корабли во всю страницу, удача подбодряла его, товарищи восторгались его работой, бережно переставляли какую-нибудь вазочку, чтобы не обломить листочекъ. А у маленькаго артиста щеки розовѣли, лицо расплывалось въ улыбку. Онъ чувствовалъ, что и онъ способенъ работать и работать хорошо, сталъ понемногу сливаться съ товарищами, за уроками оживлялся, садился поближе къ картинѣ или къ географической картѣ, увлекался, перебивалъ преподавателя, вставлялъ свои замѣчанія; когда съ нимъ заговаривали по-немецки, онъ машинально тоже отвѣчалъ по-немецки. Къ концу года онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ сверстниковъ, въ немъ нельзя было узнать иржняго дичка, который забывается, бывало, между двухъ стакновъ и смотритъ насупившись, какъ другіе играютъ или дѣлаютъ гимнастику. Въ такихъ случаяхъ принужденіе не привело бы ни къ чему, и озлобленіе усилилось бы. Главная же цѣль была приблизить его къ себѣ, отогрѣть, показать, что воспитатели не враги, а друзья, не все же они дѣлаютъ на зло, иногда считаются и съ настроениемъ ребенка.

Годъ прошелъ для мальчика не даромъ. Онъ кое-чему научился, а глав-

1) Диккенсъ. „Тяжелыя времена“.

ное, воспрянуль духомъ и на поступление въ большую школу смотрѣль безъ страха. Лѣто онъ провелъ неважно, перенесъ какую-то инфекционную болѣзнь. Осенью родители порѣшили помѣстить его въ чисто нѣмецкую приготовительную школу, по счету четвертую на его вѣку. Онъ походилъ туда дни три, а затѣмъ уперся руками и ногами и настояль-таки, что его отдали опять туда, где „можно строгать и пилить“, какъ онъ выражался. Родителямъ пришлось уступить. Цѣлый годъ онъ прекрасно занимался и болѣе чѣмъ удовлетворительно сдалъ пріемный экзаменъ.

Какъ пристройбѣсь этой матери, которая металась изъ стороны въ сторону и расшатывала нервную систему и физическая силы ребенка, хотя въ сущности желала ему добра, приведу другой фактъ.

Н. Кошкина.

(Оконч. слѣд.).

ДѢТСКАЯ ВНУШАЕМОСТЬ.

Склонность дѣтей поддаваться внушению со стороны близкихъ лицъ, окружающихъ старшихъ и даже сверстниковъ такъ очевидна для каждого и такъ часто встрѣчается, что ею всегда пользовались какъ матери, такъ и воспитатели. Внѣшнее выраженіе этой склонности называютъ подражательностью, которую не можетъ не замѣтить всякий, кто близко находился нѣкоторое время къ дѣтямъ. Подражательность проявляется съ первыхъ моментовъ пробужденія сознанія и въ сильной степени разнообразно выступаетъ въ наиболѣе нѣжные годы дѣтского роста.

На внушаемость дѣтей, какъ на мо-

гущественный факторъ въ воспитаніи, издавна разсчитывали также теоретики-педагоги, и едва ли существуетъ хоть одинъ педагогический трактатъ, хоть одно значительное педагогическое сочиненіе, въ которыхъ склонность воспринимать и проявлять внушенія соправильно стремленіямъ старшихъ не имѣлась бы въ виду при воспитаніи. Точно также воззрѣнія, исповѣдуемые въ этомъ отношеніи народомъ, матерями и отцами всѣхъ классовъ общества, повсюду и часто увѣряютъ въ могучей силѣ, которая заключается во внушеніи дѣтямъ со стороны окружающихъ. Изстари на эту силу полагались и съ нею считались при самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ дѣтского воспитанія.

Несмотря, однако, на такую полную и широкую явность внушаемости, внимательное изученіе послѣдней началось лишь какія-нибудь десятилѣтія назадъ. Вѣка уходили, и столь замѣтное явленіе въ дѣтской жизни оставалось нетронутымъ для правильного систематического познанія. Лишь съ началомъ естественно-научныхъ открытій, относившихся также къ психологіи человѣка, одинаково дитяти и первобытного дикаря, склонность дѣтей къ внушаемости вошла въ качествѣ открытаго вопроса въ науку. Около тридцати-пяти лѣтъ назадъ, германскій физіологъ и педагогъ, профессоръ Шрейеръ, былъ первый, который подъ вліяніемъ новыхъ тогда естественно-научныхъ изслѣдований, старался установить методъ и пріемы для познанія дѣтской внушаемости. Его книги (нѣкоторые переведены на русскій языкъ и составляютъ теперь библіографическую рѣдкость) и его практическія работы въ этой области сначала въ Іенѣ,

а потому, если не ошибаемся, въ Гейдельбергѣ и Страсбургѣ, послужили основой для многосторонней выработки программъ для познаванія внушаемости. Въ то же время, отчасти подъ вліяніемъ рѣшительного энтузіазма, который вызывала дѣятельность германскаго физіолога, въ наиболѣе серіозныхъ педагогическихъ и психологическихъ журналахъ всего цивилизованнаго міра стали появляться научныя изслѣдованія и популярныя статьи, посвященные тому же дѣлу. Всѣ вопросы, касающіеся внушаемости дѣтей, были выдвинуты такимъ образомъ не только съ большой подробностью, но и съ значительной точностью. Они вошли сначала въ область экспериментальной психологіи, а вслѣдствіи, въ послѣднее десятилѣтіе особенно,—въ область экспериментальной педагогики. Извѣстно, что послѣдняя быстро получила наибольшее развитіе въ Америкѣ. Въ концѣ 1894 года, въ Соединенныхъ Штатахъ числилось двадцать семь учрежденій для практическихъ психологическихъ опытовъ, касавшихся также дѣтской внушаемости, и четыре специальныхъ журнала, посвященные вопросамъ практической психологіи. Съ распространенiemъ же „родительскихъ кружковъ“, поставившихъ себѣ задачею изученіе разныхъ сторонъ дѣтской душевной жизни, ученіе о внушаемости дѣтей пріобрѣло еще болѣе широкую почву. Это не относится вовсе къ однимъ американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, а ко всѣмъ культурнымъ странамъ, въ томъ числѣ и къ Россіи, гдѣ также возникаютъ „родительские кружки“ и гдѣ также не исключена изъ программъ ихъ дѣятельности дѣтская внушаемость. Стоитъ только подумать, какое

широкое поле для ихъ работы заключается только въ томъ понятіи, которое содержитъ только два послѣднія слова. Ежедневное проявленіе дѣтской жизни, отвѣчающее на всѣ стремленія и даже иногда на ненужныя затѣи старшихъ, внушаемость распространяется на сложные и многочисленные стороны душевной дѣтской жизни.

Припомнимъ, что мать и отецъ, воспитатель или воспитательница, какъ и всякое старшее лицо, служить ребенку образцомъ, совѣтникомъ и судью и что склонность къ внушаемости часто дѣлаетъ ребята настоящими нравственными рабами взрослыхъ. О томъ, чтобы ребенокъ, воспроизводящій внушаемое ему, находилъ и съ своей стороны это полезнымъ, красивымъ или справедливымъ,—старшіе почти никогда не заботятся, къ сожалѣнію, въ этомъ одинъ изъ слабѣйшихъ пунктовъ дѣтской внушаемости. Невольно вспоминаются тутъ слова Руссо: для того, чтобы снабдить ребенка нѣкоторыми второстепенными средствами, которыми, быть-можеть, ему никогда не придется пользоваться, вы лишаете его главнаго человѣческаго орудія—здраваго смысла; вы пріучаете его къ постоянному руководству, пріучаете быть машиной въ рукахъ другихъ людей. Желать отъ дитяти простого повиновенія всему тому, что отъ него требуютъ въ смыслѣ постоянного внущенія ему правиль для поведенія, значитъ желать ему легковѣрія въ зреѣмъ возрастѣ (Emil, т. II, стр. 31). Склонность дѣтей къ внушаемости несомнѣнно заключаетъ въ себѣ лучшій способъ для полнаго подчиненія себѣ дѣтской души. Но въ дѣлѣ подчиненія очень важно, въ какомъ направленіи оно совершается, и гдѣ его границы.

Въ „родительскихъ кружкахъ“ то тутъ, то тамъ не разъ занимались этимъ вопросомъ по различнымъ поводамъ, и тѣ члены ихъ, которые одушевлены действительно рациональными задачами дѣтского воспитанія энергично отстаивали мысль о возможно менѣшемъ пользованіи этимъ орудіемъ, при чѣмъ они основательно доказывали, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣтская внушаемость приводить къ безотвѣтисти дѣтей, къ непониманію, почему и зачѣмъ они должны воплотить въ себѣ желанія старшихъ, — она служитъ абсолютно во вредъ способностямъ и качествамъ дѣтей. Довольно и того, — по ихъ разумному мнѣнію, — что ребенокъ безсознательно, вѣнѣ внущенія со стороны старшихъ, подражаетъ послѣднимъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ. Всякое пользованіе внушаемостью дѣтей должно находить себѣ ограниченіе въ уваженіи къ самодѣятельности ребенка. Излишнее стягиванье свойствъ дитяти къ требованіямъ старшихъ на основаніи его внушаемости притупляетъ собственную его восприимчивость, дѣлаетъ его сдержаннѣмъ, недовольнѣмъ, а потому нерѣдко и неспособнѣмъ къ дѣятельности.

Невольно напрашивается тутъ общий вопросъ. Всегда имѣя возможность воздѣйствовать внушеніемъ на жизнь дѣтской души, родители и воспитатели имѣютъ ли основанія, пользоваться въ сильной степени податливостью дѣтей и не имѣются ли существенные поводы для возможнаго ограниченія этой податливости? Ограничения неудобны, конечно, для старшихъ, но не являются ли такія неудобства прямо желанными въ смыслѣ полезностей, которыхъ косвенно вытекаютъ изъ нихъ для дѣтей? Напримѣръ, всегда имѣя

возможность привести ребенка при посредствѣ его внушаемости къ послушанію, долженъ ли воспитатель постоянно желать этого послушанія, ставить его своею цѣлью? Не забудемъ, что многое необходимое или полезное не можетъ еще быть правильно понято ребенкомъ. Но вѣдь ясно, что если желаніе дитяти случайно отлично отъ желанія воспитателя, не будучи ни хуже, ни вреднѣе его, то нѣть малѣйшаго основанія подавлять первое внушеніемъ, чтобы ребенокъ поступилъ непремѣнно такъ, какъ этого хочетъ его воспитатель. „Взгляните на людей, ежеминутно готовыхъ подчиняться — говорить знаменитый педагогъ — другимъ въ своихъ умственныхъ занятіяхъ, жертвовать собственнымъ выборомъ, дѣятельностью и интересами заимствованнымъ отъ другихъ или рекомендованнымъ другими. Въ какой степени подчинены они случайностямъ по отношенію къ тому, что для человѣка всего выше и священнѣе. Не являются ли они флюгеромъ, управляемымъ капризами и поворачиваемымъ то въ одну, то вдругую сторону? Сюда относятся люди, боящіеся кому-нибудь противорѣчить, хотя бы онъ высказывалъ грубѣйшія заблужденія или отвратительнѣйшія клеветы, люди, поддающіеся каждому влечению, хотя бы удовлетвореніе его сопровождалось нарушениемъ высочайшихъ и священнѣйшихъ обязанностей; люди, слѣдующіе за каждымъ вожакомъ, хотя бы наслажденіе, которое онъ имъ обѣщаетъ, во всемъ не привлекало или даже противорѣчило ихъ склонностямъ; дѣйствующіе противъ собственного размышленія и опыта, какъ только кому другому вздумается навязать имъ что-либо, или выказать по отношенію къ немъ упрям-

ство".—Хороша же эта картинка безвольныхъ людей, привыкшихъ, вѣроятно, уже съзмала къ полному повиновенію чужимъ желаніямъ и требованіямъ.—*(Бенеке. Руководство къ воспитанію и обученію, т. I.)*.—Больше еще однако, чѣмъ строгостью и даже наказаніями достигается у дѣтей полнѣйшій отказъ отъ собственной воли практикой посторонняго внушенія дѣтямъ необходимости исполненія желаній старшихъ людей. Обоюдоостре въ настоящемъ смыслѣ орудіе заключается въ внушаемости дѣтей, и при частомъ пользованіи имъ со стороны родителей и воспитателей—оно можетъ вести только ко вреду дѣтямъ. Съ самаго ранняго дѣтства, въ безчисленныхъ ежедневныхъ случаяхъ старшіе находятся въ возможности внушать дѣтямъ, словомъ, примѣромъ или силою, исполненіе тѣхъ или другихъ ихъ требованій. Уже перевѣсь въ физической силѣ и ловкости, которому ребенокъ въ первое время своей жизни бываетъ обязанъ существованіемъ и всякаго рода поддержкою, долженъ сообщить его душѣ особую податливость по отношенію къ исполненію желаній старшихъ. Къ этому же присоединяется явный естественный законъ подражанія, проявляющійся въ безчисленныхъ случающихъ человѣческой жизни въ неменьшей степени часто, чѣмъ въ остальной живой природѣ. Дѣтская же внушаемость содержитъ въ себѣ особую широкую сферу воздействиія старшихъ надъ младшими. Она предоставляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ громадную сѣть для уловленія невинныхъ дѣтскихъ душъ. «Врачу, исцѣліся самъ!» должны бы сказать себѣ многіе воспитатели, прежде чѣмъ заняться полоненіемъ этихъ душъ. Съ возможной осторож-

ностью, не забывая, что въ самостоятельной дѣятельности дитяти заключается святая святыхъ его личности и лучшій залогъ гармонического развитія послѣдней, родители и воспитатели должны пользоваться дѣтской внушаемостью только въ крайней необходимости и предоставить дѣтямъ, напротивъ, возможно большую долю мысли и дѣла виѣ безпрестанного внушенія имъ своихъ желаній и требованій. Это спасаетъ дѣтей, будущихъ взрослыхъ, отъ горестнаго безволія, отъ склонности жить чужимъ умомъ и исполнять не то, что должно, а то, что прикажутъ.

Велика, безграницна сила внушенія, отзывающаяся на дѣтской жизни, но нужно пользоваться ею возможно меныше, въ такомъ видѣ это будетъ, пожалуй, и возможно разумнѣе.

II.

Дѣтская жизнь по даннымъ нашей печати.

На этотъ разъ мы обратимъ вниманіе читателя на нѣсколько отрадныхъ явлений въ обширной области дѣтской жизни. Изъ нихъ первенствующее мѣсто, какъ намъ кажется, слѣдуетъ отвести функционирующему въ Ярославль „Пріюту арестантскихъ дѣтей“. Если принять во вниманіе, что огромное большинство преступлений является слѣдствіемъ бѣдности, невѣжества и другихъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, роковымъ образомъ ведущихъ человѣка по наклонной плоскости порока, то для каждого понятна будетъ крайняя необходимость организаціи пріютовъ для дѣтей преступ-

ныхъ родителей, дѣтей, которыхъ при томъ, конечно, уже совсѣмъ неповинны въ грѣхахъ своихъ отцовъ или матерей, но на которыхъ въ то же время ужасной тѣжестью—и материальной, и нравственной—ложатся всѣ слѣдствія родительскаго преступленія. Съ другой стороны, не менѣе важно также и то обстоятельство, что дѣти родителей, совершившихъ то или иное преступленіе, въ очень многихъ, быть-можетъ, случаяхъ выросли и воспитались въ средѣ мало пригодной для развитія полезныхъ наклонностей.

Вотъ почему и нельзя не подчеркнуть существованіе въ Ярославлѣ указанного пріюта и не пожелать, чтобы цѣлая сѣть ихъ распространилась по всѣмъ городамъ Россіи. Капиталы добрыхъ людей нашли бы въ данномъ случаѣ достойнѣйшее примѣненіе. Ярославская газета „Сѣверный Край“, очень часто удѣляющая на своихъ столбцахъ мѣсто для разныхъ сообщеній изъ области дѣтской жизни и вообще серіозно и интересно составляемая, напечатала довольно подробныя свѣдѣнія о пріюте. Организованъ онъ въ 1900 г. Средства составляютъ проценты на завѣщанный А. Н. Вахромѣевой капиталъ въ 22,000 руб. Зданіе построено на отведенной земствомъ и городомъ землѣ, на средства А. А. Бѣляевой, пожертвовавшей на это 2.000 р., и неизвѣстной, пожертвовавшей 500 р.; кромѣ того, пожертвовано было желѣзо Н. К. Андроновымъ, рѣшетки для сада—Ярославской мануфактурой и малярный материалъ П. И. Оловянинниковымъ; печные работы бесплатно произведены печникомъ г. Румянцевымъ.

Такъ гласить хроникерская замѣтка.
„Въ настоящее время, читаемъ да-

лѣ, въ пріюте 10 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Всѣ они свѣжи на видѣ и веселы,—очевидно, пріютъ позволяетъ имъ забывать ту суровую дѣятельность, въ какой находятся ихъ родители, и свое положеніе дѣтей арестантовъ. Мальчики здѣсь въ возрастѣ отъ 2 до 12 лѣтъ и дѣвочки отъ 3 до 11 лѣтъ. Одинъ изъ дѣтей—сынъ ссыльно-каторжнаго, двое—дѣти заключенныхъ въ арестантскомъ исправительному отдѣленіи, остальные—дѣти содержащихся въ губернскій тюрьмѣ. 1 изъ нихъ находится въ пріюте съ 1900 г., 4—съ 1902 г., 11—съ 1903 г. и 1—съ 1904 г. Пріютъ, собственно, строился на 12 человѣкъ, но въ послѣднее время число призрѣвавшихъ доходило до 19 дѣтей. Нѣкоторымъ все-таки приходилось отказывать.

День въ пріюте начинается съ 7 ч. утра, когда дѣти встаютъ; затѣмъ они отправляются на молитву; послѣ молитвы чай и завтракъ, состоящей изъ „подаяній“ булокъ. Послѣ чая нѣкоторые изъ дѣтей уходятъ въ школы (3 въ Духовское училище, 1 дѣв. въ Казанскій монастырь—гдѣ она учится рукодѣлію, и 1 въ земскую школу), другія работаютъ или учатся дома; обѣдъ бываетъ въ 12 часовъ и состоитъ изъ обычнаго арестантскаго пайка. Послѣ обѣда дѣти играютъ и катаются на салазкахъ и конькахъ; въ ненастные дни играютъ на крытой сверху террасѣ. Второй чай бываетъ въ 5 часовъ, а въ 9 часовъ дѣти ложатся спать.

Наружный и внутренній видъ пріюта составляетъ полную противоположность возвышающемуся напротивъ мрачному зданію—тюрьмѣ. Это домикъ—красивый по архитектурѣ, высокий, свѣтлый и чистый. Къ дому

примыкает обширная крытая терраса. Кругомъ—недавно посаженный садикъ, гдѣ лѣтомъ и зимой играютъ дѣти: зимой здѣсь катокъ для катанья и довольно много свободного мѣста для катанья на салазкахъ. Внутренний видъ пріюта не оставляетъ ничего лучшаго: чисто, очень свѣтло и много воздуха. Въ помѣщеніи три спальни, кухня, комната надзирательницы и ибѣто въ родѣ зала; въ послѣднемъ развѣшаны съ одной стороны картины двадцатыхъ праздниковъ, значеніе которыхъ объясняетъ дѣтямъ священникъ, съ другой—наглядныя изображенія всевозможныхъ животныхъ. Въ этой комнатѣ и дѣтская библіотека, насчитывающая до 120 кн., не считая „собственныхъ“ книгъ дѣтей, подаренныхъ имъ за елку; въ библіотекѣ нѣсколько евангелій и нѣсколько книгъ духовно-нравственного содержанія и много популярно-научныхъ и дѣтскихъ беллетристическихъ произведеній лучшихъ авторовъ. Въ дѣтскихъ спальняхъ такъ же чисто, какъ и вездѣ въ пріюте; здѣсь хорошенъкія желѣзныя кроватки, покрытыя байковыми одѣялами, съ подушками и съ чистымъ бѣльемъ, и шкафы для платья и бѣлья; кровати для маленькихъ дѣтей имѣютъ предохраняющія отъ паденія рѣшетки".

Къ сожалѣнію, говорится далѣе въ замѣткѣ, новаго притока пожертвованій нѣтъ и поэтому пока не предвидится возможности расширить это прекрасное дѣло.

Газета „Сѣверный Край“, добавимъ отъ себя, принесла бы своему округу не малую пользу, если бы специально выдвинула на своихъ страницахъ вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи пріюта.

Въ этой же газетѣ нѣкто г. Е. Ш-й, въ „письмѣ въ редакцію“ изъ Ко-

стромы, сообщаетъ о дѣятельности пріюта „Яслей“. Кто не знаетъ, какую массу заботъ и хлопотъ доставляютъ младенцы своимъ матерямъ—рабочимъ женщинамъ, которая въ рабочее время не знаютъ, гдѣ и на кого оставить своихъ дѣтей и нерѣдко принуждены бываютъ оставлять ихъ почти на произволъ судьбы. Маленькия, часто грудные, дѣти голодаютъ, заболѣваются, а въ деревняхъ бывали случаи, когда ихъ поѣдали свиньи... Но обратимся къ письму г. Ш-аго.

„Въ настоящее время большого вниманія заслуживаетъ пріютъ „Ясли“, такъ какъ устройство дѣтскихъ игръ на Муравьевѣ съ каждымъ годомъ постепенно замираетъ, да и правленіе, очевидно, сознавая это, въ своеімъ отчетѣ говоритъ, что „дѣло“ въ 1903 г. „шло вяло“. Точно также и катокъ на Мѣдномъ прудѣ имѣть свои недочеты. „Ясли“, очевидно, наиболѣе жизнеспособны, такъ какъ, по признанію самаго правленія, съ 1901 года, времени своего открытия, „приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе характеръ постоянного пріюта“, и уже въ 1903 году было нѣсколько случаевъ отказа въ приемѣ дѣтей, за отсутствіемъ свободного мѣста.

Въ отчетномъ году „Ясли“ были открыты 283 раза.

Всѣхъ посѣщений дѣтей приходящихъ было 3132, что составляетъ среднімъ числомъ по 11, а вмѣстѣ съ живущими, по 16, 17 человѣкъ на каждое открытие.

Всѣхъ дѣтей, пользующихся пріютомъ, было 49 человѣкъ: 27 мальчиковъ и 22 девочки.

Содержаніе пріюта „Ясли“ стоило 1304 руб., а общее количество дѣтей приходящихъ и живущихъ было

5183. Слѣдовательно, каждый ребенокъ ежедневно обходится 25, 1 к.

Правленіемъ общества устраивались чтенія въ народной читальнѣ. Всѣхъ чтеній было 9. Дѣтей на чтенія собиралось отъ 150 до 400 человѣкъ.

Вотъ и еще обширное поле плодо-творной дѣятельности людей съ отзывчивымъ сердцемъ!

Нельзя пройти молчаніемъ и сообщеніе минскаго корреспондента „Тульскихъ Губерн. Вѣдомостей“ о проектѣ учрежденія въ гор. Минскѣ дѣтской больницы. „Относительно такой больницы, пишетъ корреспондентъ,—поступило въ городскую думу заявленіе гласнаго д-ра Федоровича открыть въ городѣ дѣтскую больницу для заразныхъ больныхъ дѣтей, такъ какъ въ г. Минскѣ всего двѣ больницы—еврейская и земская, и обѣ не удовлетворяютъ потребности. Что же касается средства по устройству больницы и ея оборудованія, то инициаторъ предполагаетъ установить больничный сборъ, наподобіе существующаго уже въ некоторыхъ земскихъ губерніяхъ. Дума очень сочувственно отнеслась къ проекту д-ра Федоровича и избрала специальную комиссию для детальной разработки этого вопроса“.

Къ комиссіямъ у насъ вообще относятся скептически и во многихъ случаяхъ совершенно справедливо... Намъ остается, такимъ образомъ, пожелать, чтобы минская комиссія, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, энергично взялась за работу.

Закончимъ настоящую свою замѣтку сообщеніемъ „Полтавск. Вѣстника“ обѣ организаціи призрѣнія подкидышей въ Полтавской губерніи.

Призрѣніе подкидышей въ Полтавской губ. сосредоточено всепѣло въ

рукахъ земства. Губернское земство ежегодно опредѣляетъ извѣстный кредитъ, за счетъ котораго уѣздныя управы опредѣляютъ подкидышей на воспитаніе въ благонадежныя крестьянскія семьи, уплачивая послѣднимъ по 2 руб. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, изъ средствъ губернскаго земства ежегодно отчисляется по 36 руб. въ фондъ каждого призрѣваемаго. Эти средства выдаются мальчикамъ по достижениіи совершиеннолѣтія, а девочкамъ по выходѣ замужъ. Такимъ образомъ каждый питомецъ до извѣстной степени обеспеченъ въ будущемъ, но полтавское уѣздное земство, особенно широко практикующее призрѣніе подкидышей, кромѣ того заботится относительно обучения подкидышей какому-нибудь ремеслу, чтобы сдѣлать ихъ подготовленными къ самостоятельному существованію. Въ этихъ видахъ уѣздная управа предполагаетъ достигшихъ 12-ти-лѣтняго возраста двухъ питомцевъ изъ числа подкидышей опредѣлить въ существующія профессиональные школы.

Крестьянскія семьи, куда отдаются на воспитаніе подкидыши, сильно привязываются къ этимъ несчастнымъ дѣтямъ и довольно часто наблюдаются случаи усыновленія послѣднихъ. Вообще всѣ подкидыши въ Полтавскомъ уѣздѣ, за небольшимъ исключеніемъ, поставлены въ сравнительно хорошия условія, чemu въ значительной мѣрѣ способствуетъ постоянный надзоръ за ихъ жизнью со стороны земскихъ агентовъ и особенно участковыхъ врачей. Смертность среди нихъ выражается въ среднемъ 15—20%, тогда какъ вообще въ крестьянскомъ быту смертность дѣтей такого возраста превышаетъ 40%.

Какъ видно даже изъ этого далеко не полнаго обзора, сдѣлать для несчастныхъ дѣтей можно очень много,— было бы только желаніе. Это желаніе помочь дѣтямъ—деньгами ли, трудомъ ли,—долгъ каждого сознательно относящагося къ жизни человѣка. Дѣти, какъ уже писалось миллионы разъ,— надежда, будущее страны. Для страны—позоръ, что въ ея предѣлахъ умираетъ до 50% дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста. И если бы хотя 5% русской культурной публики,—а она должна сознавать важность нравственнаго и физическаго здоровья дѣтей,— болѣе или менѣе энергично взялось за посильное теоретическое и практическое разрѣшеніе по истинѣ великаго дѣтскаго вопроса, то, смѣемъ думать, чрезъ одно-два поколѣнія у насть въ связи, конечно, съ разрѣшеніемъ другихъ общественныхъ вопросовъ, наступилъ бы для страдающихъ въ данное время, часто голодныхъ, ходяныхъ, безпріютныхъ, не знающихъ ласки дѣтей—если я не золотой, то во всякомъ случаѣ серебряный вѣкъ. Приподнятое маленько звѣно огромной цѣпи тянетъ за собой и остальная звѣнья. Пробудившійся интересъ къ запросамъ дѣтской души усилить дѣятельность разныхъ соответствующихъ данной цѣли обществъ, разовѣть педагогическую мысль, подниметь духъ даже тѣхъ педагоговъ, которые нынѣ глубоко сидѣть въ тинѣ обывательского болота, заставить родителей проникнуться великими и святыми задачами воспитанія...

Умные и добрые люди,—гдѣ вы?!

B. Измайлова.

Что читать дѣтямъ?

39. Первые уроки этнографіи. Д. А. Коропчевскаго. Издание К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 75 к.

18 декабря 1903 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ популяризаторовъ науки Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій. Литературная дѣятельность его началась съ изданія въ 1867 году журнала „Знаніе“, который пріобрѣлъ симпатіи публики и имѣлъ широкое распространеніе. Когда „Знаніе“ перестало существовать, онъ началъ работать въ „Словѣ“, „Трудѣ“, „Дѣлѣ“, „Мирѣ Божьемъ“ и др. изданіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выпускалъ одна за другой интересныя оригиналныя и переводныя книги, главнымъ образомъ по антропологіи и этнографіи, но писалъ также и повѣсти. Съ 80-хъ годовъ Д. А. начинаетъ сотрудничать и въ дѣтскихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ многочисленныя статьи, изъ которыхъ составилось затѣмъ нѣсколько прекрасныхъ дѣтскихъ книгъ. Помимо литературной дѣятельности, Д. А. извѣстенъ также какъ лекторъ, читавшій лекціи на женскихъ педагогическихъ курсахъ, въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ и въ различныхъ аудиторіяхъ для широкой публики. Между прочимъ, въ 1901 году онъ прочелъ рядъ лекцій въ Саратовѣ на педагогическомъ съездѣ земскихъ учителей и учительницъ, изъ которыхъ образовалась книжка „Первые уроки этнографіи“.

Въ этой книжкѣ авторъ даетъ краткія свѣдѣнія, необходимыя для начальнаго образования, о человѣческомъ населеніи земли, какъ дополненіе къ элементарной географіи.

Въ изложеніи своемъ авторъ отступаетъ отъ общепринятаго дѣленія людей по расамъ, а придерживается другого плана, который можно назвать культурно-географическимъ. Такое дѣление народовъ интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на причины культурности и значенія ея для народа. Такимъ образомъ всѣхъ людей авторъ дѣлить на искусственные группы и описываетъ ихъ въ соответствующихъ главахъ: бродячія

племена, полярные народы, съверные инородцы, рыболовныя и охотничьи племена Америки, мореплавательные народы Тихаго и Индійского океановъ, африканскіе и азіатскіе кочевые народы, негры-земледѣльцы, земледѣльческіе народы Азіи и Европы и др. Обширный матеріаль и серіозное общепонятное изложение этой книги сразу указываетъ на то, что она написана знающимъ человѣкомъ и опытнымъ популяризаторомъ. Этого достаточно, чтобы дешевая книжечка покойнаго Д. А. Королчевскаго, въ 176 стр., съ массой рисунковъ, нашла себѣ такихъ же почитателей, какъ и другія его произведенія и вся его жизнь.

К. Яцута.

40. Руководство зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Н. Иванцова. 336 стр. 372 рис. Ц. 1 р. 50 коп. Удостоено преміи Императора Петра Великаго. Одесса. 1903 г.

Причина неудовлетворительного преподаванія въ нашей средней школѣ естественныхъ наукъ вообще, а зоологии въ особенности, заключается, между прочимъ, въ отсутствіи удовлетворительныхъ учебниковъ естественныхъ наукъ. Еще недавно, а мѣстами и до сихъ поръ, преподаваніе ведется по такимъ отжившимъ свой вѣкъ учебникамъ, какъ Сентъ-Иллера, Герда и др.; въ лучшемъ случаѣ ученикамъ дается составленное недурно, но слишкомъ кратко и не педагогично, руководство Бутнера, и только въ немногихъ учебныхъ заведеніяхъ въ ходу прекрасный учебникъ Персонального или другого современнаго автора. Однако, даже лучшіе учебники въ родѣ Персонального (послѣдній, впрочемъ, въ меньшей степени) сильно грѣшатъ противъ научнаго метода изложения. Въ этомъ послѣднемъ недостаткѣ нельзя упрекнуть разбираемое руководство зоологии Иванцова. Если изложение основъ зоологии и можетъ показаться слишкомъ серіознымъ, то это уже дѣло каждого отдельнаго учителя пояснить непонятное своимъ ученикамъ и облегчить имъ задачу изученія зоологии. Зато книга составлена дѣйствительно

такъ, что если кому-нибудь изъ учащихся придется проходить тотъ же предметъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, то онъ не будетъ переучиваться заново, а это и было цѣлью автора. Въ интересахъ облегченія изложенного мѣста, главнымъ образомъ въ классификаціи, не соответствуютъ, конечно, послѣднему слову науки. Изложеніе предмета заключается въ томъ, что изъ каждой группы выбранъ и подробно описанъ одинъ изъ наиболѣе частыхъ и доступныхъ для насъ представителей ея. Изученіемъ подобныхъ представителей достигается знакомство ученика съ организацией животныхъ, послѣ чего уже слѣдуетъ краткая классификація ихъ. Каждая глава составлена такимъ образомъ, что преподаватель можетъ не стѣсняться порядкомъ изложения принятаго авторомъ, а применять такой, какой ему кажется болѣе удобнымъ для его цѣлей. Повторяю, книга составлена научно и серіозно, но вполнѣ удобопонятно. Матеріалъ, имѣющійся въ ней, превышаетъ требованія любого учебнаго заведенія, но вѣдь „знанія за плечами не носить!“ Болѣе труднымъ отдѣломъ является введеніе, но авторъ не настаиваетъ на томъ, чтобы начинать прямо съ него. Въ этомъ же введеніи находится не мало неточностей и плохо объясненныхъ мѣсть, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ въ остальной части книги. Эта послѣдняя часть изложена вполнѣ хорошо. Книга снабжена большимъ количествомъ рисунковъ, иѣкоторая часть которыхъ не вполнѣ удовлетворительна, но рисунки вообще слабое мѣсто нашихъ изданій. Всѣ вышеизложенія достоинства учебника, а также невысокая цѣна его въ сравненіи съ большимъ объемомъ дѣлаютъ книгу пригодной не только для школы, но и для самообразованія. Въ послѣднемъ смыслѣ ее можно горячо рекомендовать воспитанникамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ не преподаются естественные науки.

Д-ръ К. Яцута.

41. Чужой и другое рассказы.
Красный воротничекъ. Рассказъ Э.
 Сеполь-Томпсона. Съ англ. перевела
 Н. А. Альмедингенъ. **Мой отецъ и**
другое рассказы. Библиотека Горбунова-
 Посадова для дѣтей и юношества. М.
 1904 г.

Библиотека г. Горбунова - Посадова, помимо переводныхъ книгъ, начинаетъ нынѣ пополняться сборниками оригинальныхъ сочинений. Книжка „Чужой“ и др. рассказы, въ общемъ слѣдуетъ программѣ, поставленной редакціей съ достаточной определенностью и колоритностью. Рассказъ г. Ладыженского „Чужой“ изъ деревенскихъ преданий вспоминаетъ исторійку французскаго фельдшера Русселя, который въ севастопольскую кампанію пережилъ гибель своего единственнаго и любимаго брата Луи. Самъ Руссель попадаетъ въ плѣнъ. Тамъ, на русскомъ сѣверѣ, его приласкали простые солдаты. Тамъ онъ и устроился сапожникомъ и уважаемымъ „зناхаремъ“. На далекой родинѣ у него не осталось никого родныхъ и близкихъ. Онъ туда не вернулся - и успокоился на кладбищѣ села Черкасскаго. Вся піеска исполнена анти-военного духа. Рассказъ г. Шелеметьевой „Ефремъ и его сироты“ повѣствуетъ о черныхъ дняхъ характерныхъ отечественныхъ „недородовъ“. Въ разсказѣ много горько-правдивыхъ подробностей. Не лишена ни жизненности, ни трогательныхъ нотъ піеска „Отецъ и дочка“ Б. Гринченко (съ украинскаго). Намучившися „шахтеръ“ съ маленькой дочкой уходятъ

блаженствовать на собственный клочекъ земли.

Г. Васюковъ въ очеркѣ, посвященномъ Л. Н. Толстому—„Докторъ Гашко“ сообщаетъ про человѣка, о которомъ поселяне съ гордостью говорили: „это — нашъ докторъ“. Въ разсказѣ „На урокъ“ представлена молоденькая дѣвушка въ погонѣ — только не за наживой, а за мало-мальски обеспечивающей работой. Думается, эскизъ г. Наживина „Въ неволѣ“ впалъ въ книжку диссонансомъ: очень ужъ много въ немъ претензій и реторики. „Красный воротничекъ“ Э. Септона-Томпсона своего рода біографія семьи куролатокъ. Съ любовью къ природѣ и животнымъ, съ очевиднымъ знаніемъ дѣйствительности, съ литературною оживленностью излагаетъ свою тему авторъ. Сборникъ „Мой отецъ и другое рассказы“ продолжаетъ поученія редакціи въ томъ же направлениі. „Мой отецъ“ г. Ефименко рисуетъ тяжелую жизнь семьянина, ведущаго только „правая дѣла“. Въ разсказѣ „Дворникъ“ г. Семенова главное дѣйствующее лицо отказывается отъ мѣста, не желая вредить старому бѣдному человѣку. Въ очеркѣ г. Горностаева „Учительница“ умираетъ отъ тифа, заразившись при ухаживаніи за больными; Вѣра Павловна, очень маленькая дѣвушка, имѣвшая большое сердце. Въ сборникъ включенъ и разсказъ г. О. Хмелевой „Марья-Кружевница“. Между тѣмъ онъ давно уже распространяется и въ остальномъ изданіи. И рѣчь идетъ здѣсь о крѣпостнической старинѣ. **А. Налимовъ.**

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXVIII г.

Декабрь — № 12.

1904.

Открыта подписка на издание 1905 года

на педагогический журналъ

„Воспитание и Обучение“.

12 № въ годъ.

Цѣна съ доставкой и пересылк. одинъ рубль.

Содержание № 12.

1. Школа и благотворительность. Грига	433
2. Картички изъ дѣтской жизни. (Окончаніе. Н. Л. Кошкиной	441
3. Самовнушеніе и притворство у дѣтей. Д-ра Р. Кана	450
4. Дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. В. Измайлова	453
5. Библіографія	466

Школа и благотворительность.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Киевѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Въ одно изъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ явился юноша и, предложивъ 10 руб. членскаго взноса, просилъ записать его въ члены этого общества. Казначей охотно приступилъ къ исполненію просьбы этого юноши, но

долженъ былъ не исполнить ея, потому что при разспросѣ оказалось, что юноша этотъ... гимназистъ, а по гимназическімъ правиламъ воспитанникамъ гимназій не могутъ состоять членами какихъ бы то ни было обществъ. Такимъ образомъ желаніе юноши фактически притти на помощь своему ближнему не могло быть осуществлено только потому, что онъ еще учится и что по уставу—это ему воспрещено.

Соответствіенный параграфъ гимназическихъ правилъ, воспрещающій ученикамъ гимназій вступать въ члены обществъ, давно уже нуждается въ измѣненіи или, вѣрнѣ, въ расширеніи. Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать для всякой городской благотворительныхъ обществъ,

вступление въ которыя не только не должно воспрещать, а напротивъ, слѣдуетъ поощрять. Въ самомъ дѣлѣ, желаніе помочь своему ближнему — это вполнѣ естественная потребность человѣческой души, и замѣнить ее чѣмъ-либо другимъ, или даже искоренить ее совершенно врядъ ли возможно. Чѣмъ культурнѣе человѣкъ, чѣмъ выше стоитъ онъ по своимъ качествамъ ума и сердца, тѣмъ сильнѣе ощущаетъ онъ эту потребность, которая для многихъ является цѣлью и смысломъ ихъ существованія. Извѣстно, что молодой возрастъ именно отличается особенной чувствительностью къ чужому горю и къ чужимъ страданіямъ. То, что мы, взрослые люди, считаемъ болѣе или менѣе въ порядкѣ вещей, на что мы смотримъ, какъ на печальное, но неизбѣжное зло, молодежи кажется ужаснымъ, изъ ряда воинъ выходящимъ. Мы миримся до извѣстной степени съ бѣдностью и нищетой, какъ съ нормальными явленіями, мы смотримъ на человѣческія слезы и страданія, какъ на нѣчто обыкновенное въ нашей жизни, ибо мы хорошо знакомы съ причинами, создающими эту бѣдность и нищету, эти слезы и страданія. Но молодежь и особенно дѣти, не знающія жизни и не способныя еще къ анализу подобныхъ явленій, гораздо болѣе чувствительны къ нимъ, сильнѣе реагируютъ на нихъ, и потому въ нихъ сильнѣе желаніе измѣнить ихъ, крѣпче готовность притти на помощь всякому неимущему и страждущему. И только потому, что уставы и правила запрещаютъ учащемуся юношеству вступать въ число членовъ всякихъ, а, стало быть, и благотворительныхъ обществъ, оно лишено возможности фактически заниматься благотворительностью и

удовлетворять такимъ образомъ одну изъ самыхъ насущныхъ потребностей своей души.

Совершенно иначе смотрятъ на вопросъ о благотворительности уставы учебныхъ заведений за границей. Тамъ школа, заботясь о нравственномъ воспитаніи молодого поколѣнія, наоборотъ, стремится по возможности распространять среди него идеи благотворительности, пріучая его съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ мысли о рациональной организованной помощи нуждающимся и служенія, насколько возможно, своему ближнему. Съ этой цѣлью среди воспитанниковъ не только высшихъ и среднихъ, но и низшихъ учебныхъ заведений чрезвычайно распространены всякие союзы и общества, кружки и ферейны, одинаково осуществляющіе идею благотворительности путемъ ли денежныхъ пожертвованій или же личнаго труда на пользу нуждающагося.

Воспитательное значеніе такой ранней, такъ сказать, искусственной благотворительной дѣятельности огромно; привычка думать и заботиться о своемъ несчастномъ и бѣдномъ ближнемъ, усвоенная въ раннемъ дѣтствѣ, когда вообще легко усваиваются всѣ привычки, остается потомъ на всю жизнь и кладетъ извѣстный отпечатокъ на нравственный обликъ человѣка. За границей дѣти научаются въ школахъ не только читать и писать, но пріучаются также къ мысли, что нужно думать о своемъ ближнемъ, нужно стараться такъ или иначе помочь ему, насколько позволяютъ силы и средства. Такое, такъ сказать, „преподаваніе благотворительности“, на ряду съ внушениемъ другихъ основныхъ элементовъ нравственности, имѣть самое благотворное вліяніе прежде всего на

самого воспитываемаго, характеръ котораго благодаря этому возвышается и облагораживается, а затѣмъ и на все общество. Послѣднее, благодаря такой популяризаціи школой идеи благотворительности, получаетъ возможность энергично бороться съ нищетой, равно и со всякими пороками, такъ или иначе подрывающими его благосостояніе и успѣшное развитіе.

Такимъ образомъ раннєе пріученіе дѣтей къ благотворительности, что практикуется на западѣ школой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и при томъ легко какъ бы шутя, на самомъ дѣлѣ представляется огромнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Для того, чтобы оцѣнить хотя бы поверхности таковыя, мы укажемъ на Англію, на эту классическую страну общественной благотворительности и общественного призрѣнія. По послѣднимъ даннымъ, каждый англичанинъ въ среднемъ уплачиваетъ ежегодно государственного налога въ пользу бѣдныхъ столько шиллинговъ, сколько сотень фунтовъ стерлинговъ онъ получаетъ годового дохода. Такимъ образомъ семья, зарабатывающая въ годъ 100 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. почти тысячу рублей, платить казнѣ для бѣдныхъ всего 1 шиллингъ, т.-е. 50 коп. или $\frac{1}{2}\%$ своихъ доходовъ. Несмотря на такую ничтожную величину налога, англійская казна собираетъ ежегодно для бѣдныхъ миллионы рублей, потому что англичане—богатый народъ, и здѣсь каждый съ дѣствомъ привыкъ дѣлиться своими доходами съ неимущимъ ближнимъ. Еще болѣе грандиозныя суммы собираетъ частная благотворительность, которая далеко опередила государственную по своимъ размѣрамъ. Спрашивается, возможна ли была бы въ какой-либо странѣ

обязательная благотворительность и достигала ли бы она такой степени, если бы въ этой странѣ каждый гражданинъ не привыкъ къ ней еще съ юныхъ лѣтъ, не былъ бы пріученъ къ ней школой такъ же, какъ онъ наученъ ею читать и писать?

Въ англійскихъ школахъ, даже самыхъ маленькихъ, въ деревняхъ, всѣ ученики составляютъ своего рода союзы взаимнаго вспомоществованія. Каждый изъ нихъ вноситъ еженедѣльно опредѣленную сумму (приблизит. $\frac{1}{2}$ —1 к.) въ кассу, хранящуюся у учителя, и затѣмъ на собранныя такимъ путемъ деньги для бѣдѣйшихъ учениковъ покупаются книжки, учебныя принадлежности и т. д. По свидѣтельству народныхъ учителей, такие союзы функционируютъ повсюду великодушно, и случаи прекращенія ихъ дѣятельности совершенно неизвѣстны.

Такие же союзы распространены въ школахъ Германіи, сѣверо-американскихъ штатовъ и особенно Швейцаріи и Норвегіи, где принято, чтобы дѣти въ школахъ дѣлились другъ съ другомъ своими завтраками, игрушками, книжками и т. д.

Одинъ нѣмецкій педагогъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ, какъ онъ „пріучилъ къ благотворительности“ одного изъ своихъ воспитанниковъ, сына богатыхъ родителей, который до этого не желалъ участвовать вмѣстѣ съ другими товарищами въ союзѣ вспомоществованія. Увидя, какъ онъ однажды на улицѣ покупалъ себѣ пряники, учитель ему сказалъ, что его бѣдный товарищъ Гансъ былъ бы очень огорченъ, если бы онъ это видѣлъ, такъ какъ онъ не въ состояніи купить себѣ пряника.

— Такъ я ему оставилъ половину

своего пряника, сказалъ Карлъ, тро-
нутый словами своего учителя.

— Нѣтъ, мой другъ, это не годится, возразилъ послѣдній.—Ганса ты скоро не увидишь, а пряникъ между тѣмъ испортится.

— Я бы купилъ поль-пряника предложилъ Карлъ,—но торговецъ не продаетъ половины.

— И онъ совершенно правъ, ибо и у него другая половина легко можетъ испортиться, какъ у тебя. А ты вотъ что сдѣтай: теперь ты ничего не покупай себѣ, а жди, когда у тебя еще будутъ два пфенига: тогда ты себѣ купишь пряникъ, а другое два пфенига отдашь въ пользу Карла, и онъ самъ себѣ купить или пряникъ или что-нибудь другое, что доставить ему такое удовольствие, какъ тебѣ пряникъ. И съ этихъ поръ,—добавляетъ учитель,—Карлъ очень часто, когда собирался тратить на себя деньги, задумывался о своемъ бѣдномъ товарищѣ Гансѣ, который „можетъ быть огорченъ этимъ“.

Въ этихъ простыхъ, трогательныхъ словахъ нѣмецкаго деревенскаго учителя много поучительнаго. Пріучивъ маленькаго Карла къ мысли о томъ, что нужно дѣлиться съ своимъ ближнимъ тѣмъ, что имѣешь, онъ положилъ начало благотворительной дѣятельности этого Карла, когда онъ выростетъ и станетъ членомъ своего общества. Если бы всѣ учителя всегда такъ поступали, какъ высоко была бы развита въ обществѣ благотворительность и какъ легко жило бы многимъ неимущимъ и бѣднякамъ!

Еще лучше поставлена благотворительность за границей среди воспитанниковъ среднихъ школъ, и благотворительность эта направлена прежде

всего опять-таки на ихъ же однокашниковъ. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ нерѣдки случаи, когда гимназисты воспитываются на средства своихъ же товарищей. А у насъ ежегодно исключаются изъ школъ и гимназій десятки и сотни учениковъ, которые не въ состояніи уплатить за право ученія. Во многихъ нѣмецкихъ городахъ существуютъ такъ называемые „питательные союзы“, дѣятельность которыхъ, какъ показываетъ название, заключается въ прокормленіи бѣдняковъ и нищихъ и снабженіи пищей тѣхъ изъ нихъ, которые по болѣзни или другимъ причинамъ не могутъ сами являться на питательныя станціи.

Главными участниками такихъ союзовъ является учащаяся молодежь, среди которой они пользуются огромной популярностью. Извѣстно, что знаменитыя благотворительныя учрежденія д-ра Барнардо въ Лондонѣ также насчитываютъ въ числѣ своихъ членовъ тысячи молодыхъ людей изъ учащейся молодежи. А у насъ молодой человѣкъ не можетъ сдѣлаться членомъ благотворительного общества только потому, что онъ еще учится, точно ученіе и благотворительность—двѣ несовмѣстимыя другъ съ другомъ вещи.

Благодаря такому антагонизму между нашей школой и благотворительностью, послѣдняя вообще у насъ находится на очень низкой еще ступени развитія. Взрослому человѣку, поглощенному своими собственными дѣлами, часто обремененному семьей, трудно пріучиться думать о бѣдныхъ и обездоленныхъ, если онъ не привыкъ къ этому съ дѣтства, если забота о своемъ ближнемъ не стала до извѣстной степени его духовной потребностью. Создать такую привычку въ ре-

бенкѣ, которая потомъ остается на всю жизнь, сдѣлать благотворительность потребностью человѣческой души можетъ главнымъ образомъ школа, которая обладаетъ всѣми данными для вліянія въ этомъ направленіи на своихъ питомцевъ. Теперь врядъ ли кто-нибудь согласится съ тѣмъ положеніемъ, которое еще такъ недавно считалось прочнымъ и неопровергимымъ, будто школа должна только учить, но не воспитывать. Если школа действительно обязана вліять не только на умъ, но и на душу своего воспитанника, то забота о пріученіи его съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ благотворительности должна явиться одной изъ главныхъ задачъ ея.

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда вопросъ этотъ у насъ будетъ поставленъ такъ же, какъ за границей.

Гризь.

Картики изъ дѣтской жизни.

(Окончаніе 1).

Молодая дѣвушка, воспитанная въ одномъ изъ институтовъ, выходитъ замужъ за армейскаго офицера. Содержаніе скучное, жизнь кочевая. Родится ребенокъ. Вы представляете себѣ жизнь армейскаго поручика и его молоденькой жены, въ какомъ-нибудь глухомъ городишкѣ. Постоянныя вечерики, катанья, легкій флиртъ. Одно слово—пустота. Но молодая мать туга поддавалась всѣмъ этимъ соблазнамъ, ее гвоздила мысль: вотъ выростетъ моль дѣвочка, а я къ тому времени, когда нужно будетъ ее учить, все пере-

забуду. Особенно легко забываются иностранные языки, когда нѣть практики. Она начала выписывать иностранные журналы и по вечерамъ, уложивъ сиать своего птенца, садится за чтеніе и переводы. Недавно мы съ ней перелистывали пожелтѣвшія тетради, мелко исписанныя, эти вещественные доказательства—не материнской любви, какая мать не любить своего ребенка? — а материнской предусмотрительности.

Первая шесть лѣтъ своей жизни дѣвочка провела въ стенихъ губерніяхъ, въ совершиенной глупи. Мать, родомъ съверянка, плохо переносила южный климатъ, ее мучили лихорадки. А дочурка ея Вѣра росла на славу, бѣгала цѣлыми мѣсяцами босикомъ подъ палящимъ солнцемъ, и къ семи годамъ не чувствовала ни малѣйшаго влеченія къ книгѣ. Зато она любила природу, имѣла массу практическихъ свѣдѣній относительно ухода за лошадьми, за скотомъ, за домашней птицей, огородомъ и умѣла ясно излагать то, что думала. Она очень интересовалась событиями изъ Ветхаго и Нового завѣта; сказокъ знала мало, близкое соприкосновеніе съ природой помогло ей вырасти вполнѣ уравновѣшенної, реальной, если можно такъ выразиться; въ фантастическомъ элементѣ не чувствовалось потребности, жизнь и безъ того была полна и поэтична. Когда къ семи годамъ пришлось вернуться на съверъ, но жить все-таки не въ городѣ, это здоровое дитя природы непрѣистно какъ научилось читать. Никакихъ хлопотъ съ этимъ не было, не пришлось искусственно вызывать образы, они совершенно естественно облекались въ конкретную форму.

¹⁾ См. „Восп. и Обуч.“ № 11, ст. 401.

Въ настоящее время Вѣра, по окончаніи курса въ одномъ изъ зауряднѣшихъ средне-учебныхъ заведеній, съ успѣхомъ продолжаетъ свое образованіе. Она не имѣеть понятія ни о боннахъ, ни о гувернанткахъ, ни о репетиторахъ. Мать неослабно слѣдить за ея занятіями, старается сгладить шероховатости, дополнить недочеты, и дѣвочка, благодаря этой постоянной заботѣ, не замѣчаетъ, какъ сухи и подчасъ безсодержательны бывають уроки и даже лекціи. И все это дѣлаетъ женщина съ ограниченными материальными средствами, не получившая никакой специальной подготовки, одаренная только здравымъ смысломъ и проникнутая идеей святости своего долга.

Могутъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ обстоятельства сложились благопріятно: ребенокъ ростъ вдали отъ города. А для сколькихъ именно эта жизнь вдали отъ просвѣтительныхъ какъ говорится, центровъ, служить истинникомъ муки! Сплошь и рядомъ весь періодъ первоначального развитія дѣтскихъ способностей уходитъ на поиски за воспитательницей. Сперва мѣняютъ боннъ, потомъ гувернантокъ, и ребенокъ поступаетъ въ школу кое-какъ подготовленный, а всего чаще натасканный по известной программѣ къ известному учебному заведенію. Этотъ маленький индивидуумъ извѣрился уже и въ преподавателѣ, и въ воспитателѣ, онъ развязно судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Вѣдь при немъ, не стѣсняясь, говорили: „мы отказали M-lle X, такъ какъ она больше занимается своей куафюромъ, чѣмъ дѣтьми.“ Или: „мы ищемъ гувернантку постарше, у насъ такъ много молодежи, сейчасъ собираются“. И многое другое

Невольно припоминается разговоръ съ однимъ папашей. „Скажите, что это такое Дѣтскій Садъ, вижу вывеску, заинтересовался“. Ему объясняютъ. „Да неужели же родители посылаютъ пятилѣтнихъ дѣтей въ школу?“ — „Да это собственно не школа, тутъ дѣтямъ предоставляется полная свобода. Они чувствуютъ себя, какъ дома, но преимущество то, что они въ обществѣ равныхъ себѣ. Товарищество слаживаетъ неровности характера...“ — „Ну, ужъ я бы ни за что не отдалъ изъ дома свою дѣвочку. Только вотъ бѣда съ гувернантками. Жена моя англичанка, плохо говорить по-русски. До сихъ поръ у насъ жили француженки (или — ребенку четыре года), теперь ужъ я рѣшилъ взять нѣмку, да попроше, безъ претензій, но нужно, чтобы она говорила по-русски, а то дѣвочка совсѣмъ плохо говорить на родномъ языке. Да, впрочемъ, это неважно. Что нужно будетъ молодой дѣвушкѣ? Три иностранныхъ языка и танцы. Вѣдь все равно выйдетъ замужъ“. Нужны ли комментаріи?..

Изъ приведенныхъ примѣровъ, которыми можно бы еще и еще иллюстрировать неотвѣзное сомнѣніе въ томъ, какъ намъ воспитывать своихъ дѣтей, вытекаетъ, мнѣ кажется, что вездѣ будетъ ребенку хорошо, если мы создадимъ для него подходящую обстановку. И дома и въ дѣтскомъ саду онъ можетъ быть счастливъ, но счастливое дѣтство мы обязательно должны ему дать. Не дѣля изъ него домашнаго тирана, мы все-таки принуждены поступиться нѣкоторыми своими привычками, а быть-можетъ, и личнымъ удобствомъ, лишь бы ему было привольно, лишь бы въ немъ

могли свободно развиться все природные качества. Выше же всего мы должны ставить правдивость, свою правдивость. Мы сами того не замечая, или предполагая, что ребенокъ мало смыслить, позволяемъ себѣ мотивировать свои неосторожные поступки, выгораживать себя, прикрываясь ложью. „Мамочка, отчего вы меня не посыаете къ тѣмъ опытнымъ дѣвочкамъ, я хочу съ ними итти играть?—Нельзя, твою школу чинять. „А когда она будетъ готова? что тамъ случилось? значить, тамъ никого нѣть? Мама, а мама!..“ Тутъ ужъ приходится выпутываться, опять лгать и лгать.

Мать скажетъ, пожалуй, дѣвочка такъ скучала, что нужно было ее успокоить.—Мнѣ же думается, раньше чѣмъ помѣщать ребенка въ дѣтскій садъ, нужно все взвѣсить, а разъ это сдѣлали, нельзя ломать дѣтскій характеръ, нужно считаться съ привязанностями маленькаго существа, и воспитывать въ немъ добрыя чувства, а не озлобленіе. А то дали попробовать, какъ весело и привольно съ ребятишками, затѣмъ взяли и засадили въ дѣтскую. Но хуже всего то, что не прошло и двухъ недѣль, ребенокъ совершенно случайно узналъ, что мать сказала неправду. Психологи, педагоги ищутъ причину все возрастающей дѣтской лжи,—причина въ недостаткѣ правдивости со стороны старшихъ. Лучше ужъ смолчать, если сдѣлалъ ошибку, но не дать ребенку случая уличить себя во лжи. Прослѣдите, какъ часто мальчикъ относится съ сомнѣніемъ къ вашимъ словамъ, и какъ тутъ нужно быть осторожнымъ, чтобы это сомнѣніе не укоренилось и уступило мѣсто полной довѣрчивости. Достаточно согнать

разъ, ребенокъ извѣрится въ вѣсѣ, и пропалъ вашъ авторитетъ, словами, разъясненіями дѣла не поправишь.

Я замѣтила, что дѣти не упускаютъ случая поддѣлать насть, и тутъ, если мы всегда искренни и позволяемъ имъ высказаться, можно даже оказать воспитательное воздействиe. Вотъ картина. Классъ начался, все усердно работаютъ. Идетъ объяснительное чтеніе. Скрипнула дверь, просовывается сконфуженная рожица. „А, это Витя“, говоритъ одинъ изъ учениковъ, отвлекаясь отъ работы. Преподавательница, чтобы не нарушать порядка въ классѣ, торопитъ запоздалаго мальчугана усѣсться, найти страницу. Тотчасъ по окончаніи урока, она говоритъ ему: „Витя, ты опять намъ помѣшалъ работать, постарайся не опаздывать“.—„Зинаида Петровна, я сегодня опоздалъ, а вы вчера.“—„Нѣть, я вчера не опоздала, ты развѣ не замѣтилъ, я по пятницамъ всегда прихожу на полчаса позже, такъ какъ у вѣсѣ пѣніе, и мнѣ тутъ дѣлать нечего“ . Сказано это было совершенно спокойно, мальчикъ былъ сконфуженъ.

Если бы учитель-педантъ услышалъ этотъ разговоръ, онъ навѣрно сказалъ бы: „Что это за порядки! Гдѣ бы осадить мальчика за дерзость, чтобы ему и впередъ неповадно было, преподавательница, какъ равному, объясняетъ, почему она пришла позже, даетъ ему отчетъ въ своихъ поступкахъ. Совсѣмъ не дѣло ученика извиняться тѣмъ, что онъ поступаетъ точно такъ, какъ преподаватель. То я, то онъ..“ Что-то въ этомъ родѣ, дословно не припомню, мнѣ было высказано строгими судьями именно по поводу вышеупомянутаго обмѣна мнѣній между учениками и учителемъ. Я же нахожу,

что преподавательница не могла отвѣтить благоразумиѣ. Было бы для нась очень непріятно, если бы ребенокъ въ душѣ затаилъ предположеніе, что съ него старшіе требуютъ больше, чѣмъ сами могутъ исполнить. Тутъ же, безъ особыхъ внушеній, онъ почувствовалъ, что былъ неправъ.

Да, въ сущности, мы не имѣемъ права очень сѣтовать лично на дѣтей за то, что они опаздываютъ, это случается по домашнимъ обстоятельствамъ. Можно ли бранить мальчика за то, что мать его долго спитъ? Зачѣмъ подрывать ея авторитетъ? А онъ не преминеть обвинить мать, беспорядокъ въ домѣ и т. д., чтобы выгородить себя. И скажетъ это, не стѣсняясь, при товарицахъ. Вотъ въ этихъ слу-
чаяхъ нужна большая осторожность. Какъ бы семья ни была виновата, мы не должны позволить ребенку осуждать ея поступки, напротивъ, ставить семью въ глазахъ его какъ можно выше, какъ что-то святое, идеальное. Семья бы тоже хорошо сдѣлала, если бы щадила учебный персональ и не выставляла его въ невыгодномъ свѣтѣ передъ дѣтьми. Всѣ недоразумѣнія могутъ быть улажены непосредственно между школой и семьей, дѣти должны въ этихъ случаяхъ стоять въ сторонѣ.

Будемъ надѣяться, что въ настоящее время въ нашемъ трудномъ дѣлѣ намъ придетъ на помощь открывшійся педагогический отдѣлъ имени К. Д. Ушинского. Первое публичное засѣданіе состоялось 28 февраля при переполненномъ залѣ Соляного Городка. Черезъ всѣ рѣчи ораторовъ¹⁾ прошла одна

мысль: воспитывая дѣтей, мы бродимъ ощупью, времена терять нельзя, нужно всѣми силами стараться правильно обставить жизнь ребенка, начиная съ момента его зачатія. „Мы главнымъ образомъ интересуемся и разрабатываемъ эрѣлый возрастъ, мало знаемъ старческій, и совсѣмъ несвѣдущи, когда дѣло коснется младенческаго и ребяческаго возраста, сказалъ профессоръ Тархановъ.—Между тѣмъ медицина имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатый подборъ аппаратовъ,—ими можно вызвать пять громадныхъ столовъ,—съ помощью которыхъ можно распопрошить человѣка, не сдѣлавъ ему ни одной царапины“.

А. П. Нечаевъ напомнилъ, что 36 лѣтъ тому назадъ, К. Д. Ушинский въ предисловіи къ своему капитальному труду „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ сказалъ: „Пока не будетъ у нась такой среды, въ которой бы свободно, глубоко и широко, на основаніи науки, формировались педагогическая убѣждѣнія, находящіяся въ тѣснѣйшей связи вообще съ философскими убѣждѣніями, общественное образованіе наше будетъ лишено основанія, которое дается только прочными убѣждѣніями воспитателей. Воспитатель не чиновникъ; а если онъ чиновникъ, то онъ не воспитатель; и если можно приводить въ исполненіе идеи другихъ, то проводить чужія убѣждѣнія невозможно. Среда же, въ которой могутъ формироваться педагогическая убѣждѣнія, есть философская и педагогическая литература и тѣ каѳедры, съ которыхъ излагаются науки, служащиа источникомъ и педагогическихъ убѣждений: каѳедры философіи, психологіи и исторіи.“

Если педагогика хочетъ воспитывать...

¹⁾ А. Н. Макаровъ, доктора Дриль и Гундобинъ, психологъ А. П. Нечаевъ и профессоръ Тархановъ.

Самовнущеніе и притворство у дѣтей.

человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, то она должна прежде узнать его тоже во всѣхъ отношеніяхъ.

Если въ университетахъ существуютъ факультеты медицинскіе, и даже камеральныя, и нѣтъ педагогическихъ, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи. Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета. Если же мы до сихъ поръ, готовя технологовъ, агрономовъ, инженеровъ, архитекторовъ, медиковъ, камералистовъ, филологовъ, математиковъ, не готовили воспитателей, то не должны удивляться, что дѣло воспитанія идетъ плохо, и что нравственное состояніе современаго общества далеко не соответствуетъ его великолѣпнымъ биржамъ, дорогамъ, фабрикамъ, его наукѣ, торговлѣ и промышленности".

Въ заключеніе единодушно было высказано самое горячее привѣтствіе вновь открывшемуся отдѣлу, имѣющему переродиться въ ближайшемъ будущемъ въ Педагогический Институтъ. Инициаторы одушевлены самыми радужными надеждами, что труды отдѣла многое освѣтятъ въ области педагогіи и дадутъ отвѣтъ на неотвязные вопросы, мучащіе родителей и воспитателей.

Н. Кошкина.

Самовнущеніе и притворство у дѣтей.

(Изъ наблюдений глазного врача).

Впервые столкнулся я въ своей практикѣ съ мнимыми разстройствами зрѣнія у дѣтей отъ самовнущенія въ случаѣ „экзаменаціонной неврастеніи“, описанныхъ мною въ настоящемъ журнале 2 года тому назадъ („Мимая слѣпота у дѣтей во время экзаменовъ“, „Восп. и Обуч.“, 1902, май).

Въ этихъ случаяхъ простое ощущеніе неловкости въ глазу отъ незначительного воспаленія вѣкъ, превращалось, въ воображеніи дѣтей, въ сильнѣйший упадокъ зрѣнія; объяснялось же такое разстройство воображенія острой расшатанностью первовъ отъ экзаменаціонныхъ волненій. Съ течениемъ времени я убѣдился, что подобные случаи мнимаго упадка зрѣнія возможны у дѣтей и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, и въ силу одной лишь неустойчивости нервной системы въ дѣтскомъ организмѣ. Убѣдился я и въ томъ, что въ основе мнимаго упадка зрѣнія у дѣтей можетъ лежать не самовнущеніе, а самое упорное и искусное притворство. Наконецъ, попадались и такие случаи, въ которыхъ притворство снителось съ самовнущеніемъ, и иногда до того тѣсно, что невозможно было опредѣлить, где кончалась одна причина и где начиналась другая.

Описаніе многихъ такихъ случаевъ, наблюдавшихся и наблюдаемыхъ мною въ немаломъ количествѣ среди учащихся въ петербургскихъ народныхъ школахъ, — новодѣ къ самовнущенію или притворству, насколько ихъ можно было выяснить изъ обстоятельствъ каждого отдельнаго случая, — способы распознаванія мнимаго упадка зрѣнія

въ болѣе или менѣе упорныхъ случаѣахъ,—всѣ эти подробности приведены мною въ статьѣ „Мнимый упадокъ зрѣнія у дѣтей“, недавно напечатанной въ „Русскомъ Врачѣ“. Здѣсь же я укажу лишь на два обстоятельства, имѣющія значеніе и для педагога, а именно: 1) на значительную склонность дѣтей къ мнимымъ ощущеніямъ и ложнымъ показаніямъ и 2) на громадное преобладаніе этой склонности у дѣвочекъ.

До какой степени распространены мнимые разстройства зрѣнія у дѣтей, можно судить по тому, что изъ 459 дѣтей, обратившихся за окулистической помощью, мнимый упадокъ зрѣнія показали 18, что уже составляетъ около 4%. Между тѣмъ, сюда не включены еще тѣ дѣти, которыя жаловались на разстройство зрѣнія, но не подтверждали и не отставали своей жалобы ложными показаніями при исследованіи зрѣнія. Такіе случаи и не всегда регистрировались мною. Но склонность къ мнимымъ заболѣваніямъ съ несомнѣнностью сказывалась и въ нихъ; и если принимать въ расчетъ и эти случаи, то окажется уже не менѣе 10%.

Возрастъ этихъ дѣтей колебался между 8 и 12 годами. Странно было видѣть изворотливость и смѣтливость искуснаго притворщика у 8-лѣтняго ребенка, поразительна была та убѣжденность, съ какой эти дѣти показывали свой воображаемый упадокъ зрѣнія, по еще удивительнѣе тутъ та огромная разница, которая уже при такомъ возрастѣ сказывалась въ характерѣ и устойчивости нервной системы у мужчинъ и женщинъ: среди указанныхъ 18 дѣтей съ мнимымъ упадкомъ зрѣнія было всего лишь

2 мальчика, а всѣ остальные были дѣвочки.

Слѣдуетъ замѣтить, что дѣвочки преобладали и въ общемъ числѣ обращавшихся за глазной помощью, а именно: ихъ было 260, мальчиковъ же было 199. Обстоятельство это, быть-можетъ, также находится въ связи съ большей склонностью дѣвочекъ къ жалобамъ на болѣзни, такъ какъ учится-то въ названныхъ школахъ больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ (въ 1901—02 уч. году въ городскихъ начальныхъ училищахъ Петербурга числилось 11865 мальч. и 11450 дѣв.). Впрочемъ, и при введеніи поправки на означенную разницу въ общемъ числѣ обращавшихся за помощью, преобладаніе дѣвочекъ среди дѣтей съ мнимымъ упадкомъ зрѣнія продолжаетъ выступать все же рѣзко.

Таковы факты. Я далекъ отъ мысли распространить ихъ цѣликомъ на всякихъ дѣтей; я отнюдь не придаю безусловнаго значенія приведеннымъ адѣсь цифрамъ. Я вполнѣ считаюсь съ той средой, изъ которой происходятъ воспитанники начальныхъ училищъ, съ той атмосферой, въ которой они проводятъ свое внѣшкольное время. Но я полагаю, что въ известной степени, большей или меньшей, во всякомъ же случаѣ не малой, отмѣченное здѣсь явленіе существуетъ у дѣтей и въ самыхъ различныхъ слояхъ населения, и что, указывая на недостаточную устойчивость нервной системы или нравственнаго чувства, оно заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія со стороны родителей и воспитателей.

Дръ Р. Кацъ.

Дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати.

Къ числу отрадныхъ фактовъ, ознаменовавшихъ истекшій осенний сезонъ и воочію говорящихъ объ искренней сердечной заботѣ о дѣтяхъ, необходимо прежде всего отнести сооруженіе въ Царскомъ Селѣ на собственныя средства Государыни Императрицы Александры Феодоровны школы нянь съ дѣтскимъ пріютомъ. Это въ высшей степени симпатичное и едва ли не первое по своему типу воспитательное учрежденіе въ Россіи является осуществленіемъ благой мысли Ея Величества создать такой интернатъ, въ которомъ дѣти съ первыхъ же дней жизни могли бы найти всѣ условія наилучшаго физического и духовнаго воспитанія. Учрежденіе, такимъ образомъ, вопреки пословицѣ, „убиваетъ разомъ двухъ зайцевъ“. Съ одной стороны, воспитанницы школы практически учатся приемамъ ухода за малолѣтними, чѣмъ въ концѣ концовъ должно развить въ нихъ навыки и способность сознательно и самостоятельно относиться къ своимъ обязанностямъ въ семье, нуждающейся въ хорошо знающей свое дѣло и добросовѣстной нянѣ; а съ другой стороны, призрѣваетъ и воспитываетъ дѣтей—20 грудныхъ и 30 болѣе старшаго возраста.

Петербургское городское общественное управлениe, въ чрезвычайномъ засѣданіи по случаю рожденія Наслѣдника Цесаревича, постановило ознаменовать радостное событие учрежденіемъ въ школѣ нянь пяти стипендій.

Въ главномъ управлении военно-учебныхъ заведеній состоялось особое совѣщаніе, на которомъ, между прочимъ, постановлено приступить къ сооруже-

нію на счетъ казны школы для воспитанія на казенный счетъ малолѣтнихъ дѣтей офицеровъ убитыхъ и раненыхъ въ нынѣшнюю войну. Школа разсчитана на 500 человѣкъ. Въ этомъ же засѣданіи предполагалось также расширить на особую субсидію отъ правительства многіе пріюты, даже частные, для помѣщекія въ нихъ дѣтей убитыхъ и раненыхъ офицеровъ. При всѣхъ кадетскихъ корпусахъ проектировано открытие особыхъ пріютовъ для малолѣтнихъ дѣтей,—болѣе чѣмъ на 1.000 человѣкъ. Забота объ участіи дочерей убитыхъ и раненыхъ воиновъ возложена на вѣдомства по учрежденіямъ Императрицы Маріи и на министерства военное и народнаго просвѣщенія.

Слѣдуетъ также отмѣтить постановленіе Орловской городской комиссіи по народному образованію, рассматривавшей очень важный въ наше время вопросъ объ участіи города въ обеспеченіи воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей военныхъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ войну съ Японіей. Это заслуживающее всяческаго подражанія постановленіе заключается, по словамъ „Орловскаго Вѣстника“, въ слѣдующихъ пунктахъ:

„1) освободить отъ платы за право ученія учащихся въ городскихъ училищахъ, мужскихъ и женскому, дѣтей умершихъ въ войну съ Японіей военныхъ чиновъ; 2) бѣднѣйшимъ изъ нихъ выдавать бесплатно учебныя пособія; 3) сыновьямъ названныхъ чиновъ изъ мѣщанъ г. Орла предоставить 15 мѣсяцъ въ существующемъ городскомъ дѣтскомъ пріютѣ по мѣрѣ освобожденія вакансій въ немъ, и 4) вслѣдствіе отсутствія городскихъ женскихъ пріютовъ, ассигновать по 300 рублей въ

годъ на содержаніе 10 дѣвочекъ изъ дочерей умершихъ военныхъ чиновъ въ существующихъ въ Орлѣ пріютахъ для дѣвочекъ—вѣдомства Императрицы Маріи или благотворительного общества, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе каждой такой дѣвочки изъ городскихъ суммъ шло 30 рублей, а остальное добавлялось отъ казны, и чтобы выборъ кандидатокъ на эти мѣста принадлежалъ городу. Въ такомъ случаѣ отъ казны потребуется на содержаніе каждой дѣвочки въ пріюте вѣдомства Императрицы Маріи по 70 рублей въ годъ, а въ пріюте мѣстнаго благотворительного общества по 20—30 рублей въ годъ“.

Въ „Витебск. Губ. Вѣдомостяхъ“ читаемъ весьма отрадную замѣтку о проектѣ пріюта для тѣхъ несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ живутъ исключительно нищенствомъ. Человѣкъ, незнакомый съ положеніемъ этихъ дѣтей, съ трудомъ можетъ себѣ даже представить весь ужасъ этого положенія. О какомъ бы то ни было воспитаніи въ данномъ случаѣ не можетъ быть даже и рѣчи. Дѣти буквально голодаютъ, холодаютъ, съ ними подчасъ обращаются, какъ съ лишней обузой; масса ихъ гибнетъ, заболѣвая самыми разнообразными болѣзнями. Вопросъ объ этихъ дѣтяхъ возбудила въ засѣданіи членовъ рѣжицкаго благотворительного общества предсѣдательница совѣта общества И. П. Волоцкая. Совѣтъ постановилъ изыскать средства и устроить въ г. Рѣжицѣ пріютъ. Съ этой цѣлью уже состоялся благотворительный вечеръ, всѣ заботы по устройству котораго приняла на себя та же г-жа Волоцкая. Валовой сборъ достигъ 500 рублей. Отъ души желаемъ дальнѣйшаго успѣха этому симпатичному начинанію.

Въ „Олонецк. Губ. Вѣд.“ читаемъ:

„Наступившій учебный годъ, въ виду недорода хлѣба, будетъ очень тяжель въ нашихъ мѣстахъ и для школьнай жизни. Во многихъ училищахъ, особенно захолустныхъ уголковъ, придется питать учащихся не только духовно, но и тѣлесно. И въ прежніе годы Петрозаводское уѣздное земство снабжало бѣдныхъ учащихся нѣкоторыхъ училищъ уѣзда пищею. Въ наступившемъ учебному году оно намѣreno усилить въ этомъ отношеніи свою дѣятельность. Не остались глухими къ этой сторонѣ школьнай жизни и нѣкоторые изъ гг. попечителей училищъ. Такъ, извѣстный благотворитель М. В. Максимовъ прислалъ для учащихся Вехтозерского училища 10 кулей муки ржаной, 2 мѣшка пшена, 1 мѣшокъ гороху, 1 куль соли и деньгами 60 р. Если бы и другіе попечители училищъ нашли для себя возможнымъ проявить свою дѣятельность и любовь къ школѣ въ этомъ направленіи,—они отвѣтили бы какъ разъ назрѣвшему въ настоящее время школьному вопросу и совершили бы истинно святое дѣло. Не можемъ не отмѣтить щедрыхъ пожертвованій почетныхъ попечителей и по благоустройству училищъ. Упомянутый М. В. Максимовъ, состоящій почетнымъ блюстителемъ и Кончезерскаго училища, прислалъ въ минувшемъ учебномъ году для школьнай библіотеки-читальни этого училища книги на 85 р. и въ послѣднее время деньгами 50 р. на переплетъ книгъ и улучшеніе библіотеки. Попечитель Ивинскаго училища Н. И. Фершуковъ выстроилъ при училищѣ на свои средства баню, стоимостью не менѣе 100 р.“

Вообще вопросъ о „циваркахъ“ для школьнниковъ получилъ въ началѣ

учебнаго сезона довольно острый характеръ. Да оно и понятно: на голодный желудокъ не идуть въ голову даже нехитрыя познанія, требуемыя программой низшихъ учебныхъ заведеній! Пишущій эти строки имѣлъ возможность лично убѣдиться, какъ замѣтно понижается успѣшность школьніковъ во время постовъ.

„Опыты устройства въ школахъ горячихъ приварковъ для дѣтей, пишетъ „Полтавск. Вѣсти“, — произведены въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во Владимірской губерніи, по почину мѣстнаго губернскаго земства. При организаціи этого дѣла количество нуждающихся въ приваркѣ опредѣлено на школу въ 20 учащихся, а стоимость приварка на одного въ день — $1\frac{1}{4}$ коп., при чмъ приваркомъ было рѣшено снабжать въ морозные дни, приблизительно 20 дней до Великаго поста и 35 учебныхъ дней въ посту; весь расходъ на школу исчисленъ въ 13 р. 75 к. Въ настоящее время все учителя и учительницы, производившіе опыты, свидѣтельствуютъ, что горячая пища, встрѣченная съ живою радостью учениками и ихъ родителями, не замѣдила дать весьма благопріятные результаты: успѣхи учениковъ повысились, школы посѣщались болѣе исправно, и въ физическомъ состояніи учащихся замѣчалось общее улучшеніе. Средства для этого нововведенія давали уѣздныя земства и мѣстные благотворители или сами родители учениковъ“.

По словамъ „Орловскаго Вѣстника“, въ Орловскомъ реальному училищѣ „предполагается въ ближайшемъ будущемъ“ ввести для учащихся завтраки, при чмъ за мѣсячную плату въ 25 к. будетъ отпускаться чай и сахаръ, бѣ-

лый же хлѣбъ желающіе получаютъ за особую плату.

Было бы очень желательно, чтобы всѣ земства, всѣ дирекціи средне-учебныхъ заведеній обратили самое серіозное вниманіе на такія сть первого взгляда какъ-будто и „мелочи“, какъ „чай“ и „приварки“.

Какъ отрадное явленіе, отмѣтимъ здѣсь также, что въ Иркутской мужской гимназіи, по словамъ „Восточн. Обозрѣнія“, предполагается въ текущемъ году устройство „литературныхъ бесѣдъ-диспутовъ“, подъ руководствомъ преподавателя словесности.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать при этомъ, что успѣшность подобныхъ бесѣдъ прежде и послѣ всего находится въ непосредственной зависимости отъ личности самого руководителя; самодѣятельности и умственной самостоятельности учащихся должно быть отведено первенствующее мѣсто. Учитель долженъ быть прежде всего человѣкомъ въ истинномъ и великому значеніи этого слова. Только въ этомъ случаѣ возможно довѣріе къ нему со стороны учащихся. Безъ довѣрія же „бесѣды“ превратятся въ очень утомительное и скучное переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Въ общемъ довольно-таки грустное впечатлѣніе производить отчетъ Астраханской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ за 1903 годъ, данные котораго приведены за послѣднее время „Астраханскимъ Листкомъ“. На первый взглядъ все какъ-будто обстоитъ благополучно. „Отношеніе бывшихъ питомцевъ къ колоніи самое благожелательное“, — такъ пишетъ газета. Однако, эта же газета въ томъ же отчетѣ сообщаетъ, что изъ 19 выбывшихъ за годъ воспитанниковъ 4 бѣ-

жали; затѣмъ лишь о шести изъ нихъ известно, что они такъ или иначе устроились; „участъ же остальныхъ неизвѣстна“. Затѣмъ самое количество часовъ рабочаго времени не кажется намъ нормальнымъ: какъ лѣтомъ, такъ и зимой „малолѣтніе“ работаютъ 10 часовъ въ сутки! Даже для взрослыхъ норма работы по существу не должна превышать 8—9 часовъ. Конечно, это „преступники“: но вѣдь поди же... Поражаетъ также и количество часовъ для сна: лѣтомъ на сонъ полагается $8\frac{1}{2}$ часовъ, а зимою $9\frac{1}{2}$ часовъ! Выходитъ, что дѣти только и есть что работаютъ, ёдятъ и спятъ. А гдѣ же заботы о нравственномъ развитіи воспитанниковъ? Немудрено, что, по словамъ той же газеты, „всего въ теченіе года совершено проступковъ: побѣгъ и покушеніе 18, противъ нравственности 8, грубость старшимъ 9, кража и покушеніе на нее 5, куреніе 41, употребленіе спиртныхъ напитковъ 11, непослушаніе и отказъ отъ работы 5, грубость младшимъ служащимъ 19, обманъ и ложь 14, лѣнность и небрежность 34, пріобрѣтеніе недозволенныхъ вещей 15, растрата вещей 17, драки 9, нарушеніе благочинія въ церкви 2, шалость и беспорядки (?) 21 и прочіе поступки (?) 39, всего 257 случаевъ“. Это констатируетъ сама администрація колоніи. Впрочемъ, и въ газетѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „Неудачный выборъ воспитателей сильно отразился на нравственной сторонѣ питомцевъ: стали учащаться побѣги, растрата вещей, грубость старшимъ, проступки противъ нравственности, пріобрѣтеніе недозволенныхъ вещей и употребленіе спиртныхъ напитковъ“. А между тѣмъ, „стойкость годичного содержанія одного вос-

питанника“ равнялась почтеннѣй суммѣ—384 р. 84 коп. (32 р. 7 к.—мѣсяцъ). Однимъ словомъ, по всей видимости, въ астраханской колоніи нетъ людей. Это тѣмъ болѣе грустно, что колонія имѣть хорошія средства для прекрасной постановки дѣла; такъ, за 1903 г. приходный бюджетъ колоніи выразился суммой 13.274 р. 38 к.; капиталъ колоніи въ деньгахъ и имущество къ 1904 г. равнялся 69.345 р. 85 к.; да въ эту сумму еще не вошла земля въ количествѣ 387 дес. 480 саж., находящаяся въ пользованіи колоніи, такъ какъ она принадлежить казнѣ и колонія отведена въ безсрочное пользованіе. Повторяемъ, малолѣтніе-преступники тѣ же люди. Да, вдобавокъ, и даютъ они своимъ трудомъ колоніи не мало... Дѣятельность однихъ мастерскихъ, производившаяся только зимой (лѣтомъ работаютъ въ полѣ), дала около 850 руб.

Случай непростительно халатнаго отношенія къ дѣтямъ имѣлъ мѣсто въ г. Мелитополѣ.

„12-го сентября мелитопольскій уѣздный врачъ Александровъ сообщилъ исправнику, что еврей Лейба Файнбергъ боленъ проказой бугорчатой формы и язвеннымъ процессомъ; онъ живетъ здѣсь безъ семьи, средствъ не имѣть. Въ виду означенной болѣзни, Файнбергъ долженъ быть отправленъ въ убѣжище для прокаженныхъ въ Ямбургъ. Говорить, что Файнбергъ живетъ въ Мелитополѣ пять лѣтъ, занимаясь обучениемъ дѣтей,— онъ меламедъ. Нужно себѣ вообразить, замѣчаетъ „Салгиръ“,— сколько онъ могъ за это время заразить дѣтей, находившихся съ нимъ въ близкомъ общеніи, и знакомыхъ. Какъ могло случиться, что одержимый этимъ ужас-

нымъ недугомъ, которого никакъ скрыть нельзя, могъ цѣлыхъ пять лѣтъ жить, учить, соприкасаться съ людьми, оставаясь въ неизвѣстности относительно своей тяжкой болѣзни?»

Печальную также исторію сообщаетъ газета „Русь“ о небезызвѣстныхъ дѣтскихъ колоніяхъ Видемана.

„Ежегодно въ маѣ набирается коллекція петербургскіхъ дѣтишекъ, изнуренныхъ зимнимъ трудомъ, больныхъ или уродливыхъ, ихъ д-ръ Видеманъ увозитъ въ Аренсбургъ на поправку на все лѣто. Родители охотно довѣряютъ своихъ ребятъ, потому что имъ кажется, что столь усердно рекламируемое дѣло стоитъ на прочныхъ ногахъ, да и плата недорогая.

Въ этомъ году въ Аренсбургъ уѣхало человѣкъ 50—60. Между ними—11-тилѣтній ревматикъ, сынишка г-жи А. О. фонъ З—нъ. Прошло лѣто. Пароходъ „Константина“, нагруженный видемановскими дѣтишками, возвращается изъ Аренсбурга въ Петербургъ. Мать разсчитала, что 6—7 августа пароходъ будетъ въ Гапсалѣ и 8—9 ея сынишка въ Петербургѣ, но какое-то тяжелое предчувствіе угнетало ее весь день наканунѣ предполагаемой встречи съ сыномъ. Съ горячимъ нетерпѣніемъ ожидала она прибытія поѣзда на Балтийскомъ вокзалѣ. Но вотъ и поѣздъ. А ребенка нѣтъ... Обезпокоеной матери сообщаютъ, что ея сынъ „утонулъ въ Гапсалѣ“, и вместо всякаго утѣшенья начинаютъ бранить бѣдняжку, называя его „буяномъ, сующимъ носъ всюду, куда не слѣдуетъ“ и т. п. При этомъ учительница — надзирательница, сопровождавшая транспортъ 60 дѣтей на пароходѣ, на которомъ даже врача не было (несмотря на то, что дѣтей въ колонію брали завѣдомо больныхъ),

предупреждаетъ убитую горемъ мать: „не вѣрьте тому, что вамъ будуть говорить дѣти“. А дѣти говорять о „разбитой скулѣ и обѣ окровавленномъ лицѣ“ утонувшаго... И странное дѣло, на трупѣ несчастнаго ребенка, найденнаго много дній позже за 14 верстъ отъ Гапсаля, ясно видны слѣды поврежденія на лицѣ. Что же случилось? Какъ попалъ мальчикъ въ воду? Какъ очутился такъ далеко отъ лица, обязавшихся позаботиться о немъ? На запросы и письма осиротѣлой матери, докторъ Видеманъ не удостоилъ даже дать отвѣта... Но, быть можетъ, слѣдствію удастся выяснить многое... Родителямъ, довѣряющимъ свою дѣтей на 2—3 мѣсяца лицамъ, обязующимся смотрѣть за ними, какъ за своими, весьма полезно будетъ узнать закулисную сторону „заботливаго надзора“—и убѣдиться въ томъ, что было причиной безвременной смерти богато одареннаго ребенка,—легкомысленный недосмотръ или... дурное обращеніе, побудившее мальчика къ бѣгству, если не къ самоубийству“.

Возмутительный фактъ оставленія на произволъ судьбы ребенка передаетъ „Русскій Листокъ“. Въ желѣзно-дорожномъ поѣздѣ, вышедшемъ изъ Москвы, въ одномъ изъ вагоновъ оказался прилично одѣтый мальчикъ лѣтъ 4-хъ. Онъ расхаживалъ по вагону, заложивъ ручки въ карманы, и по временамъ вѣжливо спрашивалъ у пассажировъ, скоро ли поѣздъ придется въ пріютъ? Пассажиры недоумѣвали, про какой пріютъ идетъ рѣчь. У ребенка спрашивали, съ кѣмъ онъ ёдетъ. Оказалось, что одинъ. На станціи Люберцы ребенка передали жандармской полиції. На разспросы онъ, путая свое имя (Вася-Коля), рассказалъ, что папа въ

Москвъ съ мамой Вѣрой Николаевной. Мама не очень давно свезла его въ Петербургъ. Тамъ она привезла его къ дядѣ какому-то, а сама уѣхала. Дядя свезъ мальчика обратно въ Москву, привезъ его на Казанскій вокзалъ, посадилъ въ поѣздъ безъ билета, далъ ему копейку (мальчикъ показалъ ее) и сказалъ: „Поѣзжай! Я тебя опредѣлилъ въ пріютъ, тамъ ты будешь жить и учиться. Поѣздъ знаетъ, въ какой пріютъ тебѣ нужно“. Дядя ушелъ, а малютка поѣхалъ. Два дня ребенокъ жилъ у жандармовъ; теперь его временно пріютилъ до выясненія его судьбы приставъ 1-го стана Московскаго уѣзда г. Быстровъ.

Не менѣе, если не болѣе возмутительную исторію разсказываетъ нѣкто г. Секачевъ въ „Астраханск. Листкѣ“:

„6 октября, за вечернею службою, въ кладбищенской Духосошественской церкви, принесены были для отпѣванія и преданія землѣ четыре младенца, въ возрастѣ отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 1 $\frac{1}{2}$ г. приблизительно, при чёмъ самый большой изъ этихъ младенцевъ обратилъ вниманіе публики свою сияющею спокойною фігурою, нисколько не походящею на мертвѣца и какъ бы говорящею о присутствіи въ немъ жизни. Вслѣдствіе чего я и многіе изъ публики, осмотрѣвъ этого ребенка, пришли къ убѣждѣнію, что ребенокъ этотъ находится въ летаргіи или схожей съ нею дѣтской болѣзни. А такъ какъ въ числѣ публики не было ни одного врача, который могъ бы констатировать смерть ребенка, и зная по опыту, что почти все безъ исключенія врачи выдаютъ свидѣтельства роднымъ о смерти ихъ младенцевъ, ограничиваясь представляемыми имъ сигнатурками отъ лѣкарствъ, на основаніи коихъ

опредѣляютъ родь и причину болѣзни и смерти, а потому не желая, чтобы ребенокъ былъ похороненъ заживо, я заявила сомнѣніе свое въ дѣйствительной смерти ребенка священику, подошедшему совершать обрядъ погребенія, но послѣдній спросилъ меня, кѣмъ я прихожусь указанываемому мною ребенку, и, узнавъ отъ меня, что я для него совершенно посторонній, отвѣтилъ мнѣ въ самой грубой формѣ, что онъ, имѣя отъ полиціи билетъ на погребеніе, не считаетъ нужнымъ обращать вниманіе на кого бы то ни было, а въ особенности на меня, какого-то, по его выраженію, мужика. Послѣ чего я категорически потребовалъ пригласить врача и полицію для составленія протокола констатированія дѣйствительной смерти того ребенка, но никто по вызову не явился, въ виду же того, что было время уже позднее, я повторилъ свое заявленіе о мнимой смерти ребенка, попросилъ поставить его въ усыпальницу впередъ до пріѣзда врача и полиціи, оставилъ у смотрителя кладбища полный свой адресъ.“

Сдѣлано ли что-либо по этому поводу, мнѣ пока неизвѣстно, и жаль будетъ, если предположенія мои и многихъ изъ публики о мнимой смерти ребенка вѣрны и ребенокъ будетъ похороненъ безъ освидѣтельствованія его врачомъ.

Что же касается заявленія священника, что будто бы онъ имѣть право совершать погребеніе, не обращая вниманія на заявленія стороннихъ лицъ о ихъ предположеніяхъ мнимой смерти, то это едва ли такъ. Вообще, я желалъ бы быть уведомленнымъ, — дѣйствительно ли ребенокъ былъ мертвъ, а мои предположенія, какъ не специалиста-врача, ошибочны, но не заслуживающія порицанія“.

Что читать детям?

Комментарий к этому факту, полагаемъ, излишни.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ г. Николаевѣ. Правда, случай этотъ не можетъ служить иллюстраціей къ взаимоотношеніямъ „отцовъ и дѣтей“; но зато онъ, какъ намъ кажется, затрагиваетъ очень важный вопросъ о чрезмѣрной чувствительности, о преждевременномъ развитіи дѣтей; вопросъ, на который слѣдовало бы обратить особенное вниманіе въ „нашъ первый вѣкъ“. Преждевременно развивающійся, болѣзнико-впечатлительный ребенокъ, конечно, очень милъ и часто приводитъ въ восторгъ и родителей, и всѣхъ его окружающихъ... Но нормально ли это развитіе, и не имѣть ли оно нерѣдко самые плачевые результаты, не влечетъ ли оно за собой переутомленіе въ юношескомъ возрастѣ? — Все это вопросы, надъ которыми слѣдуетъ серіозно подумать родителямъ и воспитателямъ.

„Двѣнадцатилѣтній мальчикъ Андрей Романовъ, пишетъ „Русск. Слово“, — не на шутку влюбился въ дѣвочку своихъ лѣтъ, нѣкую Н. Онъ часто бывалъ въ домѣ родителей Н. въ качествѣ гостя. Дѣвочка не отвѣтила на чувство и стала замѣтно избѣгать своего поклонника. Эта холодность довела бѣднаго Андрюшу до отчаянія.

— Мамочка, я хочу покончить съ собой, сказалъ онъ однажды, убѣдясь окончательно въ безнадежности своей любви.

Принявъ эти слова за шутку, мать же придала имъ никакого значенія. На-дняхъ, послѣ скоры съ любимою дѣвочкой, Андрюша направился въ купальню и бросился тамъ въ воду... Мальчикъ былъ хорошій пловецъ. Едва вынырнувъ, какъ ему бросили

спасательный кругъ. Несчастный... отвергъ эту помощь и пошелъ ко дну. Среди купальщиковъ произошелъ невыразимый переполохъ. Спустя 5 часовъ, трупъ мальчика былъ найденъ портовымъ водолазомъ. Въ платѣ нашли записку. Въ ней мальчикъ писалъ о своемъ рѣшеніи умереть оттого, что „она“ не желала притти на свиданіе...

B. Измайлова.

Что читать детямъ?

42. Шо островамъ Ладожскаго озера. Очеркъ Вл. А. Попова. Съ 30-ю рисунками.

Для знакомства съ Ладожскимъ озеромъ, этимъ моремъ прѣсной воды въ Европѣ, предлагаемая книжечка представляетъ интересное и наглядное пособіе. Она можетъ быть прочтена съ пользою и взрослымъ, и школьнікомъ. Столичному населенію трудно придумать болѣе подходящую экскурсію въ область природы и человѣческаго труда. Валаамская обитель и ея иконы представляютъ любопытный примѣръ этого послѣдняго. Величественная природа Валаамскаго архипелага, покоренная трудами человѣка, представляетъ интересъ и для туриста, и ученаго; ея живое описание и приложенные фотографіи даютъ поучительныя картинки изъ жизни нашей обширной страны. Отечество наше такъ мало описано въ доступной и интересной формѣ, что появление возможно большаго числа такихъ книгъ крайне желательно.

Издана книжечка весьма тщательно, шрифтъ крупный и четкий, и потому цѣна (40 коп.) не высока.

Ф. Шубинъ.

43. Очерки изъ животнаго царства. Животныя въ мидахъ, преданіяхъ, исторіи и біологии. А. В. Зеленина.
Съ рис. Цѣна 1 р. Изд. П. П. Сойкина.

Эта книга содержитъ въ себѣ 7 очерковъ, посвященныхъ слѣдующимъ животнымъ: голубю, змѣю, быку, орлу (и другимъ хищнымъ птицамъ), пчелѣ, кошкѣ (и родственнымъ ей животнымъ) и науку. Каждый очеркъ имѣеть двѣ главы, одну, излагающую миѳы и преданія о животныхъ, другую—біологію послѣднихъ. Первая глава содержитъ много очень интересныхъ историческихъ и миѳологическихъ фактovъ, собранныхъ, впрочемъ, безъ всякой системы. Нѣкоторые изъ нихъ такъ кратки, что могли бы легко быть выпущены. Вторая глава каждого очерка содержитъ обыкновенное описание жизни и нравовъ животнаго, составленное по Браму и другимъ источникамъ. Описание гладкое, вполнѣ правильное и достаточно занимателное. Особенно интересенъ очеркъ объ орлѣ и о кошкѣ. Книга издана прилично, съ недурными рисунками; въ ней 179 страницъ. Книгу эту можно дать дѣтямъ старшаго возраста, хоть собственныя достоинства она не имѣеть, такъ какъ миѳологическая часть ея не систематизирована, представляется, такъ сказать, сырой матеріалъ, а біологическая, конечно, уступаетъ Браму и другимъ сочиненіямъ. Животныя, излагаемыя въ разбираемомъ произведении Зеленина, имѣютъ тоже какой-то случайный характеръ, и почему именно имъ, а не другимъ, авторъ посвятилъ свои очерки,—неизвѣстно.

К. Яцута.

44. Путешествіе вокругъ свѣта.
Э. Р. Циммермана. Издание Николаева.
Москва. 174 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книгѣ описывается путешествіе, которое авторъ предпринялъ изъ Москвы въ Венецію, а оттуда къ берегамъ Тихаго океана. Авторъ изъ Венеціи проѣхалъ по Суэцу, Красному морю и Индійскому океану, поѣхав Южную Австралию, Викторію, Тасманию, Южный Уэльсъ, Новую Каледонію, Новую Зеландію, Гаванскія острова, Санть-Франциско и другие мѣстности и города. Изложеніе книги интересно и поучительно, но языкъ мѣстами чисто московскій: ошпарить, дошель, утроба и т. д. Вообще же книга имѣеть свои достоинства, жаль только, что въ ней нѣтъ рисунковъ. Цѣна сравнительно высокая.

К. Я.

45. У себя на дачѣ. Ночная жизнь.
Л. А. Любич-Котурова. Скворцы.
М. Себодина.

Эти три тоненькия брошюрки съ недурными картинками имѣютъ въ виду, надо думать, и забавлять малышей и привлекать къ природѣ. Рѣчь здѣсь идетъ о грачахъ, насѣкомыхъ, скворцахъ. О такой беллетристикѣ, мѣшающей болѣе или менѣе повѣствовательное, сказочное содержаніе съ сообщеніемъ извѣстныхъ познаній,—намъ приходилось уже отзываться не однажды. Въ большинствѣ случаевъ подобное сочинительство разрѣщаются пустоватостью или даже пошловатостью. Блѣдный и вымученный дидактизмъ, конечно, наскучиваетъ. И литературные поддѣлки, болтающія о животныхъ, покажутся болѣе веселыми и живыми юному читателю. Но намъ всегда представлялось, что игры и развлечения — одно, книжка — нѣчто другое; со своими задачами къ послѣдней и самъ ребенокъ относится по-своему и, видимо, посеріознѣе иныхъ взрослыхъ. Юнецъ, пожалуй, и много смеется, но съ преобладаніемъ малосознательныхъ и чисто физиологическихъ нотъ.

Г. Любич-Котуровъ, сдерживаясь въ нѣкоторыхъ границахъ какъ бы фельетоннаго острозвоя въ „Разсказѣ изъ

жизни грачей" и "У себя на дачѣ", вовсе развязывается въ "Ночной жизни" ("изъ жизни наскомыхъ"), спускаясь до бойкости ходячихъ карикатурныхъ изданій: "По вечерамъ въ саду можно было видѣть комара-капельмейстера"... "Жоржемъ онъ прозвалъ себя самъ, а въ паспортѣ у него стояло: подольский мѣщанинъ Григорий Комаръ"... Жоржъ поетъ: "Непонятны ей стремленья въ высь парящихъ нѣжныхъ чувствъ, никто не смыслить въ пѣни, въ этомъ высшемъ изъ искусствъ..." и т. д. и т. д. Словомъ, порядкомъ и плоской и не нужной ровно никому "юмористики" въ вышеназванныхъ очеркахъ г. Любича-Котурова.

У г. Свободина побольше и свѣдѣній и всяческаго правдоподобія. Формой своего изложенія онъ также старается потѣшать читателей, прибегаетъ и къ аляповатымъ стишкамъ; но крайностей г. Любича-Котурова у него нѣтъ.

A. Налимовъ.

Отзывы о разныхъ книгахъ.

Срединная имперія Климатъ, почва, племена, богатства, духовная жизнь и учрежденія Китая. Элизе и Онэзимъ Реклю. Переводъ съ франц. О. Косаговскаго.

Кто хочетъ уяснить себѣ, какое участіе въ ходѣ міровыхъ событій можетъ принимать теперь нейтральный Китай,—охотно прочтеть живо написанную книгу указанныхъ авторовъ. Послѣ краткаго, но весьма остроумнаго и поучительного сравненія Дальн资料 Востока съ дальнімъ Западомъ, авторы на основаніи строго провѣренного материала рисуютъ религію, бытъ и нравы собственного Китая,—этого человѣческаго муравейника, который никого не беспокоитъ, пока его не расшевелили. Особое вниманіе обращено на отноше-

ніе Россіи и европейскихъ народовъ къ Китаю. Повидимому, Китай играетъ ту же игру съ европейцами, что и Японія уже сыграла: онъ принимаетъ бѣлыхъ учителей, пока, самъ вооруженный всѣми усовершенствованіями запада, не удалить ихъ наподобіе Японіи вмѣстѣ съ непрошенными гостями, занявшиими его территорію. Авторы тщательно выбрали факты самосознанія китайцевъ и приводятъ любопытныя строки (стр. 180, 181). Когда, во время франко-тонкинской войны въ Тонкинѣ, обнаружилось безспасіе Китая передъ иностранцами, въ "мандаринскомъ" мозгу созрѣла мысль о необходимости желѣзныхъ дорогъ, хотя бы для стратегическихъ и оборонительныхъ цѣлей".

Разбирая положительныя и отрицательныя стороны китайского быта и управлениія, авторы на основаніи фактovъ дѣлаютъ выводъ (стр. 208): "Итакъ, Срединное царство зашевелилось. Это огромная неожиданность для средняго человѣка, считавшаго Китай вычканеннымъ разъ навсегда, застывшимъ наѣки, несмотря на то, что вся исторія этой страны учитъ какъ разъ противному. Вѣдь безусловно несправедливо говорить о неподвижности Срединного царства еще и потому, что нигдѣ, кроме него, не происходило столько глубокихъ, потрясающихъ переворотовъ и перемѣнъ въ системѣ управления. Измѣнныя образомъ свою жизнь, сыны „Средины“ поступали согласно принципу одного изъ древнѣйшихъ своихъ мудрецовъ, Конфуція: если хочешь совершенствоваться, обновляйся ежедневно. Измѣняютъ китайцы замѣтно свою жизнь и теперь. Какъ это дѣлается, — прекрасно отвѣчаетъ книга братьевъ Реклю, которой, при деше-

вой цѣнѣ (90 коп.), надо пожелать самаго широкаго распространенія.

Ф. Шубинъ.

Японія и Японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японіи. Соч. Эрнеста фонъ Гессе-Вартегъ. Перев. подъ ред. и съ примѣчаніями Д. И. Шрейдера. 2-ое изд. Изд. Дебриена.

Переводъ книги извѣстнаго путешественника Гессе-Вартега, сдѣланнаго подъ редакціей г. Шрейдера, и его примѣчанія и дополненія даются для настоящаго момента самую подходящую книгу. Тутъ талантливо и живо описаны природа и жизнь „страны пѣнія и танцевъ“, какъ называетъ Японію путешественникъ, восхищенный красотами южныхъ острововъ ея. Тутъ любопытныя картины современного состоянія японской промышленности и торговли. Много важныхъ, свѣдѣній разсѣяно въ разныхъ главахъ о надеждахъ и чаяніяхъ японцевъ. Живыя описанія страны и жителей не разъ даютъ возможность наблюдательному европейцу высказаться о преимуществахъ и недостаткахъ японской культуры; въ этой послѣдней, какъ онъ фактически доказываетъ, есть извѣстная самостоятельность и оригинальность, заслуживающая подражанія. Упрекать ли автора, описывавшаго страну хризантемъ, за то, что онъ слишкомъ много места далъ описанію японской женщины, когда онъ пишетъ вотъ что (стр. 74): „Японскія дамы не носятъ на шляпкахъ чучель птицъ, крылышекъ жуковъ, перьевъ и тому подобныхъ варварскихъ украшеній. Они не прокалываютъ себѣ ушей, чтобы продѣть тяжелыя украшенія изъ драгоценныхъ металловъ и камней; они не втискиваютъ своихъ нѣжныхъ

ножекъ въ тѣсные башмаки, а что касается этого панцыря изъ стали и китового уса, которымъ наши дамы зашнуровываются, чтобы придать себѣ, по выражению одного китайского мандарина, видъ осы, — то онъ имъ даже совсѣмъ непонятенъ“.

Приложенія, сдѣланныя въ русскомъ изданіи къ книгѣ Гессе-Вартега объ Японіи, какъ нельзя болѣе кстати отвѣчаютъ запросамъ современнаго читателя. Вотъ заглавіе этихъ приложеній: Японія и Корея, Корея въ 1894 г., Торговля и новые торговые города Кореи, Россія и Японія въ Кореѣ. Изящная виѣшность изданія, масса великолѣпныхъ иллюстрацій заставляютъ признать цѣну книги (5 р.), недорогою.

Ф. Шубинъ.

Сокровища искусства. Картины знаменитыхъ мастеровъ. Текстъ В. Бодэ и Фр. Кнаппа, переводъ и дополненія подъ редакціей А. Н. Бенуа. Издание товарищества „Прогрессъ“. Вып. I.

Роскошное изданіе. Картины воспроизведены съ мѣдныхъ досокъ въ большомъ форматѣ и отпечатаны превосходно, на великолѣпной бумагѣ. Въ 1-мъ выпускѣ даны четыре картины: „Портретъ неизвѣстнаго“ Рембрандта (Спб. Эрмитажъ), „Аллея у канала“ Гакерта (Амстердамъ), „Любовь небесная и любовь земная“ Тициано Вечелліо (Римъ), „Мистрись Карнакъ“ Рейнольдса (Лондонъ); къ нимъ интересный текстъ на 5 листахъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 25 выпусковъ и стоить 75 рублей. Сумма большая, но по качеству изданія это не дорого. Его слѣдовало бы приобрѣтать среднимъ учебнымъ заведеніямъ для того, чтобы развѣшивать картины въ рамкахъ по стѣнамъ коридоровъ и классовъ. Такая мѣра сослужила бы хорошую службу для развитія въ дѣтяхъ вкуса къ истинно прекрасному и художественному. А.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.